

26.8
С.18

АЙВЕН

САНДЕРСОН

Книга Великих
джунглей

АЙВЕН
САНДЕРСОН

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

С 1

АЙВЕН САНДЕРСОН

*Книга
Великих Джунглей*

104650/1

ДРОФД
МОСКВА
2002

у

26.89(0)

(90)

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Сое)-44я5
С 18

Серия основана в 1994 году

**Иллюстрации
Е. Шелкун**

ISBN 5-7107-6346-2

© Перевод, Савельев К., 1998
© Иллюстрации, Шелкун Е., 2002
© ООО «Дрофа», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одно из моих самых ранних воспоминаний — неуслержимая тяга к живым, растущим, зеленым вещам. Возможно, это было естественной реакцией на мрачно-позитный облик города, где мне довелось родиться, шотландского Эдинбурга, в окрестностях которого я провел первые пять лет своей жизни. Я понимаю, что в Исландии, почти безлесной и гораздо более суровой стране, растения чаще встречаются в горшках на подоконниках, чем в открытом грунте. Но Шотландия — сравнительно зеленая страна, особенно на западном побережье, где мои предки-рыбаки обитали едва ли не испокон веку. Так откуда же взялась эта странная тяга к тропикам, владевшая мною с малых лет? Я не помню, чтобы мне показывали изображения кокосовой пальмы или бананового дерева, но, когда моя семья переехала во Францию, кто-то, должно быть, рассказал мне о джунглях. Это и решило дело!

На юге Франции, в древнеримской провинции, которая теперь называется Провансом, было нечто необъяснимо привлекательное для меня даже в раннем детстве. С

побережья Северной Африки задувал мистраль, прятавший солнце за туманной дымкой; вокруг круглый год росли пальмы; на виноградных листьях поблескивала утренняя роса, а пляжи — это было задолго до наступления эпохи бикини — являли взору девственно-белый песок, на котором лишь кое-где попадались ярко раскрашенные рыбацьи лодки, лежавшие между кучами сетей и старых бочонков. Запах южных ветров, казалось, заключал меня в свои объятия, подобно извивающимся отросткам тропических лиан. Я учился читать почти вдвое дольше, чем обычный ребенок, поэтому немного запоздал с нормальным процессом образования. Однако мой дядя, который провел двадцать пять лет в тропиках, подарил мне книгу под названием «Малайский архипелаг», написанную Альфредом Расселом Уоллесом¹. После этого я очень быстро научился читать.

Все это было так давно и далеко, что я не могу припомнить точную последовательность событий. Но, честно говоря, меня не слишком волнуют разные «как» и «почему», поскольку с ранней юности передо мной стояла лишь одна неотвратимая цель: джунгли.

Я встретил свой семнадцатый день рождения на вершине великой пирамиды Хеопса, потому что мой проводник напился в стельку (наступил священный месяц *Рамадан*, и он спрятал бутылки под бурнусом), а в джунгли я впервые попал два месяца спустя, на Цейлоне. Полтора года я бродил по свету, путешествуя по Ост-Индии с приятелем моего возраста из Ахи на Северной Суматре; прошел от Сайгона до Кантона с другим приятелем, молодым кантонцем, который всего лишь хотел попасть домой; перепорхнул через острова Тихого океана и приземлился в Америке. Оттуда мне пришлось добираться

¹ Уоллес Альфред Рассел (1823 — 1913) — английский естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии. На материале собственных исследований флоры и фауны Малайского архипелага создал (одновременно с Ч. Дарвином) теорию естественного отбора.

ей домой — нелегкая задача для подростка без средств в 1928 году.

Когда я поступил в Кембриджский университет, этот храм науки — и по моему мнению, один из лучших, если дело касается естественных наук, — то узнал от старших одну истину о вещах, которые уже видел собственными глазами. Это, скажу я вам, было настоящее «прозрение»! И до сих пор не оправился от потрясения и даже после тридцати лет работы в джунглях, боюсь, вынужден сделать несколько замечаний.

Разные типы того, что называется «природной средой», на поверхности нашей планеты варьируют в весьма широких пределах. Существуют ледовые шапки на полюсах, великие песчаные пустыни, открытая поверхность океанов, прерии и так далее. Будучи поверхностными, эти виды природной среды остаются более или менее доступными для человека. Однако есть и другие среды, не столь легко достигаемые, такие, как пещеры, дно океанов и внутренние части ледовых шапок. Лишь одна поверхностная черта обладает свойствами подповерхностных: так называемые джунгли. Это огромные комки растительности, скрытые в глубинах тропических лесов как Старого, так и Нового Света. Это гигантские, живые, дышащие сущности, управляемые особыми законами. Можно сказать, они образуют сердцевину жизни на нашей планете. Там, и только там, растительная и животная жизнь достигает истинного расцвета. Но об этом мне никто не рассказывал; пришлось постигать это самостоятельно.

Как мне удалось выяснить путем расспросов и исследований, понятие сплошного вечнозеленого покрова сырых тропических лесов было довольно расплывчатым. Не проводилось различия между первичными, оригинальными, девственными (называйте как хотите) «джунглями» и пышными тропическими лесами, а также другими лесными массивами экваториальной зоны. Однако я уже знал, что в тот момент, когда человек переходит из обычного леса в джунгли (имеется в виду рас-

стояние не более десяти шагов), то он переходит из одного мира в другой. Мне нравятся так называемые джунгли, но я не слишком люблю другие типы тропических лесов, хотя даже они для меня бесконечно лучше, чем ничтожные рощицы умеренного климата и бесконечные, унылые, практически стерильные хвойные леса севера. Когда вы вступаете в джунгли, если только вас заранее не настроили против них, то, возможно, впервые в жизни начинаете дышать по-настоящему. Жители Северной Европы почитали богиню Земли, но они не подозревали о существовании огромных растительных утроб, наполненных жизнью. В более высоких широтах люди лишь молятся о том, чтобы поскорее пришла весна и земля снова покрылась зеленью. В джунглях все растет круглый год. Мне нравилась и по-прежнему нравится эта идея.

По какой-то странной причине джунгли пользуются поразительно дурной репутацией среди людей, никогда не бывавших там. Мы говорим о «законе джунглей», а среднего человека бросает в дрожь при одной мысли о джунглях, не говоря уже о возможности жить там. Это в равной степени относится к средним обитателям тропических лесов и к бледнолицым пришельцам. Подобное отношение многие годы озадачивало меня, но полагаю, оно обусловлено тем простым фактом, что менее ста лет назад западные люди вообще ничего не знали о джунглях, а те немногие, кто начал писать о них, никогда не были там и строили свои отчеты — как наш добрый друг Редьярд Киплинг — на том, что им было известно о других тропических лесах. Таким образом, первоначальная картина, полученная нами, была совершенно ложной, но как раз она-то и получила мощное подкрепление благодаря киноиндустрии. Как ни странно, «Тарзан» Эдгара Райса Берроуза в своей первоначальной форме был ближе к истине, чем все остальные. Но к тому времени, когда Тарзан предстал перед зрителями на киноэкране, он был окружен животными, никогда не обитавшими в джунглях, иногда даже с других континентов.

Прожив в джунглях много месяцев, я просто не пере-вариваю такого рода «информацию». В мое время тропи-ки были опасным местом для белых людей. Там свиреп-ствовали болезни, буквально валившие с ног чувстви-тельных иностранцев: желтая лихорадка, малярия, дизентерия, фрамбезия, слоновая болезнь и другие ки-шечнополостные заболевания, не говоря уже о болезнях, вызванных недостатком витаминов и микроэлементов, таких, как бери-бери¹. Когда я впервые посетил Запад-ную Африку, она еще пользовалась славой «могилы бело-го человека». Но я знал, что если вы сможете оторваться от других людей и попасть в джунгли (если только не уне-сете болезнь с собой), то окажетесь в самом здоровом месте на свете, если не считать стерильной атмосферы полярных регионов.

Более того, там никогда не бывает слишком жарко или слишком холодно; там есть вода, хотя иногда вам нужно знать, где ее можно найти. Кров всегда рядом, а животным просто нет до вас дела. Насекомые во множестве слетаются на свет, но кусачих разновидностей в джунглях гораздо меньше, чем снаружи. Если вы откажетесь от одежды, и особенно от обуви, у вас не бу-дет проблем. Даже если вы поранитесь, то благодаря антибиотическим свойствам почвы джунглей, открытым лишь несколько лет назад, ранка заживет буквально на наших глазах. Вот он, ужасный мир кровавых клыков и когтей!

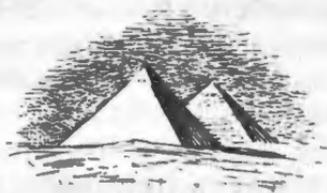
Иными словами, таковы джунгли, какими я вижу их после почти сорока лет стремления к ним, жизни в них и наконец изучения того, что было сказано о них другими людьми. Со мной жили сотни животных, пойманных в джунглях для изучения их повадок, предпочтений в еде, брачных привычек и взаимоотношений. Я вырастил у се-бя те экземпляры флоры джунглей, которые сумел доста-

¹ Заболевание, вызванное главным образом нехваткой в пи-ще витамина В₁ и проявляющееся в виде полиневрита, сердеч-но-сосудистых расстройств, отеков.

вить и сохранить в нашем жалком северном климате. В моем доме встречаются друзья из разных тропических лесов, и от них я узнаю много вещей, с которыми никогда не сталкивался, посещая их страны.

Это мои джунгли. Я лишь надеюсь, что в один прекрасный день вы сможете посетить их, пока они еще не распаханы бульдозерами и не превращены в ядерную пыль, увидеть поразительные растения и животных и познакомиться с замечательными людьми, живущими там.

Айвен Т. Сандерсон

Часть первая НАСТОЯЩИЕ ДЖУНГЛИ

Глава первая ОТ ДЖАНГХЕЛЯ К ДЖУНГЛЯМ

За два дня до окончания 1865 года в Бомбее родился близорукий англичанин довольно хилого телосложения. Это ничем не выдающееся событие более чем столетней давности определило сегодняшние представления о джунглях, бытующие среди большинства людей, так как англичанином был Редьярд Киплинг, один из самых знаменитых писателей на свете.

Подобно многим другим, он писал «джунгли», имея в виду любой из тропических лесов, покрывавших около одной седьмой поверхности суши. Подобно многим другим, до и после него, он не имел никаких личных впечатлений о наиболее прекрасных, величественных и таинственных лесах на земле. Он использовал их в качестве антуража для своих историй только потому, что не был

знаком с ними, и они привлекали его своей романтической неизвестностью.

Использование этого слова для обозначения любых тропических лесов объясняется типично английским пренебрежением к фактам и логике, доводящим до безумия некоторых студентов-языковедов. Во времена Киплинга словом «джунгли» обозначалась огромная территория, освященная присутствием британской армии, которую он так горячо любил и воспевал в своих стихах и рассказах.

Любой, кто читал рассказы Киплинга, должен знать, что английский офицер и джентльмен является ревностным охотником. В свободное время, как дома, так и за границей, он занимается преследованием и отстрелом несчастных животных, обитающих в ближайшей округе. Ни дождь, ни ветер, ни снег, ни жара или холод, ни горы или пустыни не в силах укротить его страсть к жестокой забаве. И когда изворотливые имперские политики отправили в Персию британских военных в обличье «дипломатических сотрудников», то те первым делом стали спрашивать: «Где здесь самая лучшая охота?»

Им отвечали, что газелей можно найти в редких колючих кустарниках персидских равнин, полупустынной местности, которую здешние жители называли «джангхель». Переложенное на простой английский язык, это слово вскоре вошло в обиход английских охотников-джентльменов, которые частенько выезжали «поохотиться в джунглях». Постепенно удобное выражение полюбилось едва ли не каждому, кто служил Британии в этой части света. Люди, которые им пользовались, очевидно, либо забыли о его происхождении, либо вообще не задумывались об этом.

Затем слово «джунгли» всплыло на жарких холмах Пакистанского Синда, куда были переведены многие из уже упомянутых джентльменов. Местность оказалась во многом похожа на ту, к которой они привыкли в Персии. Здесь жили львы, гепарды и другая крупная дичь, считавшаяся законной добычей белого охотника. Бесстрашные

англичане собирали богатые трофеи, жестоко страдая от пыли и жары и проклиная «ужасные джунгли».

После того как британские интересы переместились в Индию, англичане постепенно двинулись на юг этого многоликого субконтинента, пока не достигли Западных Гат — горного хребта, протягивающегося в обоих направлениях от Бомбея. Здесь есть настоящий тропический, вечнозеленый дождевой лес, состоящий из высоких колонноподобных деревьев с широколиственными кронами, образующими то, что называется «сплошным покровом». Получая все новые миссии от Британской империи, англичане проникали в Южную Индию, на Цейлон и в Бирму, где некоторые из них организовали добычу тиковой древесины.

Везде, куда бы они ни попадали, англичане отправлялись на охоту. Сначала местность лишь слабо отличалась от Персии или Синда, но, заблудившись и запутавшись в роскошной поросли тропического леса, они снова проклинали «ужасные джунгли». Почти каждый полковник, служивший в британской армии в Индии, опубликовал книгу о своих приключениях «на Востоке». Поскольку они много писали о своих увлечениях, то постоянно использовали слово «джунгли», со вкусом и подробно описывая выслеживание и убийство всяческих животных. Вскоре слово прижилось в Англии, а затем распространилось по всему миру.

Разумеется, о существовании тропических лесов было известно в течение многих веков, но почти никто на самом деле не углублялся внутрь (охотники знали лишь окрестности). Люди огибали эти места или проплывали через них по рекам. Ни примитивные племена, ни цивилизованные народы — никто не знал толком, что же находится внутри. Леса были рядом, но представляли собой такую же климатическую крайность, как ледяные шапки, которые мы знаем и видим снаружи, хотя ни эскимосы, ни европейские путешественники не исследовали их изнутри.

Британские охотники в «джунглях» были слабо образованными людьми, и их название для дождевого тропического леса так и не было принято наукой в качестве описания чего-либо. В сущности, ученые считают этот термин таким же бессмысленным, как и «динозавр», изобретенный французским школяром для описания окаменелых останков всевозможных крупных рептилий, которые являются или считаются вымершими. Динозавр — всего лишь популярное название для массы разных вещей, и джунгли попадают в ту же категорию.

Однако для людей вроде Киплинга слово «джунгли» звучало романтично. Читатели испытывали истинное удовольствие, знакомясь с воображаемым миром. Киплинг помещал туда не только те растения и животных, которых когда-либо видел, но и других, о которых знал лишь понаслышке, не заботясь о том, типичны ли они для джунглей и могут ли вообще жить там. В «Книге джунглей» усыновление Маугли стаей волков открывает этот легкомысленный каталог чудес. В Индии действительно есть волчьи стаи, но вероятность их появления в джунглях не более велика, чем в центре густонаселенного города, так как в этой части света волки обитают преимущественно в условиях лесостепи.

Джунгли Киплинга были вымышленной страной, описанной столь ярко, что читатели восприняли ее всерьез и стали распространять мифы среди других людей, не читавших книг. Вероятно, некоторые из них стали создателями знаменитых фильмов о Тарзана. Они многое позаимствовали у Киплинга и прибавили к этому богатый набор еще более абсурдных выдумок.

Эдгар Райс Берроуз, создатель замечательного персонажа, обитавшего в джунглях, в своих оригинальных историях придерживался более или менее реальной картины тропического леса со сплошным листовым покровом. Но те, кто обрабатывал его произведения для киносценария, свели воедино популярные предрассудки, связанные с джунглями. Хотя они так и не уточнили местонахождение «лесного дома» Тарзана, он, по-видимому,

расположен где-то в Африке. Здесь мы видим удивительную мешанину из животных, среди которых попадаются не менее странные экземпляры человеческой породы. Индийский слон занимает место африканского локсонота, принадлежащего к совершенно другому роду. В кронах деревьев над головой полно обезьян, висящих на хвостах, хотя из более чем 450 известных видов обезьян лишь 22 вида исполняют этот трюк, причем все они живут не в Африке, а в Западном полушарии. В этих фильмах люди и животные продираются сквозь густую стену растительности или используют ее для своих целей, хотя в настоящих джунглях вообще нет подлеска, о котором стоило бы говорить.

Время от времени мы видим льва, выслеживающего добычу или занимающегося другими делами. Стоит только посмотреть на льва, и если вы не дальтоник, то сразу же поймете, что он не принадлежит к такой среде обитания. Его желтовато-коричневая шкура отлично приспособлена для охотничьих угодий львиного прайда: песчаных кустарников или буро-коричневой саванны. Отнюдь не являясь «царем джунглей», лев попросту сдохнет от голода, если забредет в тропический дождевой лес.

На самом деле я видел одного-единственного льва, попавшего в настоящие джунгли. Бедное животное, очевидно, не отличалось сообразительностью и заблудилось.

Это произошло во время одной из моих поездок с целью сбора животных для музеев и лабораторий. Я находился не очень далеко от лагеря и, как всегда, наслаждался прогулкой в слабом зеленоватом свете, сочившемся сквозь плотную листву примерно в сотне футов над головой. Единственным моим оружием был сачок для ловли бабочек. Комфорт в джунглях легко достигается, если вы не напяливаете на себя слишком много одежды, а в тот день я чувствовал себя очень уютно в бледно-розовой шелковой пижаме.

Обогнув огромный поддерживающий корень, характерный для определенных деревьев в джунглях и напоминающий контрфорс готического собора, я увидел его. Без

сомнения, это был лев, и он испугался не меньше меня. Бедный зверь и без того был близок к панике, как случается со всеми животными, когда они попадают в совершенно незнакомое место, где не могут выжить. И тут, в пространстве между двумя корнями, размерами не уступавшем средней гостиной, перед ним внезапно предстало существо, какого ему еще никогда не приходилось видеть. Что касается меня, то я встревожился куда больше, чем если бы встретил этого льва в его естественной обстановке. Но по крайней мере, у меня было одно преимущество перед ним: я знал, кто он такой.

Какое-то мгновение мы просто смотрели друг на друга. Затем каждый из нас одновременно решил убраться подальше от этого места. Я повернулся, перепрыгнул через выступающий конец опорного корня и побежал со всех ног. Перед прыжком я краем глаза успел заметить, что лев на полной скорости удирает в противоположном направлении.

Позднее я понял, как он мог заблудиться. На окраине джунглей имелись небольшие полосы и куски саванны, и хотя ближайший из таких участков находился в восьмидесяти милях, лев мог сбиться с пути, переходя от одной прогалины к другой. По крайней мере, я направил его в нужную сторону; если бы он побежал за мной, то, пожалуй, мог бы свалиться в Гвинейский залив, так и не добравшись до саванны.

Когда я вернулся в лагерь — за удивительно короткое время, если учесть, что я не слишком сильный спринтер, — никто мне не поверил. Мне говорили, что я не мог увидеть льва поблизости, и, пожалуй, на их месте я сказал бы то же самое. Лишь когда я отвел людей на место происшествия, они убедились в моей правоте. Там, на мягкой сырой почве, остались четкие отпечатки львиных лап; ни у одной другой кошки нет таких больших подушечек. Отпечатки находились далеко друг от друга — должно быть, лев мчался огромными скачками.

Эти замечания о происхождении и значении слова «джунгли» ни в коей мере не приуменьшают развлека-

тельную ценность историй Киплинга или фильмов про Тарзана. Лишь когда люди вбивают себе в голову, что джунгли выглядят и функционируют именно так, а не иначе, необходимо сделать исключение.

Мне известен лишь один популярный автор, чьи отчеты о джунглях можно назвать превосходными (без сомнения, потому, что он бывал там лично). Это В. Г. Хадсон, написавший книгу «Зеленые особняки». Само название отлично характеризует эти леса. Очевидно, Хадсон знал и любил джунгли. Трудно решить, следует ли называть его англичанином или американцем; на самом деле, три страны могут заявить свои права на него, поскольку он родился в Аргентине и как натуралист изучал настоящие джунгли в Южной Америке. Его родителями были американцы, но впоследствии он жил в Англии. В наиболее известной книге Хадсона, несмотря на нелепый сюжет, мы встречаем подлинное описание поразительной красоты джунглей. Однако кинофильм «Зеленые особняки» стоит ниже всякой критики, даже для Голливуда. Европейские белые аисты позируют на фоне искусственных растений в обстановке не менее абсурдной, чем сам сюжет.

Широкое мировое признание «джунглей Киплинга-Тарзана» вполне объяснимо. До недавнего времени, почти до начала XX века, практически не существовало достоверных научных исследований о внутреннем строении тропических лесов со сплошным листовым покровом. Киплинг, к примеру, стал знаменитым писателем еще до того, как ученые начали задавать правильные вопросы о джунглях, не говоря уже о возможных ответах. Хадсон был одним из пионеров в поиске ответов, но обнаруженные факты не сочетались с выдумками.

Наука долго игнорировала джунгли по одной простой причине: люди считали, что изнутри все выглядит точно так же, как и снаружи. Если вы смотрите на джунгли от реки или с окраины, где дождевой лес заканчивается из-за отсутствия почвы или в силу других внешних условий, то видите сплошную стену плотной растительности, кас-

кадами ниспадающей на землю с вершин высоких деревьев. Эта мощная стена вполне соответствует распространенному представлению о том, как трудно проникнуть в джунгли и перемещаться внутри их.

Стена растительности доставила мне немало хлопот, когда я на три дня совершенно заблудился в гвианских джунглях. Вместо того чтобы сидеть спокойно и ждать, пока меня найдут, я бродил вокруг, пока на закате третьего дня не услышал звук радиоприемника, далеко разносившийся в неподвижном воздухе. Моя жена весьма благоразумно держала приемник включенным на полную мощность, чтобы он работал в качестве маяка. Я шел на звук еще около трех миль, осторожно пробираясь в темноте, пока не уперся во внешнюю стену джунглей.

В моем ружье оставалось два заряда, один из которых я потратил, чтобы привлечь внимание обитателей лагеря. Потом я начал кричать. Они немедленно вышли на поляну по другую сторону стены, и мы могли разговаривать друг с другом почти так же легко, как если бы находились в соседних комнатах. Думаете, мои неприятности на этом закончились? Нам понадобилось три часа упорного труда — как изнутри, так и снаружи — чтобы проделать проход в стене джунглей. Однако до тех пор, если не считать темного времени суток, я шел с такой же скоростью, как человек, прогуливающийся по железнодорожной платформе, и встречал на своем пути меньше препятствий, чем вы могли бы встретить в обычном американском или английском лесу.

Очевидно, когда представления людей о джунглях ограничивались «живой стеной», у них было мало оснований считать, что за этой стеной находится что-то еще. Наиболее отважные исследователи не осмеливались силой проложить себе дорогу в джунгли или проплыть по одной из небольших рек, ведущих в неведомое. Наиболее ценный товар джунглей, древесину, было трудно транспортировать; кроме того, она в изобилии имелась на окраинах. И уж конечно, джунгли не выглядели подходя-

щим местом для поисков полезных ископаемых. Лишь недавно, после того как мы получили минимальное представление о джунглях, ученые начали задаваться вопросом, что же все-таки находится внутри, и искать способы выяснить это. То, что нам удалось узнать о настоящих джунглях, об их строении, развитии и о мириадах форм жизни, обитающих там, стало главной темой этой книги. До сих пор мы говорили о том, чем джунгли *не* являются. Пришла пора выяснить, что же они из себя представляют и почему так получилось.

Глава вторая **ОБЛИК И МАСКИРОВКА**

Джунгли управляются точными законами природы. Они занимают свое место и выполняют свое предназначение главным образом потому, что Земля является сферой, вращающейся вокруг оси с наклоном 23 градуса, с характерными распределениями и формой континентов и водных масс. Разумеется, это справедливо и в отношении всех других типов растительности. Насколько нам известно, законы природы являются всеобщими, но их отдельные аспекты проявляются в конкретных районах.

В первую очередь нас интересуют законы, управляющие ростом растений. Изучение этого процесса называется вегетологией. Это настолько новый предмет, что ни в одном американском колледже или университете нет кафедры, посвященной ему. Не существует и курса вегетологии в любом из учебников по ботанике, частью которой она может считаться. В Англии и континентальной Европе к этой области проявлен несколько больший профессиональный интерес, но она все равно оказывается неза-

дуженно обойденной, учитывая ее важность для человечества.

Веgetология занимается вопросами совместного существования и роста растений в разных условиях. Один и тот же вид может расти как дерево в одном месте, как кустарник в другом и как трава где-нибудь еще. С другой стороны, совершенно разные виды растений могут выполнять одинаковые функции в различных местах. Сосна, пальма или широколиственное дерево может быть основным составляющим компонентом леса или рощи. Невинная фиалка, растущая в умеренном климате, в джунглях может выглядеть как дерево размером с яблоню. Травы, разросшиеся до двух-трех футов в высоту на пустыре или нашем заднем дворе, в тропиках могут достигать высоты четырех-, пятиэтажного дома.

В широком смысле слова существует двадцать восемь растительных поясов или зон, каждая из которых окружает Землю параллельно экватору. Они имеют весьма различную ширину и протяженность. Четырнадцать этих поясов лежат в Северном полушарии и столько же — в Южном. Обе последовательности дублируют друг друга, продвигаясь от экватора к полюсам. Это означает, что сам экватор представляет собой двойной пояс, поэтому на самом деле их всего двадцать семь.

Если двигаться от экватора, зоны расположены в следующем порядке: (1) высокий экваториальный лес (ВЭЛ), иногда называемый тропическим дождевым лесом со сплошным листовенным покровом; (2) высокий листопадный лес (ВЛЛ), тропический пояс, где преобладают такие же высокие деревья, как в ВЭЛ, но в большей или меньшей степени теряющие свою листву со сменой времен года, хотя это тоже тропический дождевой лес со сплошным покровом. Эти два типа растительности относятся к настоящим джунглям, которым посвящена данная книга.

Другие зоны таковы: (3) садово-кустарниковый пояс деревьев меньшего размера с травянистым подлеском; (4) саванна, травянистая равнина с отдельными деревьями

или купами кустарника; (5) субтропические кустарники; (6) жаркая, или истинная, пустыня; (7) кустарники умеренного климата (обе кустарниковые зоны отличаются низкой растительностью); (8) прерии, разновидность саванны для умеренного климата; (9) луга; (10) листопадные леса умеренного климата — пояс деревьев, сбрасывающих листву в строгом соответствии с временем года; (11) бореальные хвойные леса, огромные вечнозеленые массивы Сибири, Канады и севера США; (12) тундра, где выживает лишь редкая, очень низкая растительность; (13) высокогорья и пустоши, которые можно считать холодной пустыней; (14) полярные ледниковые шапки.

Эти пояса были бы совершенно одинаковыми по размеру, если бы вся поверхность земли находилась на уровне моря, при равномерном распределении света, влажности и тепла. Но в действительности распределение растительных зон в каждой конкретной области определяется сочетанием нескольких факторов.

Наиболее очевидный из них — высота. Увеличение высоты над уровнем моря примерно на 260 футов (точное значение может меняться) оказывает приблизительно такой же эффект, как удаление на один градус от экватора. Таким образом, вершина горы высотой 17 000 футов, расположенной на экваторе, будет покрыта снегом круглый год, как если бы она находилась в Арктике. Если вы подниметесь на гору, то минуете каждый из тринадцати поясов в порядке очередности. Такие факторы, как свет, влажность и температура, тоже влияют на растительность. Высокая гора посреди пустыни сместит всю последовательность поясов к пустынным условиям, поскольку в атмосфере практически нет влаги. Если такая же гора стоит посреди джунглей, то высокая растительность со сплошным покровом будет преобладать на всех уровнях, вытеснив зоны со (2) по (9).

Хорошим примером может послужить гора Килиманджаро, расположенная примерно в четырех градусах к югу от экватора в Восточной Африке. Это огромная гора высотой 19 320 футов поднимается над плато, которое уже

находится на высоте более 3000 футов над уровнем моря — слишком высоко для настоящих джунглей. Теоретически лес со сплошным листовым покровом прекращает существование на высоте 2266 футов, а на высоте 1199 футов даже отдельные деревья садово-кустарниковой зоны уступают место открытой саванне. Но на высоте немногим более 4500 футов (рядом с экватором) саванна, в свою очередь, уступает место другому виду растительности, удивляющему даже ботаников. Это узкий пояс лугов, за которым следует огромный лес со сплошным покровом, простирающийся от высоты 5000 футов почти до 11 000 футов. Затем следует травянисто-кустарниковая зона вполовину меньшей ширины и такой же пояс тундровой растительности. Наконец на высоте 16 500 футов тундра уступает место высокогорным пустошам, а вершины горы покрыта ледяной шапкой.

Следует сказать, что эти леса со сплошным листовым покровом, расположенные высоко над уровнем ВЭЛ и ВЛЛ, по своей растительности отличаются от них и от лесов умеренного климата. Они известны как тропические горные леса и иногда менее точно называются «облачными» лесами. В общем приближении они представляют леса умеренных широт. Они также формируют некоторые области наиболее плотной растительности на земле, поэтому мы включим их в наше определение «джунглей».

Еще большее влияние на расположение поясов растительности оказывают океанические течения, во многом определяющие температуру, частоту и периодичность выпадения дождя. Фактически они играют такую важную роль, что требуют отдельной главы, поскольку привлекают все атмосферные факторы: ветер, жару и холод, влажность, изменения погоды и так далее.

Разумеется, растительность любого данного региона определяет животную жизнь, которая может там существовать. К примеру, травы, в изобилии произрастающие в прериях, естественным образом поддерживают существование огромного количества копытных: лошадей, круп-

ного рогатого скота, оленей и антилоп, буйволов и овец. Однако эти виды животных не могут существовать в некоторых тропических травах — таких, как бамбук, который достигает сорока футов в высоту и более пригоден для строительства, чем для еды.

В некоторых поясах растительности люди изменили ее облик, расчистив землю для посадок, уничтожив леса, построив города, перегородив реки дамбами, осушив озера и болота. Но они не изменили основного принципа. Если люди прекратят свою деятельность, первоначальная растительность восстановится и будет иметь такой же облик, хотя и не обязательно представленный теми же видами растений.

Однако люди еще мало вмешиваются в жизнь настоящих джунглей. Механизмы, способные нанести джунглям существенный урон, принадлежат к самым современным изобретениям человеческого ума. Кое-где в джунглях вырубаются просеки — в основном так называемыми примитивными племенами, но иногда и цивилизованными людьми, стремящимися к достижению своих целей. Тем не менее, когда расчищенный участок оставляется без внимания, джунгли восстанавливают свою власть над ним с такой же непреодолимой силой, как, скажем, полярные ледники.

По геологическим меркам, джунгли довольно молоды, однако они могут числиться среди старейших форм жизни на Земле: возраст некоторых из них достигает 70 млн лет. Они развивались во влажных тропиках и по большей части представлены видами растений, характерными для тропиков. Немецкий ученый Андреас Франц Вильгельм Шимпер в 1898 году обронил фразу — «тропический дождевой лес». То, что до тех пор джунгли не имели научного названия, показывает, как мало людям было известно об этом типе растительности.

Невежество по отношению к джунглям не полностью объясняется тем фактом, что лишь немногие путешественники видели их, если не считать наблюдений снаружи и с речных лодок. Профессор П. В. Ричардс из Кембридж-

ского университета, один из великих ученых в этой области, сделал следующее грустное замечание:

«Главный источник погрешностей заключается в том, что тропическая растительность имеет фатальную тенденцию пробуждать в людях, описывающих ее, неумеренное красноречие и тягу к преувеличениям. Немногие из писавших о дождевом лесе смогли противостоять искушению «красного словца». В погоне за превосходными степенями они либо описывают вещи, которых никогда не видели, либо дают неправильное описание реально существующих вещей».

Но даже и без этого недостатка великие тропические леса представляют для науки определенные трудности, отсутствующие в других местах. Например, в тропиках существует гораздо большее разнообразие растительной жизни, чем кажется возможным для человека, выросшего в умеренных широтах. С другой стороны, склонность тропической растительности к обманчивому сходству и внешнее родство видов, никак не связанных между собой, озадачивает ученых, привыкших к более выраженным индивидуальным особенностям в тех регионах, где количество видов не так велико. Когда они ищут маргаритку, то ожидают увидеть маленький цветок, а не мощное дерево с раскидистой кроной.

Некоторые люди, изучавшие джунгли, пришли к выводу, что все растения на земле происходят (хотя и не всегда напрямую) из влажных тропиков. Хотя это предположение открыто для дискуссий, растения в тропиках растут так быстро, что там действительно возникает возможность для мутаций, способных привести к образованию новых видов.

Другое недоразумение, широко распространенное ранними исследователями джунглей и лишь недавно исправленное, заключается в том, что тропический лес представляет собой хаотическое смешение разных видов, без признаков упорядоченности, столь очевидных в лесных массивах умеренных широт. В юности, когда я впервые попал в джунгли, даже выдающиеся ученые придер-

живались такого мнения. Из уважения к старшим я полагал, что они знают нечто, неизвестное мне. Но поскольку я не имел укоренившихся предрассудков, то вскоре заметил, что взаимоотношения между растениями следуют строгим правилам — существуют ли они мирно и независимо, зависят ли друг от друга в поддержке и питании или безжалостно соревнуются друг с другом. По-видимому, дело в том, что джунгли являются сложной самоорганизующейся системой. В таких огромных городах, как Лондон или Нью-Йорк, существует гораздо больше правил, определяющих распорядок жизни, чем в сельской местности или в первобытном племени. То же самое происходит и в растительном царстве. Огромная популяция джунглей развивает более сложные схемы, формы и структуры, чем леса умеренного климата.

Эта организация в первую очередь обусловлена неизменностью влажного, теплого климата, который является необходимым условием самого существования джунглей. Но в качестве вступления к более пристальному исследованию сообщества джунглей — как растительного, так и животного — нам нужно узнать, каким образом джунгли получают обильное, равномерно распределенное количество осадков и поддерживают постоянную высокую температуру.

Глава третья

КАК РОЖДАЮТСЯ ДЖУНГЛИ

Джунгли — отпрыски солнца и океанических течений. Эти факторы создают влажный, теплый инкубатор, в котором созревают джунгли — на удивление быстро, учитывая их сложную структуру. Но полностью развившись, они становятся практически неуничтожимыми.

Солнце предоставляет свет и тепло. Источник воды нельзя определить с такой же ясностью. В первую очередь, вода является очень редким веществом во Вселенной. Жидкость может существовать лишь в сравнительно узком диапазоне температур. Ниже точки замерзания она превращается в лед; при 180 градусах по Фаренгейту вода переходит в газообразное состояние. (Ученые предпочитают пользоваться шкалой Цельсия, где 0 градусов соответствует точке замерзания, а 100 градусов — точке кипения, или шкалой Кельвина с точкой отсчета от абсолютного нуля, или —273 градуса по шкале Цельсия). Должно быть, существует очень мало планет, где температурные условия допускают существование воды. Однако вода является *основным* условием жизни, как мы ее знаем.

Таким образом, наиболее важной особенностью нашей планеты является наличие гидросферы, водной оболочки, покрывающей шар твердого вещества, который мы называем Землей. Гидросфера включает не только океаны, реки, озера и пруды, но и мощный слой почвы и осадочных пород, насыщенный водой, а также нижние слои атмосферы, содержащие влагу. Все живые существа рождаются и живут в гидросфере — за исключением космонавтов, которые так или иначе берут с собой воду.

Определяющая роль воды очевидна в жизненном цикле джунглей. По некоторым оценкам, им требуется по меньшей мере 80 дюймов осадков в год. Нижний предел среднегодовой температуры, при которой джунгли могут выжить, составляет 68 градусов по Фаренгейту. Такие условия встречаются далеко не везде в тропиках. На самом деле большинство джунглей получает более 80 дюймов осадков в год и имеет среднегодовую температуру 78—82 градуса по Фаренгейту. (Для сравнения: в Нью-Йорке самая жаркая летняя температура лишь изредка достигает среднего значения 78 градусов; за последние пятнадцать лет это случилось лишь однажды, в июле 1952 года. Что касается количества осадков, то в Луизиане, одном из наиболее дождливых штатов, выпадает лишь 63 $\frac{1}{2}$ дюйма ежегодно.)

Чтобы поддерживать существование джунглей, ежегодный уровень осадков в 80 дюймов должен распространяться очень равномерно, с минимальным значением 4 дюйма в самые сухие месяцы. В тропиках есть крупные районы, где ежегодно выпадает 400 дюймов осадков, а местами и вдвое больше. Но очень высокая влажность — не обязательное условие формирования джунглей. Там, где существует чередование влажных и сухих сезонов, причем сухой сезон длится несколько месяцев, джунгли появиться не могут. Фактически в большинстве джунглей есть два влажных и два сухих сезона, причем в «сухие» сезоны выпадает столько же дождей, сколько обычный американец видит у себя дома.

Эти обобщения могут быть приняты с небольшими оговорками; они применимы лишь в долгосрочной перспективе. Существуют области, где подпочвенные воды питают джунгли, хотя количество осадков невелико. Пожив в некоторых тропических странах, я могу свидетельствовать, что если вы будете вести ежедневные наблюдения (как мы делали в нашей работе), то исключений будет едва ли не больше, чем «нормальных» дней. Иногда сезон дождей вообще не наступал; иногда дожди шли в середине сухого сезона; иногда два дождливых сезона следовали один за другим.

Дождь происходит, когда теплый увлажненный воздух, поднимающийся с поверхности земли или воды, остывает либо вследствие расширения, либо встречаясь с холодными воздушными течениями. Влага конденсируется в облаках, а затем образуются капли воды. Поскольку солнце является единственным источником тепла, этот природный феномен чаще всего происходит в тех широтах и в то время, когда солнечные лучи падают отвесно. Разумеется, идеальным местом можно считать экватор, где солнце находится в зените дольше, чем в любой другой области.

Прямые солнечные лучи прогревают атмосферу, и в течение дня более теплый воздух постоянно поднимается вверх. Поскольку суша нагревается и остывает быстрее, чем вода, днем воздух от земли поднимается интенсивнее и привлекает на свое место более влажный воздух над поверхностью моря. С приближением ночи земля остывает, поэтому вечером в тропиках можно рассчитывать на дождь, а находясь на побережье — на прохладный береговой бриз.

Постоянно поднимающиеся массы нагретого воздуха над широким поясом вокруг экватора приводят к образованию ветров, имеющих больший интерес для моряков, чем для сухопутных жителей, но оказывающих некоторое влияние на джунгли. Откуда-то должен поступать воздух, чтобы занять место восходящих потоков, нагретых солнцем. Но поскольку все происходит в зоне очень низкого

давления, воздух движется так медленно, что во времена парусных судов моряки огибали эти области с еще большей осторожностью, чем штормовые районы. Это полосы штиля.

К югу и северу от них давление воздуха возрастает, создавая два широких пояса постоянных воздушных потоков, движущихся с запада на восток, противоположно вращению Земли. Это так называемые торговые ветра. Они обуславливают движение влажного воздуха от моря к суше.

Тропические ливни легко предсказуемы и оставались бы неизменными в разных местах, если бы все зависело только от направления ветра. Но атмосфера подвержена воздействию иных сил. Горы способны нарушить движение воздушных потоков, и дождь, который мог бы идти в долине, проливается на их склонах.

Основной формирующей силой погоды в тропиках являются океанические течения. Возможно, будет проще понять образование и действие этих мощных климатообразующих факторов, если мы представим себе, что земная сфера изменяет свою форму и становится пирамидой, состоящей из четырех равносторонних треугольников, — то есть тетраэдром. Как и сфера, тетраэдр выглядит одинаково с любой стороны. Если вы слепите тетраэдр из комка глины или сыра и вонзите шляпную булавку точно посередине одной из плоскостей, чтобы она прошла насквозь и вышла через противоположную вершину, он сможет вращаться вокруг своей оси, подобно сфере.

Если попытаться переделать таким же образом шар гидросферы, то процесс начнется с образования четырех выпуклостей твердой коры, выпирающих из воды на равном расстоянии друг от друга. Затем образуются хребты суши, соединяющие эти выпуклости. В результате возникают четыре треугольных острова или континента, разделенных четырьмя океанами, имеющими грубо округлую форму.

Теперь давайте представим нашу вращающуюся сферу, размещенную таким образом, что если бы она действи-

тельно стала тетраэдром, то имела бы форму опрокинутой пирамиды, вращающейся слева направо. Вода из кольцевых зон выбрасывалась бы в стороны и наружу под воздействием центробежной силы.

На верхней грани пирамиды можно ожидать обмеления и размыва окружающей суши. Тем временем на трех других гранях вся вода будет сноситься в сторону, но ее движение будет задерживаться треугольными континентами. Если двигаться в «южном» направлении, мы увидим пропорционально больший объем и давление воды — пока наконец воды всех трех океанов не сольются под северным и южным барьерами суши и не начнут с ревом вращаться у основания пирамиды.

В сущности, эта «теория тетраэдра», как ее иногда гордо называют, хотя это просто игра, помогающая объяснить определенную идею, хорошо описывает происходящее. Разумеется, Земля не теряет своей замечательной округлой формы. Но на вершине мира, вокруг Северного полюса, находится мелководный океан. Существует несколько континентов, более или менее треугольной формы, разделенных огромными дугами водных пространств. Южная оконечность каждого континента омывается непрерывным океаном, а грубо треугольная континентальная масса Антарктиды занимает место на Южном полюсе.

Все мировые океаны образуют единое тело воды с участками суши, большинство из которых расположено в Северном полушарии. Вода постоянно находится в движении, но она движется с разной скоростью и в разных направлениях.

Сила вращения Земли принуждает каждую каплю воды в Северном полушарии двигаться по часовой стрелке, а в Южном полушарии — против часовой стрелки. Это маршруты всех главных океанических течений, которые можно рассматривать как гигантские реки, текущие по установленным руслам, каждая из которых несет больше воды, чем все пресноводные реки, вместе взятые. Течения несут теплую воду по огромной дуге к Арктике или

Антарктике, где она вносит свою лепту в таяние льдов. Это, в свою очередь, приводит к образованию некоторого количества холодной воды, которая сносится обратно, к жарким широтам.

Мы можем считать, что силы, создающие основные океанические течения, начинают действовать на полюсах. Сначала воды Северного Ледовитого океана вращаются по кругу, стремясь распространиться наружу. Когда на их внешних окраинах появляется канал, пересекающий барьер суши, они проникают туда и создают холодные течения, движущиеся вдоль северо-западных окраин трех главных континентальных масс под теплыми поверхностными водами.

Антарктика также окружена поясом холодных вод. Но основная часть Антарктического континента находится справа, а три выступа, или «волнолома» — южные оконечности Африки, Австралии и Южной Америки, — находятся слева. Три потока холодной воды, отделяющиеся от главного течения в этом океане, расходятся по пологой дуге, пока не сталкиваются с препятствиями, заставляющими их огибать северо-западные оконечности трех континентальных масс. Это течение Гумбольдта на юго-востоке Тихого океана, Бенгальское течение в Юго-Восточной Атлантике и Западно-Австралийское течение на юго-востоке Индийского океана.

На экваторе происходят сходные процессы. Здесь поверхностные воды упрутся в непроницаемый барьер: восточные окраины континентальных масс. Поскольку энергия должна найти выход, они разделяются на два течения: одно движется вдоль побережья на север, другое на юг. Со временем океанические воды совершают полный цикл, и грандиозная система циркуляции замыкается.

Три холодных течения Южного полушария препятствуют выпадению осадков вдоль тех побережий, рядом с которыми они проходят. Возьмем, к примеру, течение Гумбольдта. Оно охлаждает воздух над океаном, и влага не может сконденсироваться, даже когда преобладающие

ветра гонят воздушные потоки к побережью Южной Америки и хребту Анд, где охлаждающие эффекты больших высот в нормальных условиях привели бы к выпадению дождей. Вдоль обеих Америк, за исключением тех мест, где холодное течение проходит близко от побережья, эти ветра приносят дождь. Даже в более умеренных широтах, например в штате Вашингтон, теплые ветра с Тихого океана вызывают обильные осадки, приводящие к образованию дождевых лесов, хотя и не джунглей. Но в воздушных потоках над течением Гумбольдта влаги достаточно лишь для образования облаков, из которых практически никогда не идет дождь. Вдоль некоторых участков Перуанского побережья ежегодное количество осадков составляет лишь несколько дюймов, хотя темные облака едва ли не ежедневно подходят со стороны океана.

Сходным образом холодные течения делают возможным существование сухих побережий Северо-Западной Африки, аридных равнин¹ и пустынь Западной Австралии. Течения являются причиной того, что даже на экваторе значительная часть территории, которая могла быть покрыта джунглями, имеет иной тип растительности.

Другой метеорологический феномен создает условия, благоприятные для развития джунглей на некоторых участках суши в Индийском океане. Это муссоны, особые сезонные ветры, не имеющие аналогов в других частях света. Муссон — название происходит от арабского слова, означающего «время года» — начинается с зоны низкого давления, образующейся каждое лето в Южной Азии, особенно в Индии. Теплый воздух поднимается, и зона низкого давления притягивает мощные воздушные потоки от Индийского океана, протяженностью до нескольких тысяч миль. Воды Индийского океана, защищенные от холодных течений континентальной массой Азии, почти равномерно теплые. Когда ветры, дующие

¹ Территории с *аридным климатом* — сухим, с высокими температурами воздуха и малым количеством атмосферных осадков.

над ними, достигают суши в конце лета, воздух насыщен влагой. Это юго-западный муссон. Встречаясь с первыми прибрежными возвышенностями, он обрушивает на землю ливни, известные под названием муссонных дождей, которые продолжаются до конца сентября или начала октября. Зимой направление ветра меняется на противоположное, и муссон становится северо-восточным.

Один из результатов этого природного явления — так называемые муссонные леса. Области, подверженные воздействию муссонов, достаточно теплые и расположены не слишком высоко над уровнем моря, но количество осадков в остальные месяцы далеко не всегда бывает достаточным для образования джунглей.

Когда солнце и воздушные потоки дают тепло и влагу, необходимые для джунглей, растительность начинает бурно развиваться. Сочетание жары и влажности настолько идеально для роста растений, что независимо от подстилающих пород огромный лес возникает на собственной почве благодаря быстрому разложению и переработке предыдущих типов растительности.

Наиболее драматическим примером того, что могут сделать идеальные условия для возникновения джунглей в тропической местности, начиная с «чистого листа», служат августовские события 1883 года на Кракатау. Менее чем за сорок восемь часов на этом вулканическом острове произошла серия извержений, в буквальном смысле потрясших мир. Их было слышно за 1500 миль. Много дней вся западная оконечность острова Ява была погружена во тьму; другие вулканы, расположенные вдоль того же горного хребта, проявляли признаки активности, а море на сотни миль было вымощено плавающей пеной и шлаком. Выпадение осадков во всех климатических зонах изменилось на несколько лет. Континентальные закаты были особенно прекрасными из-за миллионов тонн пыли, выброшенной в атмосферу. Позднее разразилась жаркая научная дискуссия о том, могли ли семена или споры жизни каким-то образом выжить на Кракатау. Однако обе стороны сходились на том, что если что-то и уцелело, оно не

было заметно невооруженным глазом; фактически все признаки жизни были стерты не только на Кракатау, но и на двух близлежащих островах меньшего размера.

Остров Кракатау, расположенный в Зондском проливе между Явой и Суматрой, примерно в пяти градусах южнее экватора, является одним из самых дождливых мест в мире. 25 августа 1883 года его длина составляла пять с половиной миль, ширина — три мили, а максимальная высота — около 2700 футов. Два дня спустя половина острова исчезла в морских волнах. Гора раскололась пополам, но вершина уцелела. Вся поверхность была покрыта слоем пемзы и вулканического пепла мощностью около 150 футов.

До этого события большая часть Кракатау была покрыта джунглями, предположительно очень похожими на другие джунгли Индонезии, хотя там не проводилось специальных исследований. В низинах рос тропический дождевой лес, сменявшийся на горных склонах менее пышной и обильной растительностью. Через девять месяцев один из первых посетителей пустынного острова провел тщательные поиски признаков жизни, животной или растительной. Он нашел лишь одного паука на еще не остывших, обнаженных лавовых покровах.

Солнце обжигало лаву, а дожди — 1000 дюймов осадков в год, согласно Ричардсу, — проделали в вулканических отложениях огромные расщелины, смыв значительную их часть в воды пролива. Затем откуда-то (скорее всего, с соседних островов, а возможно, из семян, занесенных птицами или переживших чудовищную катастрофу) появилась растительность. К 1886 году пляжи покрылись травой и цветущими растениями, а внутренние части острова поросли папоротником с островками той же травы. Участки обнаженной вулканической породы были густо покрыты зелеными водорослями.

В 1897 году научная экспедиция обнаружила у побережья рощу казуариновых деревьев, а в глубине острова папоротники уступили место саванне с травой, высота

которой достигала шести футов. На нижнем склоне горы появились кусты вместе с травой и папоротниками.

Следующая группа ботаников, посетившая Кракатау в 1906 году, пришла к выводу, что прибрежные участки очень напоминают побережье Явы в двадцати пяти милях от острова. В изолированных лесных массивах преобладали казуары; появились другие деревья, включая кокосовые пальмы. В изобилии встречались вьющиеся растения. Внутренние участки по-прежнему были покрыты травой, за исключением глубоких лошин, где росли деревья и кустарники.

Первый поселенец, надеявшийся добывать на острове строительный камень, появился в 1916 году. Три года спустя пришло сообщение, что от его пребывания осталось мало следов, но темпы развития растительности немного замедлились, так как новым видам приходилось бороться с теми, что появились раньше. Через сорок лет после извержения агрессивные виды ползучих растений или лиан, которые являются характерной чертой джунглей, стали настолько сильны, что убивали казуариновые деревья, многие из которых уже упали. Но лесные деревья, способные поддерживать лианы и жить вместе с ними, выростали высокими и крепкими, быстро вытесняя саванну с внутренних участков острова. В 1927 году, как я могу лично засвидетельствовать, остров и его меньшие соседи почти полностью заросли очень красивым лесом со сплошным листовенным покровом, похожим на настоящие джунгли.

Еще через двенадцать лет — всего через пятьдесят лет, после того как жизнь на Кракатау была полностью уничтожена, — ботаники сообщили, что некоторые деревья достигают высоты 150 футов и распространяются вверх по горным склонам по крайней мере на три четверти до вершины. Кустарники, ранее доминировавшие там, перешли в разряд подлеска.

Ученые, исследовавшие возрождение жизни на Кракатау, считают, что пройдет еще немало лет, прежде чем джунгли там полностью восстановятся. Сейчас они нахо-

дятся на стадии, которую ботаники называют «первичной последовательностью», подразумевай под этим ранние этапы нового роста после того, как район был полностью очищен от первоначального типа растительности (он называется «климактическим»), который сложился в результате естественных процессов. Однако на протяжении одной человеческой жизни возможно увидеть возникновение джунглей при благоприятном сочетании осадков и температуры.

Глава четвертая ГДЕ НАХОДЯТСЯ ДЖУНГЛИ?

Пояс тропиков, протягивающийся до $23\frac{1}{2}$ градуса к северу и югу от экватора, получает больше прямых солнечных лучей, чем любая другая часть нашей планеты. Здесь мы обнаруживаем большую часть джунглей. Однако при особенно благоприятных условиях районы джунглей существуют и за пределами настоящих тропиков, хотя отклонение составляет не более нескольких градусов по широте. Все тропические дождевые леса ограничены тремя основными зонами, и каждую из них с достаточной точностью можно разделить на три субзоны.

Основные зоны — американская, африканская и восточная (ориентальная). В американской и восточной зонах мы видим джунгли, простирающиеся за пределы географических тропиков; на Дальнем Востоке их участки появляются как в Северном, так и в Южном полушарии, в то время как в Америке — лишь в Южном полушарии.

Точная площадь и расположение всех джунглей остаются неизвестными; доступная информация частично ос-

нована на догадках. В джунглях не проводились широкие научные исследования, не делалась точная съемка и картирование местности. Несмотря на широко распространенное благодушное мнение о том, что для пытливых исследователей не осталось новых, нетронутых территорий, огромные области джунглей никогда не посещались цивилизованными людьми, а насколько нам известно, и «нецивилизованными» тоже.

Пожалуй, крупнейший однородный массив джунглей расположен в бассейне Амазонки в Южной Америке — одной из трех субзон американских джунглей. «Однородный» в данном случае лишь относительный термин, поскольку все джунгли прерываются участками с другими типами растительности. Даже в Амазонии, вдали от бесконечных рек, лес может поредеть или внезапно уступить место саванне с низкой травой. В большинстве случаев это связано со скудостью почвы или наличием слоев чистого песка, подстилающих поверхность.

Великие американские джунгли несимметрично простираются к северу и югу от устья Амазонки и пересекают континент вплоть до восточных склонов Анд. На севере они занимают территорию Гвианы и частично Венесуэлы. Центральная часть, имеющая форму огромного блюда с довольно крутым ободом, еще не так давно с геологической точки зрения была мелководным океаническим заливом. Она включает главные притоки Амазонки: Шингу, Тапажос, Мадейру, Пурус и Риу-Негру. В центре континента джунгли простираются на юг до Гран-Чако в Боливии, Парагвае и Аргентине, и здесь «язык» джунглей протягивается за тропик Козерога через реку Пилькомайо. Отдельный массив, известный в просторечии как лес Тапи, представляет собой полосу вдоль Восточного побережья Бразилии, начинаясь от крайней восточной оконечности континента в Южной Атлантике и заканчиваясь на широте Рио-де-Жанейро. Бесчисленные змеевидные отроги этих джунглей уходят в глубь континента по речным долинам.

Мы лучше поймем, почему невозможно оценить площадь этих джунглей, если пристальнее взглянем на Мату-Гросу, где в 1925 году пропал полковник П. Г. Фосетт, что стало одной из наиболее широко известных «загадок джунглей». Помимо обширных участков более или менее проходимой местности, Мату-Гросу включает значительный кусок амазонских джунглей, хотя и не очень большой по сравнению со всей Амазонией. Во времена Фосетта представления о его размерах были столь смутными, что официальные оценки площади этого бразильского штата колебались вокруг цифры 100 000 квадратных миль. По современным оценкам, он едва ли вдвое превосходит размеры штата Техас. Здесь предположительно находились легендарные затерянные города, уже много веков погребенные в джунглях, но некогда соперничавшие с великими центрами цивилизаций майя и инков. Фосетт пытался найти один из таких городов.

Изыскания подобного рода обычно осложняются научным невежеством. К примеру, путешественники не знали, что пища, наиболее доступная в джунглях, слишком бедна витамином В, поэтому заболели и умирали от бери-бери. Уильям Куртис Фараби, картировавший обширные области южноамериканских джунглей и обнаруживший три ранее неизвестных племени в экспедиции для Пенсильванского университета (1913 — 1916), потерял сорок восемь фунтов веса, когда наконец излечился от болезни. К концу 1930-х годов от бери-бери умерло много людей, работавших по контракту для демаркации границы между Бразилией и Британской Гвианой.

Вторая американская субзона джунглей начинается в Северном Эквадоре, чуть севернее течения Гумбольдта, и частично занимает территорию Колумбии и Венесуэлы вплоть до Панамского перешейка.

Третья субзона, которую можно назвать Центрально-американской, отделяется от других скорее иным типом растительности и животным сообществом, чем промежуток в самих джунглях. Они простираются к северу от Панамы до восточных окраин Мексики и вдоль Сьерра-

Мадре до тропика Рака. Испытывая сильное давление со стороны пустынной и кустарниковой зон, джунгли в основном сосредоточены на узкой полоске со стороны Карибского моря, между ним и горами. К этой субзоне мы также можем отнести джунгли Антильских островов. За исключением Тринидада, который на самом деле принадлежит не к островам Вест-Индии, а к Южной Америке, там есть настоящие джунгли.

В Африке дела обстоят несколько проще. Здесь джунгли тоже разделены на три субзоны, две из которых находятся на континенте, а одна — на восточных островах. Для удобства мы можем называть два континентальных массива западно- и центральноафриканскими джунглями.

Начиная с крайнего запада континента, где линия побережья глубже всего вдается в Атлантический океан примерно на широте реки Гамбия чуть ниже Дакара, мы обнаруживаем участки низменных джунглей вдоль берегов рек. Длина и ширина этих полос и «языков» увеличивается по мере продвижения на юг, а затем на восток, пока они не сливаются с джунглями на более возвышенных участках Сьерра-Леоне. Затем они продолжают на восток сплошным покровом до великой реки Вольта в Республике Того.

В долине этой реки есть узкий промежуток, частично возникший благодаря местным климатическим условиям, но, без сомнения, значительно расширенный и культивируемый человеком за многие века его деятельности. На востоке, в Дагомее, джунгли начинаются снова и простираются — сначала перемежающимися полосами, а затем почти непрерывно — на 2600 миль через весь континент до великого барьера Рувензори, знаменитых Лунных Гор, и к югу через Конго до западной оконечности озера Танганьика.

Центральный бассейн Конго до сравнительно недавнего времени был сначала океаническим заливом, подобно Амазонии, а затем огромным озером. У растений и животных по обе стороны было достаточно времени, чтобы развиваться параллельно, несколько отличаясь друг от

друга и от тех джунглей, которые впоследствии погрузились на морское дно.

В Центральной Африке большие участки первичного леса неоднократно расчищались для «сменной культивации»; этот метод используется лесными племенами с незапамятных времен. В некоторых районах вообще вряд ли сохранились настоящие первичные джунгли — самые высокие и красивые леса на самом деле являются древней вторичной порослью, выросшей на некогда расчищенных местах.

Европейцы знали о Конго задолго до того, как Америка стала чем-то большим, чем смутной теорией, но они начали плавать по этой реке гораздо позже, чем по Амазонке. По-видимому, древние египтяне знали о центральноафриканских джунглях не больше, чем белые люди в XIX веке.

Первые испанцы проплыли по Амазонке в 1541 году и дали ей такое название потому, что встретились по пути с замечательными женщинами-воинами. Генри Мортон Стэнли, которому принадлежит знаменитая реплика: «Полагаю, вы и есть доктор Ливингстон?» (при встрече с шотландским исследователем в джунглях Танганьики) — был первым, кто проплыл по реке Конго. Это произошло в 1876—1877 годах, и Стэнли считал, что плывет по Нилу, когда отправился в путь на своей сборной лодке «Леди Алиса», к западу озера Танганьика. Он преодолел сотни миль в северо-западном направлении, прежде чем понял, что все это время плыл по Конго.

Джунгли восточноафриканского побережья крайне ограничены и образуют несколько небольших массивов, изолированных друг от друга. Самый крупный из них находится в Северной Родезии к югу от озера Танганьика, другой тянется вдоль западного берега озера Ньяса, а третий расположен в центре Северного Мозамбика. Бесчисленные островки джунглей встречаются в низменных долинах вдоль побережий Танзании и Мозамбика, в то время как горные джунгли можно обнаружить на Кенийском Элгоне и Килиманджаро.

С восточноафриканскими джунглями связаны дождевые леса прекрасного острова Мадагаскар. Сам остров имеет форму огромной продолговатой танцплощадки, поднимающейся из вод Индийского океана с пологим наклоном в западном направлении. На восточном побережье господствует аридный климат, но за ним круто поднимается высокая горная гряда, тянущаяся от северной до южной оконечности острова. Джунгли начинаются в предгорьях на севере и доходят до западного побережья.

К Мадагаскару примыкает группа небольших островов, принадлежащих к Коморскому архипелагу и расположенных между северной оконечностью Мадагаскара и материком, а также более отдаленные острова Реюньон, Сейшелы и Маврикий. Истинные джунгли еще существуют на Коморах; леса других островов относятся к горному типу.

Азиатские джунгли разбросаны по великому множеству островов, мелких и крупных, а также образуют компактные участки на континенте. Первый из трех блоков содержит широкую полосу вдоль Западного побережья Индии. Эти джунгли образуют значительный массив в Майсуре на юге и продолжают на Цейлоне, который, по сути дела, представляет собой осколок Индийского субконтинента. На этом острове находятся, наверное, наиболее легко доступные джунгли в мире: лес Синхараджа.

Самые крупные азиатские джунгли начинаются в Бирме, по другую сторону Бенгальского залива¹. На континенте они включают дождевые и муссонные леса полуострова Юго-Восточной Азии, куда входят Таиланд, Вьетнам, Камбоджа и Лаос, а также джунгли Малайского полуострова². В это подразделение входят и Восточные

¹ Ныне Мьянма. (*Прим. пер.*)

² Полуостров Малакка, южная часть Индокитая; принадлежит Малайзии и Таиланду. На нем расположена Малайя — западная часть Малайзии (с 1963 г.; в 1948—1963 гг. — Малайская Федерация), а также штат Малакка. Здесь и далее мы оставляем употребляемое автором неофициальное название полуострова Малакка — Малайский полуостров.

Гаты и регион, известный как холмы Кхази в штате Ассам. Здесь обширные низменные джунгли, переходящие в горные леса, распространяются в сторону Китая, достигая 26 — 27 градусов северной широты. Джунглями покрыты многие территории Филиппинских островов Индонезии, вплоть до юго-востока Новой Гвинеи.

Разумеется, на многих из этих островов никогда не было джунглей. Например, джунгли не развиваются на открытых побережьях, где дуют морские ветры, наполненные соленой влагой. Вулканы обычно расчищают джунгли, и даже если этого не происходит, вулканическая почва так плодородна, что люди сводят лес на склонах и постоянно расчищают новые участки.

Обширные джунгли Новой Гвинеи принадлежат к третьей азиатской зоне, Австралийской. Новая Гвинея, второй по величине остров на Земле (уступающий размерами лишь Гренландии), наиболее густо покрыта джунглями. Там было бы еще больше дождевых лесов, если бы не гористый характер местности; на одном этом острове есть пять пиков высотой более 15 000 футов. Во всей Африке есть лишь четыре такие вершины, в Европе — две. Высочайшая гора, Карстенс-Топпен, покрыта вечными снегами на высоте 16 500 футов, но к ее основанию подступают джунгли.

Австралийская субзона также включает острова к востоку от Новой Гвинеи: архипелаг Бисмарка, Гебриды, Фиджи, Самоа и Соломоновы острова, где во время кампании на Гуадалканале многие американцы имели горький опыт знакомства с джунглями. По моему мнению, к ним следует добавить узкую полосу на Австралийском континенте от Порт-Дугласа почти до Брисбена. Здесь, защищенные Большим Барьерным рифом и горными хребтами, «карманы» и отроги джунглей доходят до 28 градуса южной широты.

Некоторые низменные леса со сплошным листовым покровом на мысе Йорк являются настоящими джунглями; я включаю сюда и горные леса Восточного Квинсленда.

Азиаты с давних пор притягивали западных людей и вдохновляли их на сочинение самых странных — а возможно, и правдивых — историй. Самые старые истории дошли до нас из Персии, но, конечно, там нет упоминаний о слове «джангхель».

В IV веке до Р. Х. персидский царь Артаксеркс II взял на службу греческого врача Ктесия, который был настолько поражен слухами о дальней восточной земле, которую мы называем Индией, что решил написать об этом книгу. Он включил в повествование довольно точное описание тропических дождевых лесов, но для будущих поколений большую ценность представляли сообщения о людях, населявших эти леса, — курносых чернокожих человечках, покрытых длинными волосами, ростом не более трех футов «и называемых пигмеями». За исключением некоторых деталей своего описания, старина Ктесий не ошибался, но эти джунгли были так слабо исследованы, что ученые не признавали существование восточных пигмеев до тех пор, пока французский антрополог Дж. Л. А. Куатрефо де Бро не доказал это в 1887 году. До тех пор ученые утверждали, что маленькие волосатые человечки Ктесия были обезьянами вандеру Восточных Гат (*Silenus silenus*), имеющими гривы и бороды библейских пророков, отсутствующие у настоящих восточных пигмеев.

Другие диковинные истории о джунглях встречали так же мало доверия, как и те, которые на проверку оказались правдой. Плиний Старший¹ деловито цитирует греческого историка Дариса Самосского: «Определенные индийцы совокупаются с животными, каковое совокупление порождает чудовищные помеси, наполовину людей, наполовину животных». Читатели узнают о псиглавцах, не

¹ Римский писатель, ученый, государственный деятель. Жил в 23/24—79 гг. Автор «Естественной истории» («Naturalis historia») в 37 книгах — поистине энциклопедия естественнонаучных знаний античности, в том числе содержащая сведения о людях, животных, растениях, металлах, камнях и пр., а также по истории искусства.

умеющих говорить, но понимающих человеческий язык, и о малайских *орангутанах*, что первоначально означало «пигмей», а не «обезьяна». Первый из европейцев, употребивший это слово — Николас Тулп в 1641 году, — имел в виду шимпанзе.

Возможно, одна из наиболее поразительных особенностей этих древних историй заключается в том, что они не слишком разнятся с историями XX века. Мы действительно знаем о некоторых джунглях не больше, чем Плиний или Ктесий.

Некоторые исследователи задаются вопросом, не была ли древняя суша покрыта джунглями в значительно большей степени, чем сейчас. Ответ, по моему мнению, должен быть положительным. Время от времени в земной коре происходили подвижки и смещения. При этом тропики перемещались в умеренные зоны, а те, в свою очередь, становились тропиками или полярными областями. К примеру, район Нью-Йорка когда-то находился более чем в 2000 милях к югу от своего нынешнего положения. Окаменелые остатки растений и животных тропического облика были обнаружены в Гренландии и Антарктике. Это может означать лишь одно: когда-то они находились в совершенно иных широтах.

Многие люди полагают, что большая часть суши когда-то была целиком покрыта джунглями. В эту эпоху, как гласит легенда, животные спокойно бродили по тропическим лесам, пока какие-то обезьяны не спустились с деревьев на землю, облысели и превратились в людей. На самом деле, если бы на широте современной Гренландии или даже Нью-Йорка когда-то росли джунгли, то в тропиках температура бы достигала точки кипения воды и жизнь там стала бы невозможной.

Могли ли джунгли занимать большую площадь в пределах тропиков, чем сейчас, — более разумный вопрос. Поскольку континенты меняли свое положение, а уровень воды в океанах поднимался или опускался, в тропическом поясе шириной 47 градусов могли находиться большие или меньшие массивы суши. Сравнительно не-

Большое поднятие океанического дна выводит на поверхность сотни миль континентального шельфа; соответствующее погружение приводит к затоплению огромных участков на континентальных окраинах. Многие зависит также от количества выпадающих осадков и равномерности их распределения в течение года. При благоприятных условиях джунгли могли покрывать тысячи квадратных миль, которые теперь находятся под водой или в слишком засушливой высокогорной местности. С другой стороны, неблагоприятные условия могли сильно ограничить их распространение.

Теория о том, что джунгли были уничтожены в результате значительных изменений климата в историческое время, некогда пользовалась популярностью в научных кругах, но вскоре была дискредитирована. На самом деле джунгли подвергались постоянному посягательству людей, возделывавших почву, и кочевых племен. Ученые широко расходятся во мнениях о том, насколько обширными и продолжительными были эти посягательства, но одно можно утверждать с уверенностью. Области джунглей, по сей день остающиеся неизведанными и нетронутыми, гораздо обширнее тех, которые человек сумел уничтожить своими неустанными усилиями.

Часть вторая ЖИВЫЕ ДЖУНГЛИ

Глава пятая ПОРТРЕТ ДОЖДЕВОГО ЛЕСА

Крайне трудно нарисовать картину любых джунглей «в целом». Возможно, это и стало причиной противоречивых и неточных словесных описаний, полученных от путешественников; они исходят из своей личной, ограниченной перспективы, подобно слепцу, описывающему слона. Панорама с высоты птичьего полета, вид со стороны реки или с внешней окраины и поверхностные впечатления от прогулок внутри так отличаются, что даже человека, видевшего все это, можно простить за непонимание отдельных аспектов единого целого. Тем не менее у джунглей есть одна общая черта: они головокружительно красивы.

Я иногда думал, что эта красота порождает «риторическое изобилие», на которое жаловался мой старый учитель, профессор Ричардс, даже читая предположительно

научные сочинения о джунглях. Но другим стимулом служит зачастую зловещая природа этой красоты, облекающаяся в поистине невероятные формы, цвета и размеры. Поэтому, откровенно говоря, «риторическое изобилие» является неперменным требованием, если вы хотите отдать должное тем тонкостям и чудесам, которыми сами джунгли изобилуют больше, чем любое другое место на земле..

Сначала посмотрите на них взглядом современного путешественника из уютной кабины самолета. Пилот опускается примерно до высоты Эмпайр-Стейт-Билдинг, и вы смотрите из иллюминатора на бесконечное зеленое пространство — волнообразное, слегка комковатое покрывало. Оно простирается во всех направлениях, вплоть до туманного горизонта: зеленый океан без гребней волн или течений. То здесь, то там особенно высокое дерево, которое ботаники метко называют «эмерджентом», возносит свою зеленую главу над окружающими гигантами, создавая отдельные выпуклости, нарушающие в остальном гладкий облик джунглей сверху.

По большей части море листвы имеет однообразный, темно-зеленый бутылочный оттенок независимо от того, на каких деревьях растут эти листья. Растения высокоэкваториального леса (ВЭЛ) почти исключительно вечнозеленые, но в высоком листопадном лесу (ВЛЛ) с началом сезона дождей лиственный покров взрывается буйством красок. Цвет новой листвы может меняться от почти белого до различных оттенков бледно-зеленого, розового и красного. Всевозможные яркие соцветия придают дополнительный блеск этому великолепию. Я помню джунгли в Западной Африке, одно время щеголявшие пестрой зеленой крышей, усеянной бесконечными алыми точками, напоминавшими лесной пожар.

Лишь полдюжины раз за полжизни блужданий под необъятным зеленым покрывалом я обнаруживал места, откуда можно было наблюдать нечто подобное. Первым из них был участок, где люди расчистили вершину холма,

поднимавшуюся достаточно высоко, чтобы я мог видеть покров джунглей. Часто единственным движением, различимым за долгие часы, бывает неопределенное марево, поднимающееся от нагретых поверхностей. Через некоторое время у вас начинает кружиться голова. Затем по поверхности зеленого полога пробегает огромная волна; говорят, что это ветер, но я почему-то до сих пор не могу этому поверить. Ветер поднимает шум, а здесь все происходит совершенно бесшумно.

Возможно, вы ожидаете увидеть птиц, пчел и бабочек, порхающих и жужжащих над кронами, обезьян и белок, прыгающих с ветки на ветку. В таком случае вас ожидает разочарование. Лишь в период цветения и плодоношения в пологе джунглей можно заметить птиц или насекомых, но он так плотен, что целые стаи обезьян могут резвиться прямо над вами, и вы не увидите ни их самих, ни те ветви, по которым они путешествуют с дерева на дерево.

Если дождевые облака заслоняют солнце, сверкающий зеленый покров становится на несколько тонов темнее и впитывает тропический ливень как настоящая губка. Даже если дождь сопровождается ветром или ураганом, вы почти не увидите свидетельств, подтверждающих это. Горстка листьев улетит, подхваченная ветром, а весь «матрас» немного всколыхнется — вот и все.

Но когда вы спуститесь к реке или выйдете на поляну, где заканчиваются джунгли, то увидите их в иной перспективе. Большинство из тех, кого обычно считают жителями джунглей, на самом деле являются лишь их соседями. Они живут снаружи, даже совсем рядом, но так же незнакомы с внутренним устройством джунглей, как любой житель Лондона или Нью-Йорка. Лишь изредка вы можете встретить представителя одного из тех немногих племен, которые действительно живут в джунглях: они выходят наружу так же неохотно, как их соседи заходят внутрь.

При взгляде на джунгли с середины реки или поляны лиственный покров выглядит таким же плотным, как и

сверху. Слово сочетание «непролазные джунгли» было придумано путешественниками, видевшими лес с этих наблюдательных пунктов. Для них эти два слова так же неразлучны, как «проклятый» и «янки» для закоренелого южанина. Плотность и пышность растительности заставила некоторых путешественников пользоваться этим определением для лесов, совершенно непохожих на настоящие джунгли.

Когда вы разглядываете стену джунглей, вам кажется, что масса растительности каскадом ниспадает с вершин деревьев. Эта завеса настолько плотна, что сами деревья остаются совершенно невидимыми. Постороннему наблюдателю может показаться, что листва покрывает утес высотой 150 или 200 футов. Разумеется, большая часть так называемой стены джунглей растет из земли, но стебли и стволы скрыты листьями и цветами, тянущимися к свету.

Толщина стены не превышает ста ярдов, но если вы плывете по реке, у вас может сложиться впечатление, что это и есть настоящие джунгли: плотная, спутанная масса растительности, напоминающая запущенную живую изгородь из шиповника, увеличенную в двадцать или тридцать раз. Такой она представляла взору белых людей, впервые вступавших в пределы джунглей. Вполне понятно, что они утруждались проверкой первого впечатления, прорубив дорогу внутрь.

Фактически иногда бывает легче заползти туда (я иногда полз по-пластунски на животе) или свернуть на каноэ в одну из протоков, почти невидимых с окраины. В противном случае вам придется прорубать себе дорогу мачете¹, пока вы не окажетесь на той стороне. Я почти никогда не видел тропинок, ведущих в высокий экваториальный лес. В высоком листопадном лесу существуют тропы, соединяющие племенные деревни между времен-

¹ Длинный нож для прорубания дороги в густых зарослях; используется также при уборке сахарного тростника.

но расчищенными участками. Но когда вы оказываетесь внутри, то видите совершенно иную картину.

Свет здесь странный, тусклый и зеленоватый, с редкими проблесками солнечных лучей. Находясь в высоком экваториальном лесу, вы не можете отличить день от утра или вечера, просто подняв голову, так как небо полностью закрыто. Однако видимость на удивление хорошая. Здесь вы можете увидеть человека раньше, чем услышите его голос. Джунгли обладают довольно зловещей акустикой, поэтому часто бывает проще подать знак своему спутнику, который находится в паре сотен ярдов от вас, чем попытаться позвать его.

Вы видите стройные колонны древесных стволов всевозможных размеров: от ростков диаметром один-два дюйма, до главных опор лесной «крыши» диаметром с мельничное колесо. В высоком экваториальном лесу поразительно мало подлеска. На значительной территории почва почти полностью обнажена, отсутствует даже смешанный слой листьев, иголок и мелких веток, устилающий многие леса в умеренных широтах. Иногда вы можете встретить переплетение стеблей ползучих растений, а в определенное время появляется ковер из самых экзотических плодов, сочных и спелых, более разнообразных, чем на любом городском рынке. Они падают с большой высоты в таком изобилии, что даже все голодные маленькие рты внизу не могут поглотить их.

Когда вы смотрите вверх, видимость резко падает. Все деревья, независимо от вида и размера, имеют листовую крону — будь то пучок листьев или густое переплетение ветвей, начинающееся высоко над землей, примерно в той же пропорции, что спицы раскрытого зонтика. Деревья средней высоты образуют собственный полог листьев, через который бывает практически невозможно увидеть верхние ярусы. Тут и там свисают огромные витки лиан; это «сухожилия», связывающие джунгли и превращающие их в единую массу. Некоторые из них, толщиной с бедро взрослого человека, вырастают до вершин самых

высоких деревьев и добавляют свою листву к зеленому пологу джунглей.

Повсюду можно видеть несуразности, которые в течение многих поколений приводили ботаников к мысли о ненормальном развитии растительности в тропическом лесу. У нормального садовода кружится голова, когда он видит сорока- или пятидесятифутовое дерево, растущее из развилки другого дерева, или тысячи орхидей того сорта, за который у него дома приходится платить по пятнадцать долларов за штуку.

Есть другой способ смотреть на джунгли, сходный со взглядом врача или патологоанатома. Сверху донизу проводится ровный срез на достаточно большой площади, чтобы дать представительную выборку всего, что находится внутри. Вообразите себе многоквартирный жилой дом, передняя стена которого была убрана таким образом, что другие стены, полы, потолки, мебель и сами квартиранты остались в целости и сохранности. Таким образом можно увидеть многоэтажность, отличающую тропические дождевые леса от всех других растительных формаций, причем лучше, чем с любого другого наблюдательного пункта.

Панорамные описания джунглей очень хороши, но они не дают представления об их бесконечном многообразии. В каркасе архитектуры джунглей есть место для ошеломительных и увлекательнейших сочетаний и перестановок; подробное описание одного участка может противоречить другому.

Как я уже говорил, в джунглях почти нет подлеска, однако пешеход может столкнуться с определенными трудностями. В каждом джунглях, где мне приходилось бывать, после тщательной проверки обнаруживались почти прямые борозды, расположенные на равном расстоянии друг от друга, как будто распаханное неким тропическим Полем Беньяном и его голубым быком Крошкой. Эти борозды достигают сорока футов в ширину и почти так же глубоки. Причина их появления остается загадкой; они едва ли созданы водной эрозией. Более того,

они даже не влияют на высоту лиственного покрова джунглей. Кроны деревьев, растущих на дне борозды, находятся вровень с кронами тех, которые растут на гребне.

Корни крупных деревьев имеют облик, который нельзя увидеть в других лесах. Наибольшее впечатление производят огромные контрфорсы: четыре корня-опоры, поддерживающие ствол со всех сторон. Они поднимаются на двадцать или более футов над землей и наклонены к поверхности под острым углом. Иногда их толщина не превышает двух-трех дюймов — такие здоровенные пластины из сплошного красного дерева или другой твердой древесины. В джунглях Центральной Америки я видел людей, терпеливо отпиливавших их двуручными пилами, чтобы получить крышку для огромного стола. В треугольном углублении между двумя контрфорсными корнями иногда хватает места, чтобы поставить грузовик. Одна азиатская легенда о происхождении человеческой расы указывает на поразительную тонкость этих корней. Она гласит, что плод сизигиума однажды упал на край корня и раскололся пополам. Половинки упали по разные стороны контрфорса. Одна из них стала мужчиной, а другая женщиной, и оба успели вырасти, прежде чем заглянули по ту сторону корня. Тогда они увидели друг друга и породили все остальное человечество.

Другие корни, иногда большие, как магистральные трубопроводные трубы, частично растут над поверхностью. Поскольку в большинстве джунглей верхний слой почвы весьма тонок, деревья выпускают корни в стороны, а не вниз. Корни могут поднять над землей целое дерево, и тогда кажется, будто оно стоит на полудюжине изящных ходулей. Они даже называются «ходульными корнями».

Во время экспедиции в Гвиану мы познакомились с еще одной разновидностью нижнего этажа джунглей. Мы проплыли сквозь стену растительности на каноэ по маленькой протоке, которая вывела нас к озеру, где прямо

из воды поднимались гигантские колонноподобные стволы деревьев. По крайней мере, оно выглядело как озеро, хотя подобные массы воды редко встречаются в дождевых лесах. На самом деле это был затопленный район, в течение девяти месяцев в году покрытый водой на глубину от шести до восьми футов. Почва во многих джунглях настолько сырая, что не может впитать еще больше дождевой воды, а здесь находилась впадина, служившая естественным резервуаром.

Зрелище было впечатляющим: огромное водное пространство вишневого цвета, растянувшееся на много миль. Насколько мы могли видеть. Вода была совершенно неподвижной, даже рябь не пробегала по поверхности. Время от времени мы слышали странное «пф-фуу!» — нечто среднее между глубоким вздохом и пренебрежительным звуком, какой издают уличные мальчишки. Я огляделся вокруг, но ничего не увидел. Потом я снова услышал звук и на этот раз определил его источник: белого речного дельфина, поднимающегося к поверхности, чтобы вдохнуть воздух. Почти мгновенно мы оказались в центре целой стаи дельфинов, поразительных существ за 200 миль от моря. Они беззаботно плавали среди деревьев и, по всей видимости, чувствовали себя так же уютно, как и обезьяны, но проявляли куда большее дружелюбие. Некоторые из них подплывали так близко к каноэ, что мы могли бы похлопать их по голове. Их белые тела казались стремительными тенями в темной воде; малыши имели нежно-розовую окраску и шныряли вокруг еще быстрее. Они следовали за нами на протяжении нескольких миль.

Как может выжить такой затопленный лес — загадка для меня, поскольку большинство деревьев не адаптировано к подобному существованию. Но каким-то образом они сумели превратиться в квазиводные растения.

Еще большее разнообразие джунглям придают отдельные прогалины, где солнечные лучи могут освещать нижний уровень растительности. Огромные деревья рано или поздно погибают и падают, что на некоторое время дает

подлеску большую свободу для роста. Впрочем, скоро прогалина снова зарастает.

Более крупные просветы в джунглях могут возникнуть из-за природных катаклизмов — например, землетрясений, хотя иногда даже тектонические подвижки не оставляют следов. Землетрясение может разительно изменить весь ландшафт. Возьмем свидетельство знаменитого ботаника, доктора Кингдона Уорда, о землетрясении 1954 года в Гималаях, опубликованное в журнале Королевского географического общества. Если бы эти строки не вышли из-под пера ученого, известного своей искренностью и проницательностью, в них было бы трудно поверить. В течение всей ночи, пишет он, целые горные хребты исчезали или меняли свои очертания; образовывались огромные расщелины и широкие долины; реки меняли курс, и появлялись новые озера, а громадная масса Эвереста поднялась более чем на 200 футов. То, что самому доктору Уорду удалось спастись, можно считать чудом.

С другой стороны, мы с женой однажды сидели в шезлонгах на травянистом берегу Рио-Курингуас в Никарагуа и наблюдали за одним из самых значительных современных землетрясений в Центральной Америке, которое произошло в декабре 1941 года.

Раньше мы уже видели землетрясения, включая одно крупное в городе Мехико, которое произошло годом раньше. У человека нет времени или склонности к научным наблюдениям, когда его бросает из стороны в сторону в каменном здании, причем все двери заклинило, а вокруг дождем сыплется штукатурка и куски цемента.

Там, в джунглях, мы сначала не поняли, что происходит. Мы чистили ружья в мирной послеполуденной тишине; внезапно меня охватило какое-то странное чувство, а деревья вокруг начали раскачиваться, хотя ветра не было. Затем раздался зловещий, глубокий пульсирующий звук, заполнивший всю вселенную. Последовал мощнейший толчок, и древесные гиганты содрогнулись, словно подброшенные рукой великана.

После этого толчка, вытряхнувшего нас из шезлонгов, землетрясение основательно взялось за дело. Почва, которая до сих пор казалась твердой, внезапно приобрела свойства жидкости. Земля не только кренилась из стороны в сторону, так что мы не могли встать, но и перекатылась волнами, точь-в-точь как в океане. Жутко было смотреть, как эти волны движутся через лес, гребень за гребнем, поднимая в воздух шестидесятиметровые деревья и плавно опуская их, как корабли в бушующем море. Более того, подземные волны прошли под рекой в точном порядке и не потеряв скорости, а затем возникли на противоположном берегу. Когда под нами прошло около восьмидесяти волн, земля снова конвульсивно содрогнулась — на этот раз вбок, а не вверх — и представление прекратилось также внезапно, как и началось.

Самый последний акт произошел в ужасающей тишине, которая обычно сопровождает землетрясения. На наших глазах часть речного берега высотой около сорока футов и длиной в сотню ярдов, расположенная прямо напротив нас, начала оседать. Медленно и торжественно она скользнула в воду, но в тот момент, когда наверху появилась трещина, раздался чудовищный грохот. Если не считать вулканических извержений, мне не приходилось слышать более громкого звука; он был оглушительным.

Зрелище было захватывающим, но, если не считать шума, произведенного оползнем, не таким уж пугающим. Тем не менее мы вполне могли погибнуть. В полумиле вверх по течению от нашего лагеря часть речного берега вместе с водой была выброшена в воздух и при падении буквально расплющила квадратную милю джунглей.

Однако в общем и целом джунгли безболезненно пережили землетрясение. Ни одно дерево не упало; в земле не образовались трещины, а небольшие ручьи продолжали течь как ни в чем не бывало. Мы бродили до темноты в поисках признаков недавнего ужасного события, но так ничего и не нашли.

Причины возникновения других полян и прогалин в джунглях гораздо менее драматичны. Иногда это слишком тощая почва или иные неблагоприятные условия для роста деревьев. На одном из таких участков я впервые получил возможность подняться над джунглями изнутри. Это случилось во время экспедиции в Западную Африку, в округе Мамфе на территории современного Камеруна.

Как-то раз, решив немного позагорать (в джунглях крайне трудно найти подходящее место для этого занятия), я обнаружил поляну, поросшую травой и низким кустарником. Это было превосходное место для солнечных ванн. На краю поляны я заметил гигантскую акацию, чьей древесины хватило бы на постройку Ноева ковчега. С нее свисало множество лиан, образывавших естественную веревочную лестницу, по которой не составляло труда подняться наверх. С акации я мог перебраться на верхние ветви еще более крупного дерева капока.

Вид на джунгли из такой перспективы был уникальным случаем в моей практике. Солнце стояло почти в зените, и его лучи отражались от сияющих поверхностей. Бабочки причудливой окраски порхали среди экзотических цветов в нагретом воздухе. Рои пчел деловито гудели, а жуки и мухи всех форм и размеров летали вокруг или зависали над каким-нибудь особенно лакомым соцветием — совершенно неподвижные, если не считать трепещущих крылышек, мелькающих так быстро, что глаз не может уследить за ними. Разноцветные птицы залетали под лиственный полог и вылетали наружу. Орлы и ястребы парили высоко в небе; очевидно, их глаза могли различить через листву вещи, недоступные для меня. Пожалуй, я никогда не чувствовал себя столь отрешенным от человеческого мира.

Для многих из тех, кто посещал джунгли, они были «гиблым местом». Эти люди твердили о зловещем сумраке, о странных звуках, о жалящих насекомых. Подобно представителям некоторых первобытных племен, они

упорно отказывались углубиться в джунгли даже для того, чтобы поохотиться, когда их мучил голод. Они стонали о неудобствах, тяготах и опасностях. Они рассказывали друг другу ужасные истории о ядовитых насекомых, змеях и растениях, о грозных тропических болезнях, о грязной воде и тухлой пище.

Разумеется, в джунглях человек сталкивается с определенными опасностями и неудобствами, но в значительно меньшей степени, чем, скажем, на улицах большого города. Если он отбросит страхи, предрассудки и не занесет с собой никаких болезней из своего обычного окружения, то обнаружит, что жизнь в джунглях не только приятна, но и благотворна. Климат там самый здоровый, если не считать арктических пустынь. В мире нет воздуха чище, чем в джунглях. Сам лес прохладный и сырой; лишь на полянах, куда падают прямые солнечные лучи, стоит такая же жара, как летом в Нью-Йорке или Чикаго, но далеко не столь душливая, как в Вашингтоне или Сент-Луисе, штат Миссури.

Джунгли — единственное место на земле, где человек все время может чувствовать себя комфортно, не прикладывая к этому никаких усилий. Здесь нет необходимости в одежде или постройке жилья, хотя в изобилии имеется материал и для того, и для другого. Здесь вам не понадобится искусственное отопление или кондиционированная прохлада. И здесь вам никогда не будет скучно.

А как же дикие животные? Почему в главе, названной «Портрет дождевого леса», так редко встречаются упоминания о них? Причина в том, что большинство чужеземцев, попадающих в джунгли, редко видят животных, если не считать муравьев, безразличных к вторжению человека. Вы можете услышать вскрик или шорох, но не узнаете, что было причиной звука: животное, легкий ветерок или треснувшая ветка. Я встречался с лесниками, опытными людьми, прожившими много лет рядом с джунглями, но никогда не видевшими более крупных животных, чем белки и обезьяны.

Но если вы пробудете в джунглях достаточно долго и настроитесь на их ритм, то, вероятно, придете к выводу, что тропический дождевой лес — не просто сочетание растительного и животного мира. Это живая, пульсирующая сущность. Отдельные древесные исполины выглядят впечатляюще, но они не обособлены от остального леса. Лишь проводя операцию на хирургическом столе, мы думаем об отдельных костях, мускулах, мозгах и внутренних органах животного или человека. Когда организм жив, он прекрасен. Так и с джунглями: они прекрасны потому, что являются живым организмом.

Глава шестая
МНОГОЭТАЖНАЯ ПРИРОДА

Поднимитесь на пятьдесят, шестьдесят или даже на восемьдесят футов, и ночные джунгли предложат вам еще одно из своих неисчерпаемых чудес. Лиственный полог все еще высоко над головой и живет своей невидимой жизнью. Земля внизу, к счастью, остается невидимой в темноте. Здесь, на среднем уровне леса, человеку открывается мир, который при обычном ходе событий не имеет практически ничего общего ни с поверхностью земли, ни с верхними этажами джунглей, где царствует солнце.

Обычно обитатели одного этажа джунглей не вторгаются в другой, да и сам я в ту ночь не собирался никуда лезть, а просто вышел с фонариком посмотреть, что за добычу принесли два наших африканских охотника. Торжествующие крики свидетельствовали о том, что трофеи могут оказаться интересными. Продвигаясь на звук голосов, я услышал шум, как будто множество мелких животных убегало по ветвям, спасаясь от опасности. Когда я посветил вверх, луч фонарика упал прямо на маленькое

существо размером с котенка и с внешностью плюшевого мишки. Беззаботно ухватившись за ветку снизу, зверек висел на ней и смотрел на меня через плечо с таким же интересом, как и я на него. Потом он медленно облизнул маленький розовый нос таким же розовым язычком, заморгал и начал двигаться к стволу задом наперед, по-прежнему вися под веткой. Это был потто, ночное животное, родственное африканским лемурам и обезьянам африканских джунглей, способное передвигаться таким странным «перевернутым» образом.

Меня посетила безумная мысль, что этого малыша можно поймать голыми руками, и я полез наверх. Одну руку я держал свободной, продолжая освещать его фонариком. К счастью, на дереве было достаточно веток и выступов для лазания, что вообще-то необычно для джунглей. Повернувшись ко мне и перевалившись на верхнюю сторону ветки, потто частично утратил сходство с плюшевым мишкой. Его лапы казались непропорционально большими и неуклюжими, а на мордочке появилось выражение рассерженного медвежонка. Шерсть на загривке вздыбилась, открыв воротничок из острых костяных игл.

Когда я пополз к нему по ветке, он поднялся на задних лапах, прижал к груди передние и внезапно опустил голову, скатавшись в шарик и выставив колючий загривок в мою сторону. Если бы я схватил его, то в мою руку вонзились бы десятки иголок. Тем не менее я продолжал наступать. Тогда он переполз под ветку и начал отступать с удивительной скоростью. Ветка была слишком толстой, чтобы потто мог надежно обхватить ее, но он продолжал держаться вопреки силе тяготения.

Разумеется, я последовал за ним, и он повел меня воздушными перекрестками от одного дерева к другому. Иногда ветви были толще, чем туловище взрослого человека. Любая из них без труда могла поддерживать мой вес, хотя мне приходилось держать фонарик во рту и высвободить обе руки для лазания. Когда потто наконец скрылся

из виду, внезапно исчезнув среди густой листвы в переплетении опасно тонких ветвей, я обнаружил, что все это время упорно карабкался вверх. Лишь задумавшись о том, как спуститься на землю, я осознал, что нахожусь на высоте более ста футов.

До сих пор я не видел других признаков жизни, кроме потто, и не слышал ничего необычного. Когда я прикинул расстояние до земли, мне показалось наиболее разумным позвать на помощь двух охотников, которые, возможно, были не слишком далеко. Поэтому я принялся попить громким фальцетом: высокие, пронзительные звуки разносятся в джунглях на большее расстояние, чем мужественные крики.

Реакция была поразительной. Повсюду вокруг раздалось великое множество хрустов и шорохов, сопровождаемое громким чириканьем, писками и кашляющими звуками на десятки голосов.

Я посветил фонариком вокруг и обнаружил, что нахожусь в спальне белоносых обезьянок гвенонов. Встревоженные и обеспокоенные моим вокальным представлением, они сонно моргали и смотрели на меня, друг на друга и жизнь в целом с раздраженной брюзгливостью людей, разбуженных с похмелья глубокой ночью. Днем эти обезьяны — очаровательные зеленые существа с белыми носами, предпочитающие кору молодых побегов самым сладким и сочным фруктам — легко и грациозно порхают по ветвям с уверенностью нью-йоркского водителя такси, маневрирующего в потоке машин в час пик. Но сейчас матери прижимали к себе малышей и жалобно хныкали, а взрослые самцы шумно и бесцельно прыгали вокруг, корча жуткие гримасы. Очевидно, я серьезно потревожил сон обитателей этой «квартиры» джунглей.

Я привожу этот случай потому, что он был одним из моих первых личных впечатлений о многоэтажной структуре джунглей. Для меня он навсегда останется поразительным откровением. Средние этажи являются одной из

наиболее важных составных частей джунглей, поскольку там живет значительное число их обитателей, невидимых для наблюдателя с земли.

Представление длилось недолго. То ли обезьяны призывали к моему присутствию, то ли они оправились от замешательства и решили заняться другими делами — мне так и не удалось выяснить. Наше невольное соседство прервалось после того, как, пытаясь переползти на более прочную опору, я вдруг полетел вниз вместе со сломанной веткой, за которую держался обеими руками. К счастью, вокруг моей груди обвилась толстая лиана, и мне удалось постепенно спуститься на землю по ее прочному стеблю.

С тех пор я гораздо тщательнее готовился к лазанию по деревьям и имел много возможностей посетить то, что сам предпочитаю называть «летающими континентами». Когда лиана расположена неудобно, можно выпустить стрелу с прикрепленной леской, по которой затем подтягивается веревка, открывающая доступ на верхние уровни. Когда вы попадаете туда, то можете спокойно карабкаться или даже ходить по массивным ветвям, не подвергая себя опасности. Я видел развилки, достаточно широкие, чтобы поставить джип.

Лишь после того как человек увидит джунгли на всех уровнях, он может утверждать, что составил правильное представление о них, так как они имеют четко слоистое строение, наподобие слоеного торта. Таких слоев может быть пять, шесть или даже семь, и каждый обладает своими отличительными особенностями. Верхние состоят преимущественно из лиственного покрова, образованного кронами деревьев, но часто содержат значительное число других растений. Причины такой четкой стратификации не вполне понятны. Скорее можно было бы ожидать постепенного перехода от нижних уровней к верхним, но этого почти никогда не происходит.

Оригинальный и остроумный выборочный метод для научного изучения слоев растительности известен среди

английских ботаников как «метод Барта Дэви» в честь профессора Дж. Барта Дэви, который довел его до совершенства. Выбирается ровный участок джунглей, расположенный в пределах достаточно подробной карты, чтобы другие исследователи могли найти его в будущем для сравнения. Участок представляет собой прямоугольник размером 132 на 33 фута, обтянутый леской (эти размеры устоялись потому, что первые образцы были собраны ботаниками, пользовавшимися для измерений старой мерной цепью длиной 66 футов).

На масштабном плане отмечается расположение всех деревьев или кустарников с толщиной ствола не менее человеческой руки. На другой диаграмме дается набросок каждого растения высотой более трех футов. Из-за слоистого строения джунглей обычно бывает необходимо измерить и зарисовать все растения до высоты 30 футов, так как некоторые из них приходится срубить, чтобы как следует разглядеть более высокие уровни.

Более или менее точный набросок листовенного покрова представляет собой сложную задачу: горизонтальный диаметр кроны одного дерева может достигать 70 футов и более. Задача усложняется еще и потому, что рисунок должен включать все лианы и паразитные растения любого размера, а также некоторые из больших верхних ветвей, поддерживающих растительность, не уступающую по объему фруктовому саду средней полосы. Тридцатифутовое дерево может вырастать из развилки другого дерева на высоте восьмидесяти футов.

С этими двумя планами и образцами листьев, цветов, плодов и древесины от каждого растения можно проводить научную классификацию. Но работа по методу Барта Дэви также требует составления полных коллекций всех мелких растений, взятых из четырех разных концов участка площадью в один квадратный ярд. Задача может показаться незначительной, но количество всевозможной мелочи, растущей на сравнительно чистом участке почвы и в джунглях, может быть поразительным. В одном месте в

Британском Гондурасе, где я руководил работами по составлению секции Барта Дэви, мы насчитали не менее 2580 почвенных и покровных растений на площади в четыре квадратных ярда. Кроме того, ползучее растение вида *Selaginella* росло там в количестве пятидесяти экземпляров на квадратный ярд.

Этот процесс проливает некоторый свет на природу джунглей и их компонентов. На дне расположен богатый подземный мир роющих животных. Корни так многочисленны, что в джунглях трудно вести раскопки, однако в пространстве между ними обитает бесчисленное множество мелких животных, способных жить в постоянной темноте. Многие из них вообще не появляются на поверхности ни днем ни ночью.

Нижний этаж может показаться довольно бедно «меблированным» тому, кто знаком с более богатыми верхними уровнями. Наподобие современного многоквартирного дома, нижний этаж в основном служит прихожей. Второй этаж иногда называется кустарниковым, поскольку высота растительности здесь соответствует высоте обычных кустарников в загородном саду. Это могут быть папоротники, очень маленькие деревья или побеги пальм. В большинстве джунглей растения этого уровня сравнительно редки из-за недостатка солнечного света. Растения размером с хорошо ухоженные фруктовые деревья обычного сада составляют третий этаж джунглей, грубо говоря от 15 до 50 футов. Они могут образовывать сплошной покров, тесно сплетенный ползучими растениями или лианами.

Следующий слой составляют деревья среднего размера, от 40 до 80 футов. Он отсутствует в некоторых высоких экваториальных лесах и в большинстве высоких листопадных лесов, особенно там, где древесные гиганты практически целиком принадлежат к одному виду. Кроны четвертого этажа имеют более упорядоченную сферическую форму и временами тоже образуют почти сплошной лиственный покров.

Верхний этаж состоит из деревьев высотой от ста футов со сравнительно плоскими кронами, перекрывающими друг друга и подкрепленными листвою больших лиан. Эти деревья — огромные колонны, поддерживающие джунгли, — имеют прямой ствол и, как правило, четыре главных ветви, которые расходятся горизонтально. Поддерживая огромный массив листвы самого дерева, они также служат своеобразными «вешалками» для лиан и других ползучих растений, паразитов и эпифитов¹. Редкие эмердженты, достигающие еще большей высоты, свободны от лиан и эпифитов.

Для джунглей характерно, что форма кроны дерева целиком и полностью определяется его положением в слое, а не его видом. В джунглях растительное сообщество одного уровня может быть полностью отделено от сообщества другого уровня.

Ранее ошибочно считалось, что многие животные, обитающие на четвертом, пятом этажах, встречаются очень редко; лишь отдельные экземпляры удавалось увидеть, а тем более поймать для музеев и зоопарков. Но охотники редко могли установить свои ловушки или нацелить ружья так высоко. Еще труднее сделать точный выстрел с земли или хотя бы хороший снимок.

Одной из целей экспедиции в Западную Африку, о которой мы уже упоминали, была поимка маленького существа, родственного потто, но еще более скрытного, так называемого карликового бушбэби (*Galagoides demidovii*). Этот крошечный зверек имеет темно-зеленый мех, переходящий в желтый на брюшке и задних лапах, лисью мордочку с большими глазами и ушами и хвост, равный по длине его телу размером с новорожденного котенка. У него очень мускулистые конечности с длинными сильными пальцами, а строение лап напоминает птичье. Он живет

¹ Автотрофные растения, не имеющие связи с почвой. Селится на стволах и ветвях других растений.

на верхних этажах джунглей, где благодаря своей необычной раскраске становится почти невидимым. Мы особенно стремились получить беременную самку для одного выдающегося британского гинеколога, желавшего подкрепить наглядным примером свою теорию о том, что этот вид галаго принадлежит к прямой линии человеческих предков (название «бушбэби» без разбора применялось ко множеству других мелких обитателей джунглей по всему миру).

В джунглях неразумно игнорировать любую историю, какой бы невероятной и нелепой она ни казалась. Одну из таких историй мне поведал наш помощник-африканец, настаивавший, что видел двух карликовых бушбэби, спящих на дереве папайи. Это казалось совершенно невероятным. Во-первых, галаго не устраиваются на отдых там, где их можно видеть с земли, а во-вторых, папайя просто не может расти в джунглях. Это необычайно полезное растение, напоминающее огромный кочан капусты на конце длинного тонкого ствола и дающее известные тропические плоды, не встречается нигде, за исключением тех мест, где оно было посажено человеком — а поблизости не было никаких признаков человеческого жилья.

Поэтому я последовал за своим помощником по тропе, которую он проложил, находясь в весьма скептическом расположении духа. После получасовой прогулки мы вышли к маленькой поляне на берегу реки, о существовании которой я даже не подозревал. На поляне действительно росло одинокое дерево папайи. Должно быть, когда-то здесь находилось туземное поселение, покинутое не очень давно, так как джунгли еще не завладели им полностью. Тем не менее нелепый пучок листвы на вершине дерева казался самым неподходящим местом для отдыха маленького пугливого зверька.

Мой спутник продолжал настаивать, что видит двух бушбэби, но для меня они оставались совершенно незримыми. Чтобы ублажить его, я выстрелил в крону, надеясь

выманить возможных обитателей. К моему изумлению, крошечный галаго спрыгнул с дерева прямо над моей головой и побежал к высоким деревьям на краю поляны, явно намереваясь улизнуть в джунгли.

Этот карликовый бушбэби бежал с такой быстротой, какой я никак не мог ожидать от древесного животного. Обычно они прыгают с ветки на ветку, карабкаются вверх или вниз по стволу, а затем прыгают снова. Этот же просто мчался по прямой настоящим галопом, скреживая передние и задние ноги, словно скакун на финишной прямой ипподрома. Я побежал за ним — почва была ровной и чистой, как в пустом бальном зале, — и уже почти достиг его, когда он нырнул в гущу папоротникоподобных растений на лиане, вившейся между двумя высокими деревьями, и исчез там. Но мой спутник поймал его подругу, упавшую с папайи, и мы с радостью обнаружили, что она беременна.

В другой раз мы целых три недели жили в кроне эмерджента прямо над листовым пологом джунглей, подняв туда снаряжение для устройства лагеря и регулярно получая снизу посылки с припасами. Был сезон цветения, и обычная лесная тишина внизу нарушалась лишь глухими хлопками фруктов и орехов, падавших с самых ранних плодоносцев. На земле наступило настоящее пиршество, но и наверху кипела бурная деятельность.

Нескончаемые стаи обезьян гнездились то на одном, то на другом дереве, жадно пожирая цветы, нежные ростки или плоды. Другие мелкие животные поднимались снизу с той же целью или для того, чтобы ограбить грабителей. Высоко в небе парили соколы, ястребы, орлы и другие хищные птицы, готовые камнем упасть вниз на неосторожную обезьяну или мелкого зверька. Среди цветов порхали птицы, и на все это накладывалось бесконечное жужжание, гудение и стрекотание насекомых. Кроме миллионов пчел, собиравших нектар и пыльцу с прекрасных цветов, здесь были всевозможные жуки и кузнечико-

подобные существа, зависавшие в воздухе как вертолеты или перепархивавшие на тонких крылышках с цветка на цветок, от дерева к дереву.

Именно в такие моменты мы можем узнать, каким образом каждый из горизонтальных уровней в джунглях вносит особый вклад в жизнь тропического леса, сохраняя свою уникальность и неповторимость.

Глава седьмая

ВОДНЫЙ МИР СУШИ

В джунглях есть и другой мир. Отчасти он был описан и исследован более подробно, чем что-либо иное в тропическом дождевом лесу; я имею в виду реки, служившие основным связующим звеном между «цивилизованным человеком» и джунглями. Реки остаются главными артериями для путешествий по джунглям, несмотря на возможность воздушных перелетов.

Дожди — другая широко известная особенность этого водного мира. Почти постоянная морось, падающая с неба в сезон дождей, и ужасные потопаы во время тропических ливней описывались так часто и с таким драматизмом, что стали одним из основных представлений о джунглях для большинства людей.

Другие воды в джунглях привлекают меньше внимания. Пруды и ручьи не вдохновляли лирических поэтов и писателей. Озер и болот там просто не существует, однако, с другой стороны, главным осязаемым компонентом джунглей является вода. Вся гигантская структура, от ли-

ственного полога до почвенного слоя, похожа на губку, только что вынутую из наполненной ванны.

Мы уже говорили о том, что для существования тропического дождевого леса требуется не менее восьмидесяти дюймов осадков в год. Это означает, что каждый акр джунглей ежегодно получает по меньшей мере 2 160 000 галлонов воды, хотя обычно ее бывает гораздо больше. Каждая капля этой воды происходит от испарения в атмосферу с последующей конденсацией через охлаждение.

Растения джунглей, сами по себе поглощающие воду в огромных количествах, в свою очередь, являются огромными оросительными системами с изощренным механизмом, поддерживающим круговорот воды. Корни самых больших деревьев и лиан поднимают воду, несущую питательные соки на высоту сто или даже двести футов. Однако под воздействием силы атмосферного давления вода может подняться лишь на тридцать два фута. После этого ее нужно накачивать или всасывать, а любому из гигантских деревьев необходимо не менее тонны воды в сутки.

Дерево пользуется одновременно несколькими методами. Посредством испарения влаги через поры, или *стоматы*, листья создают всасывающую силу на вершине; корневая система накапливает давление снизу, а в промежутке жидкость передается от одной клетки к другой через осмотическое давление и с помощью капиллярных процессов. В результате в вечнозеленом дождевом лесу вода постоянно извлекается из почвы, переносится вверх и выбрасывается в атмосферу.

С учетом дополнительной влаги, поглощаемой воздухом над сушей и поверхностью моря, а затем возвращаемой на землю в виде дождя, джунгли получают более чем достаточно осадков. Тропические грозы, часто напоминающие скорее водопад, чем обычный ливень, являются сравнительно незначительным источником. Большинство джунглей получают влагу в основном от слабых дождей, хотя кое-где грозы случаются почти ежедневно.

Настоящей грозе в джунглях предшествует абсолютная, угнетающая тишина. Затем доносится странный злой звук, похожий на грохот исполинского локомотива — сначала в отдалении, но затем все ближе и ближе, хотя солнце продолжает ярко сиять в небесах. Вершины самых высоких деревьев начинают раскачиваться. Свет постепенно меркнет, но само небо, насколько вы можете видеть его сквозь листву, остается голубым.

Потом раздается могучий рев. Верхушки деревьев бешено трясутся, и струйки нагретого воздуха устремляются к земле вместе с сорванными листьями. Внезапно солнце исчезает, небо чернеет. На несколько мгновений снова наступает мертвенная тишина, а затем раздается новый удивительный звук, словно мириады крошечных лошадок цокают копытцами по туго натянутому барабану. Ослепительно яркая вспышка голубого света как будто прореживает лес горизонтально на уровне ваших глаз.

Это последняя возможность укрыть ценное имущество, поскольку сразу же за вспышкой налетает порыв ветра, сопровождаемый мельканием молний. Все деревья склоняются в одном направлении; пыль и листья взлетают вверх, и небеса с оглушительным треском разверзаются прямо у вас над головой, обрушивая потоки воды. Ветер моментально стихает; вода продолжает падать каскадами, перемежаясь с пушечным громом и быстрым мельканием молний. Почти всегда гроза заканчивается так же внезапно, как и начинается.

Ливни и обычные дожди дают достаточно воды не только для того, чтобы поддерживать растительность, но и для того, чтобы наполнять величайшие реки в мире. По сравнению с Амазонкой и Конго все остальные реки выглядят карликами. Амазонка, имеющая крупнейший в мире речной бассейн, несет в море столько же воды, сколько сотня Конго или почти тысяча Миссисипи. Ее истинные размеры нельзя оценить во всей полноте. Начиная от устья, вы будете пять дней плыть вверх по течению, прежде чем сможете увидеть оба берега одновременно. Главное русло настолько глубокое, что морские суда с

осадкой в четырнадцать футов могут подниматься через всю Бразилию до Икитоса на территории Перу, за две тысячи миль от побережья. Амазонка и ее притоки дренируют бассейн площадью в две трети Соединенных Штатов и протекают через самый большой регион джунглей в мире.

Великие реки — Меконг, Салуин, Брахмапутра, Ориноко и некоторые другие, кроме Амазонки и Конго, — являются артериями джунглей. Подобно кровеносной системе животных, они уносят избыточную жидкость и нежелательные осадки. От них во все уголки леса расходятся протоки, которые в верховьях превращаются в кристально-чистые ручейки, журчащие и капающие между валунами.

Вода в тропических дождевых лесах принимает много облиций, иногда невероятно красивых. Так называемые черные реки являют собой поразительное зрелище. Они кажутся черными, так как чистая вода отражает свет особым образом. Риу-Негру, один из крупнейших притоков Амазонки, получил свое название в силу этого факта.

Водопады в джунглях, со всех сторон обрамленные темной зеленью, обладают своеобразным величием, вызывавшим благоговейные чувства у многих путешественников. К примеру, водопады Кайетур на реке Потаро в Британской Гвиане¹ падают с утеса, почти в пять раз более высокого, чем знаменитый водопад «Подкова» в окрестностях Ниагары. Глубина реки перед водопадом достигает двадцати футов, а ширина водопада не уступает городскому кварталу. Или возьмем могучий водопад Анхель в Венесуэле, который часто называют самым высоким. По некоторым оценкам, высота падения воды достигает пяти тысяч футов, и хотя водопад берет начало высоко в горах Гвианы, у его подножия растет настоящий дождевой лес.

Водопады Стэнли в Конго представляют собой серию из семи каскадов небольшой высоты на отрезке реки длиной в шестьдесят миль. Через них протекает вдвое боль-

¹ С 1966 года независимое государство Гайана.

ший объем воды, чем в Ниагаре. Однако река Конго на этом участке находится почти в 1500 милях от моря и еще не получает воду от некоторых главных притоков.

Ниже озера Стэнли, на широком участке, где Браззавиль и Леопольдвиль¹ смотрят друг на друга с разных сторон реки, ущелье невероятных пропорций и красоты нарушает судоходство по реке Конго лишь в сотне миль от моря. Здесь воды второй величайшей реки в мире обрушиваются вниз грандиозной пенистой волной — не такой высокой, как Ниагара, но многократно превосходящей ее по объему.

Некоторая часть излишков воды может накапливаться в промежуточных слоях джунглей. В дуплах деревьев образуются маленькие озера, а в некоторых случаях лесные великаны служат настоящими водонапорными башнями. Их полые стволы до краев заполняются прозрачной водой. Однажды, заблудившись в джунглях, я смог найти воду лишь после того, как забрался на высоту пятьдесят футов. Надземные «питьевые фонтаны» нелегко обнаружить тому, кто не обладает обезьяньей ловкостью и не может обнаружить благоприятное место. К счастью, некоторые лианы представляют собой резервуары, наполненные пригодной для питья жидкостью. Пара косых разрезов с помощью пачеты — и за считанные секунды вы можете набрать полные пригоршни чистой, холодной, слегка кисловатой воды. Впрочем, другая лиана, похожая на предыдущую, может служить вместилищем чистой, холодной отравы. Но если вы можете отличить одно от другого, вам не придется страдать от жажды посреди изобилия джунглей.

Конечно, под землей тоже есть богатые залежи воды. Даже там, где почва кажется совершенно сухой, стоит копнуть на несколько дюймов, и вы обнаружите влагу. Еще ниже вода просачивается через пористые породы и стекает в крупные подземные речные системы. Это еще один огромный, но никем не измеренный источник во-

¹ Название г. Киншаса до 1966 г.

ды. Частично она впитывается корнями растений, но в основном уходит в другие места.

Некоторые крупные джунгли практически находятся на плаву. Можно привести такой замечательный пример, как болото Корони в Суринаме, бывшей Голландской Гвиане¹, которое расположено между двумя огромными, почти параллельными реками — Никкери и Коппенамом. Они соединены совершенно поразительной протокой под названием Вайамбо. Вода там течет в обоих направлениях! Если вы поплывете по протоке с любого берега, то вам придется бороться с сильным течением, но ближе к центру вы обнаружите стоячую воду. По мере дальнейшего продвижения вас снова подхватывает течением и выбрасывает в русло главной реки, как пробку из бутылки.

Болото Корони находится между Вайамбо и Атлантическим океаном. В дождливый сезон оно образует обширный, почти неразличимый купол, покрытый пышными джунглями. Если вы пробьетесь внутрь, срежете тростниковый шест и начнете зондировать почву, то, пробуравив около десяти футов спутанных корней и земли, обнаружите пятнадцати-двадцатифутовый слой чистой воды, а затем упретесь в скальное основание. В сухой сезон это место превращается в подобие мелкой тарелки с заболоченным участком в центре, вокруг которого сосредоточивается громадный зверинец из тропических животных. В это время года в подпочвенном слое джунглей нет воды; вся поверхность суши просто опускается на твердое основание, и вы оказываетесь даже немного ниже уровня моря. Вода выдавливается в Вайамбо, как из огромного мочевого пузыря.

Круглогодичное болото может содержать так много воды, что обычные растения джунглей буквально тонут в ней. Кроме того, болота подвергаются затоплению в большей степени, нежели другие области. Отметины на деревьях в одном малайзийском лесу показывают, что вода регулярно поднимается до тридцати футов. Подлесок и

¹ Точнее сказать, Нидерландской Гвиане.

малые деревья гибнут в такой среде, а в болотах с более постоянным уровнем воды они вообще не растут.

В настоящих джунглях вода распределяется более эффективно. Даже листья адаптируются специально для этой цели. Поразительной ботанической особенностью тропических лесов является то, что почти все листья деревьев и других растений, независимо от своего облика в других местах, приблизительно одинаковы по форме, цвету и текстуре. На отдельном участке джунглей можно найти двадцать разных видов деревьев с такими похожими листьями, что они кажутся сорванными с одного дерева. Скорее всего, на листьях можно будет увидеть характерное приспособление, известное под названием «капельница» и присутствующее у каждого девяти из десяти деревьев, растущих в джунглях, но сравнительно редкое в других местах. Это удлиненный, резко заостряющийся кончик, способствующий усиленному выведению влаги и высыханию листьев после дождя. Избыточная влага не столько испаряется, сколько передается на нижние уровни дождевого леса.

Но вода не является единственным решающим фактором в жизни джунглей. В сочетании с другими факторами она образует особую неповторимую среду, в которой развивается этот растительный комплекс.

Глава восьмая
ВЕТЕР И ПОГОДА

Большинство людей описывает джунгли как жаркое и влажное место. В то же время они удивительно стабильны и единообразны. Погода там совсем не типична для остальных тропиков; например, даже самая высокая температура редко достигает значений, каждое лето регистрируемых в Соединенных Штатах и Южной Европе.

Сравнение восьми различных районов джунглей по результатам длительных наблюдений наглядно показывает их влажность и среднюю температуру. Два исследованных участка находятся в Южной Америке, три в Африке и три — в Азии.

Температура самого холодного месяца в самом холодном районе была лишь на двенадцать градусов ниже температуры самого жаркого месяца в самом жарком районе¹. Наибольшие колебания температуры в пределах одного района составляли пять с половиной градусов. (Для сравнения: в Нью-Йорке средняя температура самого

¹ Температура приводится по шкале Фаренгейта.

холодного месяца может равняться 21 градусу, а самого жаркого — 74 градусам.) В этих узких пределах температура в тропиках обычно немного выше во время дождливого сезона и немного ниже — во время сухого сезона. Поэтому в целом *колебания* температуры едва ли являются определяющим фактором в жизни и развитии джунглей.

Постоянство температуры обусловлено сочетанием нескольких факторов. Наиболее очевидным из них являются прямые солнечные лучи, которые в тропиках в течение года распространяются более равномерно, чем где-либо еще. Другой фактор — смягчающее воздействие океанов. Около трех четвертей всей тропической зоны покрыто морем, а вода оказывает стабилизирующее воздействие на температуру. И наконец, было обнаружено, что почва в джунглях не холоднее, а иногда даже теплее

*Количество осадков и температура
в восьми районах джунглей*

	Наибольшее	Наименьшее
Среднегодовое количество осадков	164,4 дюйма	65,1 дюйма
Количество дождливых дней в году	212	172
Разница между самым сухим и самым дождливым месяцем	41 дюйм	4 дюйма
Среднегодовая температура	81°	76°
Средняя температура самого жаркого месяца	83°	77,5°
Средняя температура самого холодного месяца	79,5°	71°

воздуха. Один из экспериментов, проведенных в Конго, подтвердил, что температура почвы в двух футах от поверхности на два градуса превышает температуру воздуха над почвенным слоем. Причина здесь в том, что некоторые почвы сохраняют тепло дольше других и медленнее теряют его. В тропических дождевых лесах ничто не остывает достаточно быстро, чтобы понизить общую температуру воздуха.

Когда начинаются дожди, колебания температуры от месяца к месяцу также незначительны при условии отсутствия длительного сухого сезона со среднемесечным количеством осадков менее трех-четырёх дюймов. Из тех восьми районов джунглей, о которых мы упоминали выше, наибольшие колебания температуры между сухими и влажными месяцами отмечены в Камеруне (Западная Африка), и в этом же районе выпадает наибольшее ежегодное количество осадков. Зато в районе с наименьшими колебаниями температуры, расположенном в Малайзии, выпадает лишь 95 дюймов осадков в год. Другой район, по которому имеются результаты метеорологических измерений, находится в Бирме. Здесь, при такой же среднегодовой температуре и количестве осадков, мы обнаруживаем не джунгли, а саванну и листопадный лес. В чем причина? Дело в том, что здесь четыре месяца подряд выпадает менее полудюйма осадков. Там, где джунгли могут выжить при среднегодовом количестве осадков в 65 дюймов или около того — один из таких районов, включенных в выборку, находится в Конго, — очень высокая влажность и подпочвенные воды компенсируют недостаток влаги в сравнительно засушливые сезоны. Однако следует помнить, что в данном случае определение «засушливый» применяется к джунглям, поскольку даже в это время там выпадает больше дождей, чем во время ливней в штате Луизиана.

Термин «парящие тропики», как ни странно, часто употребляется для описания сравнительно сухих мест. Но влажность в джунглях действительно высокая и часто приближается к точке насыщения; разумеется, чем теплее

воздух, тем больше влаги он может вместить. Даже когда влага не конденсируется в виде дождя, человек в джунглях постоянно ощущает ее присутствие. Его обувь, книги и одежда плесневеют и гниют с устрашающей скоростью. Если он снимает рубашку и не стирает ее сразу же, а просто вешает на стул, то через день-другой обнаруживает красивую поросль «грибов», выползающую из рукавов. Однако теплый воздух в тропиках иногда продолжает впитывать влагу даже после того, как она достигает предполагаемой точки насыщения для любого другого места. Было подсчитано, что влажность в 61 процент при 80 градусах в тропическом дождевом лесу эквивалентна лишь 6 процентам при 59 градусах — средней дневной температуре в зоне умеренного климата. Это очень низкий показатель.

В итоге этих процессов растительность в джунглях может свободно «дышать». Корневая система растений всасывает питательные вещества, равномерно распределяет их и избавляется от излишков через листья.

Ветры могут оказывать влияние на климат джунглей, в первую очередь благодаря увеличению скорости испарения. На самых открытых участках они также могут сильно замедлить рост деревьев. Но в основном их влияние в джунглях ощущается конечно же в верхней части лиственного полога.

Ураганы и торнадо не оказывают существенного воздействия на климат, но могут быстро и внезапно изменить облик отдельных участков джунглей. Эти штормы могут причинить невероятный ущерб, если находят пролом или слабое место в сплошной стене тропического леса. Я видел, как целые мили прекрасного леса со сплошным лиственным покровом были буквально разорваны в клочья в течение одного часа. С ветвей сорвало листву; большие деревья упали, и вывороченная земля громоздилась кучами вместе со спутанной массой ветвей и корней на высоту до тридцати футов. Нам повезло, что мы остались в живых. Если бы мы находились не на краю, а в центре трехмильного «выкоса», оставленного бурей, нам

в лучшем случае пришлось бы преодолеть полторы мили спутанной колючей проволоки.

В джунглях настоящие торнадо, или смерчи, начинаются на открытых участках, набирают силу и носятся над лесом, то и дело опускаясь внутрь, чтобы вырвать с корнем огромное дерево, засосать кучу гнилушек и мусора или несколько тонн воды из реки. И мусор и вода могут рухнуть вниз на расстоянии нескольких миль от того места, где они были захвачены. Испуганные обитатели джунглей иногда слышат жуткий гром с ясного неба, а затем на них обрушивается настоящий потоп из жидкой грязи, перемешанной с рыбами, черепахами и водорослями. Можете себе представить, какое впечатление это производит на туземных охотников!

Крупнейшие циклонические штормы, которые индейцы-араваки Карибского бассейна называют *хурриканами* (отсюда слово «ураган»), являются близкими родственниками австралийских вилли-вилли и тайфунов Восточной Азии (первоначально *taí fung*, или «большое крыло» по-китайски). Все они рождаются над океанами в штилевых зонах и представляют собой огромные конусы нагретого влажного воздуха. Скорость вращения воздушных масс внутри конуса может достигать двухсот миль в час; она наиболее велика поблизости от центрального «глаза», который на самом деле представляет собой цилиндр неподвижного воздуха, поднимающийся в форме воронки к верхним слоям атмосферы.

Во время ураганов происходит накопление электростатических зарядов огромной мощности, поэтому воздух, наполовину состоящий из воды, начинает вести себя необычным образом: завивает прямые волосы и вышибает искры из самых миролюбивых людей. Сила ветра может воткнуть соломинку в столб изгороди, а сам столб — в ствол пальмового дерева. Пронесясь над морем, ураган может вобрать в себя столько воды, что мелководное побережье осушается на многие мили, а на другие побережья обрушивается мощная «приливная

волна». Такие штормы производят внушительное впечатление в джунглях Центральной Америки, Новой Гвинеи и на Филиппинах. Прибрежные области иногда подвергаются затоплению, хотя это оказывает лишь слабое воздействие на мангровые леса. Высокие деревья, особенно растущие на открытых склонах, вырываются с корнем и разбрасываются по большой площади. И наконец с неба падает поистине невероятное количество воды; было подсчитано, что ураган средних размеров (примерно 300 миль в диаметре) за несколько часов обрушивает не менее 300 млн тонн воды на узком участке протяженностью в 500 миль.

Климат в джунглях регулируется также облаками, которые здесь появляются гораздо чаще, чем можно было бы ожидать в тропиках. Возле экватора, где солнце иногда прячется за облаками большую часть дня, этот феномен проявлен так отчетливо, что французские моряки называют экваториальный пояс *pot au noir*¹. В результате интенсивность света настолько снижается, что некоторые метеорологи считают общее количество излучения, проходящего на долю дождевых лесов, заметно меньшим, чем в умеренных зонах, несмотря на более мощное воздействие прямых солнечных лучей. Это помогает поддерживать равномерную температуру и предотвращает резкие колебания, возможные после нескольких безоблачных дней.

Климатические условия на поверхности даже небольшого участка джунглей могут значительно отличаться от условий над лиственным пологом или в средних ярусах растительности. Покров листвы так плотен, что создает «защитный кокон», в котором джунгли могут развивать свои разновидности микроклимата. Таким образом, на земле может идти дождик, в то время как над головой ярко светит солнце.

¹ Баночка для ваксы; а также (при написании через дефис: *pot-au-noir*) опасное, затруднительное положение (*фр.*).

Микроклимат у поверхности лиственного полога в общем и целом соответствует климату в данной части света. Здесь ощущается воздействие ветров, поэтому листья вырастают более крепкими и жесткими, чем внизу, чтобы противостоять внезапным штормовым порывам. Здесь образуется роса и поглощается большая часть солнечного света.

Лиственный покров оказывает мощное влияние на микроклимат внизу. Он захватывает и перенаправляет значительную часть осадков. Он защищает внутренние области джунглей от ветра и резких колебаний температуры. Ночью тепло излучается не землей, а кронами деревьев, поэтому среднесуточная температура поддерживается на почти постоянном уровне. Однако утром, с восходом солнца, влажность воздуха в верхней части лиственного покрова начинает уменьшаться. Через час-другой эти процессы достигают земли, и в течение дня верхние слои воздуха последовательно становятся все более сухими, чем нижние. С наступлением сумерек воздух достигает максимальной влажности на уровне почвы.

Из всех климатических факторов наиболее сильные колебания наблюдаются в интенсивности света на верхних и нижних этажах джунглей. Внизу лес погружен в бутылочно-зеленый сумрак, лишь изредка пронизываемый случайными лучами солнца. В зависимости от наличия второго уровня сплошного лиственного покрова свет может распределяться более или менее равномерно. Наряду с интенсивностью света существуют некоторые вариации в его структуре. Если свет отражается от листьев наверху, его красная составляющая не теряет своей силы, но если он проникает через листву, то красная часть спектра отфильтровывается.

Изменения в микроклимате джунглей по вертикали создают интересные проблемы для растений, зарождающихся на нижних этажах и прорастающих наверх. Им приходится приспосабливаться к новым условиям — во

многом так же, как современному заводу при переходе с ручного труда на машинный. В сущности, каждое растение является химической фабрикой, перерабатывающей материалы, извлеченные из почвы или другого растения. Поэтому для понимания джунглей знание химии почти столь же необходимо, как знание ботаники.

Глава девятая
РАСТИТЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

Растительность повсюду пользуется сходными процессами воспроизводства, но отдельные аспекты изменяются в соответствии с условиями природной среды. Эти условия в значительной мере определяют, какие виды растений будут расти в том или ином месте и какой облик примет конкретное растение: здесь это может быть кустарник, там — дерево, а в другом месте — обычная трава.

Независимо от деталей процесса он имеет одинаковую цель для всех живых организмов: извлечь питательное сырье, трансформировать его в живую ткань и избавиться от отходов. Для этого растение использует воду в качестве растворителя и свет в качестве источника энергии для создания углеводов. Основное сырье извлекается большей частью из почвы. Почва джунглей весьма отличается от почв других географических поясов, хотя подстилающие породы могут быть такими же.

Почти все почвы джунглей имеют несколько общих характеристик. Здесь мы перечислим самые важные:

1. Они сравнительно тощие и содержат гораздо меньше питательных элементов, чем плодородные почвы зоны умеренного климата.

2. Они кислые, даже если формируются на щелочных породах.

3. Они почти полностью выветриваются в результате химических процессов (двойного разложения, известного как гидролиз и обусловленного обилием воды), а не в результате обычных физических процессов, таких, как чередование холода и тепла или таяния и замерзания.

4. Почвенный слой обычно довольно тонок (для джунглей характерны суглинки, хотя встречаются глинистые и песчаные почвы). Он часто имеет глубину в несколько дюймов, иногда два-три фута, и лишь в редких случаях измеряется ярдами.

5. Они обычно богаты окислами железа и алюминия, но бедны кремнеземом.

6. Они имеют сравнительно малое содержание гумуса.

Эти пункты, каждый из которых играет важную роль в деятельности «химической фабрики» джунглей, заслуживают более пристального внимания.

То, что в почве дождевого леса недостаточно питательных веществ для растений, может показаться удивительным, поскольку сама растительность отличается необыкновенной пышностью. Дело в том, что растения забирают значительную часть питательных элементов, прежде чем сами становятся частью почвы. Не менее значительную роль играют потоки воды, регулярно обрушивающейся сверху. Обильные дожди постоянно дренируют почву. Лишь очень редко, в особенно засушливые периоды, когда почва начинает обезвоживаться, вода притягивается к поверхности — обычное и частое явление в умеренном климате. Потоки воды выносят наиболее растворимые элементы растительного питания в реки, а оттуда — в океан.

Недостатки почвы джунглей, разумеется, более очевидны для человека, чем для растений, которые чувствуют себя прекрасно. На самом деле люди обнаруживают

низкое качество почвы лишь после того, как расчищают участок джунглей для собственных посадок. Поля почти неизменно оставляются заброшенными после однодвух сезонов земледелия, поскольку не могут обеспечить нормального урожая сельскохозяйственных культур.

Одним из наиболее драматических примеров истощения почвы в джунглях для меня была заброшенная золоторудная шахта в Гвиане. Мы добрались до нее по узкоколейке на маленькой ручной дрезине. В джунглях, как обычно, было сумрачно и тихо, словно в кафедральном соборе. Затем мы выехали на расчистку — полуторамильный участок коричнево-желтой, абсолютно голой земли, где лес был вырублен для горнорудных работ. Шахта бездействовала уже два года, но ничто больше не росло здесь; лишь вокруг домика смотрителя на пригорке раскинулся великолепный розовый сад, выглядевший довольно странно посреди дикой природы.

Почвы в джунглях всегда кислые, так как постоянный дренаж выводит растворимые соли из первоначальной породы. Было отмечено, что даже среди известняковых выходов известь выносится прежде, чем успевает оказать на почву ощелачивающее воздействие. Следовательно, растения, предпочитающие кислые почвы, имеют в джунглях большое преимущество.

Подпочвенные воды в дождевых тропических лесах богаты гуминовой и дубильной кислотами, а также другими кислыми растворителями. Поэтому многие тропические реки имеют коричнево-вишневый оттенок и могут в конечном счете растворить практически любую породу, особенно ослабленную корнями растений. Разумеется, большое количество обогащенной минералами почвенной воды жадно впитывается растениями, прежде чем остаток попадает в реки.

Единственными местами в тропиках, где физические факторы способствуют превращению подстилающих пород в почву, являются редкие просветы, где камень подвергается воздействию солнечных лучей. Тогда дневное

нагревание и ночное охлаждение вместе с дождевой эрозией приводит к образованию плодородного слоя.

Однако гидролиз с лихвой возмещает обычные эрозионные процессы. Тропическая жара, которая под землей почти так же сильна, как и наверху, плюс обилие воды — идеальные условия для превращения одного химического вещества в другое через добавление H_2O . В джунглях это продолжается в течение многих тысяч лет, поэтому отложения могут достигать большой мощности. Есть сообщения о почвенном слое почти в 60 футов, и я сам видел почвы толщиной до 30 футов — очень мощные по любым стандартам. Но плодородный слой быстро исчезает, лишаясь защиты растительности. В одном из немногих мест, где я видел мощные пласты почвы — до 28 футов под деревьями, — дожди смыли ее прочь, прежде чем на расчищенном участке успели вырасти первые посевы. За какие-то несколько месяцев почвенный слой был размыт до подстилающей породы (в данном случае пористого песчаника) либо усеян твердыми вкраплениями окислов железа, вымытыми из суглинков.

Этот вид эрозии гораздо сильнее проявляется в холмистой местности, чем на низменных участках. Целые районы, некогда покрытые джунглями, превратились в пустоши из-за деятельности человека: одной расчистки было достаточно, чтобы безвозвратно уничтожить их, как случилось в Голубых Горах¹ на Ямайке. Однако в низменностях джунгли вскоре затягивают расчищенные места.

Одна из причин скудности почвенного слоя заключается в том, что вода просто не дает времени для накопления осадков. Они неустанно смываются ручьями, речушками и крупными реками. Амазонка выносит из джунглей столько растворенной почвы, что воды океана на сотни миль от устья окрашиваются в грязно-коричневый цвет. Несколько лет назад было проведено сравнение между Амазонкой и Рейном, обычной европейской рекой.

¹ Блу-Маунтинс.

С каждой квадратной мили своего бассейна Амазонка ежегодно выносит в сто тридцать раз больше твердых частиц, чем Рейн.

В большинстве джунглей, подвергавшихся научным исследованиям, почвы имеют характерный желтый, а чаще красноватый цвет, настолько распространенный, что некоторые авторы называют их «тропическими красноземами». Этим цветом почвы до некоторой степени обязаны окислам железа и алюминия, которые плохо растворимы в воде, но переносятся в виде коллоидной суспензии. Они легко выпадают в осадок, поэтому остаются в почве и окрашивают ее, не вымываясь дождевой водой.

Перечисленные факты объясняют замечательное сходство тропических дождевых лесов, растущих на разных геологических формациях. Однажды я видел, как геолог-исследователь вынес из центральноамериканских джунглей полдюжины образцов совершенно разных пород. Одинаковые деревья и кустарники вырастают до одинаковой высоты на сланцах, глинах, известняках, песчаниках, метаморфических и даже вулканических породах.

Отдельно следует упомянуть о небольшом содержании гумуса в почвах джунглей. Хотя гумус образуется там с большей скоростью, чем в зонах умеренного климата, он разлагается еще быстрее. Этим объясняется наличие очень тонкого покрова растительной мульчи на почве. В тропическом дождевом лесу существуют идеальные условия для переработки в гумус листьев, коры и древесины. Но те же самые условия обеспечивают невероятно быстрое разложение гумуса на минеральные компоненты, которые, в свою очередь, растворяются в верхних нескольких дюймах почвы, где сосредоточены корни растений. Минеральные вещества незамедлительно поглощаются, поэтому «почва» в том виде, как мы ее знаем, часто не успевает сформироваться.

Ученые, впервые обнаружившие компоненты «химической фабрики» джунглей, удивлялись, почему самые величественные леса на земле растут на весьма бедной почве, в то время как на богатых, но более сухих тропиче-

ских почвах не растет ничего, кроме саванны, кустарников или низкокося. В конце концов они обнаружили, что джунгли питаются сами собой, извлекая лишь малую часть необходимых веществ из более глубоких слоев породы. Скорость, с которой растения возвращаются в «общий котел», поистине поразительна. Однажды я растянул лоскут вокруг крупного, сочного зеленого листа, упавшего у моих ног за завтраком в нашем походном лагере. К полудню он был ярко-желтым; к вечеру он был коричневым и в нем появились дыры; к полуночи от него осталось лишь филигранное кружево жилок, а на следующее утро исчезло все, кроме черешка, который пытались утащить два крупных муравья. Дерево и кора разлагаются лишь немногим медленнее. Вся жизнь, от микроскопических организмов до крупных животных, помогает этому процессу. Термиты особенно эффективно подтачивают упавшие стволы и ветви.

Большинство растений под листовным пологом джунглей особым образом пользуется углекислым газом. Хотя об этом предстоит еще многое узнать, мы находим указания на то, что концентрация углекислого газа в атмосфере нижних ярусов может в два, три, а иногда даже в пять раз превышать его содержание снаружи. Это достигается в результате несложного химического процесса. Вода, поднимаемая наверх от корней, насыщается углекислым газом, поглощенным листьями из воздуха. С помощью энергии, вырабатываемой хлорофиллом из солнечных лучей, она расщепляется на углеводороды. В джунглях, где свет сравнительно тусклый, этот основной химический процесс может быть ускорен избытком углекислого газа.

Углекислый газ выделяется всеми животными в процессе дыхания, а также является побочным продуктом органического разложения. Он в полтора раза тяжелее воздуха, поэтому под листовным пологом джунглей он собирается неподалеку от земли. В других лесах, более открытых и лучше проветриваемых, углекислый газ рассеивается быстрее.

Для деятельности растительных энзимов¹ необходим еще один легкий газ — азот, обычно вырабатываемый почвенными бактериями. Уже давно люди обнаружили, что растения семейства бобовых особенно богаты нитратообразующими бактериями. Поэтому фермеры используют при пахоте стебли или корни бобовых либо пользуются удобрениями.

Немецкий химик Фриц Хабер² в 1918 году стал лауреатом Нобелевской премии за разработку метода извлечения атмосферного азота (этот газ составляет примерно четыре пятых от общего объема земной атмосферы). Его открытие позволило Германии вести Первую мировую войну, несмотря на то что она оказалась отрезанной от единственных ранее известных запасов нитратных удобрений — в основном отложений гуано. С тех пор люди могли добывать необходимый им азот прямо из воздуха.

Джунгли пользовались этим методом за миллионы лет до появления человека. На почвах, где существует недостаток питательных элементов, в тропическом дождевом лесу растет великое множество бобовых растений; часто они имеют облик больших деревьев, таких, как гигантские тропические акации. Было отмечено, что в заболоченных или подвергнувшихся активному выщелачиванию районах джунглей Британской Гвианы более половины всех деревьев принадлежит к семейству бобовых. В трех соседних районах, не так сильно заболоченных и с менее кислой почвой, бобовые растения составляют лишь от 14 до 33 процентов.

Джунгли также превосхитили методы Хабера, воспользовавшись грозами для того, чтобы связывать азот из атмосферы. Гроза в тропиках сопровождается частыми вспышками молний. Когда разряд возникает между облаками или между облаком и землей, он вызывает мгновен-

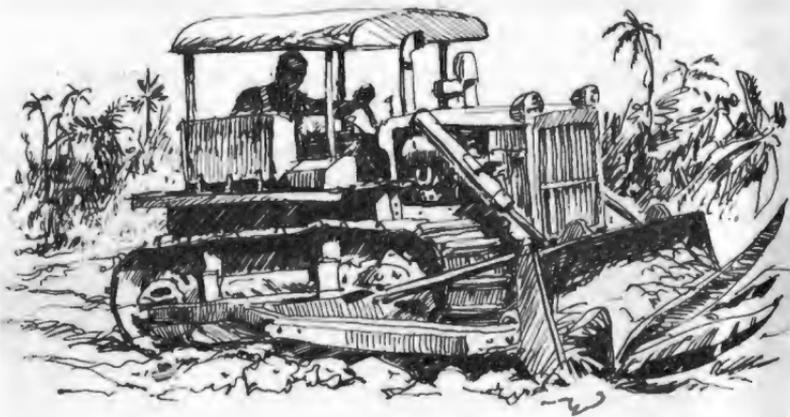
¹ То же, что ферменты.

² *Хабер (Габер) Фриц* (1868—1934) — немецкий химик-неорганик и технолог. Инициатор военного применения отравляющих веществ.

ные химические реакции. Одной из них является образование двуокиси азота из атмосферного азота и кислорода. Это соединение хорошо растворимо в водяных парах. Таким образом, во время тропической грозы джунгли получают большое количество двуокиси азота, которое измерится скорее тоннами, чем фунтами.

С точки зрения химии джунгли в целом функционируют более эффективно, чем другие типы растительности или даже современные химические заводы. Поэтому в них произрастают растения несравненной величины, разнообразия и великолепия.

Часть третья РАСТЕНИЯ ДЖУНГЛЕЙ

Глава десятая СВОД ПРАВИЛ

В основе сложного организма тропического дождевого леса лежит набор правил, регулирующих жизнь всех его обитателей. Эти правила проистекают из двух фундаментальных фактов. Во-первых, джунгли являются очень старыми растительными комплексами. Во-вторых, они стабильны.

Они достигают безупречного равновесия и поддерживают его на фоне пышного роста и быстрого разложения. Это происходит потому, что каждое растение в бесконечно длинной череде циклов развития точно выполняет функции своего предшественника. За долгие эпохи джунгли усвоили, какие формы растительности наилучшим образом выполняют разнообразные обязанности, требуемые от них. Лес выращивает поистине огромное количество растений для выполнения своих задач. Но он

также позволяет растениям жить собственной жизнью и выражать свою индивидуальность.

Существует широко распространенное мнение, что закон джунглей — не более чем безжалостная борьба за выживание в ситуации «убей — или будешь убит». Люди говорят «закон джунглей», когда имеют в виду особенно ожесточенную схватку без каких-либо принципов.

Разумеется, такое соревнование существует, но это не единственное правило, которому подчиняется растительность в джунглях. Существуют взаимозависимость и взаимная помощь, без которых лес не может существовать. Растения джунглей, если рассматривать их с этой точки зрения, борются не только за себя, но и ради общего благополучия.

Вы можете винить большие деревья в гибели сотен, тысяч, а возможно, и миллионов соперников в борьбе за место под солнцем. Но вам придется признать, что победители несут огромную ответственность за рост и сохранение других растений, за упорядоченное развитие самого леса. Высокие гладкие колонны стволов поддерживают огромный вес лиан, цветущих растений и даже других деревьев, иногда вознося их на сотни футов над землей, чтобы они могли дотянуться до солнечного света. Массивные ветви с густой листвой образуют платформы для настоящих воздушных садов с почвой и влагой для питания.

Тот же самый лиственный покров, который препятствует росту соперничающих видов и уничтожает пышную наземную растительность в тропиках, бурно разрастающуюся там, где дождь и солнечные лучи достигают поверхности, стоит на страже тенелюбивых растений. Определенные пальмы, многочисленные разновидности кофе и какао, семейства мхов и грибов могут развиваться лишь в тенистых условиях. Для них вечнозеленая крыша тропического леса имеет такое же важное значение, как для нас обычная крыша над головой.

Есть много растений, живущих на больших деревьях. Это эпифиты, которые поднимаются к солнцу вместе со

своими «хозяевами». Одно дерево в джунглях может поддерживать сотни эпифитов, многие из которых достигают внушительных размеров. Большинство из них остается невидимыми для наблюдателей с земли или даже из-под полога леса.

Все это в целом образует правило, которое, применительно к высокому экваториальному лесу, для многих людей может показаться странным. Оно гласит: «Сильные должны питать и поддерживать слабых». Действие этого правила столь очевидно, что впору задать себе вопрос, какое извращенное мышление приравняло «закон джунглей» к злокозненной жестокости. Огромные деревья с их защитным зонтиком листвы представляют собой благотворительные учреждения, от которых зависит вся жизнь в джунглях. Как и разумно финансируемые благотворительные фонды, они щедро делятся своими дарами, в то же время становясь сильнее.

Настоящие законы джунглей были установлены ботаником-первооткрывателем, чья работа по изучению растительности была лишь немногим менее важной для ботаники, чем работы Эйнштейна для ядерной физики. Я говорю о Ричарде Спрюсе, который провел много лет в амазонских джунглях. В начале 1850-х годов он сформулировал некоторые принципы, позднее позволившие ученым понять природу джунглей как целостного организма.

На пути к этому достижению ему пришлось преодолеть значительные препятствия. Во-первых, он не умел лазать по деревьям. Во-вторых, исследователи его поколения были подвержены гораздо большим опасностям, чем в наши дни. Об этом свидетельствуют записи в его дневнике, сделанные во время одного из путешествий по Риу-Негру.

Спрюс и четыре индейца, составлявшие его команду, причалили к речному берегу и устроились на ночевку. Спрюс лежал в своем гамаке и невольно подслушал беседу индейцев, обсуждавших, как они собираются убить его и забрать тюки с гербарием, который они приняли за то-

нары для торговли. Они полагали, что убийство сойдет им с рук, поскольку Спрюз был один и к тому же болен: он лечился от лихорадки большими дозами хинина и ипекакуаны. Наконец они решили задушить его, как только он заснет.

По словам Спрюса, ему повезло, что он страдал от расстройства желудка, и поэтому никому не казалось странным, если он не мог заснуть. Ему пришлось дважды покинуть свой гамак, прежде чем он понял, что замышляют индейцы. Однако на третий раз он не вернулся обратно. Он тайком пробрался к лодке, вооружился пистолетом, ножом и мотыгой и стал ждать нападения, спрятавшись на одном из больших тюков. Но до этого дело так и не дошло, хотя он слышал, как индейцы сердито переговариваются на берегу.

На рассвете он просто приказал им подняться на борт, на исключением того, кто, по его мнению, был лидером бунтовщиков. Спрюз оставил его на берегу под предлогом того, что на всех не хватит еды, и больше никогда не слышал о нем. Остальные индейцы, заметно присмиревшие, доставили его в Манаус, где как раз начиналась «каучуковая лихорадка», впоследствии сделавшая этот город центром производства резины; в сущности, некоторые доклады Спрюса способствовали началу бума.

Хотя подобные приключения больше не мешают современным ученым, их неумение или нежелание проникнуть в гущу лиственного полога джунглей вредит делу науки гораздо больше, чем им кажется. Спрюз отчасти предугадал эту потребность. В том же самом дневнике он пишет о своем разочаровании: «Я не нашел ни одного достаточно проворного и дружелюбного индейца, способного забраться на дерево, наподобие кошки или обезьяны... Чтобы получить плоды и цветы, оставалось лишь валить деревья». Он знал, что цветы и плоды понадобятся ему для правильной классификации растений.

Спрюсу понадобилось довольно много времени, чтобы понять одну вещь: туземцы, живущие на окраинах джунглей, на самом деле не знакомы с ними, в то время как на-

стоящие жители джунглей, способные исполнить акробатические трюки, необходимые для его работы, оставались невидимыми. Перед Спрюсом встала еще одна проблема. Как англичанину, привыкшему к тщательно ухоженным лесам своего маленького острова, ему казалось святотатством рубить деревья лишь ради того, чтобы добраться до плодов. Но он сделал это, до некоторой степени утешившись заверениями индейцев, что такой ущерб будет незаметным для джунглей.

«Так я принудил себя к совершению поступка, очевидный вандализм которого, как мне казалось, уравновешивался его пользой и необходимостью», — писал он.

«Вандализм» Спрюса был поистине бесценным, так как наглядно показал ему внутреннее устройство джунглей. Древесные гиганты падали на землю вместе со всеми прочими растениями, которые они поддерживали, и, разбирая их, Спрюс осознал строгий порядок, царивший в джунглях.

Другие элементы тропического леса живут по иным правилам. Лианы и прочие ползучие растения по-своему соблюдают принцип взаимопомощи. Хотя они иногда удушают и валят деревья, вокруг которых обвиваются, они также связывают джунгли в тесную, практически нераздельную массу, позволяющую гигантским опорам противостоять ветрам и штормам. Из-за тонкого почвенного слоя самые большие деревья очень неустойчивы (крона перевешивает), а масса других растений, растущих на верхних ветвях, лишь усугубляет положение. Даже деревья с массивными контрфорсными корнями не застрахованы от падения, если стоят поодиночке. Связующая сила лиан предоставляет каждому дереву поддержку всех его соседей.

Вы можете наблюдать действие этого принципа, разложив на столе два десятка обычных спичек. Попробуйте поставить спички вертикально без подпорок. Вы не сможете этого сделать, а тем более — соорудить конструкцию, способную противостоять даже легчайшим толчкам. Но сложите их, скажем, в четыре ряда по шесть спичек и

обмотайте проволокой, обернув ее вокруг головки каждой спички, прежде чем перейти к следующей. Теперь силы, необходимой для того, чтобы опрокинуть конструкцию, будет достаточно и для того, чтобы сломать спички.

Растения меньшего размера не играют такой важной роли в жизни джунглей. Однако они вносят свой вклад в общее дело. Даже паразиты выполняют определенные обязанности, сохраняя здоровье и жизнь леса.

Крошечные бактерии ответственны за превращение невозможного сырья в питательные вещества для других растений. Благодаря им происходит быстрое разложение животных, растительных и минеральных соединений. Хотя сами по себе они ведут паразитическое существование, но позволяют многим растениям противостоять нашествию разнообразных вредителей. Механизм этого процесса пока остается неясным.

То же самое можно сказать о водорослях и грибах, даже о тех, которые вызывают болезни растений. Парадокс здесь состоит в том, что, лишая растение-хозяина некоторой части его пищи, они платят за это, помогая «хозяину» собирать и усваивать минеральные и другие вещества. По неизвестной причине растения, пораженные некоторыми видами грибов, благоденствуют в значительно большей степени, чем растения того же вида и яруса джунглей, но без паразитов.

Этот феномен был замечен и у определенных животных. Например, брюхо взрослой здоровой зебры всегда раздуто из-за большого количества паразитических червей. Но если избавить животное от паразитов, то его состояние начнет ухудшаться, и появятся всевозможные расстройства, более серьезные, чем вздутый живот. Похоже, черви помогают зебрам переваривать растительную пищу и берут немного себе в качестве «комиссионных». Такой договор превосходно устраивает обе стороны.

Даже когда водоросли и грибы явно убивают растение или его часть, они могут в то же время выполнять задачу, полезную для всего леса. К примеру, микроскопические водоросли или мох могут источить крупный лист до такой

степени, что глянцевая зеленая поверхность становится рыхлой и пушистой. Толщины листа хватает, чтобы в нем прорастали семена. Иногда ростки орхидей можно видеть прямо на листьях деревьев, хотя, разумеется, они не успевают достичь зрелости. Задолго до этого лист отмирает и падает на землю. Но он уже хорошо подготовлен для разложения и поглощения в качестве питательного вещества корнями дерева (часто того самого, с которого он упал).

Главное правило заключается в том, что ничто не пропадает впустую. В этом отношении мир растительности чем-то напоминает мир людей. Подмечено, что самые богатые люди часто бывают самыми экономными. Джунгли, плутократы растительного мира, проявляют такую же бережливость.

Иногда в тропическом дождевом лесу вы можете видеть на дереве странный ассортимент листьев, изменяющихся по цвету от винно-красного и бледно-розового до обычного темно-зеленого. Это не случайность; растение следует правилу, действующему не только в джунглях, но и во всей природе. Из-за этого правила листва северных деревьев и кустарников осенью становится желтой, оранжевой, пламенно-красной и наконец буровато-коричневой. Хотя в нашем климате такое преобразование наступает вместе с похолоданием, сам феномен имеет отношение не только к теплу, но и к свету.

Целью этого процесса, особенно в высоком листопадном лесу, является более эффективное использование солнечных лучей. Накопленная энергия может быть потрачена на более интенсивное испарение через микроскопические листовые поры, чтобы подкрепить дерево в неблагоприятный период между минимумом листвы и новым максимумом. В результате в разгар сухого сезона высокий листопадный лес, особенно при виде сверху, может соперничать по красоте с сезоном цветения.

Правило джунглей не делает различия между видами растений. В тропическом дождевом лесу обычно нет господствующих видов, но некоторые районы исключительно однородны, как сосновый бор на севере. Одним из

примеров является лес мора, образующий прерывистый пояс от Тринидада через дельту реки Ориноко к Гвиане и устью Амазонки. Этот лес состоит преимущественно из одного вида деревьев (*Mora excelsa*), вырастающих до огромной высоты и расположенных так близко друг к другу, что большинство остальных деревьев оказываются вытесненными; во многих местах можно обнаружить рощи, состоящие почти исключительно из деревьев мора.

Дерево мора дает плоды в виде крупных почковидных орехов или «бобов», как они называются на местном наречии. Они могут расти в солоноватой или пресной воде, а плоды способны выдерживать длительное погружение. Попадая в русла великих рек Южной Америки, они путешествуют на большие расстояния вместе с океаническими течениями, пускают ростки на отдаленных берегах и создают новые леса. Считается, что так произошло на Тринидаде.

Это не единственный вид деревьев, достигающих реального господства в джунглях. В американских джунглях это делают виды *Ocotea* семейства магнолиевых и дерево валлаби, в Африке — железное дерево (*Synmatra alexandri*) и высокий, необычно низко ветвящийся вид *Macrolobium dewevrei*, а в Азии — рощи камфарных деревьев на Борнео.

Причины преобладания одного вида в некоторых местах не вполне ясны. Деревьях господствующие в одном лесу, можно найти в другом лесу вперемежку с представителями других видов. Очевидно, правило джунглей допускает такие отклонения и различия до тех пор, пока они не мешают динамическому равновесию леса в целом.

Последним фактором, регулирующим жизнь джунглей, являются животные. Они могут оказывать на растительность не меньшее влияние, чем, скажем, бобры в северных лесах нашей страны. Численность любого вида животных то увеличивается, то уменьшается. Их лежки, норы, подкопы и другие следы жизнедеятельности в изобилии встречаются в джунглях.

Но наиболее противоречивое влияние на джунгли все же оказывают люди. Зоологи, антропологи, этнологи и

даже социологи уже давно размышляют о том, где следует провести черту между человеком как «искусственным» фактором и человеком как естественной силой природы, представителем одного из видов фауны. По моему мнению, человек является составной частью биоценоза¹ и играет свою роль в жизни тропического дождевого леса, причем гораздо дольше, чем предполагалось ранее.

В основных поясах джунглей существуют так называемые вторичные и третичные леса, возникшие в результате деятельности человека. Вторичный лес вырастает на участках, которые некогда были расчищены искусственным способом; его развитие довольно сильно отличается от обычной регенерации джунглей. Термин «третичный лес» иногда используется для обозначения растительности на участках, подвергавшихся расчистке более одного раза.

Расчистка в джунглях производится разными способами. Сегодняшние «цивилизованные» люди с бульдозерами, динамитом и другими эффективными средствами уничтожения, как механическими, так и химическими, действительно могут стереть с лица земли крупные районы джунглей. Однако местные жители, даже с купленным в магазине стальным топором и двуручной пилой, едва ли могут сделать нечто большее, чем вырубить молодые побеги и кустарники, избавиться от лиан, подрубив их у основания, а затем окопать корни больших деревьев и сжечь их, когда они упадут.

Этот метод использовался первобытными людьми с незапамятных времен и известен под названием подсечно-огневого земледелия. Работа отнимает очень много сил: все мужское население деревни может годами заниматься ею. Даже закончив расчистку, будущие фермеры получают участок, усеянный огромными стволами деревьев, часто громоздящихся друг на друге до высоты

¹ Совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих данный участок суши или водоема и характеризующихся определенными отношениями между собой и приспособленностью к условиям окружающей среды.

тридцати футов. Среди завалов уже начинает пробиваться вторичная поросль. Новые ростки необходимо уничтожить, прежде чем люди смогут посадить между упавшими стволами свои скромные клубни и съедобные растения. Весь процесс представляет собой бесконечную битву.

Жители каждой деревни неумоимо вгрызаются в джунгли и одной лишь силой своих мускулов временно отвоевывают небольшой участок для одного-двух урожаев. Затем люди откочевывают на другое место, и процесс начинается снова.

Таким образом, человека следует рассматривать как естественный фактор в жизни джунглей. Как и другие животные, он вносит лишь слабо заметные изменения в среду обитания тропических дождевых лесов.

Все сказанное выше относится к низменным джунглям, растущим на сравнительно ровной местности. Но воздействие человека на горные и другие «высокие» джунгли может быть катастрофическим. Многие из них растут на очень крутых склонах и являются конечным результатом природной деятельности, начавшейся задолго до появления человека. В отличие от низменных джунглей, они не обладают большой устойчивостью и способностью к быстрой регенерации. После расчистки тонкий слой почвы, на которой они растут, с необыкновенной быстротой смывается тропическими ливнями. Поэтому обширные районы, некогда покрытые густым высокогорным лесом, ныне превратились в голые скалистые склоны.

Глава одиннадцатая
ГИГАНТЫ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

В живой, пульсирующей общности джунглей существует бесконечное количество меньших общностей; в некотором смысле каждое из миллионов огромных деревьев является миром в себе. Вы можете потратить много времени на исследование одного-единственного лесного гиганта.

При первом взгляде на эти деревья создается впечатление монументальной высоты, громадной массы листвы и относительной стройности. Последнее часто оказывается иллюзией в силу того факта, что прямой, слабо утончающийся ствол начинает ветвиться лишь в сотне футов от земли. Деревья выглядят практически неразрушимыми. Разумеется, они умирают, хотя продолжительность их жизни никем не подсчитана, но даже тогда стволы так прочно удерживаются лианами и другими деревьями, что не падают до тех пор, пока не сломаются все ветви. Ствол рушится по частям.

Дерево в тропическом дождевом лесу по праву можно назвать отдельным миром не только из-за огромной кро-

ны, которая может достигать сотни футов в толщину, но также из-за полого ствола. Большинство крупных деревьев изнутри представляют собой трубы с тонкими стенками, причем полости обычно распространяются во все главные ветви.

Внутри этих лесных гигантов существует, наверное, самая странная и загадочная природная среда, известная на нашей планете, более близкая к описаниям из научно-фантастических романов, чем к повседневной жизни. По сути дела, это воздушные пещеры, которые служат убежищем и охотничьими угодьями для гораздо большего количества живых организмов, чем можно найти в обычных пещерах.

Полые деревья особенно часто служат домом для животных в западноафриканских и конголезских джунглях. Мы неоднократно обнаруживали в стволах целые зверинцы, от леопардов до бактерий. Во время экспедиции в Камерун мы собрали с одного дерева более тысячи разных животных.

Постепенно мы приспособили наши охотничьи методы к этой своеобразной особенности тропического леса. Как-то ночью в джунглях Британского Гондураса мы поймали какоицли (*Bassariscus astutus*) — тропического кузена кольцехвостой кошки Южных и Западных штатов США. Надежно упрятав животное, мы решили, что логово его подруги находится в дупле, расположенном высоко на соседнем дереве.

На следующий день мы отправились на поиски. Вооружившись веревками и блоками, мы поднялись высоко над землей, к отверстию, которое вело во внутреннюю полость дерева. Там было достаточно места, чтобы мой спутник мог войти и оглядеться по сторонам. Посветив фонариком, он обнаружил, что может маневрировать без труда — как человек, спустившийся в большой заброшенный колодец. Я спустился вниз и встал с ружьем наготове, поджидая животных, которых он мог выгнать из укрытия. Какое-то время изнутри доносился лишь глухой ро-

кот, свидетельствующий о его продвижении в недрах дерева.

На самом деле дупло вовсе не было логовом самки какомицли. Но как часто бывает, другие сокровища с лихвой возместили упущенное. Это полое дерево служило пристанищем для крупных, довольно редких крыс серой и белой окраски, тоже необходимых для наших исследований. Три крысы убежали от моего спутника и появились из расщелины у основания дерева (обычно в стволе есть несколько входов и выходов). Мне удалось изловить двух.

В основании больших деревьев часто имеются сводчатые входы в пустотелую колонну, похожие на готические арки и достаточно большие, чтобы человек мог спрятаться внутри. Я сам прятался в них, чтобы незаметно наблюдать за дикой жизнью на поверхности земли. По центру дерева обычно находится конус или пирамида сухих древесных отходов, иногда достигающая значительной высоты. Постоянный дождь из древесной трухи, щепок и другого растительного мусора вызван животными, гнездящимися внутри.

Такая куча сухой древесины пожароопасна; если она случайно воспламенится, все дерево может погибнуть. Дупла, расположенные высоко над землей, в полых ветвях или в самом стволе, создают сильную воздушную тягу, способствующую распространению пламени. Опасность очевидна, и, возможно, я сознаю ее острее, чем большинство людей, так как однажды едва не пал ее жертвой.

Это случилось в Гондурасе, вскоре после того как мы разбили новый лагерь в джунглях. Во время утреннего бритья мой спутник (тот самый, который выгнал крыс из полового ствола) увидел, как какое-то непонятное существо скрылось в дупле рядом с нижними ветвями гигантского дерева, стоявшего возле нашего лагеря. Он видел животное лишь мельком, а дупло находилось на высоте шестиэтажного дома, но существо показалось ему интересным, и мы вознамерились поймать незнакомца.

Один из самых простых способов добычи животных из полого дерева — выкурить их наружу. Серные пары действуют на них не менее эффективно, чем слезоточивый газ во время облавы на гнездо гангстеров. Однако у этого дерева был «неудобный вход». Полость начиналась между двумя тонкими контрфорсными корнями, расходящимися от основания почти всех деревьев в этом лесу, а затем поворачивала внутрь почти под прямым углом. На наш взгляд, лучше всего было поставить внутрь жаровню с серой и горелку для нагрева. Серные пары выгонят обитателей дерева из дупла к развилке ствола, где они станут легкой мишенью.

Через полчаса мы поняли, что этот логичный план не работает. Дым так и не повалил из верхнего дупла, и, разумеется, не появилось никаких животных. Очевидно, внутренняя полость в каком-то месте была закупорена древесной трухой. Подъем до развилки дерева казался довольно легким. Много крупных лиан свисало сбоку от вершины; их тесное переплетение давало хорошую опору для рук и ног, а прочности было более чем достаточно, чтобы выдержать вес взрослого человека.

Я полез вверх с длинной веревкой, собираясь свалить ее вниз от развилки, чтобы затем поднять жаровню с серой и горелку. Не будучи опытным гимнастом, я не торопился, пробуя каждую лиану и убеждаясь, что она не подгнила изнутри и не изедена насекомыми. Время от времени я останавливался и отдыхал в тех местах, где лианы переплетались особенно тесно, образуя некое подобие гамака. Но, даже несмотря на это, я был не прочь отдохнуть еще, когда достиг развилки.

К своему удовлетворению, я обнаружил, что здесь лианы образуют большой плетеный «балкон» между двумя мощными ветвями, отходящими под углом от ствола к листовенному пологу джунглей. Сухие листья, другие лианы, папоротники и даже кустики травы накапливались в этой естественной корзине, образовав толстый, ровный слой размером с небольшую комнату. С облегченным вздохом я опустился туда, убедившись сначала, что во-

круг нет скорпионов и других неприятных существ, и выкурил сигарету, прежде чем опустить на землю конец веревки.

Втащив наверх зажженную горелку, жаровню с серой и бутылку воды, я огляделся по сторонам в поисках удобного места, чтобы поймать животное, которое я собирался выгнать наружу. Дупло находилось примерно в десяти футах наверху, под одной из крупных ветвей. С ветви свисали три толстые лианы, позволившие мне подняться вместе со снаряжением, а маленький деревянный карниз, расположенный сразу же за отверстием, послужил удобной подставкой для жаровни, чтобы ее можно было нагревать постепенно. Это была довольно тонкая операция, поскольку я хотел лишь выманить животное наружу, а не усыпить его. Внезапная вспышка могла привести к образованию большого количества сернистых паров; тогда обитатели дерева задохнутся и упадут в недра ствола, прежде чем у них появится возможность убежать.

Я едва успел установить жаровню и горелку, когда на меня уставились две маленькие мордочки — не более чем в двух футах от моего носа, и их выражение было скорее любопытным, чем испуганным. Их маленькие круглые головы с аккуратными, низко посаженными ушами и большими ярко-желтыми глазами придавали им добродушный и миролюбивый вид. Они носили меховые шубки, а их мощные конечности заканчивались маленькими когтистыми лапами, похожими на ручки. Это были кинкажу, удивительные древесные животные американских джунглей, похожие одновременно на котенка, плюшевого мишку и лемура. Возможность поймать пару живых кинкажу была редкой удачей — и к тому же еще до завтрака!

Волна серных испарений отогнала их назад в дупло, что дало мне время завязать на веревке скользящую петлю. Появившись снова, они выглянули наружу и так тесно прижались друг к другу, что когда я рывком затянул петлю, она поймала их обоих. Рывок оторвал их от ствола, так как дупло находилось под веткой, и я начал быст-

ро стравливать веревку. Кинкажу смогли освободиться лишь возле самой земли, где их проворно схватили мои помощники.

С нескрываемым торжеством я вылил воду из бутылки в дупло, чтобы погасить искры, которые могли остаться внутри, и вернулся на платформу у развилки дерева. Привычка к осторожности на большой высоте заставила меня испытать на прочность опору для ног, пока я еще крепко держался за лианы, свисавшие сверху. Это было большой удачей, поскольку в тот момент, когда я поставил ногу на площадку, где спокойно отдыхал еще полчаса назад, раздался громкий треск и вся масса растительности рухнула в широкий зияющий ствол. Почти одновременно с этим послышался рев, и язык пламени выстрелил вверх, сопровождаемый фонтаном искр, разлетевшихся до вершин соседних деревьев.

Обычно считается, что огонь в джунглях не представляет особой угрозы. Более того, в этом лесу было очень сыро. Три дня шел моросящий дождь, а ясному рассвету предшествовала туманная ночь, влажная и жаркая, как парилка в турецкой бане. Повсюду с листьев еще капала вода. Но внутри полого ствола может быть так же сухо и уютно, как под крышей самого прочного дома. Это дерево, несомненно, обладало подобной защитой, а мы забыли пролить водой полость у основания ствола после того, как пытались выкурить животных снизу. Сухое дерево долго тлело, и огонь накапливал силу все время, пока я лез наверх и отдыхал на платформе, которая, как теперь стало ясно, и служила пробкой, сдерживавшей пламя. Теперь, когда пробка исчезла, целые тонны раскаленного порошкообразного угля вырвались из жерла природной трубы шириной около пяти и высотой более пятидесяти футов.

Сильный жар заставил меня вскарабкаться по большой ветке. Позднее мне рассказывали, что с земли это выглядело так, будто я с птичьей непринужденностью воспарил на целых тридцать футов, но я просто не помню, как мне это удалось. Я снова стал воспринимать

окружающее лишь после того, как достиг относительно безопасного места. Теперь я находился вне досягаемости языков пламени, но на высоте около восьмидесяти футов над землей, откуда края контрфорсных корней, острые как кинжалы, казались еще менее привлекательными, чем огненный ад, бушевавший в стволе.

По-видимому, мне оставалось лишь перебраться с этого дерева на ветку соседнего древесного гиганта. Но когда я двинулся вперед по выбранному маршруту, опора под моими ногами становилась все более зыбкой, и наконец ветка угрожающе согнулась под моим весом. Я был вынужден отступить.

Между тем рев пламени, треск и шум падения ветвей меньшего размера заглушали любые крики. Я мог вопить во всю глотку, и с земли мне что-то кричали в ответ, но мы не слышали ничего, кроме треска и грохота. Однако я мог видеть своих помощников и спустя какое-то время перевел на язык действий их жесты, поначалу казавшиеся бессмысленными. Они указывали на отдельную лиану, свисавшую с моей ветки на безопасном расстоянии от ствола и почти достигавшую земли. Если она не гнилая, то я смогу без особых усилий спуститься вниз и спастись.

Мне повезло, но как бы в напоминание о грозившей опасности оранжевые языки пламени вырвались из небольших дупел в нижней части ствола, пока я спускался со всей быстротой, на какую был способен. Последние несколько футов я падал и успел приземлиться как раз вовремя, так как через несколько секунд одна из нижних ветвей с треском рухнула на землю, разбросав нас на бегу и оборвав ту лиану, что спасла меня. Удача не изменила нам и в дальнейшем: утратив массивную ветку, дерево наклонилось в сторону от нас; поэтому когда оно наконец рухнуло в ужасающем вихре дыма и искр, наш лагерь не пострадал.

Пылающее дерево в джунглях представляет собой пугающее и жуткое зрелище, даже если вы не находитесь наверху. Однажды мы нечаянно подожгли еще более

крупное дерево в Западной Африке, когда собирали образцы животных методом выкуривания. Этот гигант горел четыре дня, освещая небо по ночам, а когда он рухнул, земля заметно содрогнулась даже в четырех милях от места его падения.

Находясь в кроне одного из лесных великанов, вы осознаете его размеры гораздо более остро, чем на земле. Хотя у нас нет точных сведений о высоте и обхвате ствола больших деревьев в тропическом дождевом лесу, громадная масса листвы превосходит любые деревья в зоне умеренного климата.

Вопрос о том, где растут самые большие, самые массивные и высокие деревья, до недавнего времени служил предметом оживленных дискуссий и взаимных притязаний, особенно в Соединенных Штатах, с их тягой ко всему «лучшему и величайшему». Но сейчас положение прояснилось, и мы не будем держать его в секрете.

Самым крупным деревом в Америке является секвойя (*Sequoia sempervirens*) под названием «генерал Шерман», которая стоит в национальном парке Секвойя в Сьерра-Неваде. Она имеет высоту лишь 255 футов, зато 75 футов в диаметре, и объем ее ствола (без ветвей) оценивается в 50 000 кубических футов. Самое высокое дерево в США — тоже секвойя, высотой 364 фута. Абсолютный рекорд удерживает серебристая ель из Британской Колумбии, высота которой составляла 417 футов. За ней следует австралийский *Eucalyptus regnans* высотой 382 фута.

Деревья в джунглях не достигают такой высоты, но если говорить о «величайших» в привычном смысле массы, то в этих лесах есть растительные организмы, намного превосходящие по величине все, что находится за их пределами. Австралийский эвкалипт — невероятно высокое веретенообразное дерево со сравнительно маленькой кроной. Хвойные великаны Британской Колумбии похожи на остроконечные башни. Но гигантские деревья джунглей имеют раскидистую крону с обильной листвой,

поэтому их общая масса находится вне конкуренции с любыми другими видами.

Однажды в Коскомбских горах на севере Гондураса я видел красное дерево высотой более 200 футов. Чтобы обхватить его у основания, потребовалось 24 человека, взявшихся за руки. Таким образом, диаметр ствола внизу составлял 44 фута — и это была сплошная древесина, без единой полости. У основания дерева вида *Terminalia* я проводил замеры контрфорсных корней, отстоявших от ствола более чем на 50 футов. Чтобы окружить все четыре корня, понадобилось бы 480 человек со средним размахом рук в шесть футов.

Число этих корней, как и главных ветвей больших деревьев, обычно равно четырем, хотя иногда бывает и больше. Каждый корень расположен под соответствующей веткой. Стволы, в основном гладкие и с очень тонкой корой, начинают ветвиться где-то на половине высоты дерева, а сами главные ветви разветвляются в значительно меньшей степени, чем на деревьях зоны умеренного климата. Еще одной странной особенностью большинства деревьев с контрфорсными корнями является то, что ствол толще всего у вершины корней и сужается от этой точки вверх и вниз.

Ботаники долго ломали голову над вопросом, почему большие здоровые деревья в джунглях полые внутри, и то время как в других лесах подавляющее большинство деревьев имеет сплошную древесину. Теперь известно, что это часто начинается, так сказать, с самого рождения, когда толщина ростка не превышает большого пальца взрослого человека. Если вы разрубите такой росток с помощью мачете, то увидите маленькую черную дырочку точно посередине. Оттуда иногда выползает множество черных муравьев, начинающих бесцельно кружить у разреза или спускаться по стеблю. Именно они являются причиной возникновения центральной полости.

Яйцекладущие матки этого вида муравьев пробуривают дырочки в проросшем орехе и окукливаются внутри.

Они приносят с собой споры определенных грибов, которые приступают к работе в нежной сердцевине ореха и молодого ростка, превращая ее во влажный пористый материал, идеально подходящий для вскармливания муравьев. Эти грибы растут только в темноте, поэтому они не разедают стембель насквозь, а «идут в ногу» с его ростом и расширением, поддерживая строгое отношение диаметра полости к толщине ствола.

Этот процесс продолжается до конца жизни дерева, поэтому ствол двадцати футов в диаметре у основания может иметь стенки футовой толщины. Однако древесина этих деревьев столь прочна, что они все равно выдерживают вес четырех основных ветвей, не говоря уже о полусотне дополнительных, каждая из которых не уступает по толщине старому дубу в наших лесах. Нормальный рост дерева происходит благодаря тому, что все питательные вещества переносятся в тонком слое между корой и древесиной, который называется *флоэмой* (лубяная ткань).

Крайне благоприятные условия для растительности в большинстве джунглей отчасти объясняют несравненное разнообразие гигантских деревьев. Палитра разных видов в одном лесу кажется совершенно невероятной тем, кто знаком лишь с лесами умеренного климата. Однажды, много лет назад, мне выпала честь познакомиться с замечательным человеком, который впоследствии приобрел большую известность в области тропического лесоводства. Его звали Р. Д. Розвир. Позднее он стал старшим лесничим протектората Нигерии и Британского Камеруна, но во время нашего знакомства в его обязанности входили долгие обходы джунглей, которыми он заведовал. Передвижение было возможно лишь пешком, по лесным тропинкам, а снаряжение переносилось на головах коренастых туземцев — на манер, знакомый многим по приключенческим кинофильмам.

Мистер Розвир сказал мне, что в одном из таких обходов за два дня ходьбы (а человек его опыта проходит около двадцати миль в день), он не смог увидеть двух одина-

ковых деревьев. Признаюсь, сначала это показалось мне выдумкой, но после двадцати лет работы в джунглях я больше не сомневаюсь в его утверждении.

Ни одно дерево не оказало более глубокого влияния на человечество, чем высокое, стройное растение, первоначально названное ботаниками *Syphonia*, а позднее *Hevea* (гевея), из которого древние коренные американцы извлекали продукт, известный под названием каучука. Когда испанские конкистадоры увидели прыгающий мячик, зрелище позабавило их, но каучук долгое время оставался лишь игрушкой, пока Чарльз Гудьер не открыл вулканизацию.

Деревья, дающие каучук, растут по всей долине Амазонки в таком изобилии, что более пятидесяти лет назад, уже после начала «каучукового бума», проникательный британский натуралист Альфред Уоллес был вполне уверен, что Бразилия всегда сможет удовлетворять мировую потребность в резине.

Когда друг Уоллеса Ричард Спрюз отплыл к Ориноко из амазонского порта Манаус в 1850 году, это был небольшой поселок, чья сонная летаргия казалась ему преувеличенной даже для тропиков. Четыре года спустя, когда он вернулся в Манаус по Риу-Негру после приключения с индейцами, пытавшимися убить его, поселок превратился в сумасшедший дом: пароходы пришвартовывались к новому причалу, количество домов увеличилось вдвое, а люди вокруг сновали с поспешностью, какой он никогда раньше не видел в Бразилии. Цена на резину подскочила от трех центов до трех долларов за фунт, а население Манауса выросло с 3000 до 100 000 человек. Резиновые миллионеры построили мраморный оперный театр, заказывали роскошную одежду и мебель из Европы, импортировали лучшие вина. Однако Спрюз не принял участия ни в этой вакханалии, ни в жестокой эксплуатации сборщиков резины, сопровождавшей ее.

Ранее он пытался отослать несколько ростков в Англию; его работы в области ботанической классификации были настолько революционными, что один из видов был

назван в его честь. Но путешествие оказалось слишком долгим, и растения не выжили. После начала бума бразильское правительство приняло строгие меры, чтобы предотвратить экспорт семян или растений каучукового дерева. Запрет исполнялся с таким усердием, что за пятьдесят лет никому не удалось обойти его. Затем англичанин по имени Генри Уикхэм провез контрабандой точно семян, чтобы основать резиновые плантации на Малайе и в Индонезии, и вскоре его бизнес составил конкуренцию амазонским джунглям. Манаус утратил свой блеск и половину населения, а джунгли, безразличные к тому факту, что тысячи добровольцев, слуг и рабов расстались с жизнью, работая в невыносимых условиях, снова сомкнулись над вырубками.

Другое дерево помогло решить проблему вывоза резины из джунглей. Пароходы, сотнями привозившие новых работников и увозившие резину, сжигали в своих топках дерево; ни один из них не мог нести груз угля, необходимый для такого путешествия. Спешившие пассажиры постоянно жаловались, поскольку им приходилось останавливаться через два-три дня, пока команда высаживалась на берег и рубила деревья. Их любимой добычей было элегантное дерево, растущее почти исключительно в амазонском регионе. Оно достигает ста футов в высоту и имеет крону в виде узкого перевернутого конуса. Его причудливая шелушащаяся кора имеет теплый коричневый оттенок, из-за которого оно было названо «бронзовым деревом». Древесина представляла особую ценность, так как хорошо горела даже в сыром виде. Спрюс был первым человеком, увидевшим в бронзовом дереве что-либо, кроме топлива, поэтому в ботанической классификации оно называется *Enkylista spruceana*. Оно и *Hevea brasiliensis* пережили резиновый бум и эпоху пароходов.

Для жителей северных широт самыми замечательными из всех тропических деревьев являются пальмы. Они служат синонимом солнца, тепла и мягкого щедрого климата. Кроме того, они необычайно своеобразны и кажут-

ся почти нереальными в своей строгой упорядоченности. Пальмы обладают геометрическим совершенством кристаллов; они в точности воспроизводят себя десятками тысяч, а их красота и изящество несравнимы с любой другой растительностью. Стволы у большинства пальм прямые, как флагштоки. Листья образует аккуратные короны неизменного стиля, не говоря уже о сказочных цветах и плодах.

Пальмы составляют заметную часть многих джунглей, а в некоторых даже играют ведущую роль. Они ведут себя точно так же, как другие деревья, при формировании верхнего листового полога и промежуточных ярусов, где отдельные виды могут благоденствовать в глубокой тени. Существуют тысячи разновидностей пальм, но для большинства людей они ассоциируются либо с невысокими пальметто (пальма *сабаль*), либо со статными королевскими пальмами, насаженными вокруг роскошных особняков Южных штатов США, либо с кокосовыми пальмами.

Одно из необычных свойств кокосовой пальмы заключается в том, что она не только хорошо переносит, но даже любит соленую воду. Поэтому она лучше всего растет на морских побережьях. Происхождение кокосовой пальмы неизвестно, но сейчас ее можно обнаружить почти везде в тропических и субтропических широтах. Рощи кокосовых пальм имеются на каждом острове, окаймляют любой берег с песчаным пляжем. Крупные орехи дают еду и питье, листья дают отличный материал для крыш, стволы — ценную древесину. Мы не можем точно сказать, чем вызвано столь широкое распространение этого вида пальм: то ли тем, что кокосовые орехи хорошо держатся на плаву и могут длительное время перемещаться в соленой воде, то ли тем, что люди перевозили их с места на место для своих целей.

Человек нашел применение многим другим видам пальм. Они служат основным предметом торговли для людей, живущих на островах, и входят в состав множества продуктов современной индустрии. Различные сорта

мыла изготавливаются на основе пальмового масла из Западной Африки, воск для обувных кремов добывается из пальмы карнауба.

Разумеется, не все пальмы растут в джунглях; фактически большинство из них предпочитает другую природную среду. Но они играют довольно значительную роль в тропических дождевых лесах, особенно в горных джунглях. Многие рощи состоят исключительно из пальм, чьи ростки используются для приготовления вкуснейшего салата, который в некоторых американских тропиках называется «пальмовым салатом». В пищу идет нежная верхушка растения, расположенная у основания расходящихся листьев.

Обильное употребление салата может означать уничтожение целого леса. Особенностью большинства пальм является то, что они не имеют резервов для роста — лишь одну-единственную почку, повреждение которой убивает росток. Эта особенность заставила одного весьма красноречивого ботаника написать следующие слова: «Подобно безрассудному игроку, пальма ставит все на одну карту».

Я сталкивался с распространенным предрассудком, что джунгли состоят в основном из кокосовых пальм и бананов (среди которых существует более восьмисот съедобных разновидностей). Это полная ерунда. Съедобные бананы, без сомнения, выведены человеком, как и кукуруза. Однако отдаленные родичи бананов — *Waha*, *Sterelitzia* и другие — действительно растут на окраинах джунглей, по берегам протоков, рек и на других открытых участках.

Одним из самых прочных деревьев, растущих в джунглях, является пальма кохуна (*Orbignya cohune*) с крыло-видными листьями. Она растет в различных лесах Центральной и Южной Америки и обладает едва ли не самой твердой древесиной на свете. Если вы прорубаете себе дорожку с помощью мачете и клинок вдруг выскакивает у вас из рук с характерным звенящим «*тванг!*», словно вы попытались рубануть стальную решетку, то вы наткнулись

на пальму кохуна. Возможно, с первого взгляда вы не признаете ее за пальму, так как ее ствол напоминает стволы других широколиственных деревьев джунглей: он более или менее гладкий и не чешуйчатый. Лишь когда вы посмотрите на огромную крону с титаническим размахом мощных листьев, то сразу поймете, что это пальма.

История жизни кохуны довольно интересна. Орех имеет твердую как камень скорлупу, из которой получается отменный уголь, даже более чистый, чем из кокосовой скорлупы. Мякоть содержит ценное масло. Пальма пускает однолиственный росток, ничем не выделяющийся среди соседей, но вскоре (благодаря тому, что на этой стадии побег хорошо переносит тень) вырастает до размеров среднего фруктового дерева с прекрасными зубчатыми листьями, растущими от нижней части ствола по рисунку «французской лилии». Может показаться, что дерево достигло расцвета своей зрелости, но это вовсе не так. При благоприятных условиях оно растет все выше и выше, пока наконец не пронзает лиственный полог джунглей, становясь одним из столпов леса. Нижние вайи отмирают, оставляя ствол совершенно обнаженным на сорок — пятьдесят футов. Лишь тогда, когда крона открыта прямым солнечным лучам, пальма начинает цвести и плодоносить.

Пальма кохуна присутствует во многих джунглях, а кое-где занимает господствующее положение. Я видел один лес в Центральной Америке, состоящий почти исключительно из этих пальм и высоких фиговых деревьев с корзинообразным стволом — странный, прекрасный, тихий... и полный кусачих насекомых. Однако мне показалось, что этот лес не достиг своего расцвета естественным путем. Очевидно, во времена цивилизации майя здесь была специально высажена плантация пальм. Но хотя индейцы майя пользовались орехами кохуна, стволы деревьев не поддавались ударам каменных топоров, как бы ни старались лесорубы. Пальмы сохранились и заняли почти весь район просто потому, что их оказалось невозможно

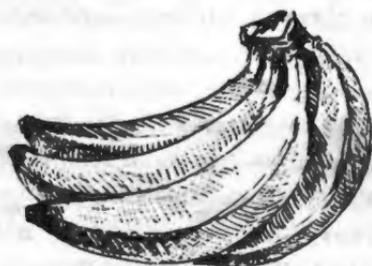
вывести теми средствами, которые тогда имелись в распоряжении человека. Даже умирая, они практически никогда не падают. В других джунглях можно увидеть огромное множество упавших лесных великанов, но мертвые пальмы кохуна упорно продолжают стоять. Они перестают пускать новые вайи, а старые понемногу отмирают и падают вниз. Прямой столб с закругленной верхушкой много лет торчит среди лиственного полога джунглей и рушится постепенно, начиная с верхней части.

Однажды в Центральной Америке мы получили практическую демонстрацию жизнеспособности пальмы кохуна. Разбивая лагерь, мы срубили молодое деревце вровень с землей, и получилось так, что наша постель была расположена прямо над пеньком. Через несколько суток мы провели ужасную ночь, жалуясь на неудобство нашего временного ложа. Наутро мы обнаружили, что пальма выпустила крепкий цилиндрический побег прямо из центра пенька, который вырос на четырнадцать дюймов и ночью врезался в середину нашего матраса.

Другие гиганты джунглей являются старшими братьями некоторых из наших домашних и малых садовых растений. Несколько родичей ногоплодника (*Podocarpus*), один из которых носит весьма уместное название *elongata*¹, вырастает в тропиках до высоты 90 футов, с массивными ветвями и стволом соответствующих размеров. Растения семейства барвинковых, которые в нашем климате хорошо смотрятся на клумбах и в декоративных оконных коробках, в джунглях Южной Америки представлены древесным гигантом, который называется «молочным деревом» из-за цвета его сока. Жидкость отдельных видов освежает и даже полезна для здоровья; у других это настоящий яд. Само дерево достигает таких размеров, что в холмистых районах оно иногда господствует над джунглями.

¹ Длинная, протяженная (*лат.*).

Фиалки в тропическом дождевом лесу не достигают такого величия, но их родственники в облике деревьев вырастают до высоты 20 — 50 футов. Маргаритки цветут на древесном стволе примерно равных размеров. На свете едва ли существует хотя бы один вид деревьев, который нельзя было бы найти в том или ином уголке джунглей достигшим красоты и величия своих самых могучих сородичей.

Глава двенадцатая ЛЕСНЫЕ ТКАЧИ

Вьющиеся растения (лианы) уже упоминались в качестве воздушных трасс, обеспечивающих доступ к верхним этажам джунглей. Любители кинофильмов знакомы с ними по невероятным акробатическим трюкам Тарзана. Но в тропическом дождевом лесу они выполняют гораздо более важную роль. Они жизненно необходимы для существования джунглей. Дело в том, что джунгли не состоят из отдельных деревьев. Они связаны воедино прядями лиан; «летающие континенты» сплетены ими в гигантский, нераздельный организм.

Эта растительность, масса живого и дышащего вещества, живет на деревьях. Она так прочно и причудливо связывает их кроны, что иногда приходится срубить дюжину толстых стволов над самыми корнями, прежде чем упадет хотя бы один из них. Однажды я целый день карабкался по воздушной тропе, часами перерубая живые путы, прежде чем необъятная масса листвы начала клониться к земле. Но даже тогда ничего не рухнуло; верхний

покров листвы был так тесно переплетен, что она лишь просела как огромное желе.

По-видимому, именно это невообразимое переплетение побудило некоторых писателей назвать джунгли «зеленым адом». Однако при более близком знакомстве с массивной лиственной крышей у человека возникает впечатление, будто он находится дома. Одним из наиболее драматических свидетельств такой перемены в отношении к джунглям — от «зеленого ада» к «зеленому убежищу» — являются замечательные воспоминания подполковника Ф. Спенсера Чепмена, который провел три года в малайских дождевых лесах во время Второй мировой войны. Эта книга называется «Джунгли: нейтральная юна».

Оставшись, чтобы присоединиться к местному партизанскому движению, когда японцы оккупировали полуостров в первые месяцы войны на Востоке, Чепмен научился выживать в джунглях, хотя опыт достался ему дорогой ценой. Бездушные армейские чиновники выбрали его среди других, потому что он был опытным путешественником, натуралистом и скалолазом. Однако до тех пор все его исследования ограничивались Арктикой и Гималаями! Его игра в прятки с японцами, головокружительные пленения и побеги, борьба с болезнями, ранениями и вражескими кознями затмевают любой художественный вымысел. За время, проведенное на Малайском полуострове, его отношение к джунглям претерпело замечательную перемену.

Первым впечатлением Чепмена был сумрак. Он почти не видел неба и жаловался на угнетающую монотонность темно-зеленого света. Куда, удивлялся он, подевались все яркие, многообразные краски, которыми, по его мнению, должна была блистать тропическая растительность? Лишь позднее он обнаружил, что эти краски присутствуют в лиственном пологе леса, невидимом снизу. Тренируясь в «навигации по джунглям» — действительно трудно определить направление, когда днем нельзя увидеть

солнце, а ночью звезды, — он заблудился и провел ночь в полном одиночестве.

«Сначала меня одолевала паника, — признается он. — Я чувствовал себя непрощеным гостем во враждебном, первобытном мире. Случайный хруст ветки или злое щий шорох листвы действовал мне на нервы. Я был настолько уверен, что за мной следит тигр, что меня прошиб холодный пот, а волосы на загривке встали дыбом от страха. Я обнаружил, что иду все быстрее и быстрее, а затем перешел на бег».

Постепенно он привык к этому, а потом усвоил, что джунгли, если и не проявляют дружелюбия, то, во всяком случае, нейтрально относятся к человеку, как и гласит название его книги. Из молодых побегов вырубались шесты для хижин; широкие пальмовые листья, достигавшие тридцати футов в длину, шли на укладку крыш; стебли ротанга прочно скрепляли конструкцию. Японские солдаты боялись глубоко проникать в джунгли, служившие пристанищем не только для партизан, но и для местных лесных жителей — независимого народа, называвшего себя *сакаями*. Помимо безымянных ужасов, японцев, вероятно, сдерживало опасение, что они не смогут выбраться наружу.

Проблемы, которые испытывал Чепмен в путешествиях по джунглям, становятся яснее, когда он рассказывает о переходе от одного убежища к другому, расположенному за тридцать миль от первого. Большая часть маршрута проходила по старой тропе, но последние три мили им пришлось прорубать себе дорогу, чтобы добраться до нужного места. Двоим лучшим следопытам и Чепмену, сверявшему маршрут по компасу, понадобилось три дня, чтобы прорубить тропу в ярд шириной.

Важная роль лиан подчеркивается в его воспоминаниях о встрече со слонами. Как-то раз, охотясь за дикой свиньей, Чепмен услышал невдалеке трубные звуки, издаваемые слонами, и сумел подкрасться очень близко к стаду. Видимость, по его словам, не превышала десяти ярдов. Огромные животные почуяли его запах, прежде чем

он успел ясно увидеть их, «так как после утробного рева, пронизавшего меня до мозга костей, все стадо начало двигаться. В тот момент, когда я увидел колыхание подлеска и свисающих лиан, я повернулся и побежал, спасая жизнь. В этой части джунглей росли лишь молодые деревца, которые слон мог снести, даже не заметив их, или огромные стволы, по которым невозможно забраться наверх. Но наконец я нашел дерево, оплетенное лианами, и полез вверх с обезьяньей скоростью. Я висел там, с ружьем через плечо, а стадо с треском пронеслось внизу, и я лишь краем глаза видел массивные серые спины по обе стороны от моего дерева. В то время я был убежден, что слоны охотятся за мной, но позднее обнаружил, что приблизился к ним с того направления, откуда они вошли в кустарник. Почуввав мой запах, они всего лишь развернулись и побежали обратно».

К тому времени Чемпен научился использовать растительные особенности джунглей, включая лианы. Название «лианы» относится к бесчисленным разновидностям вьющихся растений с древесными стеблями, в противоположность ползучим и стелющимся растениям с мягкими травянистыми стеблями. Обе разновидности известны в наших лесах, но в джунглях их в четыре-пять раз больше, не говоря уже о том, что они значительно крупнее и могут принимать самые фантастические обличья.

Существует четыре основных типа этих растений, классифицируемых по принципу прикрепления к опоре, позволяющей им оторваться от земли (по определению, они не могут стоять прямо на собственном стебле). Многие из них коренятся в почве или в воздушных садах, черпающих жизненные соки из отложений растительного мусора, падающих сверху. Но некоторые просто поглощают минеральные соли из воды, сбегаящей по стволу, или висят свободно, разбросав в воздухе мясистые корни, впитывающие влагу из атмосферы.

Во-первых, есть цепляющиеся лианы. Как следует из их названия, они просто растут вверх и вокруг, цепляясь за другие растения или ветки, иногда спутываясь с ними,

но не прилегая плотно. В наших садах примером такого рода служит многоцветковая вьющаяся роза. Среди их родственников есть гораздо более крупные и длинные лианы, а также небольшое количество ползучих растений.

Вьюны, принадлежащие ко второй группе, обвиваются вокруг дерева-хозяина на манер глицинии, вьющихся бобов или «лозы-душителя». Такие растения имеют чувствительный кончик, обладающий способностью вращаться — всегда в одном направлении — пока он не обовьется вокруг любой опоры, которую сможет найти. Вьюны начинают свою «карьеру», карабкаясь вверх по молодым побегам или другим лианам; они редко могут обвить взрослое дерево.

Корневые лианы льнут к опоре (это может быть как дерево, так и скалистая поверхность) посредством особых воздушных корней, которые обычно развиваются исключительно ради этой цели и почти не поглощают питательные вещества, необходимые для растения. Среди знакомых нам примеров из средней полосы можно привести английский плющ и виргинский вьюнок. В джунглях это обычно небольшие травянистые лозы, растущие в тени нижних этажей леса. Большие корневые лианы с древесным стеблем, не уступающие наиболее старым экземплярам английского плюща, сравнительно редко встречаются в высоком экваториальном лесу.

И наконец, джунгли служат домом для большого количества лиан, выпускающих усики для поддержки, как виноград и бобы. Некоторые ботаники считают этот механизм наиболее специализированным из всех.

Иногда вьющиеся растения похожи на благоразумного человека, который носит одновременно ремень и подтяжки. Они пользуются двумя способами поддержки. Один из видов молочая обвивается вокруг других растений и при этом выпускает цепкие корни из узловых точек. Это дает ему возможность разрастаться до длины в несколько сот футов исключительно над землей. Ротанг — один из ползучих представителей семейства пальм, который некогда служил одним из главных това-

ров азиатской торговли и до сих пор широко используемый для плетения канатов, корзин и изготовления малаккских тростей, — имеет крючковатые захваты на кончиках листьев. Они помогают ему подниматься до самых вершин леса, и во многих джунглях Дальнего Востока он образует значительную часть лиственного покрова.

Всевозможные растения, которые мы никогда не считали ползучими, в джунглях могут пользоваться этими методами: папоротники, маргаритки и многие другие, в других местах встречающиеся лишь в виде трав или кустарников. Диаметр их стебля может достигать двух футов, не уступая в прочности самым лучшим канатам человеческого изготовления. В сущности, внутреннее строение большинства лиан очень напоминает корабельные тросы. На срезе они выглядят так, словно сплетены из отдельных жгутов.

Инженерное мастерство аборигенов, переправлявшихся через пропасти шириной в несколько сот футов, не имея металлических орудий, поражало первых европейцев, увидевших подвесные мосты. Эти мосты были сделаны из длинных прочных лиан, надежно закрепленных с обоих концов с настилом из жердей. Конечно, они ужасно раскачивались при ходьбе, но держались крепко.

Все мы знаем филодендроны как домашние растения, но в джунглях их мощные стебли с мясистыми листьями обвивают стволы величайших деревьев, иногда достигая длины в несколько сотен футов.

На больших лианах редко можно увидеть листья: почти вся листва сосредоточена в лиственном пологе наверху. Голые шероховатые стебли оплетают деревья замысловатым кружевом или свисают к земле, обычно рядом со стволами. Но иногда очень крупные лианы висят прямо в воздухе, без видимой опоры. Они росли на упавших или просто сгнивших деревьях, однако смогли выжить, поскольку отростки надежно обвилились вокруг ветвей здоровых деревьев.

Путешественники, которые сплавлялись по лесным рекам, проклинали лианы, так как им приходилось разру-

бать или отталкивать стебли, постоянно рискуя получить сильный удар в лицо или удавку на шею. Но с другой стороны, лианы могут приносить пользу. В своем дневнике Спрюс рассказывает о путешествии на тяжело груженной лодке по затопленным джунглям между двумя притоками Амазонки. Вода была достаточно глубокой, чтобы судно могло плыть, но от весел пришлось отказаться, так как при каждом взмахе они упирались в подводные препятствия. Лианы свисали с ветвей в таком изобилии, что члены команды попросту хватались за них и подтягивали лодку вперед.

Чтобы достичь солнца, некоторые лианы пользуются любопытным методом: они прочно закрепляются на молодом дереве и ждут, пока оно вырастет до листовенного полога, унося с собой своего «наездника».

Существуют очень необычные лианы. Мы уже упоминали о таких, которые могут снабдить путешественника пригоршней чистой воды — или такого же чистого яда. Другие выделяют клейкие резиноподобные или молочные субстанции. Я видел одну лиану, из разреза которой брызнула жидкость, очень похожая на кровь. Некоторые из растительных соков являются мощными лекарственными средствами.

Мое наиболее яркое воспоминание об этом последнем типе лиан относится к экспедиции в джунглях Южной Америки, проведенной несколько лет назад. Меня укусил в палец маленький скорпион, чей яд может быть смертельным, хотя здоровый взрослый человек редко умирает от его последствий. Однако боль была весьма острой; через несколько минут моя рука онемела до плеча и приобрела мертвенно-бледный оттенок. Когда я вскрыл скальпелем укушенный палец, надеясь высосать хотя бы немного яда, то не смог выжать ни капли крови, хотя давил изо все сил. Через полчаса после укуса мои подмышечные железы распухли и заболели, а рот наполнился слюной до такой степени, что в я буквальном смысле ходил «с пеной у рта». Надо ли говорить, что я был сильно встревожен?

К счастью, среди членов нашей экспедиции был уроженец Тринидада, которого звали Вернон Диксон Каприата — лучший охотник, которого я когда-либо встречал, обладавший непревзойденными знаниями о своих родных джунглях. Он дал мне пожевать пару стеблей какого-то тонкого ползучего растения, сильно вяжущего, с неземным вкусом. Реакция была поразительной. Боль быстро уменьшилась и через час практически исчезла. Онемение длилось дольше, но разрез на моем пальце, который он немного увеличил, заживал с необычной скоростью. Обладая здоровым сердцем, я, возможно, смог бы со временем оправиться от скорпионьего укуса, но лекарственные свойства растения явно ускорили этот процесс.

Самыми поразительными из всех, по-моему, являются ленточные лианы. Их стебли действительно похожи на огромные ленты. Я видел один стебель шириной более двух футов и толщиной лишь около одного дюйма. Помимо этого, это самые длинные растения в тропическом дождевом лесу. Когда департамент лесоводства в Суринаме расчищал небольшой участок девственных джунглей и проводил тщательную систематизацию растений, исследователи наткнулись на одну из таких лиан. Они попытались завладеть ею целиком, что позволило бы им впервые увидеть, как выглядит взрослое растение — с цветами, плодами и так далее. Они проследили один стебель лианы на протяжении нескольких сотен футов, а затем отказались от своей затеи, так и не достигнув цветущей вершины.

Таким образом, некоторые из этих лиан одной лишь своей массой могут превосходить любое дерево настолько же, насколько те сами превосходят уже упомянутую нами серебристую ель высотой 417 футов. Они извиваются и плетаются, образуя всевозможные фантастические узоры. Иногда они защищены шипами или колючками.

К весьма странным растениям принадлежат ползучие пальмы, среди которых насчитывается много разновидностей. В некоторых местах, особенно в азиатских джунглях, если вы посмотрите сверху на огромное зеленое по-

крывало «парящего континента», то оно покажется вам состоящим почти исключительно из пальм. Но спустившись на землю в этих джунглях, вы можете вообще не увидеть пальмовых стволов. Кроны в листовенном пологе принадлежат к ползучим разновидностям.

Наиболее интересной из них является ротанговая пальма — по крайней мере, для людей, которые нашли ей коммерческое применение. Помимо древесины для гнутой мебели и тростей, ротанги (или плоды некоторых из них) выделяют красное вещество, известное в романтическом языке восточной торговли под названием «драконья кровь». Древние считали, что «драконья кровь» обладает определенными лечебными свойствами, и даже в наши дни считается, что она исцеляет некоторые недуги. Но в основном она использовалась в красках и лаках до самого недавнего времени, когда синтетические красители вытеснили ее с мирового рынка.

Некоторые маленькие ползучие растения обеспечивают себя водой, прикрепляясь к крупным деревьям. Во время тропических ливней древесные гиганты, и особенно эмердженты, действуют по принципу сливной трубы: вода стекает по стволам целыми каскадами. Обычно из-за неправильной формы кроны она заливает лишь одну сторону ствола. Тогда все ползучие растения, поглощающие воду, собираются на этой стороне.

Достигнув листовенного полога джунглей, лианы утрачивают свое «верхолазное снаряжение». Возможно, эта перемена происходит из-за яркого солнечного света. Тенелюби

вые побеги упорно карабкаются вверх, но почти не несут листвы. Светолюбивые побеги дают обильную листву и плодоносят, но без сожаления расстаются со своими механизмами для подъема, поскольку в них больше нет нужды.

Поскольку лианы являются составной частью джунглей, человеческие попытки уничтожить их неизменно заканчивались неудачей. Такие попытки предпринимались в широколиственных лесах, где стебли лиан методически отсекались для улучшения качества древесины. Но работа оказалась значительно более тяжелой, чем предполагали рубщики. Лианы образуют столь значительную часть лиственного покрова, что их гибель приводит к более интенсивному освещению поверхности и ускоренному росту новых лиан. Если люди не продолжали постоянно уничтожать их, они душили те самые побеги, ради которых производилась расчистка. Задолго до того, как деревья достигали значительных размеров, лианы занимали свое первоначальное положение в джунглях.

Глава тринадцатая

АКРОБАТЫ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Тысячи и тысячи растительных видов, неспособных выжить в тени, бороться за место под солнцем или карабкаться вверх по стволам других деревьев, тем не менее процветают в джунглях. Они нашли способ пускать ростки прямо в древесных кронах, где много света, и полностью расстались с землей. Их существование едва ли возможно за пределами тропических дождевых лесов, поскольку они нуждаются в регулярном круглогодичном поливе и теплой, влажной атмосфере со сравнительно небольшим испарением. Оба эти условия преобладают лишь в настоящих джунглях. Но если вы не подниметесь достаточно высоко, то вообще не будете подозревать о существовании этих растений. С земли они неразличимы за ветвями деревьев и лианами.

Отдельные примеры такой растительности могут видеть люди, путешествующие по рекам в джунглях. Первопроходцы тропических дождевых лесов обычно интересовались лишь торговлей или завоеваниями и не обращали

на них внимания. До тех пор пока ботаники не приступили к систематической классификации тропических растений, верхние ярусы дождевого леса оставались неведомой страной.

Спрюс был первым в своей области, кто обнаружил эти ярусы, и своим открытием он во многом обязан лодочникам-туземцам. Они считали его очень странным белым человеком, поскольку он гораздо больше радовался новому цветку, чем находке золота или драгоценных камней. Но они относились к нему благосклонно, особенно когда поднимались вверх по течению.

Спрюс приказал своим подчиненным соорудить на корме каюту из жердей, покрытых широкими пальмовыми листьями, где он мог сидеть во время дневной жары, пока они работали на веслах. Он объяснил индейцам, что в эти часы предпочитает делать записи, хотя большинство людей в здешних краях обычно погружалось в дрему после полудня. Спрюса удивляло, как часто его работа прерывалась криком одного из гребцов:

— Эй, хозяин! Вон красивый цветок!

Он не мог противостоять искушению выйти и посмотреть; часто цветок оказывался незнакомым, и он прибавлял его к своей коллекции. Иногда необычный плод или соцветие можно было увидеть высоко в сплошной стене джунглей, и весь отряд отдыхал на берегу, пока Спрюс с двумя-тремя помощниками пытался добыть образец. Ему понадобилось много времени, чтобы осознать один любопытный факт: его звали посмотреть на цветы лишь во время особенно жаркой работы за веслами. В сравнительно прохладные дни его никто не беспокоил. Позднее, разобрав свою коллекцию, Спрюс обнаружил, что в ней есть много растений верхних уровней, которые он никогда не видел с земли.

В этом воздушном сообществе представлены три основных типа растительной жизни. Первые, наиболее многочисленные растения называются эпифитами; они растут на других растениях, не извлекая питательные вещества из своих хозяев. Слово составлено из греческих

слов *epi* («над») и *phyton* («растение»). Вторую группу составляют паразиты, которые не только находят место для жилья на другом растении, но и в разной мере пользуются им для своего питания. Третью группу составляют сапрофиты, живущие на мертвых растениях. Отдельные экземпляры могут поддерживать свое существование, пользуясь двумя методами одновременно или поочередно. К примеру, белая омела, в изобилии произрастающая во многих джунглях, паразитирует на некоторых деревьях, но при благоприятных условиях растет как эпифит. Некоторые растения имеют одновременно эпифитные и паразитические корни.

Если вы едете по мексиканским дорогам, то можете видеть небольшие воздушные растения, растущие на телеграфных проводах или на кактусах в пустыне. В джунглях они приобретают всевозможные формы и размеры: от крошечных звездочек до ананасов с двенадцатифутовыми листьями, усыпанных безумными соцветиями. К ним относится не только огромное большинство орхидей, но и невероятно красивые воздушные цветы, многие из которых встречаются только в тропическом дождевом лесу.

Для идеального развития эпифитов необходимы три условия. Во-первых, подушка воздушной почвы, расположенная высоко в древесных кронах, поблизости от лиственного полога; во-вторых, вода, поддерживающая влажность почвы даже в укрытых от дождя местах; и в третьих, высокая влажность воздуха, обычно существующая под огромным зеленым покрывалом. Почва там представляет собой нечто вроде пудинга из полуразложившейся древесины, плесневелых листьев, мертвых насекомых, кусочков плодов или соцветий и другого органического материала. Эта смесь так плодородна, что на ней растут даже самые взыскательные орхидеи. Развилки, дупла и расщелины деревьев заполняются этим материалом, и вьющиеся растения удерживают его в естественной корзине, сплетенной из их стеблей.

В американских джунглях особенно распространены эпифиты семейства бромелиевых, к которому принадлежат ананасы. Среди них наиболее известен «испанский мох», чьи серые стебли в живописном изобилии свисают с деревьев не только в тропиках, но и на юге США. Когда-то он использовался в качестве замены конскому волосу при набивке мебели. Члены этого семейства могут расти в таком количестве, что буквально закрывают от глаз дерево-хозяина.

Другие эпифиты не менее плодovиты. Существует описание одного дерева в джунглях Суматры, поддерживавшего пятьдесят разновидностей папоротников-эпифитов, причем все они росли на верхних ветвях, минимум в ста футах над землей. В ботанических отчетах из малайских джунглей есть описания больших деревьев, настолько облепленных пышными растениями различных видов, что листва их собственной кроны остается почти незаметной.

Одной из особенностей воздушной растительной жизни является то, что она служит домом для множества животных, хотя многие из них могут считаться нежелательными для человека. Сырой «воздушный пудинг» служит прекрасным гнездом для муравьев и других мелких существ, играющих заметную роль в жизни джунглей. Многие эпифиты имеют большие листовые розетки, которые перекрываются таким образом, что содержат невероятное количество воды; ботаники иногда называют их «воздушными водохранилищами». Они могут расти «вверх ногами» и все равно удерживать воду; некоторые из них так велики, что вмещают более галлона жидкости.

Эти воздушные резервуары служат инкубаторами для древесных лягушек, mosкитов и других насекомых. Однажды я принес в лагерь несколько листьев одного эпифита, служивших пристанищем для особой разновидности длинноногих, чрезвычайно проворных древесных вшей. Мы разорвали листья над белой простыней, чтобы заметить мелких насекомых, прежде чем они разбегутся по все стороны.

В результате мы собрали не только большое количество древесных вшей, но и целый зверинец других животных. В список входили маленькие, жирные черные скорпионы, несколько темно-коричневых плоских червей с золотистыми полосками на спинках, розовую пиявку, четырех разных пауков и трех земляных червей различной окраски.

Не все эпифиты нуждаются в таких «висячих корзинах». Определенные виды папоротников и орхидей растут лишь на гладких вертикальных стволах или наклонных ветвях. Некоторые мхи и лианы поступают так же. Более крупные растения обладают оригинальными приспособлениями для крепления к дереву и вырабатывают особые механизмы для поглощения воды. Подобно лианам, некоторые из них имеют разные корни для поддержки и для питания. Другие пользуются корнями исключительно как якорями. Они выращивают на листьях крошечные волокна, напоминающие очень тонкие короткие волоски, впитывающие влагу, необходимую для растения. Третьи же выпускают крупные, мясистые воздушные корни, поглощающие влагу из воздуха.

Вероятно, наиболее замечательные из них называются «шотландскими стряпчими» — забавный термин, обозначающий некоторых членов семейства фиговых. В течение довольно долгого времени они существуют как эпифиты; иногда на них даже вырастают другие растения. Однако, вступая в пору зрелости, они становятся не такими дружелюбными, как раньше. Фактически они ведут себя так дурно, что за ними закрепилось другое название: «фиги-душители». История их жизни — одна из немногих, удовлетворяющих критериям безжалостности, в которые многие писатели впихивают так называемый закон джунглей.

Птицы, мелкие млекопитающие и многие другие существа любят плоды фиговых деревьев. Они либо собирают фиги на земле, либо срывают с веток в пору созревания. Крошечные семена — характерные для всех членов многочисленного семейства фиговых — падают на землю

вместе с кусочками жвачки или экскрементами животных. Некоторые семена попадают в развилки ветвей или полости на стволе дерева. Если там скопилось немного почвы, фиговый росток укореняется и начинает стремительно разрастаться.

Вместо того чтобы ограничить свой рост размерами небольшого дерева или кустарника, как делают некоторые эпифиты, эти фиги выпускают все новые корни в поисках воды и пищи. При этом они оплетают поддерживающее дерево, подобно плющу, и проникают во все щели, как клопы в дешевых мебелированных комнатах. Или, по остроумному замечанию британских ученых, ведут себя как достославные шотландские стряпчие. Согласно поговорке, этот персонаж обладает способностью присасываться к человеку и богатеть за его счет, причем тот не чувствует боли. В конечном счете он душит ваш бизнес, великодушно оплачивает ваши похороны и расширяет свою процветающую юридическую практику.

Именно этим занимаются фиги-душители. Долгое время они не делают ничего, что могло бы серьезно повредить дереву-хозяину. Фига-душитель просто сидит на нем; длинные корни пьют воду, сбегаящую вниз по стволу вместе с питательными веществами, а ветви тянутся вверх, к солнечному свету. Спустя некоторое время фига становится такой большой и тяжелой, что цилиндрическая «клетка», образованная ее корнями, начинает сдавливать ствол хозяина. Затем корни фиги достигают земли, внедряются в почву и начинают активно конкурировать с корнями первичного дерева в борьбе за питательные вещества. Наконец дерево-хозяин проигрывает эту безнадежную схватку и погибает. Оно может стоять долгие годы, даже десятилетия, поддерживая крепкую деревянную корзину фиги-душителя, медленно сгнивая и таким образом возвращая в почву перегной, некогда использованный для его собственного роста.

Есть несколько паразитических растений — некоторые папоротники, малайский молочай, другой эпифит, из-

вестный под названием *Dischidia rafflesiana*,— собирающие и перерабатывающие собственную почву высоко над землей. Некоторые из них выращивают чашеобразные листья, в которых скапливается дождевая вода и гумус, гнезятся насекомые. Другие с той же целью прикрепляют свои листья к стволу или ветвям дерева-хозяина наподобие широких скоб. Затем, когда в растительном резервуаре накопится почва, эпифит пускает туда собственные корни.

Многие из знаменитых тропических красавиц принадлежат к эпифитам. Из 15 000 известных видов орхидей большинство растет на деревьях, и лишь сравнительно небольшое количество укореняется в почве. Поэтому вы не можете увидеть их, если путешествуете через джунгли обычными речными маршрутами. Орхидеи обычно предпочитают тенистые и очень влажные места, поэтому они лучше всего растут под листовым пологом того или иного яруса.

Орхидеи пробуждают необыкновенный восторг в сердцах ценителей прекрасного и законодателей моды. В тропиках мы традиционно ставили на походный стол кувшин со свежими цветами, и как-то раз я принес прелестное кроваво-красное соцветие, похожее на сросток тюльпанов. Я обнаружил его на дереве в пятидесяти футах над землей, когда поднялся туда утром перед завтраком, чтобы установить ловушку. Соцветия были так прекрасны, что моя жена срезала одно из них и запрессовала в альбоме для гербария. Десять лет спустя один из ведущих коллекционеров орхидей открыл этот альбом в Нью-Йорке и испустил восторженный вопль, стоивший ему (как выяснилось впоследствии) 5000 долларов. Такова была цена, предложенная им за один-единственный экземпляр этого растения. В джунглях мы каждый день ставили на стол такие цветы!

Однажды, когда мы жили на вершинах деревьев, нас окружало целое поле изысканной красоты. Некоторые орхидеи раскрывались только в предутренних сумерках, другие — под жаркими лучами солнца, а третьи — по-

дним вечером. Соцветия имели самый причудливый вид: иногда они напоминали любопытное механическое приспособление, а иногда походили на животных. Но все они были там — в природном саду, возделанном Творцом ни для кого, кроме обезьян, коршунов да маленьких златоглазых древесных лягушек.

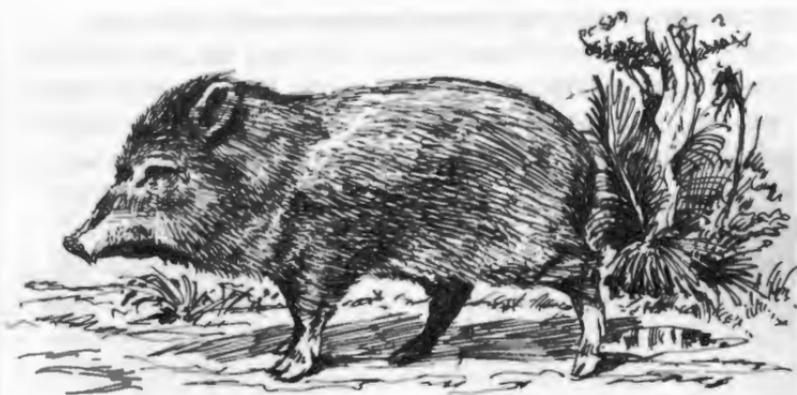
Несмотря на свою богатую и разнообразную растительность, джунгли сравнительно бедны сапрофитами — растениями, живущими на мертвом органическом материале. Однако есть места, где они встречаются в изобилии, — грибы, папоротники, мхи и даже некоторые из прекраснейших орхидей. Северные леса богаты разнообразными грибами, но джунгли тоже могут кое-чем похвастаться. В азиатских джунглях есть гриб, как две капли воды похожий на оленье рога и почти такой же прочный. Другие грибы весят больше тонны и приподнимают крупные деревья. Иногда, проходя по тропическому лесу, вы на протяжении нескольких миль видите каскады желтых, золотистых, оранжевых или розовых грибов, облепляющих одну сторону каждого дерева; по-видимому, им нравится лишь одно направление.

Отличительной особенностью *настоящих* сапрофитов является их неспособность к фотосинтезу — процессу использования света для получения углеводов из воды и углекислого газа. Они получают питание из мертвого вещества, где уже есть эти материалы, и могут процветать в глубокой тени при условии высокой и постоянной влажности. Считается, что в тропических лесах с отчетливо выраженным сухим сезоном сапрофитов практически не существует.

Паразиты джунглей, за исключением бактерий и других крошечных организмов, обладают поразительной способностью имитировать своих хозяев. Воздушные паразиты, произрастающие на ветвях первого листового яруса, имеют облик мелких ползучих растений, но их листья так похожи на листья дерева-хозяина, что заметить их можно лишь при самом тщательном наблюдении, да и то в период цветения.

Независимо от способа питания воздушные растения образуют настоящие цветники в джунглях. Деревья и лианы иногда потрясают воображение, но период их цветения длится недолго и далеко не всегда заметен с уровня земли. Поэтому многие путешественники говорили о мрачноватом облике джунглей. По их словам, сверху все кажется зеленым и сумрачным, а внизу — голым и коричневым. Но выше находятся огромные воздушные корзины с обилием цветов и буйством красок, которое мы по привычке связываем с тропическим дождевым лесом, но редко встречаем, пока не поднимемся к воздушным садам.

Глава четырнадцатая **РАЗРУШИТЕЛИ**

Приветливая, терпимая, даже дружелюбная — эти эпитеты, в общем и целом, приложимы к растительной жизни джунглей. Несмотря на острую конкуренцию между видами и даже отдельными растениями, лес в целом является гораздо более милосердным местом, чем полагают люди, никогда не жившие там. Невежественные люди считают джунгли враждебным, угрожающим и очень опасным местом. Они видят лишь то, что хотят видеть. Считанным единицам удастся познакомиться с джунглями в достаточной мере, чтобы понять, насколько искаженной была картина, нарисованная их воображением.

Искаженной, но не совсем ложной. То, чего они боятся, действительно справедливо по отношению к одному из аспектов джунглей, так как среди растений есть активные враги животного царства. Они хорошо снаряжены как для нападения, так и для защиты; некоторые из них бывают поразительно агрессивными, а другие — не менее хитроумными. Их жертвами становятся насекомые и дру-

гие мелкие существа. Очевидно, они начали вести такой образ жизни, когда некоторые из них в процессе бесконечных поисков воды превратили свои цветы или листья в кувшинообразные приспособления, улавливающие влагу для дальнейшего использования. Но если они могли улавливать дождевую воду, то почему бы не научиться ловить пищу?

Одним из насекомоядных растений, известных в умеренном климате, является росянка — небольших размеров, с розетками мясистых листьев самого невинного вида. Эти листья покрыты тонкими, но прочными волосками, пропитанными сладким, липким веществом. Насекомые, привлеченные запахом, запутываются в волосках, и тогда растение выделяет другую жидкость, достаточно мощную, чтобы растворить их ткани, и поглощает останки через листья. Эти растения получили свое название из-за росистого вида листьев; смертоносная, похожая на мед жидкость, блестит на них ярко, словно капли чистой воды.

Один род насекомоядных растений, возникший в азиатских джунглях, получил поэтическое название *Nepenthes* — от легендарного греческого напитка, избавлявшего от боли и погружавшего в полное забвение. В буквальном переводе это слово означает «свободный от печалей». Более прозаично их называют кувшинковыми растениями, поскольку на листьях некоторых видов имеются выросты в форме кувшинчиков или детских чулок, которые вывешиваются в ночь перед Рождеством, чтобы привлечь внимание Санта-Клауса. Это удобное хранилище иногда вмещает до пинты воды. Железы внутри «кувшина» выделяют пахучую жидкость с приятным или дурным запахом, привлекающую насекомых, на которых охотится растение. Насекомые падают в жидкость на дне кувшина, и их страданиям быстро приходит конец, поскольку внутренние стенки слишком гладкие, крутые и скользкие. Затем жизненные соки их маленьких тел поглощаются растением в качестве пищи.

В джунглях *Nepenthes* имеет вид лианы и вырастает до шестидесяти футов в длину. Сами кувшины часто имеют поразительный облик: они окрашены в полоску всех цветов радуги или покрыты яркими красными, зелеными и пурпурными пятнами. Некоторые из них так красивы, что их вывозят из джунглей для украшения теплиц и оранжерей, хотя там они ограничиваются скромными размерами. Их цветы малы и невыразительны — крошечные красноватые или желтоватые иголки.

Многие «умные» растения — существует еще несколько родов насекомоядных — значительно усовершенствовали нехитрый процесс, благодаря которому *Nepenthes* получил свое название. Некоторые отрасли волоски или иголки, загнутые вниз и внутрь кувшина, чтобы ни одно маленькое существо, которое заползло или упало туда, не могло выбраться наружу. Они во многом напоминают так называемый цветок «дамское седло», встречающийся в США и известный ботаником как *Sarracenia*, сначала привлекающий насекомых яркими контрастными красками своих кувшинов, а затем заманивающий их внутрь несколькими каплями похожей на мед жидкости. Волоски, обращенные вниз, не дают жертве ускользнуть.

Другие растения имеют аккуратные крышки, запирающие пойманных насекомых внутри. Очевидно, прикосновения или даже запаха будущей жертвы достаточно, чтобы включить механизм захвата. Одно кувшинковое растение в джунглях Суматры столь активно и агрессивно, что его движения можно заметить невооруженным глазом. Это мимоза — в сугубо ботаническом смысле, подразумевающим группу растений, принадлежащих к семейству гороховых, а не изящное дерево, которое австралийцы называют плакучей акацией.

В тропиках эти мимозы также известны как «чувствительные растения». То, о котором я говорю, внезапно сворачивает листья и жеманно кивает головкой, если к нему прикасается любое теплокровное существо. Этого не произойдет, если к нему прикоснется другое растение

или любое холоднокровное животное. Механизм такого безошибочного распознавания остается загадкой. Ключ к ней, возможно, содержится в том факте, что под воздействием хлороформа мимоза утрачивает способность сворачивать листья в ответ на внешние стимулы; по-видимому, в своих реакциях она не слишком отличается от животного.

Для меня абсолютным рекордсменом в этой форме растительной жизни является кувшинковое растение из джунглей Южной Индии, которое ловит и переваривает мышей. Если это кажется невероятным, позвольте добавить, что подробная съемка такого необычного явления была проведена в оранжерее знаменитых английских ботанических садов в Кью. Однажды я привез кувшинковое растение на телевизионное шоу, в котором меня пригласили участвовать, и оно поймало живого таракана. Проворный оператор запечатлел это событие в живом эфире для миллионов любознательных телезрителей.

Мимоза, *Nepenthes* и другие ловчие не нуждаются в кормлении насекомыми, когда растут в оранжереях. Они вполне могут обойтись корневым питанием от богатого компоста, при условии надлежащей температуры и влажности. Даже в дикой природе живые существа являются лишь дополнением к их рациону.

Плотоядные растения переваривают пищу во многом так же, как и мы. Они выделяют ферменты, растворяющие тела пойманных животных, и переводят полученные соки в форму, удобную для впитывающего механизма растения.

Какие бы ужасы эти растения ни творили в мире насекомых, они не представляют угрозы для более крупных существ, а уж тем более для человека. Мы можем значительно сильнее пострадать скорее от защитных, чем от атакующих механизмов растительности. Этого не всегда можно избежать, даже будучи вполне осведомленным человеком.

Разумеется, вы можете воздержаться от употребления в пищу любых плодов, орехов или фруктов, если считаете, что это опасно. Вы можете пить сок растений, лишь будучи уверенными, что он пригоден для питья, какой бы привлекательной ни казалась жидкость.

Находясь на окраине джунглей, необходимо быть начеку и избегать встречи с коварными растениями, которые иногда обладают едва ли не человеческой злонамеренностью. Они норовят заплести вам ноги, хлестнуть по глазам, ткнуть острыми иглами, порезать бритвенно-острыми листьями или обжечь едкой жидкостью. На окраине джунглей многие лианы и ползучие травы снабжены более длинными, прочными и болезненными иглами и колючками, чем самая шипастая роза в нашем саду. К тому же их бывает трудно заметить с первого взгляда.

Пальмы в особенном изобилии производят колющее и рубящее оружие и владеют им не хуже, чем знаменитый герой Дюма. Кокоритовая пальма, как ее называют в некоторых американских джунглях, где я имел опыт печального знакомства с ней, растет плотными группами. Не всегда бывает возможно избежать контакта с одной из таких групп во время охоты или сбора образцов. Стволы покрыты густой порослью игольно-острых, тонких, но необычайно прочных черных колючек длиной до шести дюймов. Эти колючки снабжены загнутыми отростками, поэтому вынимать их еще больнее, чем когда они втыкаются под кожу.

Лианы тоже могут отращивать шипы, поэтому человек, лазающий по деревьям в джунглях, должен тщательно выбирать ту, по которой он собирается съехать вниз. Однажды я столкнулся с похожим на камыш растением, имевшим гладкий стебель, словно приглашающий ухватиться за него, когда рядом нет подходящей опоры. Но если вы сделаете это, то обнаружите, что с внутренней стороны стебель имеет два острых режущих края, рассекающих кожу с такой же легкостью, как нож проходит через мягкое масло. Более того, эти края покрыты каким-то

химическим составом, предотвращающим свертывание крови.

Но из всех растений, с которыми я когда-либо встречался в джунглях, меньше всего мне нравится дикая тания. Она широко распространена в местах своего обитания, хотя вы можете не заметить ее до тех пор, пока в буквальном смысле не наступите на нее или как-либо иначе вступите в контакт с нею.

Дикая тания выглядит как ревень-переросток, насаженный на пальмовый стебель. Ее очаровательные белые цветы выглядывают из пучков крупных мясистых листьев фаллической формы, с трех сторон напоминающих толстую свечу в разрезе. Но с четвертой стороны вы видите, что это лишь огромный белый лепесток, загнутый вокруг ярко-оранжевого центра, который тания выставляет на показ, словно Будду в белой восковой гробнице. Стебель этого растения, достигающий восьми дюймов в диаметре, имеет облик прочного пальмового ствола.

Все это звучит довольно невинно, но внешность обманчива. На самом деле ствол дикой тании не прочнее, чем стебелек сельдерея; случайный взмах мачете может прорезать его насквозь, а удар рукой или ногой нанесет серьезное повреждение. Возмездие наступает немедленно: растение выпускает жидкость, не менее едкую, чем серная кислота. Нескольких капель на коже достаточно для образования красных пятен, из которых потом вздуваются болезненные волдыри.

В историях о джунглях, которыми обмениваются путешественники, вы могли слышать о гигантских растениях, хватающих людей и других крупных млекопитающих с такой же легкостью, как *Nepenthes* хватает муравья. Кто-то слышал о зловещей, дьявольски хитроумной лиане, обвивающей вокруг человека и сжимающей его до тех пор, пока он не умрет от удушья. Замечательная и пугающая картина, но на самом деле лианы не обладают достаточной чувствительностью, хотя большинство из них можно использовать в качестве удавки. Человек вполне способен безнадежно запутаться в витках лиан, и они

причиняют достаточно неудобств без всяких сверхъестественных способностей.

Помню один случай в джунглях Тринидада. Я собрался спуститься в ущелье на нескольких довольно прочных с виду лианах, свисавших с большого дерева, которое росло на самом краю. Мне удалось одолеть лишь половину пути, когда наверху что-то подалось и мимо пролетело несколько крупных сучьев, сопровождаемых громадным мотком лианы, обмотавшим меня витками, которые мало чем отличались от колючей проволоки. Я едва не потерял сознание от удара. Когда я грохнулся на дно ущелья, все еще опутанный живыми кольцами, то сильно поранился о шипы и потерял мачете. Но именно толстые, упругие стебли, обмотанные вокруг моего туловища, помогли смягчить падение.

В начале спуска я краем глаза заметил стадо встревоженных пекари, американских тропических свиней. Какое-то мгновение они с тупым удивлением смотрели на меня, а потом разбежались во все стороны, как испуганные олени; этот вид животных обладает мощными конечностями и скоростью миниатюрной скаковой лошади.

Сам инцидент подробно сохранился в моей памяти еще и потому, что при падении я потревожил норную гадюку. Хотя обычно змеи кажутся мне гораздо менее враждебными и отвратительными, чем пауки, норная гадюка относится к разновидности, знакомство с которой должно быть как можно менее продолжительным. Ее яд, хотя и не смертельный, парализует жертву, которая затем становится совершенно беспомощной и не в силах сопротивляться даже укусам муравьев. Хотя у меня не было безоговорочной веры историям местных жителей, я постарался уклониться от этого экземпляра, все еще находясь в смиренной рубашке из лианы. Гадюка напала снова и снова, что удивило меня, поскольку ничто не мешало ей просто уползти и оставить меня болтаться в воздухе.

Сражаясь с неподатливой лианой и уклоняясь от гадюки, я сначала не заметил, что другая толстая лиана пленила одного из пекари. Я видел, как он стремглав промчался мимо, освободившись незадолго до того, как я сделал особенно мощный рывок и приземлился на каменистое дно вместе с остатками лианы. Пекари выскочил прямо на змею, так как она преграждала ему единственный путь к спасению. Несмотря на свой испуг (а кто бы на его месте не испугался?), он с ходу лягнул змею; позднее я узнал, что именно так пекари защищаются от подобных врагов. Удар подбросил змею в воздух и отшвырнул ее на каменную стену утеса, а пекари с треском исчез в густом подлеске.

К моему изумлению, гадюка осталась жива и снова набросилась на меня. Но вмешательство пекари позволило мне освободиться от последних обрывков лианы. Вскрабавшись на кучу валунов у основания утеса, я принялся швырять камнями в свою противницу, пока не нанес серьезное увечье, а потом добил ее сухой веткой. Я взял гадюку домой в качестве трофея — такие нам еще не попадались — и вернулся в лагерь, окровавленный и покрытый синяками, но в остальном довольный.

Глава пятнадцатая
СЛЕДУЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

Хотя джунгли являются очень старыми и стабильными растительными сообществами, поддерживающими естественное равновесие в течение столетий и даже тысячелетий, ученые не вполне понимают, как им это удается. Отчасти это объясняется тем, что мы еще мало знаем о полном цикле жизни тропического дождевого леса. У нас пока больше вопросов, чем ответов, и некоторые ответы больше похожи на осторожные предположения.

Трудность заключается в том, что большинство исследований о смене поколений в растительном цикле джунглей проводилось в условиях, не вполне точно копировавших первоначальную обстановку девственного леса. Иногда наблюдатели описывали, как лес залечивает раны после урагана или больших вырубок, осуществленных другими людьми. Иногда все начиналось с нуля, как на Кракатау, хотя такие примеры все же единичны. Но у нас недостаточно оснований полагать, что это нормальный процесс регенерации, происходящей при отсутствии кагастроф и природных катаклизмов.

Методы, с помощью которых растения разных этажей джунглей воспроизводят себя, изменяются в широких пределах, даже среди растений, образующих один слой. Некоторые деревья и другие растения цветут и плодоносят лишь раз в жизни; им требуется от двенадцати до пятидесяти лет, чтобы достичь этой стадии, после чего они быстро погибают. Другие цветут и плодоносят постоянно, словно не обращая внимания на время года. На участках джунглей, где за деревьями достаточно долго велось пристальное наблюдение, было отмечено, что некоторые виды плодоносят по девять месяцев в году. Но большинство все же имеет более долгий период отдыха. Для всех видов цикл регулируется особенностями самого растения, а не такими общими факторами, как жара или холод, высокая или низкая влажность.

По-видимому, не существует больших различий в степени выживания между теми растениями, которые плодоносят обильно и постоянно, и теми, которые вынашивают несколько семян за долгий период времени. С другой стороны, определенные виды болотных пальм можно обнаружить только в виде побегов, а не взрослых деревьев. Причина в том, что птицы заносят на болото семена взрослых деревьев, выросших в лесу. В сырых и тенистых болотных условиях пальма вырастает примерно до пятнадцати футов, и на этом ее развитие прекращается.

То, что джунгли поддерживают неизменный общий вид и растительную структуру, доказывает, что разные схемы воспроизводства хорошо адаптированы к выживанию в тропическом дождевом лесу *в целом*. Потомство отдельного растения не имеет большого значения и может быть принесено в жертву ради общих интересов.

В других зонах растительности главной действующей силой в опылении цветов и разносе семян является ветер. В джунглях ветер играет незначительную роль, даже на верхних уровнях. В неподвижном воздухе под плотным листовым пологом было бы самоубийственно пола-

гаться на порывы сильного ветра. На каждом уровне растения либо приспособляются к вмешательству животных в процесс воспроизводства, либо полагаются только на себя. Последний способ наиболее прост. Самые примитивные виды ожидают дождя, чтобы мужская «сперма» вылилась из чашечки цветка вместе с водой и достигла своего женского эквивалента.

Почти для всех больших деревьев характерны крупные, тяжелые орехи, без труда пронизывающие плотную листву и падающие на землю. Обычно они имеют округлую форму, позволяющую им откатиться на ровное место, с лучшей почвой и водоснабжением, чем на склоне. Орех содержит достаточно питательных веществ, чтобы дать ростку хорошую возможность выжить, пока не разовьется эффективная корневая система. Прочная скорлупа защищает содержимое от большинства голодных животных. Если дерево растет рядом с рекой, то орех может вынести на берег, где у ростка будет достаточно света для быстрого развития.

Другие растения полагаются на животных не только в опылении, но и в переносе семян к более благоприятному месту. Члены растительных семейств, чья пыльца разносится ветром в других климатических зонах, в джунглях привлекают пчел, мух и других насекомых. Эта взаимная зависимость объясняет обилие насекомых, которые кормятся на великом множестве растений, цветущих практически круглый год. Однако птицы и мелкие млекопитающие служат главными посредниками в деле доставки созревшего семени к тому месту, где оно может вырасти. Они либо заглатывают семена целиком и позднее извергают их не переваренными, либо уносят их и роняют понемногу во время трапезы. Добыча столь обильна, что во многих джунглях мне было очень трудно найти достаточно привлекательную приманку для ловушек. Фрукты валялись повсюду в таком количестве, что даже жадные крысы с презрением отворачивались от всего, что мы могли им предложить.

Изобилие на этом пиру природы с особой очевидностью проявляется в одной из знаменитых романтических историй, действие которой разворачивается в годы, предшествовавшие американской и французской революциям.

История начинается в 1742 году, когда Изабелла де Гранмезон, очаровательная тринадцатилетняя дочь дона Педро де Гранмезона из вице-королевства Перу, вышла замуж за Жана Годена, члена первой французской экспедиции в джунгли Южной Америки. Семь лет спустя он переехал во Французскую Гвиану и совершил путешествие по Амазонке длиной в три тысячи миль за четыре месяца, чтобы проверить осуществимость этого маршрута для совместной поездки с женой. По какой-то причине ему понадобилось двадцать лет, чтобы уговорить ее последовать за ним. Наконец в 1769 году она отправилась в плавание в сопровождении двух своих братьев, двенадцатилетнего родственника, трех женщин-служанок, неграба по имени Иоахим и трех французов, присоединившихся к отряду. Две дюжины индейских гребцов, носильщиков и проводников доставили их вниз по склонам Анд в городок на берегу реки Пастасы, где партия собиралась найти флотилию каноэ, ждущую их для долгого путешествия по Амазонке.

Городок был пуст и сожжен дотла. Те, кто выжил после эпидемии черной оспы, предали огню проклятые здания и разбежались. Индейцы, сопровождавшие мадам Годен, последовали их примеру и, вероятно, без происшествий вернулись домой. Но она отказалась повернуть назад. В лесу удалось обнаружить четырех местных индейцев и убедить их отправиться в плавание с помощью щедрого аванса. Пятнадцать человек с большим запасом провизии отплыли вниз по реке на большом долбленом каноэ с плотом, привязанным за кормой. В первую ночь они причалили к берегу, чтобы избежать столкновения с опасными корягами, мешавшими плаванию в темноте, а наутро индейцы сбежали.

Оставшиеся одиннадцать человек плыли до тех пор, пока один из французов, стоявший за рулем в ночную смену, не исчез в речной пучине. На следующий день каноэ перевернулось незадолго до того, как они собрались причалить к берегу. Они потеряли большую часть продуктов и решили, что если хотят вообще когда-либо выбраться из джунглей, то им нужен проводник. Примерно в сотне миль вниз по течению находилось миссионерское поселение. Негр Иоахим и один из французов отправились в каноэ за помощью, а остальные встали лагерем, ожидая их.

Они ждали больше месяца. Запасы еды истощались, хотя мужчины охотились и время от времени убивали птиц. Они нашли несколько съедобных корней и собирали птичьи яйца. Очевидно, большинство людей сильно страдало от лихорадки; кроме того, их осаждали насекомые, заставлявшие расчесывать кожу до крови. Наконец мадам Годен решила, что их единственная надежда — плыть вниз на плоту, невзирая на подводные коряги. Они едва успели выплыть на середину реки, когда плот перевернулся. Всем удалось добраться до берега, но остатки еды пропали, и они были слишком слабы, чтобы искать новую. Через два дня мадам Годен была единственной, кто остался в живых. Позднее она говорила, что лишь вонь от трупов, рядом с которыми она лежала, заставила ее встать и уйти из мертвого лагеря в джунгли. Она едва успела уйти, когда прибыл Иоахим с индейскими гребцами и припасами; как она сама утверждала впоследствии, ей чудились голоса, но она шла дальше в каком-то помрачении. Тела ее спутников уже были практически неузнаваемы, и Иоахим решил, что все погибли.

Тем временем мадам Годен шла через джунгли. Она, без припасов и оружия, если не считать мачете, она двигалась вперед, стараясь держаться параллельно реке, но достаточно далеко, чтобы избегать плотной растительности вдоль берега. И она нашла пищу. Она жевала упавшие плоды и орехи. Она срезала нежные съедоб-

ные верхушки маленьких пальм. Через девять дней она увидела огонь и подошла к костру; это был лагерь речных индейцев, которые доставили ее в христианскую миссию.

История мадам Годен была жемчужиной европейских салонов 1770-х годов. Особенно смаковались три подробности. Во-первых, она якобы путешествовала по джунглям в сандалиях, сделанных из башмаков, снятых с ее погибшего брата. Во-вторых, она резко осудила миссионера, отнявшего у индейцев две тонкие золотые цепочки — ее последнее достояние, отданное в благодарность за чудесное спасение. И наконец, эта холеная леди из высшего общества в течение девяти дней могла прокормиться в джунглях.

Один из расхожих предрассудков о джунглях гласит, что там все растет очень быстро. Отдельные виды действительно развиваются с такой скоростью, что это заметно невооруженным глазом. Но фактически большая часть растений предпочитает расти «по-черепашьи».

Один из видов бамбука действительно вырастает на двадцать дюймов в сутки. Другие растения иногда подрастают на десять дюймов в день в течение двух месяцев. Когда в дождевом лесу возникает прогалина, вызванная природным катаклизмом или деятельностью человека, то за несколько недель земля покрывается густой порослью высотой в шесть футов; в умеренной зоне за такой период в лучшем случае успеет вырасти трава. Но эта спешка лишь маскирует гораздо более размеренный ритм роста, действительно преобладающий в джунглях, — роста больших деревьев и лиан, некоторых эпифитов и паразитов. Одним из самых медленно растущих растений является азиатская орхидея, чей ежегодный прирост нужно измерять микрометром. Предполагается, что некоторым огромным широколиственным растениям требуется не менее двухсот лет, чтобы достигнуть полной зрелости. Еще не установлено, как долго некоторые виды деревьев могут находиться в состоянии, похожем на спячку, без всякого видимого рос-

та. Однако известно, что многие виды обладают такой способностью. Сначала побег вырастает до определенной величины. Росток с маленьким пучком листьев и зонтичной кроной на длинном, почти голом стебле может стоять годами, ожидая благоприятной возможности — например, разрыва в листовом пологе. Или же он копит силы для новой борьбы за питательные вещества с корнями своих соседей и с их кронами, закрывающими доступ к свету.

Цветение растений в джунглях обладает некоторыми необычными особенностями, отсутствующими в других местах. Одна из таких особенностей — появление листьев и плодов прямо на стволе или на старых ветвях, хотя иногда цветут лишь молодые побеги.

Вы гуляете по лесу и вдруг видите крупную гроздь чего-то напоминающего переросший виноград или зрелые фиги. В другом случае прямо на стволе красуется яркое соцветие, похожее на букетик, приколотый к корсажу, или на гриб странного цвета и формы. Однако это не гриб, а цветок дерева, проросший прямо сквозь кору. Ботаники называют этот феномен каулифлорацией: ростом цветов на безлистном древесном стебле. Сотни разных видов в дождевом лесу обладают этой особенностью, но практически все они принадлежат к нижнему ярусу джунглей. Гиганты растительного мира, чьи кроны купаются в солнечных лучах, не нуждаются в подобных ухищрениях.

В то же время ботаники заподозрили, что недостаток света не полностью объясняет феномен каулифлорации. К примеру, тысячи тенелюбивых растений никогда не прибегают к ней. Альфред Уоллес считал, что каулифлорация была механизмом, разработанным небольшими деревьями для привлечения низко летающих насекомых, которые нужны растению для опыления. Действительно, большинство из них полагается на насекомых в процессе опыления — одним из наиболее известных растений, выпускающих цветы на стебле, является какао — и часто ограничивается соцветиями в нижней части ствола. Но

другие деревья имеют цветы даже на коре верхних ветвей. Поэтому было выдвинуто предположение, что это связано с химическими процессами, происходящими в растущем древесном слое под самой корой. Но все эти наблюдения ничего не меняют для наблюдателя: важно то, что эти странные предметы действительно являются цветами или плодами.

Другая изумительная особенность многих растений в джунглях заключается в том, что определенные виды цветут мгновенно: не в течение определенного периода, а буквально за несколько часов. Их биологические часы настроены с такой точностью, что все представители одного вида зацветают в один день и увядают к вечеру. В яванских джунглях было описано растение, зацветающее в один и тот же день через каждые девять на протяжении многих поколений. Другой вид, на Цейлоне, цветет каждые двенадцать лет.

Тропическая буря, по-видимому, дает стимул к цветению некоторых растений. Определенные орхидеи в малайских джунглях, чьи цветы живут лишь один день, распускаются одновременно на большой площади. Было замечено, что это всегда происходит через несколько дней после сильной грозы. Сначала считалось, что цветение стимулируется притоком дополнительной влаги, потом его связывали с электрическими феноменами. Но в конце концов было обнаружено, что причина заключается в резком кратковременном понижении температуры после грозы. Некоторые виды кофе следуют той же схеме: кусты одного вида одновременно покрываются ослепительно белыми цветами. Все представители одной группы деревьев в амазонских джунглях зацветают одновременно на площади в сотни квадратных миль — сам факт, но не его причина был отмечен еще в прошлом веке, — а на следующий день в джунглях нельзя найти ни единого цветка.

Сомнительно, что эта особенность является преимуществом в процессе воспроизводства растений. Трудно сказать, имеет ли вообще какой-либо из репродуктивных

механизмов особые преимущества перед другими. Но к счастью, выживание леса в целом не зависит от эффективности воспроизводства отдельных видов растений. Весь процесс, сплав тайны и безудержного расточительства, может показаться странным и противоречивым, но он самым эффективным образом выполняет одну задачу, гораздо более важную, чем жизнь любого вида: сохраняет вечное равновесие джунглей.

Глава шестнадцатая ЛЕСНЫЕ МАЛЮТКИ

Хотя большая часть джунглей поднята высоко над землей на огромных древесных столпах, а почва обычно кажется почти необитаемой, на этом уровне тоже есть своя жизнь. Это не только молодые побеги, определенные тенелюбивые деревья и кустарники, но и лесные малютки, льнущие к земле. Их польза и интересные особенности с лихвой возмещают отсутствие внешнего великолепия.

Одними из наиболее древних и примитивных представителей наземных растений являются печеночники (*Hepata*). Один из них, вида *Selaginella*, может сплошным ковром устилать квадратные мили почвы. Само растение состоит из мелких зеленых листочков, растущих попарно на коротких стеблях голубовато-зеленого цвета. Это настоящие «морские водоросли», живущие на суше, очень похожие на мох, который в джунглях почти никогда не растет на земле, но лишь на упавших стволах и коре живых деревьев. Однако *Selaginella* теснее связана с папоротниками, чем с мхами, а в некоторых аспектах жизненного цикла и воспроизводства она удивительно похожа на жи-

вотных. Она вообще не цветет, но образует как женские, так и мужские споры. Споры созревают и высеваются; когда мужская спора оплодотворяет женскую, формируется новое растение. В джунглях они гораздо мельче и менее похожи на папоротники, чем их цивилизованные сородичи, которых часто можно увидеть в оранжереях, где они используются для зеленого оформления скамей или висячих корзин.

Еще более широким распространением пользуются некоторые виды примитивных грибов, которые часто называют плесенью, образующие слой рыхлой слизи на обуви, книгах и других предметах, хранящихся в темном, сыром месте. Почва джунглей полна ими. Среди них есть много родственников *Penicillium*, из которого сэр Александр Флеминг добыл пенициллин, первый чудодейственный антибиотик.

Эти виды плесени помогают сделать джунгли более здоровым местом, чем любое другое, за исключением арктических регионов, свободных от бактерий. Даже если вы сильно пораните ногу вдалеке от лагеря и не имея медикаментов, вам не нужно бояться инфекции. Главное — не оборачивать рану грязной тряпкой и не втискивать ногу в кожаную или резиновую обувь. А если инфекция все-таки попадет в рану, то лучшее, что вы можете сделать — приложить к ней немного глины или лесной почвы.

За несколько лет до объявления об открытии пенициллина мы собирали образцы почвы джунглей и посылали их на анализ в лаборатории Барроуза и Уэлкома, одну из крупнейших компаний Англии. Мы до сих пор высоко ценим отчеты, которые они послали нам в 1938 году (сэр Александр Флеминг получил Нобелевскую премию в 1945 г.), где сообщалось, что некоторые образцы обладают выдающимися «антибиотическими качествами».

Наше исследование началось после того, как я подхватил тяжелейший микоз в лучшем столичном отеле одной из тропических стран. Никакое лечение не помогало, и я

ужасно мучался. Я не мог ходить, и проводники несли меня до лагеря в джунглях. В первую же ночь гроза сорвала нашу палатку, и мне пришлось барахтаться в темноте по колено в грязи, спасая наши драгоценные пожитки. Я был босым, и грязь приятно холодила ногу.

К середине следующего дня боль прошла и нога начала выздоравливать. Через четыре дня уже нельзя было заметить никаких признаков инфекции.

Почвы джунглей, по существу, являются огромной лабораторией по производству антибиотиков. Они превращают весь органический материал, падающий сверху, в простые и чистые вещества, которые потом заново используются растениями.

До недавнего времени существовало поверье, что для сохранения здоровья в тропиках белым людям необходимо расчистить деревья и дать дорогу солнечному свету. Потом им нужно изобретать всевозможные ухищрения, чтобы избегать прямых солнечных лучей, особенно в полуденную жару. После первых нескольких опытов жизни в джунглях я решил, что в поисках перспективных коллег будет благоразумнее остановить свой выбор на завсегда-таях ночных клубов, ведущих сидячий образ жизни, чем на загорелых и мускулистых спортсменах, любителях путешествий. Дальнейшие экспедиции подтвердили это впечатление.

Спортсмен первым становится жертвой опасностей, рожденных его пристрастием к яркому солнцу и свежему ветру. В джунглях нужно принимать природу такой, какая она есть, а завсегда-тай ночных клубов избегает яркого солнца точно так же, как любой уважающий себя обитатель тропического дождевого леса. Он поступает мудро, поскольку в лучах экваториального солнца таится масса неприятных вещей.

Пожалуй, здесь следует упомянуть, что одной из величайших опасностей, которым вы можете подвергнуться в джунглях, является мытье, особенно с мылом. Выделения наших потовых желез сами по себе являются мощным антибиотическим средством, охраняющим нас

от внешних инфекций. Поплавайте в реке или постоите под дождем, если вам нравится, и вы останетесь чистым и здоровым. Не бойтесь запаха — люди чувствуют не запах пота, а запах грязной одежды, пропитанной застарелым потом.

Поэтому чем меньше одежды вы носите в джунглях, тем лучше. Опытные люди, которые провели в джунглях много времени, обычно меняют одежду три раза в день; так они сохраняют естественное увлажнение кожи, не рискуя слишком пропитать потом свою одежду. Опыт в конце концов научил меня в дневное время отказываться от всего, кроме набедренной повязки — в этом отношении фильмы о Тарзане вполне достоверны, — и избавляться от любой обуви, за исключением ночной охоты, поскольку в это время в джунглях чаще встречаются ядовитые змеи и другие малоприятные существа. Для тех, кто не может отказаться от обуви, легкие холщовые туфли будут гораздо лучше кожаных ботинок, а тем более резиновых сапог. Тяжелые бриджи или брюки в обтяжку, которые можно видеть на старых картинах, совершенно бесполезны и лишь стесняют движения.

Иногда я задавался вопросом, в какой мере неудобная одежда способствовала развитию неприязни к джунглям, заметную у некоторых выдающихся исследователей. Когда Стэнли впал в депрессию, путешествуя по реке Конго, он плыл через джунгли. У Фосетта часто можно встретить такие строки, как «сумрак темных пространств под огромными лесными деревьями тяжело давил на нас». Разумеется, как и многие другие англичане, они считали солнечный свет одним из величайших благ для человека, но думаю, вес костюмов давил на них гораздо тяжелее, чем сумрак джунглей.

В высоких экваториальных лесах подлесок, как правило, такой редкий, что в них можно гулять, как в чистом поле. Нужно лишь высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться о корень, да поглядывать, чтобы не провалиться в нору какого-нибудь животного. Я даже ездил на велосипеде, чтобы осмотреть ловушки. В Бри-

танском Гондурасе мы познакомились с шотландцем, который навесил наш лагерь в джунглях, проехав двадцать миль на мотоцикле. Он сказал, что обычно отправляется в долгие поездки через девственный лес на этой машине; он искал саподиллу, или чиклетовое дерево, дающее сок, который служит основным ингредиентом жевательной резинки. По неизвестной причине дикие деревья дают гораздо больше чиклетового сока, чем культурные.

Подлесок состоит преимущественно из малых деревьев, что соответствует общим условиям джунглей. В джунглях Гвианы было обнаружено менее пятидесяти видов травянистых растений, хотя в том же самом месте насчитывались сотни видов деревьев и кустарников. Для постороннего наблюдателя картина может показаться обратной, потому немногочисленные представители травянистых растений радуют глаз разнообразием цвета и формы листьев, в то время как деревья и кустарники похожи друг на друга, хотя и различаются в ботанической классификации.

Некоторые черты тропической растительности являются результатом особой адаптации к условиям, преобладающим на уровне земли в дождевом лесу. К примеру, кактусы в джунглях прекрасно существуют в условиях, значительно превышающих потребность растения во влаге. Дело в том, что кактус отлично приспособлен не только для хранения воды, но и для ее выделения.

С самых ранних пор первобытные люди выносили из джунглей определенные маленькие деревья, кустарники и другие растения, одомашнивая их для своих нужд. Растения давали им пищу, стимуляторы или дарили забвение; среди двух наиболее известных можно назвать бразильский кофе и какао.

Какао — небольшое дерево нижнего этажа джунглей Южной Америки — имеет типичную, широколиственную раскидистую крону. Оно иногда называется «шоколадным деревом», потому что шоколад производится из бо

бов какао. Его ботаническое название *Theobroma* до некоторой степени показывает, как высоко ранние ботаники ценили какао, так как это оно составлено из двух греческих слов, означающих «бог» и «еда».

Какао часто путают с совершенно другим родом кустарника под названием *Erithroxylon*, тоже происходящим из Южной Америки. Листья наиболее знаменитого представителя этих растений, *Erithroxylon coca*, жевали американские индейцы. Его наркотические свойства были столь очевидны для белых людей, что они быстро решили испробовать их на себе. Затем они научились извлекать кокаин из листьев коки, что принесло многим из них невиданное богатство. Первоначально восхваляемый в Европе и Северной Америке как обезболивающее средство, кокаин, разумеется, теперь находится под запретом. Но кока по-прежнему остается стимулятором для великого множества индейцев Южной Америки и даже выращивается в других тропических странах.

Некоторые азиатские народы, жившие на окраинах джунглей, обнаружили не менее полезное средство в одном из видов пальм со звучным названием *Areca catechu*, более известное как бетель. Арековая пальма дает орехи, из которых готовится любимая жвачка для многих жителей Дальнего Востока. Завернутый в пальмовый лист, сбрызнутый негашеной известью, он производит наркотическое воздействие, хотя и заметно более слабое, чем кока, а также оказывает косметический эффект, высоко ценимый наиболее усердными потребителями. Он чернит зубы и делает слюну ярко-красной. В течение многих веков орехи бетеля были одним из основных предметов азиатской торговли.

Из растений африканских джунглей человек с большим успехом использует колу. После того как ее бодрящие качества были доказаны медицинским путем, кола приобрела, пожалуй, самую высокую репутацию из этой тройцы. Но первоначально (а в Африке и до наших дней) ее семена, известные как орехи гуру, жевались из-за сти-

мулирующего эффекта, вызванного содержащимся в них кофеином. Учитывая огромную популярность напитков из колы в Соединенных Штатах и многих других странах, можно с уверенностью утверждать, что ни один другой продукт джунглей не был так широко растиражирован человеком.

До недавнего времени считалось само собой разумеющимся, что относительная скудость растительности на нижнем этаже джунглей целиком и полностью обусловлена недостатком света. Но теперь есть предположения о том, что прожорливость больших деревьев тоже играет важную роль в сохранении низкой популяции малых растений. Корни лесных гигантов быстро забирают огромное количество питательных веществ, и мелкие растения просто не успевают найти пищу. Исследователи, поддерживающие эту теорию, указывают на то, что многие растения джунглей не только хорошо переносят тень, но даже не могут расти при ярком свете. Почему же тогда они не растут так же плотно, как и вверху? Отдельные эксперименты показывают, что их количество резко увеличивается, когда соперничество с корнями высоких деревьев ослабевает в результате процесса, называемого *плантажом*¹.

Несмотря на свою сравнительную скудость, малые растения вносят существенный вклад в то особое впечатление, которое джунгли производят на любого человека, попадающего туда. Невзрачные и даже незаметные, они придают очарование сумеречной неподвижности между громадными колоннами, поддерживающими лиственный полог. Эта атмосфера отталкивала многих людей, чьи имена по праву связаны с джунглями. Бесстрашный Стэнли ненавидел джунгли; он любил открытые пространства. Неудачливый Фосетт, долго искавший пропавшие города индейцев Южной Америки, не видел никакой красоты в великолепных дождевых лесах, где он пресле-

¹ Глубокая пахота, прокладка канав.

довал свою мечту. Но люди, сумевшие настроиться на восприятие джунглей, открыли в них красоту, спокойствие, надежность и даже комфорт.

Развив собственную, присущую только им растительность, джунгли создали и особую животную жизнь, поскольку природа так называемых высших форм жизни, включая человека, во многом определяется типом растительного пояса, в котором они обитают. Чужаку, будь то турист, ученый или исследователь, джунгли могут показаться странными, непонятными и даже неприятными. Но для всех других животных джунгли являются родным домом.

Часть четвертая ЖИВОТНЫЕ ДЖУНГЛЕЙ

Глава семнадцатая РИТМЫ ЖИЗНИ В ДЖУНГЛЯХ

Хотя не существует статистических данных, доказывающих это утверждение, можно предположить, что первой реакцией большинства людей на слово «джунгли» является мысль о животных: львах, тиграх, слонах и прочих диких зверях.

Однако, как мы могли убедиться, джунгли в первую очередь состоят из растений.

Существует еще более странный парадокс, вряд ли заметный для человека, не имеющего зоологической подготовки и не испытывающего особого интереса к животным. В джунглях вы видите меньше животных, чем, скажем, в обычной пустыне — если не задаетесь целью *искать их*.

Никогда не забуду одно утро, которое я провел в доме так называемого «старого каботажника» — закаленного

политического администратора в покрытом джунглями округе Западной Африки. В те дни, до появления чудесных лекарств, вся Западная Африка считалась «могилой белого человека». Действительно, малярия, дизентерия и множество других заразных болезней встречались там в изобилии. Колониальные чиновники работали в джунглях максимум по полтора года, а затем брали отпуск на восемнадцать недель и уезжали из страны. Любой, кто выдерживал пару таких визитов, получал право называться «старым каботажником». Этот джентльмен совершил более десяти визитов в Африку и таким образом был «очень старым каботажником». Он отвечал за округ, большей частью покрытый высоким листопадным лесом, и совершал ежедневные пешие обходы.

Моя экспедиция в течение десяти дней располагалась поблизости от его штаб-квартиры, и он пригласил нас на дружескую вечеринку. Мы были единственными европейцами в этом районе. К счастью, интересы этого джентльмена оказались скорее интеллектуальными, чем «спортивными» — он был известным лингвистом, и его знания, полученные из первых рук, почти не уступали знаниям лесных жителей. Как-то днем он проходил мимо нашего дома после очередного обхода и остановился, с удивлением наблюдая за нашими занятиями. В то время мы обучали троих охотников пользоваться специальными устройствами для ловли мелких животных, а еще семь человек учились препарировать собранные экземпляры. Большие ловушки прибыли в комплекте с местными профессиональными поставщиками крупного «мяса», как здесь называли всех животных. Жизнь в нашем лагере была ключом.

Джентльмен напрямик спросил, где мы ухитрились поймать всех этих животных. «Я провел здесь большую часть своей жизни, — добавил он, — но, честно говоря, не видел никакой особой живности, кроме белок и обезьян». Он говорил абсолютно искренне. Наша работа так заин-

тересовала его, что впоследствии он посещал нас по два раза в день и наблюдал за бесконечным потоком новых форм жизни, доставляемых нами и нашими помощниками из окрестностей, расположенных в пределах одной мили от его огорода.

Я впервые увидел настоящие джунгли в знаменитом лесу Синхараджа на Цейлоне. Тогда я заметил лишь нескольких насекомых, но не более того — даже птицы куда-то подевались. Признаюсь, я был там в «мертвое» время, когда большинство животных отдыхает перед вечерней активностью. Тем не менее мое первое впечатление было очень глубоким. Как и все остальные, я вырос на предрассудке, что джунгли представляют собой богатейшие зоологические сады; я едва ли не ожидал, что тигры будут прыгать на меня из-за каждого дерева. Кроме того, опыт знакомства с тропической растительностью вне джунглей лишь укреплял эту иллюзию, поскольку там всегда можно было наблюдать изобилие разных форм жизни.

Если познакомиться с джунглями поближе, то их ни в коем случае нельзя назвать мертвым миром. Они просто кишат жизнью всех форм и размеров, но животные (впрочем, как и люди, живущие в джунглях) так хорошо приспособились к окружающей обстановке, что не только их *modus vivendi*, но и *modus operandi*¹ остается недоступным для пришельцев из внешнего мира. Однако стоит познакомиться с ними, и вы начинаете ощущать биение дневного ритма, который можно разделить на несколько отчетливых, но неравных частей.

Прежде чем перейти к этому сложному предмету, позвольте заметить, что мне придется сделать несколько заявлений, не имеющих поддержки в виде библиографических ссылок и строгих научных доказательств. Хотя так называемым биоритмам посвящено значительное количество ученых трудов, наука этология, важным аспектом

¹ Образ жизни, образ действия (*лат.*).

которой они являются, все еще находится в младенчестве. Название дисциплины происходит от греческого слова *этнос*, означающего «обычай». Согласно определению из словаря научных терминов, это «изучение обычаев по отношению к месту обитания; исследование поведения». Однако сам термин «поведение» в данном контексте приобретает специализированный оттенок и, по сути дела, используется для обозначения поведения животных в *неестественной* обстановке — например, при полном одомашнивании, в зоопарках и лабораториях. С другой стороны, этология сейчас ограничивается изучением животных в их естественной среде обитания или в других природных средах, куда они были «трансплантированы». В экваториальных тропических лесах проводилось очень мало этологических исследований любого рода, поэтому я вынужден полагаться скорее на личные наблюдения.

Свет, к примеру, играет огромную роль в поведении животных. Несмотря на постоянный сумрак и зачастую полное отсутствие прямых солнечных лучей, что наводит на мысль о повышенной активности животных в дневное время суток, на самом деле происходит нечто совершенно противоположное. Все животные забиваются в тень под деревьями и кустарниками или прячутся в норах. Любой житель пригородов, пытавшийся устроить купальню или кормушку для птиц, замечал этот феномен. Поставьте кормушку на открытое место, и туда прилетит разве что случайная ласточка или жаворонок; но поставьте кормушку рядом с густым кустарником или в тени нависающих ветвей — и появится целый паноптикум существ, о которых вы и не подозревали. Даже если в вашем доме есть дети, кошки, собаки и включенный радиоприемник, не стоит беспокоиться, что эти существа разбегутся. Укрытие (или его отсутствие) служит определяющим фактором. Лишь крупные животные в безлесных прериях, пустыне и арктической тундре не могут найти укрытия. Многие насекомые проявляют высокую

активность в ярких солнечных лучах у вершины лиственного полога, но даже они довольно часто прячутся в тень, чтобы в буквальном смысле остыть от жары. Пустынные ящерицы, принимающие длительные солнечные ванны, заканчивают процедуру сразу же после того, как их кожа поглотит необходимое количество тепла; если помешать им затем спрятаться в тени, то они погибают очень быстро.

Вершина лиственного полога оживает вскоре после рассвета. Цветы привлекают насекомых и птиц, питающихся нектаром и плодами, наряду с насекомоядными; небо над джунглями патрулируется бесчисленными орлами и ястребами. В то время как наиболее крупные из них, по-видимому, остаются в воздухе целыми днями, если не считать трапезы над добычей, хищники меньшего размера отправляются в «боевые вылеты», словно истребители, а затем ныряют под сень листвы. Когда мы жили в лиственном пологе, одним из наших наиболее интересных открытий (по крайней мере, для меня, поскольку я не орнитолог) было то, что каждый из маленьких ястребов имел пост на определенной ветке, куда он неизменно возвращался. В сущности, он жил на небольшом участке одной ветки и обычно спал там. Часть дерева, непосредственно примыкавшая к этой ветке, имела малую фауну, заметно отличающуюся от соседних участков. Мы были вполне уверены, что птичьи экскременты и, возможно, остатки их трапез, регулярно совершаемых на древесном насесте, вместе с пухом и перьями, падавшими сверху, служили своеобразным рационом для множества мелких существ внизу.

Под пологом джунглей обитает значительное количество млекопитающих, таких, как белки и обезьяны, хотя их видовой состав не отличается разнообразием, а также дневные змеи, хамелеоны и другие ящерицы. Но все они, за исключением обезьян, и то лишь на короткие периоды времени, остаются внутри — под защитой лиственного полога.

Помимо этих форм жизни, в дневное время суток джунгли почти лишены животной активности от середины утра до вечера, примерно за час до заката. Конечно, в эти часы можно видеть и другую жизнь, но она отдыхает под корой или стволами, спит в плотной массе лиан и в кронах пальм, в норах или под покровом широколиственных трав, обычно растущих рядом с водой. Есть несколько довольно загадочных птиц, гнездящихся под листовым пологом и проявляющих активность в определенное время суток. Среди особенно заметных можно назвать птиц-носорогов в Африке, гуан и кюрасао в тропической Америке. Мне часто приходилось видеть очень тихих и незаметных маленьких птичек, бегающих по древесным стволам в поисках насекомых или перепархивающих с ветки на ветку. Находясь в джунглях, я никогда не ловил птиц и не имел возможности прибегнуть к совету опытного орнитолога. Поэтому я не мог определить их принадлежность, за исключением некоторых легко распознаваемых видов, вроде райских птиц.

Здесь следует отметить, что я говорю о низменных джунглях, как бы высоко они ни простирались у основания горных хребтов, а не о горных лесах. Настоящие горные леса очень редко имеют «многоэтажное» строение и отличаются такой плотностью растительности сверху до низу, что там бывает еще темнее, чем в низменных многоярусных джунглях. Однако в большинстве горных лесов млекопитающие, птицы, а также рептилии, лягушки и другие меньшие формы жизни, включая крабов, в дневные часы проявляют активность на всех уровнях, вплоть до земли.

Даже в низменных джунглях в дневные часы бывает так темно, что обстановка кажется вполне подходящей для ночных животных, но они не появляются до тех пор, пока дневной контингент не ложится спать.

В основе ежегодных и сезонных биоритмов не обязательно лежит сезон дождей, с почти неизменным цвете-

нием растительности, или сухой сезон; скорее это любой период смены климата. В некоторых местах значительную роль играют другие факторы, такие, как сезонное поступление пыльного воздуха из Сахары, который ежегодно в течение нескольких недель опускается на джунгли Западной Африки.

Как мы упоминали в начале этой книги, тропические экваториальные леса обладают самым «умеренным» климатом на Земле; суточные ритмы дня и ночи испытывают незначительные колебания в течение года. Сумерки наступают около шести вечера, а светает около шести утра. Бывают дождливые и сухие сезоны, но в основном дождь идет постоянно, большими или малыми дозами. Поэтому в поясе тропических экваториальных лесов разные растения плодоносят в разное время в течение всего года. Здесь имеется постоянный приток нежных молодых побегов и листьев, цветов, фруктов и орехов. Животным не приходится спешить с выполнением своей наиболее важной функции, которая заключается в рождении и выкармливании потомства, если только они не находятся в полной или частичной зависимости от особой формы растительной жизни или от животной пищи, которая в свою очередь зависит от определенных растений.

В высоком листопадном лесу дела обстоят иначе. Хотя не все деревья сбрасывают листья в одно и то же время, как в наших северных лесах, значительно большему количеству животных приходится ждать массового плодоношения растений в силу более выраженного чередования сухих и влажных сезонов. Тропические горные леса в целом значительно меньше зависят от основных сезонных изменений, чем низменные или истинные джунгли обоих типов. У меня нет сведений о сезоне массового кормления животных в тропических горных лесах, как бывает весной в лесах умеренного климата, и я сомневаюсь, что кто-либо проводил специальные исследования по этому вопросу в течение хотя бы двух лет. Однако каж-

дое животное имеет свой цикл кормления — ежегодный или более короткий.

По моему мнению, в джунглях существуют определенные миграции — то есть сезонные перемещения с одного места на другое — и некий эквивалент зимней спячки. Многие животные имеют продолжительные периоды отдыха; по крайней мере, они полностью исчезают на какое-то время.

В былые дни существовало почти повсеместное убеждение, что все животные, включая и нас самих, испытывают сильное влияние Луны. Возможно, эта идея происходит от наблюдений за менструальным циклом человека. Затем пришло время, когда подобные взгляды считались антинаучными предрассудками. Однако времена снова изменились, и многие недавние исследования с большой убедительностью показывают, что некоторые биоритмы действительно следуют лунным циклам. Для меня наибольший интерес представляет исследование, взятое на вооружение наиболее просвещенными умами в полиции. Долгосрочные статистические выкладки свидетельствуют об увеличении числа определенных преступлений в период полнолуния. Не знаю, можно ли увязать эти наблюдения с одним из моих собственных выводов, который известен почти всем туземным охотникам и многим западным зоологам, принимавшим участие в сборе животных. Я уже давно понял, что практически бесполезно охотиться или даже «собирать» мелких животных ночью во время полнолуния. Более того, занимаясь профессиональным сбором животных, мы обычно ставили до пятисот маленьких ловушек каждую ночь: на земле, в кустах и на всех этажах джунглей. Каждая была пронумерована и нанесена на схему; по каждой ловушке велся подробный учет пойманных животных. Иногда нашей добычей становились огромные жуки, а однажды даже упавшая орхидея, захлопнувшая ловушку. Наши записи без тени сомнения свидетельствуют о том, что с приближением полнолуния

количество животных, попадающих в ловушки, резко уменьшается, а на ущербе луны снова возрастает — *если* она действительно светит в небе. В случае плотной облачности или дождя даже в ночь полнолуния наш улов колебался в пределах средних значений во все темные ночи.

Более длительные природные циклы тоже оказывают влияние на животную жизнь в джунглях, но на эту тему еще не проводилось надлежащих научных исследований. Туземные охотники, мастерство которых я ценю не меньше, чем их рассказы, часто говорили мне, что определенные виды дичи с годами сильно изменяют свою численность. Европейцы, живущие в джунглях, которые почти всегда охотятся (это единственное доступное развлечение), тоже заметили этот феномен, и от них я впервые услышал предположение о его цикличной природе. Не следует забывать, что белый человек более чувствителен к понятию «солнечного года», чем обитатели экваториального пояса, из-за резко выраженных сезонных перемен в более высоких широтах. Возможно, коренные обитатели джунглей вообще не имеют понятия о солнечном годе, поэтому, скажем, десятилетний цикл вообще не отмечается как таковой. В редких случаях профессиональные сборщики животных дважды посещали один район в разное время года и отмечали существенные различия в количестве собранных экземпляров.

Когда мы занимались профессиональным сбором животных, то работали в дневную и ночную смену, чтобы не выбиваться из графика. Ловушки следовало посещать три раза в сутки: в семь утра, в полночь и в семь вечера. Это делалось по трем причинам. Во-первых, в течение каждого периода в ловушки попадались разные животные. Во-вторых, если как можно скорее не вынуть животных из ловушек, то значительный процент улова будет съеден мелкими хищниками или падальщиками, а затем окончательно уничтожен муравьями, способными за полчаса дочиста обглодать крупную лесную крысу.

Взятых, любое мертвое животное в ловушке разлагается в течение нескольких часов. Такая почти круглосуточная деятельность включала свежевание и препарирование образцов, начиная с восьми часов утра и заканчивая обработкой полуночного улова. Ночью в джунглях полно насекомых, которых привлекал яркий свет, необходимый для нашей тонкой и весьма тщательной работы. Согласитесь, трудно работать с кюветами, наполненными консервирующим раствором, находясь под массивной бомбардировкой насекомых всевозможных размеров — от четырехдюймовых водяных скорпионов до крошечных, едва заметных мошек. Поэтому мы работали в двух прямоугольных комнатах 8 на 12 футов, сделанных из противомоскитных сеток, натянутых на шесты. Насекомые тысячами слетались к этим конструкциям, которые служили для них своеобразными ловушками, и запутывались в сетке снаружи.

Хотя официально мы не собирали насекомых, но всегда интересовались ими и устраивали обходы с фонариками, чтобы рассмотреть наших гостей. Это превратилось в своего рода игру: кто из нас найдет самое необычное или экзотическое насекомое во время очередного обхода. Еще больший интерес представлял тот факт, что каждую ночь один или два вида появлялись в особенном изобилии. Любой, кто жил в экваториальном лесу, должен был заметить этот феномен, особенно если он хотя бы несколько вечеров подряд ужинал на свежем воздухе.

Можно ли считать это циклом кормления? Вопрос может показаться риторическим, но зоологу, живущему и работающему в джунглях, приходится постоянно задавать подобные вопросы. К примеру, мы не имеем ни малейшего представления о циклах кормления десятков тысяч, а возможно, и миллионов видов насекомых, обитающих в джунглях. Мы не знаем, каким образом влажность, температура или освещение воздействуют на эти циклы.

Вполне вероятно, что в тропическом листопадном лесу насекомые ждут цветения или появления листьев на определенных растениях, чтобы отложить яйца, иначе у личинок не будет необходимой пищи. Перед энтомологами, изучающими поведение насекомых в джунглях, разворачиваются бесконечные и захватывающие возможности.

Глава восемнадцатая ДНЕВНОЙ КРУГОВОРОТ

Суточный биоритм является общим для всех джунглей. Это не просто чередование света и темноты, а гораздо более сложный процесс. Двадцать четыре часа можно разделить на восемь частей неравной продолжительности; лучше всего начать со времени незадолго до рассвета.

Перед восходом солнца наступает период предрассветных сумерек, когда активность очень высока: ночные животные еще продолжают питаться, но появляется первый контингент утренних животных. По утрам лес часто окутывается плотным туманом, и, пока это явление продолжается, многие животные чувствуют себя в относительной безопасности. На земле по-прежнему темно, а в больших джунглях с многоэтажным строением и плотным лиственным покровом темнота может сохраняться до тех пор, пока не рассеется туман. Таким образом, ночные животные часто продолжают кормиться еще в течение часа после рассвета.

Утро можно разделить на две части: до и после рассвета, когда ночные животные исчезают из лиственного по-

лога и мало-помалу опускаются на нижние этажи, по мере того как туда проникает свет.

Раннее утро — лучшее время для сбора животных. Это любимое время профессиональных туземных охотников, добывающих пищу для жителей деревень на окраинах джунглей. Однако (я не устану напоминать об этом) сравнительно немногие охотники проникают в глубину джунглей; они предпочитают берега рек, небольшие прогалины и другие места, свободные от сплошного листовного покрова, хотя некоторые храбрецы действительно путешествуют через джунгли по известным тропам.

Как мы уже говорили, днем джунгли кажутся более или менее безжизненными, если не считать какофонии на вершинах деревьев. Считается, что некоторые наземные обитатели не смыкают глаз круглые сутки, но с годами я все больше склоняюсь к необычному мнению: многие из них являются преимущественно ночными животными, в то время как другие могут проявлять активность и днем и ночью. Хорошим примером последнего вида служат восхитительные птицы-трубачи джунглей Южной Америки, прыгающие с ветки на ветку и издающие характерные «трубные» звуки, которые трудно описать словами. Все считают их дневными птицами; может быть, это и так, но я слышал их пение даже в глухие ночные часы. И это не имело отношения к фонарикам, которыми мы пользовались.

Приведу еще один пример. В Южной Америке живет родственное обезьянам существо, которое называется дурукули. Оно живет в дуплах деревьев и определенно является ночным животным. Однако я видел, как дурукули ловят насекомых в пасмурные дни на нижних этажах леса. Кроме того, я держал у себя нескольких дурукули, пойманных в джунглях. Сначала они проводили дни в своих гнездах, сделанных из коробок, и лишь ночью выходили попрыгать и пошуметь в темноте. Но мало-помалу нам удалось совместить их распорядок дня с нашим, и они стали спать вместе с нами. Дурукули нельзя назвать единственными предположительно ночными животными

ми, достигшими такого «переворота» под нашим пристальным наблюдением. Я видел тропических лесных животных, которые якобы ведут ночной образ жизни, гуляющими *вне* джунглей, при ярком солнечном свете. Фактически представление о четко организованном порядке жизни в дикой природе, на котором воспитывались многие из нас, просто не подтверждается в джунглях. В них действительно есть последовательные периоды шума и мертвой тишины, регулярно повторяющиеся каждый день, но время от времени приходится сталкиваться с упорными индивидуалистами, которые делают все «не так», с нашей точки зрения.

К тому времени, когда ночные животные, обитающие в лиственном пологе и на нижних этажах леса, наконец ложатся спать, появляется много дневных животных. Но они активны лишь очень короткое время — то есть начинающая с первых проблесков рассвета до того момента, когда вся животная жизнь внезапно прекращается, как в лиственном пологе, так и внизу. Это время сиесты; часто даже насекомые прекращают свое монотонное жужжание и замолкают. Этот период продолжается до тех пор, пока солнце не начинает опускаться за горизонт. В пасмурные дни шум и движение начинается раньше — думаю, это имеет прямое отношение к освещенности. Уменьшение интенсивности света равнозначно усилению «маскировки», хотя это может подразумевать, будто животные ведут себя спокойнее, когда думают, что их не видно. Разумеется, такие представления слишком антропоцентричны и недостоверны. Для каждого травоядного животного, бодрствующего при определенной освещенности, найдется свой хищник, охотящийся в этих же условиях. Я лично считаю, что животные проявляют активность, когда физические условия устраивают их, а свет играет в этом ведущую роль. Тем не менее дневная пауза выглядит очень впечатляюще, и не только из-за отсутствия движения, но также из-за безмолвия, которое бывает почти абсолютным.

После сиесты джунгли снова возвращаются к жизни, хотя и не так активно, как на рассвете. Появляются птицы и млекопитающие. Большинство рептилий и амфибий не производит шума, но некоторые из обитателей джунглей — такие, как черепахи, некоторые змеи, жабы и лягушки — более активны по вечерам. Если стоит ясная погода, снова вылетают тучи насекомых, и предзакатные часы наполняются гулом и движением. С другой стороны, в пасмурную или дождливую погоду дела обстоят иначе. Дневные животные хранят молчание, хотя по-прежнему занимаются своими делами, в то время как ночной контингент просыпается раньше обычного. Поэтому вместо мириад насекомых, жужжащих и стрекочущих в лучах вечернего солнца, птиц и обезьян, порхающих над головой, в сумерках раздаются зловещие шорохи, кваканье и чмокание. Однако обитатели средних этажей, как ни странно, избегают дождя и сумерек: дневные животные отступают, а ночные затаиваются в своих убежищах.

Ночь — это время, когда огромное большинство животных, от червей до млекопитающих, выходит из укрытий и выполняет свои функции. Но ночь представляет собой не просто темное время суток: она делится на три совершенно разные части. Причины этого мне неизвестны, и я не знаю никого, кто мог бы предложить разумное объяснение.

Перед наступлением сумерек начинается первый период, имеющий разную продолжительность в зависимости от погоды. Он начинается примерно с пяти вечера и заканчивается примерно через час после заката, когда последние отблески солнечного света покидают вершины деревьев. В течение этого периода последние дневные животные ложатся спать и появляются первые ночные животные. Когда наступает полная темнота, на сцену выходят истинные обитатели ночи.

Здесь мы становимся свидетелями поразительного феномена. В лиственном пологе царит абсолютная тишина, но сами джунгли оживают, причем совершенно неопишым образом. Какофония ночных насекомых может ка-

заться почти оглушительной, хотя; привыкнув к ней, вы даже не замечаете ее. Однако попытайтесь записать ее на магнитофонную ленту, и вас ждет сюрприз: какой бы низкий уровень воспроизведения вы ни поставили, вам все равно захочется понизить громкость. Всевозможные другие звуки, от шуршания до уханья, пронзительных воплей и завывания, раздаются со все возрастающей частотой (когда сидишь в джунглях после наступления темноты, на ум невольно приходит цитата: «Призраки, духи и длинноногие зверюги, что *шумят* по ночам»). Однако вы можете не сомневаться, что общее впечатление не идет ни в какое сравнение с фоновыми эффектами так называемых фильмов про джунгли и телевизионных шоу. Большинство этих звуков издают животные, никогда не видевшие джунглей, звукооператоры и специалисты по подражанию крикам диких зверей. Впрочем, при определенных условиях в ночных джунглях может царить почти абсолютная тишина, но независимо от погоды животные продолжают заниматься своими делами.

Здесь следует упомянуть о том, что несколько раз мне приходилось сталкиваться с феноменом значительного перепада температуры в джунглях, и похолодание достигало уровня земли. Хотя фактическая разница составляла лишь несколько градусов, казалось, что все вокруг замирает. Наступала жуткая тишина, похожая на осеннее безмолвие в лесах умеренного климата, когда ночная температура в течение более чем двух суток падает ниже -5 градусов по Цельсию.

Если во время такой тишины вас внезапно охватывает дрожь, что случается в джунглях даже без малейшего перепада температуры, вам не следует тревожиться; но если вы потеете и бумаги, разбросанные на вашем столе, совершенно не колышутся, а ваши друзья и коллеги вдруг перестают болтать и смеяться — берегитесь! Именно тогда, после нарастающего напряжения, которое я не в силах описать, вы можете услышать рев тысяч локомотивов, несущихся прямо на вас. Эта смертельная предгрозовая тишина прерывается лишь частыми беззвучными вспышка-

ми молний, которые на земле производят самое гнетущее впечатление. Поскольку вы не можете видеть небо, то не видите и саму молнию, однако вспышка проникает через листву: она всегда имеет ярко-голубой цвет и расположена точно на уровне ваших глаз, независимо от того, сидите ли вы на стуле или цепляетесь за ветку дерева.

В наступлении грозы есть что-то вагнеровское. Вам кажется, что наверху вот-вот покажутся валькирии, кружащиеся в бешеном танце. Во время одной из таких гроз я видел зрелище, потрясшее меня до глубины души. Я жил в зыбкой и неустойчивой «беседке» в лиственном пологе и совершил ошибку, не спустившись вниз после первого удара молнии. Будучи упрямым юнцом, я хотел посмотреть, как выглядит тропический ливень, если смотреть на него сверху. Посреди рева и грохота, когда я цеплялся за все, что попадалось под руку, внезапно захлопали крылья, и прямо перед моим деревом промчались — нет, не валькирии — но полдюжины самых испуганных птиц, которых мне когда-либо приходилось видеть. Это были крупные стервятники, очевидно пойманные восходящими потоками воздуха и унесенные штормом за много миль от своей родной саванны. Они были явно бессильны что-либо с этим поделать.

Более осторожные животные, особенно живущие в джунглях, лучше знают, что нужно делать в таких случаях. Целые полчища спускаются на нижние уровни лиственного полога и льнут к ветвям; существа средних этажей остаются в дуплах или спускаются на нижние, более плотные уровни; наземные животные разбегаются в укрытия, а ночные охотники остаются в норах и других потайных убежищах. Я не знаю, где прячутся хрупкие насекомые, вроде бабочек, но они как-то выживают вместе с остальными в гигантской утробе джунглей.

Вечерние грозы в тропических лесах редко продолжают после наступления темноты. Как только гроза проходит, начинается суший бедлам. Все животные любят дождь — особенно его завершающие моменты, когда листва словно закипает от капающей воды. Они также лю-

бят сумрак, а после грозы небо некоторое время остается затянутым облаками.

Поскольку *мы сами* являемся дневными животными, то склонны считать лунный свет преимуществом в ночных странствиях. Но животные, особенно в джунглях, не разделяют эту точку зрения. Они предпочитают темноту. Я уже упоминал о том, что, занимаясь сбором животных в течение многих лет, имел возможность убедиться: любое подобное мероприятие почти бесполезно в полнолуние при ясной погоде. Количество животных, попадающих в ловушки, увеличивается с ущербом луны, достигая максимума в новолуние, а затем постепенно уменьшается до следующего пика. Однако облачная погода, особенно в сочетании с морозящим дождем (в противоположность грозе), снова увеличивает количество добычи до максимума. Даже обитатели северных климатических зон могут заметить, что пасмурным, дождливым летним вечером к окнам слетается больше всего мотыльков. В джунглях спокойный пасмурный закат приводит к появлению бесчисленных насекомых, привлекающих насекомоядных птиц и животных, а те, в свою очередь, привлекают хищников, вплоть до больших кошек.

И все-таки, несмотря на дождь и лунный свет (или его отсутствие), в ночных джунглях существует четко различимый ритм. Когда последние дневные животные ложатся спать, на сцену выходят ночные существа. Для меня этот переход — одно из удивительнейших событий, свидетелем которых может стать человек. Когда гаснут последние лучи солнца и сумрак все плотнее сгущается над землей, ночь наполняется тихими шорохами и шелестами. Время от времени раздается рев или уханье какого-нибудь животного, укладывающегося на покой или, наоборот, выходящего на ночную охоту. Затем наступает пауза — мертвая тишина, если не считать жужжания насекомых, на которое вскоре перестаете обращать внимание. Внезапно храм джунглей оглашается резким криком, и снова наступает тишина. Шорохи и шелесты все усиливаются. Теперь пора включить фонарик и направить луч в

одну сторону. Вскоре вы увидите разнообразных животных, шныряющих вокруг и занимающихся своими делами, совершенно безразличных к свету и к вашему присутствию. Вы можете даже курить или включить музыку. Как ни странно, животные словно не замечают резких запахов и необычных звуков.

Вскоре после заката деревья тоже оживают. Сверху доносятся неясные шорохи, возня и поскрипывание. Проведите вокруг лучом фонарика, и вы увидите голубые глаза, желтые глаза, красные глаза и просто глаза — крошечные и огромные.

У каждого человека есть воспоминания о замечательных событиях в его жизни. Для меня одно из таких воспоминаний — ночная сцена в Западной Африке. Я лежал на одеяле, расстеленном прямо на земле под гигантскими деревьями, время от времени подвергаясь набегам муравьев, решивших полакомиться за мой счет. Но случайные укусы не отвлекали меня от действия, разворачивавшегося в луче фонарика. Передо мной чередой проходили маленькие мыши, длинноногие крысы, тяжеловесные жабы, изящные древесные лягушки, медлительные черепахи и даже один деловитый представитель семейства мангустов — маленьких плотоядных млекопитающих. Последний с большим подозрением отнесся к свету, но потом, видимо решив, что его это не касается, смело вышел вперед и принялся рыться в палой листве, выискивая личинки насекомых.

Такая ранняя ночная деятельность продолжается два-три часа, а затем прекращается. Я наблюдал это в джунглях Центральной и Южной Америки, в Африке и Азии. По каким-то причинам — возможно, вполне очевидным — ночные животные, которые начинают кормиться после захода солнца, в середине ночи снова ложатся спать или затаиваются в своих убежищах. Этот феномен заметнее всего проявляется среди наземных существ и наиболее четко выражен при свете луны, но и большинство жителей деревьев в той или иной степени подчиняются ему. У меня есть подозрение, поддерживае-

мое мнением опытных коллег, что то же самое справедливо по отношению к животным, обитающим во всей тропической зоне. Многие туземные охотники, помогавшие мне в сборе животных, просто отказывались работать между одиннадцатью часами вечера и четырьмя часами утра. Этот запрет распространялся не только на внутреннюю часть леса, но и на окраины, где они охотились чаще всего.

То, что я называю ранним утренним периодом — лучшее время для охоты и сбора животных. Несмотря даже на яркий лунный свет, кажется, что все ночные животные вынуждены искать последнюю трапезу перед отходом ко сну, в то время как дневные животные буквально выпрыгивают перед вами. В это время не стоит спать, если вы действительно хотите видеть, как устроена жизнь в джунглях.

Я еще раз попробую описать невыразимую красоту утра в тропическом дождевом лесу. Первый свет, достигающий земли в глубине леса, имеет почти электрический голубой оттенок, похожий на дугу сварочного аппарата и сравнимый лишь с цветом, который можно видеть только в чистых водах океана, примерно в ста футах от поверхности. То, что это не тот цвет, который наше зрение воспринимает как голубой, можно продемонстрировать, взглянув на него через цветные фильтры фотокамеры; стоит упомянуть и о том, что белый цвет фотовспышки приобретает все более желтый оттенок, по мере того как возрастает интенсивность света. Тем временем высоко над головой внутренняя сторона лиственного полога медленно входит в фокус как необъятное угольно-черное кружево, подсвеченное мягким, слабо люминесцирующим сиянием. Это ночные испарения, всегда присутствующие в атмосфере, даже если они не сконденсировались в плотный утренний туман. Контраст между рассеянным голубым светом внизу и жемчужной люминесценцией наверху производит удивительное впечатление: вам кажется, что вы оказались в каком-то эфирном чистилище. Хотя в экваториальных регионах рассвет наступает стремительно,

это эфемерное черно-бело-голубое состояние может продолжаться довольно долго, пока прямые солнечные лучи рассеют туман наверху. Когда неотфильтрованный свет проникает внутрь огромного зеленого собора, листья вспыхивают зеленью, стволы одеваются в розовые, желтые и разные оттенки коричневого цвета, появляются яркие пятна плесени и грибов.

Мне всегда казалось, что в ранние утренние часы животные гораздо менее осторожны, чем в конце ночи. Поздние ночные животные почти неуловимы в своем стремлении схватить последний кусок, в то время как просыпающиеся дневные животные хлопают и топают вокруг. Несколько раз у меня складывалось впечатление, что они немного не в себе, прямо как люди, встающие с постели поутру. Самые осторожные животные иногда делают глупейшие вещи на рассвете. Я никогда не забуду один случай в Центральной Америке, когда мы встали лагерем у ручья в густом предгорном лесу.

У нас было две просторные палатки и две маленькие, для местных работников и так называемой кухни. Мой ассистент занимал одну из больших палаток, в которой также находилась наша рабочая лаборатория; мы с женой занимали другую большую палатку с личными вещами, съестными припасами и широкой походной кроватью с противомоскитным пологом. Это была палатка армейского образца, с дополнительным верхним тентом и входным клапаном, растянутым почти до земли. В результате мы имели массу растяжек, уходивших в кусты чуть ли не во всех направлениях. Мы подыскивали для палатки сравнительно ровный небольшой участок — редкость в здешних местах. Однако, как выяснилось, лучше бы мы поставили ее в другом месте.

Как-то утром на рассвете мне приснился кошмар, будто я тону в глубокой реке. С трудом разлепив глаза, я обнаружил, что барахтаюсь в складках противомоскитного полога, а рядом бьется моя жена, близкая к истерике. Нас опутывала масса веревок; поблизости возилось что-то огромное, шершавое и теплое. В такое время, проснувшись

в электрически голубом полусвете, человек временно теряет способность мыслить здраво. Со мной это определенно произошло, и я инстинктивно принялся хвататься за что попало, вопить и извиваться всем телом. Ад продолжался до тех пор, пока до меня наконец не дошло, что, в дополнение ко всему остальному, на нас рухнула палатка. Мы окончательно запутались в противомоскитном пологе, и в эту ловушку попало еще как минимум два больших испуганных зверя.

Наши верные помощники подоспели на помощь и начали стягивать внешний тент. Как только они освободили его, супружеская чета тапиров с негодующим ревом и фырканьем выскочила наружу и ринулась к протекавшему поблизости ручью, словно вырвавшись из Дантова ада.

Выяснилось, что мы поставили палатку как раз поперек их тропы к ручью, где они совершали утренние омовения перед кормежкой. Мы пробыли там две недели; должно быть, за это время они критически изучили нас и наконец решили, что мы безвредны. Однако, будучи довольно тупыми существами, этим утром они двинулись по старой тропе и попытались пройти к ручью прямо через палатку. Разумеется, они запутались в растяжках, обрушив палатку на себя и на нас. На этой стадии они утратили последние остатки соображения и принялись барахтаться в ярдах веревок, брезента и противомоскитных пологов вместе с двумя ошалевшими людьми. Должно быть, для них это было ужасным потрясением.

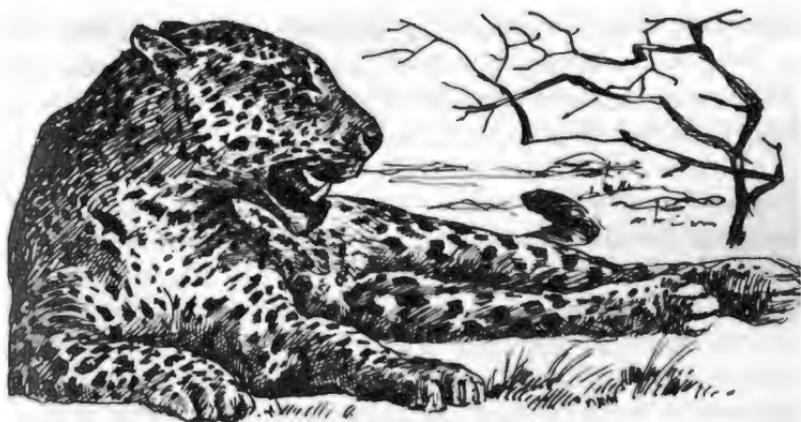
Инцидент произошел на рассвете, а не днем или ночью, когда тапиры проявляют большое благоразумие и исключительную осторожность. То ли они недавно встали и еще не проснулись, то ли плохо видели в неверном утреннем свете — точно не знаю.

Можно описать другие похожие случаи, свидетелем которых я был на рассвете: обезьяны, совершающие набег на нашу кухонную палатку и хватающие горячий хлеб с раскаленной металлической плиты; крокодилы, вылезающие из реки и заползающие отдохнуть под нашу походную постель; полоумные птицы, слетающиеся к

нашему столу за завтраком и клюющие фрукты прямо из миски; пятнистый кускус (странный сумчатое млекопитающее с островов Ост-Индии), который три дня подряд спускался с деревьев и забирался ко мне в постель на рассвете. Должен сказать, в то время я не занимался отловом диких животных, и у меня не поднималась рука сделать из него чучело, поэтому я просто выбрасывал зверька наружу. Однако мне пришлось положить этому конец, когда он сильно укусил меня в плечо — причем в моей постели!

Таков ежедневный цикл жизни джунглей, не похожий ни на что в мире. Волны активности, каждая со своим контингентом существ, занимающихся своими делами, а затем два периода затишья: один днем, а другой ночью — замечательный, четкий распорядок. Лишь те, кто действительно жил в джунглях в течение хотя бы нескольких недель, сумеют уловить этот ритм. Я могу лишь надеяться, что вам выпадет счастье попасть туда и самим все увидеть и почувствовать.

Глава девятнадцатая
«ДОРОЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ» В ДЖУНГЛЯХ

Одним из самых увлекательных из многочисленных и разнообразных аспектов джунглей является регулярное передвижение животных, или то, что мы называем «дорожным движением».

Это богатая тема для исследований, и по ней опять-таки не существует опубликованных трудов, на которые я мог бы обратить ваше внимание, если вы глубоко заинтересуетесь ею. Поэтому мне снова приходится опираться на собственный опыт и свидетельства других людей, знакомых с джунглями. За исключением горных джунглей и нескольких особых случаев, я просто не понимаю, какие механизмы управляют передвижением животных. На этот раз мне придется обойтись без свидетельств коренных жителей джунглей — насколько мне известно, никто не спрашивал их об этом и не интересовался их мнением по этому поводу. Для людей, живущих в джунглях, характерно очень деловое отношение к жизни. Их навыки в таких вопросах, как поиски и выслеживание добычи, могут показаться поразительными, но я не

знаю, приходилось ли им размышлять о природе массовых передвижений животных. Но так или иначе, в тропическом дождевом лесу существует оживленное «дорожное движение».

Животные джунглей обитают на пяти уровнях: в листовенном пологе, на средних этажах, на земле, под землей и в воде. Они перемещаются с места на место по разным, хотя и вполне специфическим причинам. Некоторые животные мигрируют; случаются даже массовые миграции, как у наших северных леммингов. Я видел, как огромное количество одной из разновидностей лесных лягушек внезапно появлялось из джунглей и отправлялось умирать за многие мили от воды, в окружающую саванну. Многие животные выходят из воды, из нор в земле и других укрытий и поднимаются на деревья для кормления или спаривания, а затем возвращаются обратно. Однако большинство на первый взгляд бесцельно бродит вокруг, занимаясь добычей пищи. Я умышленно говорю «на первый взгляд», поскольку если вы биолог, проживший в джунглях некоторое время, то прекрасно знаете, что ни одно животное не блуждает бесцельно. Все они следуют привычными тропами и даже «дорогами», очищенными от растительного мусора, а иногда даже от коры на деревьях.

Животные рек и озер в тропических зонах (в настоящих джунглях есть лишь небольшие реки и пруды) делятся на две категории: те, кто постоянно живет в воде, и те, кто выходит на сушу. О первых мы поговорим позднее. Те, кто выходит на сушу, делают это в основном по ночам. В эту группу входят крокодилы, гамадрилы, жабы, лягушки, пресноводные крабы и некоторые другие. Когда на землю опускается ночь, бывает очень интересно взять с собой мощный фонарь и тихо подойти к ближайшему ручью или берегу реки. Ручьи в джунглях в основном чистые и прозрачные, усеянные камнями и наполненные мясистыми зелеными растениями; реки обычно мутные, особенно в сезон дождей, и днем отражают свет, как черное зеркало. Их вода окрашена гуминовыми, дубильными

и другими кислотами, извлеченными из корней растений и разлагающегося растительного материала. Иногда она кажется прозрачной, как белое вино, но если во время сплава по реке вы медленно опустите ноги в воду (при том условии, что их первоначальный цвет был розовато-белым), то они сначала станут желтоватыми, потом бронзовыми и наконец темно-коричневыми. Возьмите стакан такой воды, поднесите его к свету, и вы увидите вишневый оттенок. По ночам вода совершенно прозрачна, и на мелководье вдоль берегов больших рек вы почти всегда можете увидеть множество местных лодчонок, приткнувшихся к берегу, словно флотилия каноэ. После недолгих поисков можно обнаружить илистые каналы, ведущие к стоячей воде, по которым всевозможные существа выходят на берег и углубляются в джунгли.

В реках, протекающих через джунгли, живут различные виды крокодилов, многие из которых по ночам выходят на сушу, чтобы поохотиться. Кайманы Южной Америки и более крупные африканские крокодилы могут представлять значительную угрозу в этом отношении. Я настоятельно рекомендую не становиться между ними и водой, когда они отправляются на ночные вылазки. Крокодилы кажутся неуклюжими и медлительными животными, но они могут подниматься на лапах, как собаки, задирает хвосты и мчатся галопом по направлению к реке. Однажды я неумышленно оказался между стаей крупных крокодилов и песчаным пляжем на одной из их троп в высоких камышах. К счастью, я обладаю врожденной мышечной реакцией, поэтому мне не пришлось раздумывать, куда ставить ноги, когда я стрелой помчался обратно, одновременно сделав поворот направо под прямым углом. Готов поклясться, что, когда я совершал упомянутый поворот, передний крокодил находился не более чем в двух футах от моих пяток. Лишь по инерции они промчались мимо и плюхнулись в реку. Поверьте, с того дня мои прибрежные изыскания стали гораздо более осторожными.

Крокодилы могут уходить очень далеко от воды и оставаться без нее в течение нескольких недель. Помню парочку очень неприятных встреч в глубине джунглей в разгар сухого сезона, когда я поднимал крупного крокодила из-под покрова сухой листвы. (Существует карликовая разновидность африканского крокодила под названием *Osteolaemus*, который обычно живет на суше и направляется к воде лишь раз в году на короткое время — как принято считать, с целью размножения.)

Мне не нравятся крокодилы. Из всех животных, похоже, только они злонамеренно относятся к человеку и вовсе не так глупы, как может показаться. Кроме того, они настоящие охотники, и наиболее крупные экземпляры смотрят на людей как на законную добычу. Эти проклятые твари иногда специально выслеживают человека, без какой-либо провокации с его стороны. Как-то ночью я ловил в прибое рыб и крабов легкой ручной сетью на краю мангровых болот в Новой Гвинее. Услышав за спиной какой-то странный звук, я осветил вокруг фонариком. Это был очень крупный крокодил, тихо подкрадывавшийся ко мне с горящими глазами и слегка приоткрытой пастью. Мне редко приходилось бегать так быстро, и с тех пор я никогда не ходил один на ночную рыбалку. Однако даже находясь в обществе дюжего туземца, освещавшего окрестности ярким лучом фонаря, я еще дважды сталкивался с крокодилами на том берегу. Конечно, мангровые болота — это не джунгли, но такое поведение характерно для крокодилов в любом месте. Со мной происходили похожие случаи в Африке, Южной и даже Центральной Америке. Возможно, этого не случается с обычными охотниками, потому что они постоянно находятся в движении и выслеживают добычу. С другой стороны, сборщик животных двигается очень мало, старается вести себя как можно тише и почти не зажигает света. Мы гораздо более уязвимы.

Другую группу водных или полуводных животных, входящих в джунгли, образуют разные черепахи, жабы и

лягушки, которые тоже движутся по проторенным тропам, где опытный сборщик животных может установить ловушки. Первоначально в своем жалком невежестве я полагал, что речные жабы и лягушки просто выпрыгивают наружу везде, где могут найти опору на берегу, корнях или нависающих ветвях. Не тут-то было: они тоже следуют по предписанным маршрутам, как крокодилы или, если хотите, законопослушные граждане. Однажды у берега большой реки я видел чистую воду, буквально кишевшую лягушками нескольких видов, выставившими глаза над водой и выжидательно глядевшими на берег, где их ждала пища. Отступив назад и немного подождав, я мог наблюдать, как они начинают медленно двигаться к берегу. Но ей-богу, затем они разделились на отдельные упорядоченные потоки движения и терпеливо ожидали своей очереди, чтобы выбраться на берег в строго определенном месте. Я был настолько зачарован этим зрелищем, что на следующий вечер пригласил свою жену и помощников посмотреть и подтвердить мои наблюдения. И каждый раз лягушки следовали установленным правилам. Более того, затем они продвигались по невидимым ориентирам на довольно значительное расстояние, прежде чем разбрестись по вертикали и/или по горизонтали для ночной охоты. Почему животные, имеющие сколько угодно свободного места, ведут себя как люди в дорожных пробках перед светофором? Этому должно быть какое-то разумное объяснение.

В джунглях существуют другие тропы и даже «автострады», по которым может двигаться кто угодно, от мышей до крупных кошек и неуклюжих черепах. Никто из них не уклоняется от маршрута, даже подвергаясь энергичному преследованию со стороны хищников. Животные очень консервативны и практичны. Маршруты их движения ставят исследователей в тупик, но их цель может стать очевидной для каждого, кто изволит лечь ничком на землю и обозреть местную топографию из мышиной перспективы.

Тропы в джунглях не такие четкие, как на открытой местности, но они существуют. Любой сборщик животных очень скоро узнает об этом. Коренные жители тропического леса чуть ли не инстинктивно следуют по ним, но и люди, родившиеся вне джунглей, могут быть невероятно способными следопытами. За одним деревом они сворачивают налево, через четыре дерева — направо, потом внезапно сворачивают под прямым углом и направляются к крутому обрыву, который выглядит совершенно непроходимым. Но если вы отбросите сомнения и последуете за ними, то обнаружите, что на самом деле подъем оказывается довольно пологим, и внезапно окажетесь на вершине, даже не запыхавшись. Животные путешествуют таким же образом, и если вы откажетесь от предрассудков и позволите себе просто «плыть по течению», то будете следовать за ними по магистралям дикой природы.

Много раз я просто бродил вокруг, особенно по ночам, поглядывая то на землю, то на деревья, и внезапно сталкивался нос к носу с каким-нибудь крупным, удивленным и весьма раздраженным животным. Обычно мне встречались тапиры в Америке и на Суматре, всевозможные дикие свиньи в Африке и Азии, а также их родственники, пекари в тропических лесах Южной Америки. Эти существа консервативны, и хотя такое утверждение может показаться чрезмерно антропоцентричным, их как будто возмущает само ваше присутствие на их привычных тропах. Вы можете также столкнуться с нервными оленями, огромными неуклюжими гиппопотамами и близорукими муравьедами. Выражение их морд, когда вы сталкиваетесь с ними, часто бывает очень комичным. Конечно, время от времени вы можете встретиться с настоящим склочником в лице одного из маленьких лесных быков, которых в Африке называют буш-коу. Эти животные не уступают дорогу. Если вы навлечете на себя их недовольство, они могут ходить кругами, следовать за вами и даже, по слухам, подстергать вас в засаде. Последнего со мной не случилось, но однажды на меня на-

пал молодой бычок — без всякой видимой причины, кроме того, что я случайно оказался у него на пути. В последовавшем соревновании финтов и уверток мне удалось одержать верх.

Из прилегающей местности в джунгли ведут ясно различимые тропинки, тропы и даже дороги, протоптанные животными, но внутри они как будто исчезают. Тем не менее через некоторое время вы начинаете двигаться по установленным маршрутам, хотя и без всякой видимой причины. Вы инстинктивно обходите это дерево с одной стороны, а следующее с другой — в точности как профессиональный охотник. В конце концов вы обнаруживаете, что делаете это каждый вечер в пределах разведанного участка вокруг вашего лагеря. Именно на этих невидимых тропах вы встречаетесь с животными. Вы не можете заранее определить свой путь в лесу, а если попытаетесь, то вас ждет горькое разочарование.

Однажды у меня был удивительнейший спутник, на пари присоединившийся к нашей экспедиции в Западную Африку чуть ли не в последний момент. Полагаю, ему приходилось держать в руках ружье перед отъездом из Англии, однако я не особенно верил в его охотничьи способности. Но через несколько дней после нашего прибытия в джунгли он ушел один — что привело в ужас моих охотников-африканцев, — а вернувшись после долгой ночной прогулки, принес с собой не менее сорока разных животных. Он не имел представления о том, где был, и я не знаю, как он нашел дорогу домой, но ему это удалось. После коротких расспросов мы выяснили, что он весьма благоразумно ограничил свои передвижения окраиной джунглей и берегом реки, протекавшей поблизости. К нашему несказанному удивлению (как-никак мы считали себя опытными следопытами), он заявил, что повсюду были маленькие тропы, с которых хорошо просматривались нижние ветви деревьев и путь впереди. Иными словами, он инстинктивно выведal профессиональный секрет местных охотников.

Когда вы свыкаетесь с обстановкой, то по ночам перестаете относиться к джунглям как к зловещему месту, полному хищников и других опасных существ. Они становятся очень дружелюбными — при том условии, что вы не будете топтать, как слон в посудной лавке, пугая законных обитателей. Испуганное животное может быть опасным, поэтому в джунглях принято *дрейфовать*, а не ломиться напрямик. В любых джунглях можно наблюдать дрейф подвижной жизни, такой же, как в мелководных морях, а быть может, и в океанских глубинах. Возможно, он вызван регулярными суточными «приливами», но если вы движетесь слишком быстро или в неверном направлении, то рискуете все испортить. С другой стороны, если вы стоите неподвижно на видном месте, то можете вызвать еще большее смятение. Я очень быстро выяснил, что если вы медленным, скользящим шагом входите в стадо кормящихся животных, даже при свете дня, они уделяют вам очень мало внимания до тех пор, пока вы не остановитесь. Тогда все головы сразу же поворачиваются к вам. На вас устремляется множество взглядов, и, если вы продолжаете стоять без движения, животных охватывает паника.

Многие хищники, особенно большие кошки, часто не могут отличить от фона неподвижный объект, даже если он съедобен и они чувят его запах. Олень, антилопа или человек должны находиться в движении, чтобы хищник мог зафиксировать его и броситься вдогонку. Однако другие животные, на которых обычно охотятся хищники, ведут себя совершенно противоположным образом. Пока вы движетесь вместе со стадом, то как бы являетесь его частью. Известно, что хищники стараются сидеть тихо, ожидая, пока добыча пройдет мимо, поэтому неподвижное дышащее существо рассматривается травоядными как источник угрозы.

Такой «дрейф» происходит как в дневное, так и в ночное время. Хочу подчеркнуть, что это правило не обязательно действует *вне* джунглей или в других растительных зонах. Настоящие джунгли нельзя сравнить ни с чем. Они

обладают собственным ритмом, структурой и сводом правил, во всех отношениях более строгих, чем в других тропических лесах. Здесь жизнь подчиняется установленному распорядку — вы понимаете это, как только свыкаетесь с ним. Рискуя повториться, скажу еще об одном. Очень немногие люди действительно попадают в джунгли, а оказавшись там, пользуются первой же возможностью выбраться наружу. Даже местные жители после темноты выходят в лес с фонарями и бравым пением лишь для того, чтобы пройти к соседней деревне или поляне. Туземные охотники на рассвете обшаривают окраины джунглей и выходят наружу. Иностранцы переезжают с одного официального курорта на другой и редко пробуют охотиться в джунглях, так как днем не видят добычи, а ночью неизменно утрачивают ориентацию в пространстве. Лишь профессиональные исследователи и отдельные яркие представители научного мира, о которых мы поговорим позднее в этой книге, действительно жили в джунглях.

Время от времени случалось так, что мы терпеливо настаивали более или менее разумных местных парней, чтобы те помогли нам в сборе животных, а затем объявляли, что мы собираемся в «буш» и хотим *пожить* там пару месяцев. После этого только мы их и видели! Случалось, они шли с нами, но убедившись в серьезности наших намерений, со стыдом умоляли отпустить их обратно. Это происходило с людьми, родившимися и выросшими на самой окраине джунглей, в прибрежных портах, в миссионерских поселениях и так называемых цивилизованных районах. Я неоднократно спрашивал, что их пугает, но так и не добился конкретного ответа. Это был бы тот же самый глубоко укоренившийся, если не врожденный страх, который я наблюдал у белых людей во время Второй мировой войны. Некоторые brave пехотинцы, воспитанные на комиксах и голливудских понятиях о «джунглях», не желали ступить туда хотя бы одной ногой — ни ради денег, ни даже ради спасения собственной жизни — и предпочитали каждый вечер подвергаться

японским бомбежкам. Ирония заключалась в том, что на некоторых островах западной части Тихого океана не было даже ядовитых змей, не говоря уже о львах, тиграх и прочей нечисти.

Для коренных тропических народов, не живущих в джунглях постоянно, таких, как некоторые индейцы Южной Америки, африканцы, малайцы и папуасы, ситуация выглядит еще более абсурдной, так как места их обитания часто являются охотничьими угодьями многочисленных ядовитых змей, леопардов, ягуаров и других животных, представляющих потенциальную опасность, в то время как совсем неподалеку от них, под лиственным пологом дождевого леса, эти существа либо вообще не встречаются, либо боятся человека не меньше, чем он боится встречи с ними.

Ф. Спенсер Чепмен в своей замечательной книге «Джунгли: нейтральная зона», возможно, подошел к объяснению этого феномена ближе, чем кто-либо еще. Он указывает, что проблема имеет психологическую природу. Когда он остался один в джунглях после того, как японцы оккупировали Малайзию, смертность среди его людей была прямо пропорциональна их образованию и умственному развитию. Рядовые погибали первыми и

in toto;¹ за ними следовали сержанты. Выживали лишь офицеры.

Огромное большинство животных в джунглях проводит большую часть времени в разнообразных убежищах. Иногда это могут быть пещеры, но чаще норы, выкопанные в земле, среди корней деревьев или под упавшими стволами. Своеобразными норами можно считать огромные полости в пустотелых деревьях, изобилующие в джунглях. Там даже днем царит ночь, и там обитают всевозможные ночные существа, как наземные, так и древесные. В полых деревьях африканских джунглей мы обнаруживали самый невероятный ассортимент животных, от леопардов до летучих мышей вида *Idiurus*. Эти обитатели древесных стволов фактически являются частью «подземного мира» и ведут себя соответственно.

Почва джунглей пронизана бесчисленными норами, как правило хитроумно замаскированными сверху. Любопытно, что лишь немногие из них глубоки и протяженны, в отличие от внушительных подземных хором, прорытых животными, обитающими вне джунглей. Сунув палку в одну из таких нор, вы обычно можете натолкнуться на ее обитателя на небольшой глубине или расстоянии от входа, и тут вас ждет масса сюрпризов. Крупные змеи, вроде питонов и боа-констрикторов, устраивают жилища в мелких прибрежных ямах, вырытых панголинами и другими муравьедами; наземные птицы могут гнездиться рядом с крысами и дикобразами. Однажды я даже нашел целую семью гамадрилов в огромной норе, явно вырытой другим животным. В пещерах дела обстоят немного иначе. Даже ночные животные обычно не углубляются туда дальше нескольких футов от входа, хотя мне приходилось встречать в глубинах пещер старых, больных леопардов и ягуаров, как живых, так и мумифицированных.

¹ Целиком, полностью (*лат.*).

Несмотря на изощренные меры предосторожности, предпринимаемые животными для маскировки входа в свои норы, почти всегда можно найти четкие тропы, ведущие наружу и внутрь. Речь идет о крупных животных, таких, как пака в Южной Америке и пангодины в Африке. Существа меньшего размера ведут себя смелее во всех отношениях. Мне на ум сразу приходят знаменитые муравьи-листорезы американских тропиков. Поскольку это одна из моих любимых тем, я лучше ограничусь кратким описанием, а для более близкого знакомства порекомендую вам свою книгу «Живое сокровище».

Эти невероятные существа являются единственной формой жизни, помимо человека, практикующей сельскохозяйственную деятельность (или агрокультуру, если вы относите выращивание грибов к этой категории предпринимательства). Они питаются в основном выделениями определенных грибов, которые выращивают в теплицах, расположенных в подземных норах. Теплицы сооружаются из постоянно обновляемого запаса свежих листьев и цветов, собираемых муравьями на вершинах деревьев и деловито транспортируемых к муравейнику. Споры грибницы переносятся маткой и рассаживаются специальными «рабочими» в растительные теплицы, где затем должным образом проветриваются, увлажняются или, наоборот, высушиваются, чтобы ускорить рост мицелия. Когда грибница проникает в растительную массу и усваивает ее, появляются «плоды» — грибы на крошечных ножках, начинающие выделять пищу для муравьев. Городская экономика этих насекомых включает всевозможные виды иной деятельности, от которой у человека глаза лезут на лоб. Но сейчас мы интересуемся преимущественно движением в джунглях.

Муравьи-листорезы прокладывают постоянные дороги с подземными переходами, транспортными развязками и некоторыми другими инженерными и топологическими сооружениями, далеко опережающими по совершенству творения человеческих рук. Действительно, на первый взгляд эти трассы в беспорядке разбросаны по

окрестностям как тропы вокруг нор крупных животных, но муравьи имеют гораздо более конкретную цель. Трассы ведут на деревья, по которым бесконечным потоком шествуют муравьи, собирающие листья на большой высоте. Потом «рабочие» спускаются вниз, держа свою ношу на весу как маленькие зеленые паруса, и с торжественной неспешностью возвращаются к муравейнику по проторенному маршруту. Движение четко контролируется муравьями-полицейскими, которые несут службу на перекрестках и патрулируют отряды грузчиков. В случае опасности муравьи-солдаты выходят из гнезда и атакуют нарушителя, даже если это человек или другое крупное животное. Укус такого муравья может оставить на коже аккуратный разрез длиной в четверть дюйма. Муравьиные трассы полностью очищены от мусора, а если что-то падает сверху, команды рабочих немедленно организуются для уборки. Таким образом обеспечивается постоянное движение. Если падает большое бревно или ветка, муравьи-полицейские сразу же устраивают обходы и высылают отряды на расчистку нового маршрута — под новым препятствием, над ним или вокруг него.

Можно ли это назвать слепым инстинктом? Я не понимаю, почему все так утверждают. Лягушки, вылезавшие из реки, роющие животные, выходящие на кормежку, даже обезьяны, прыгающие с ветки на ветку в листовом пологе, действительно могут следовать по известным маршрутам, проложенным по линии наименьшего сопротивления, или просто идти за вожаком стаи. Это одно. Но строительство дорог, которые по сравнению с размерами строителей достигают тридцати миль в длину, — нечто совсем другое. Здесь есть планирование и четкая организация труда. Однажды, после того как я упомянул об этой поразительной способности в радиопередаче, мэры трех городов штата Нью-Джерси пригласили меня поделиться своими находками с ведущими транспортными инженерами. Я согласился, но, несмотря на представленные рисунки и фотографии, никто из них так и не

смог выяснить, каким образом они (муравьи) организовали встречные линии движения на разных уровнях и в обход друг друга, не прибегая к огромным транспортным развязкам, которые можно видеть на современных автострадах.

Эти муравьи *ви-ви* (аттиды) живут не только в джунглях. Их разновидности можно обнаружить в самых разных природных условиях, вплоть до штата Нью-Джерси в Северной Америке, но в девственных тропических лесах их деятельность можно наблюдать во всей красе. Однажды мы целый месяц жили над вершиной огромного муравейника, около сорока футов в диаметре, и потратили много времени, наблюдая за их жизнью как днем, так и ночью. Эти существа поражают и озадачивают меня больше, чем любое другое животное, которое я когда-либо изучал.

В джунглях существует два основных источника животной пищи, которые кажутся здесь совершенно неуместными. Один из них улитки, другой — пресноводные крабы. Там, где родился я и большинство моих читателей, крабы подаются на тарелках в ресторане или ползают по пляжу на морском берегу. Мы привыкли думать о крабах как о водных существах, преимущественно обитающих в соленой воде. Однако суша в тропиках усеяна крабами, которые проводят все время на воздухе, на деревьях, в земляных норах или в пресной воде. Разумеется, им нужно возвращаться к воде для размножения, но есть и такие виды, которые избегают рек и ручьев, используя взамен водные резервуары в стволах огромных лесных деревьев. Полагаю, я так никогда и не привыкну к этому, но приходится признать, что так называемые сухопутные крабы образуют значительную часть рациона многих обитателей джунглей, вместе с бесчисленными разновидностями улиток и слизней.

И крабы и улитки тоже имеют свои тропы. Я наблюдал за скрупулезным моллюском-верхолазом, который вечер за вечером поднимался по одной и той же лиане, огибая ее по вытянутой спирали и загадочно исчезая на-

верху. Я также следил за крабами на деревьях и обнаружил, что они следуют за лидером в огромном количестве — как речные лягушки, терпеливо ожидающие своей очереди выйти на берег. Есть еще совершенно поразительные существа, которые относятся к типу *Platyhelminthes*, или плоских червей; к ним принадлежит знаменитая планария, изучаемая студентами-зоологами в университетских лабораториях. Некоторые из них достигают огромных размеров и так ярко окрашены в желтые, оранжевые, красные и коричневые цвета, что вы с трудом верите своим глазам, когда наблюдаете за их почти незаметным скольжением по стволам деревьев. Одной из моих обязанностей был сбор и сохранение этих существ, но результаты почти всегда оказывались катастрофическими: они практически бесплотны и растворяются от обычного прикосновения. (В конце концов мы нашли метод их консервации, но при этом они выглядели как полоски старого белья и все их замечательные краски пропадали.) Единственный способ изловить их — положить какую-нибудь гладкую поверхность, по которой они могут скользить, потом стряхнуть в банку и как можно скорее нести к рабочему столу для препарирования.

В процессе работы я узнал что эти странные ползающие существа в некотором отношении были так же консервативны, как и обезьяны, обитающие в листовном пологе, или дикие свиньи. Они следовали по строго установленным маршрутам. Проявив чудеса терпения, можно было даже наблюдать за «сменой караула»; шестидюймовый червь за час преодолевает расстояние в несколько футов, а затем появляется следующий, ползущий точно за первым. Может быть, эти существа движутся по слизистому следу, оставленному впереди идущим сородичем? Или они выбирают путь, руководствуясь какими-то иными соображениями? Логично предположить, что, отклонившись в сторону, они могли бы добыть больше пищи, не съеденной теми, кто ползет впереди.

Но самые большие сюрпризы поджидают вас, когда вы начинаете подниматься в надземные галереи и переходы. Там вы встречаетесь с двумя совершенно разными мирами: средними этажами и листовым пологом. Реальная жизнь в джунглях начинается наверху и распространяется вниз, встречаясь с жизнью внизу. Поэтому, не разобравшись в процессах, происходящих в листовом пологе, мы никогда не поймем, что происходит на средних этажах джунглей.

Глава двадцатая

ЛЕТАЮЩИЕ КОНТИНЕНТЫ

Немногим более тридцати лет назад Оксфордский университет снарядил экспедицию в джунгли Британской Гвианы. Некоторые из членов группы, а именно биологи, решили выяснить, что происходит в «летающих континентах» у них над головой. Пользуясь трудоемкими, но практичными методами, они наконец достигли древесных высот и некоторое время жили на самодельной платформе. Я был очень заинтригован, прочитав об этом на обратном пути после долгой поездки по странам Азии. Дело в том, что молодой малаец, с которым я в течение нескольких месяцев путешествовал по Восточной Азии, продемонстрировал мне один из способов подъема, хотя и довольно примитивный. Он соорудил грубое подобие лука, прикрепив к стреле тонкую нить, выдернутую из старой тряпки — больше у нас ничего не было под рукой. Он пускал стрелу вверх снова и снова, пока она не перелетела через толстую ветку. Затем он привязал к нитке рыболовную леску и втащил ее наверх, а покон-

чив с этим делом, прикрепил к леске прочную лиану и втащил ее на ветку, опустив противоположный конец до земли. Потом он соорудил простую перевязь из витка лианы и скомандовал мне поднимать его наверх.

К счастью, он был гораздо легче меня и помогал моим усилиям, подтягиваясь за противоположный конец, поэтому вскоре достиг одной из больших нижних ветвей. Послав ему еще несколько лиан, частично сплетенных между собой, я без особых усилий смог подняться наверх. Окружающий мир сразу же предстал передо мной в совершенно ином свете.

В течение трех недель мы путешествовали в величественном и совершенно необитаемом лесу, ни разу не увидев прямых солнечных лучей. Теперь мы внезапно воспарили в небо, и тусклый зеленый мир под нами бесследно исчез. Мы могли видеть не только послеполюденное солнце, но и великий горный хребет далеко на юге, образующий «позвоночник» острова Суматра. Будучи семнадцатилетними юношами, мы безрассудно забрались на вершину этого огромного дерева и совершали боковые прогулки на соседние деревья до тех пор, пока солнце не начало клониться к закату. Тогда мы решили вернуться к нашему «тарзаннику» и спуститься в джунгли, чтобы разбить лагерь. Мы еще несколько раз поднимались на деревья, но не превращали это в самоцель и не оставались там подолгу, хотя мой друг рассказывал о горных жителях, которые проводят большую часть жизни на деревьях — древняя история, распространенная по всей Суматре.

Идея жить в лиственном пологе джунглей продолжала интриговать меня. Я придумывал всевозможные глупые и непрактичные планы, но прошло много лет, прежде чем я смог воплотить свою идею в действительности. Это было в Никарагуа, более десяти лет спустя. Там мы воспользовались методикой моего малайского друга, а не усложненной процедурой, включающей альпинистские крючья, канаты и веревочные лестницы. На этот раз у меня был мощный лук, купленный в магазине, но мне при-

шлось лечь на спину, привязать его к ногам и воспользоваться обеими руками, чтобы стрела с прикрепленной леской смогла долететь хотя бы до нижней ветки. (Сила, с которой вы можете натянуть лук таким способом, просто поразительна, и в конце концов я сломал его от избытка энтузиазма.) Затем мы подыскали удобное место для платформы и соорудили ее из небольших бревен, скрепленных лианами, веревками и прибитых гвоздями для верности. К этой конструкции мы добавили доски палубного настила с нашей шхуны, на которой нам удалось достичь этого отдаленного места на реке Каринга. Сверху мы натянули небольшой тент, приладили дополнительный помост для кухни и склада продовольствия. Судя по измерениям, мы находились на высоте 120 футов от земли.

Наши помощники дважды в день приходили со свежими продуктами и водой, а мы, в свою очередь, опускали им препарированные экземпляры животных. Так мы прожили более двух недель и в конечном счете смогли совершить путешествие длиной в четверть мили — по кронам деревьев к реке, где наши помощники брали воду.

Жизнь в лиственном пологе джунглей — замечательное занятие. Даже если вам рассказывали об этом, на самом деле все оказывается совершенно иным, и джунгли предлагают вам множество поразительных сцен. Я никогда не поднимался к лиственному пологу на Новой Гвинее, а в Африке забирался на деревья лишь на короткое время, чтобы установить ловушки или поймать мелких животных. В Южной Америке мне приходилось подниматься дважды в день, чтобы присматривать за сотней с лишним ловушек, но я не жил там. Таким образом, я не могу говорить об условиях обитания в любом из этих мест, а они, без сомнения, во многом различны. Тем не менее у меня есть опыт одного близкого знакомства с лиственным пологом джунглей на высоте 120 футов.

Я не хочу создать впечатление, будто мы были первопроходцами в этом деле; как раз наоборот. Помимо первых исследователей из Оксфорда, лесной департамент

Малайи провел большую ботаническую работу на этом уровне, даже с использованием ученых обезьян (гигантских резусов), которые забирались наверх, срывали и бросали вниз цветы, верхние листья и плоды деревьев. Журнал «Лайф» в своей замечательной серии, озаглавленной «Мир, в котором мы живем», несколько лет назад опубликовал статью о суринамских джунглях. Корреспонденты, фотографы и даже один художник поднялись наверх и описали внешний вид, настроение и образ жизни на верхнем этаже джунглей. Бразильцы провели много наблюдений в своих тропических лесах, и французы перед своим уходом из Индокитая собрали массу биологической информации о джунглях Вьетнама.

Наиболее заметной чертой лиственного полога (или скорее чертой, которая произвела на нас наибольшее впечатление) было «дорожное движение». Я всегда подозревал, что кроны деревьев, будучи настоящим летающим континентом, связанным воедино переплетающимися ветвями и массивными лианами, представляют собой безграничное поле для передвижения мелких и средних животных. Но здесь, как и на земле, существуют установленные маршруты с побочными тропами, ведущими к участкам кормления. Более того, все животные знают эти маршруты и придерживаются их — от ягуаров и обезьян до древесных крыс, мышей, улиток, лягушек и насекомых. Это проявилось с особенной ясностью, когда мы воздвигли нашу скромную платформу и стали жить на перекрестке лесных троп.

Обитателям лиственного полога не нравился наш вид, а возможно, и запах. В течение некоторого времени они избегали нас, как чумы, хотя мы видели и слышали их передвижения — как днем, так и ночью. В конце концов они, очевидно, решили, что, несмотря на шум и сигаретный дым, мы были всего лишь новым, но неизбежным злом. До тех пор, пока мы не проявляем враждебных намерений, они могут вернуться на тропы, по которым ходили их предки. Поэтому через несколько дней нас осаждали целые орды животных, решительно настроенных

пройти там, где им хотелось — то есть прямо через наш временный дом.

Сначала появились древесные лягушки, затем улитки, потом обезьяны, и так продолжалось все время, пока мы оставались наверху. Некоторые животные проявляли агрессивность. Как я уже говорил, все началось с одного вида древесных лягушек, в назначенное время спускавшихся к ближайшему водоему для размножения. Они проходили через наш лагерь во множестве, волна за волной. Однако самыми зловредными были местные черно-белые обезьяны капуцины, совершавшие набеги на наши скудные запасы провизии. Они даже хватали банки с препарированными образцами флоры и фауны и проказливо швыряли их вниз. Древесные обезьяны, такие нервные и чувствительные, если что-то угрожает им на земле, в листовенном пологе ведут себя совсем по-другому. Если вы не сидите посреди тропы, они большей частью игнорируют вас; но если вы случайно или умышленно попали туда, они осторожно приближаются, издавая тревожные возгласы и стараясь окружить препятствие. Однако они не прокладывают новую тропу и возвращаются на следующий день. В конце концов они все-таки преодолевают страх, а возможно и негодование, и идут напрямик. Разумеется, если по дороге попадается что-то интересное или съедобное, они изучают или съедают это. Их смелость совершенно непостижима для человека, воспитанного на распространенных предрассудках о поведении диких животных. Время от времени абсолютно дикие животные, включая обезьян, которые считаются сверхчувствительными к опасности и особенно к человеку, подходили прямо ко мне, смотрели в глаза, а затем, после непродолжительной «беседы», выхватывали что-нибудь у меня из-под носа и убегали с восторженным щебетом. Но попробуйте хрустнуть веткой на земле, выслеживая стаю обезьян, питающихся наверху, и они умчатся в мгновение ока.

Под самым листовенным пологом, состоящим из массы листвы и мелких ветвей, можно столкнуться с одним из наиболее удивительных аспектов жизни джунглей. Это

стоячая вода в дуплах между главными несущими ветвями. Некоторые из этих дупел представляют собой настоящие цистерны, уходящие глубоко в полые стволы и наполненные прозрачной чистой водой даже после того, как вся дождевая вода внизу исчезает, а ручьи пересыхают. Немногие знают, что самая большая опасность для человека, заблудившегося в джунглях, заключается в недостатке воды. Мы считаем джунгли очень сырым местом, со множеством рек, ручьев и болот. Конечно, есть большие реки, несущие воды в океан даже в разгар засухи, но питающие ручьи пересыхают, а почва быстро становится рассыпчатой, как зола. Не имеет смысла копать в поисках воды, поскольку поверхностный слой обычно очень тонкий, и вы почти сразу же врежетесь в твердую глину или подстилающую горную породу. Остается лишь одно: забираться на большие деревья и искать водные резервуары наверху. Это кропотливая работа, но лучше заниматься ею, чем умереть от жажды в парилке, где гидрометр показывает около 100. Смерть от жажды в джунглях так же мучительна, как и посреди пустыни, хотя здесь вы скрыты от палящих солнечных лучей. Я это знаю, так как мне самому довелось пережить несколько неприятных случаев.

В древесных колодцах можно найти разнообразную жизнь. Чаще всего встречаются личинки mosкитов (кстати, старое поверье о том, что любая вода, в которой есть личинки комаров, пригодна для питья, совершенно справедливо в джунглях).

Москиты служат прекрасным примером стратификации жизни в джунглях. Моя жена имеет как медицинское, так и биологическое образование; в ее обязанности входил сбор кровососущих насекомых, которые разносят разнообразные инфекции, в то время как я со своими помощниками занимался крупными животными, ботаникой и паразитами. После изучения небольшого участка лесного грунта с помощью измерительной цепи и компаса, мы поэтапно поднимались на деревья с шагом в десять футов, собирая всех животных, которых встречали на каждом уровне, и нанося их расположение на схему. Мы

обнаружили, что некоторые животные обитают исключительно на одном уровне, в то время как другие переходят с одного уровня на другой в поисках добычи или с иной целью. Количество и видовое разнообразие животных менялось ежечасно в течение дня и ночи. Одной из моих незавидных обязанностей было сопровождать жену голым по пояс, чтобы всяческие зловредные насекомые-кровососы могли садиться на мою отвратительно бледную кожу, а любящая супруга затем ловила их и пересаживала в маленькие стеклянные флаконы. К счастью, в то время уже существовали мощные лекарства, поэтому малярия мне не угрожала, но должен признать, я испытывал некоторое беспокойство по поводу москитов рода *Aedes*, переносчиков желтой лихорадки, по-прежнему свирепствовавшей среди населения этих районов. В то время от нее еще не было вакцины.

Поднимаясь по деревьям, мы исследовали водные резервуары, и моя жена извлекла из них замечательный набор москитов в разных фазах развития: яйца, личинки и куколки. Доставив их на землю, она продолжала возвращать их в стеклянных флаконах, до половины наполненных водой и покрытых марлей. Когда появлялось сформировавшееся насекомое (имаго), она препарировала его с экземплярами яиц, личинок и куколок. Затем материал отправлялся в биологическую лабораторию для изучения (в этом отношении я хотел бы особо оценить работу, сделанную Рокфеллеровским институтом). При этом выявилось несколько очень интересных фактов.

Например, выяснилось, что на каждом этаже, или уровне, джунглей обитают разные типы москитов. Теперь это кажется очевидным, но пока мы не получили убедительных доказательств, дело ограничивалось догадками. Мы не первыми обнаружили этот феномен; ранее была проделана большая работа по исследованию малярии у обезьян, и стало ясно, что разносчики этого заболевания сосредоточены на определенном уровне «многоэтажного здания» тропического дождевого леса.

Полагаю, что обитатели средних ярусов в общем и целом являются наиболее интересными и, возможно, наиболее разнообразными представителями фауны джунглей. Однако их почему-то меньше всего изучают, а иногда просто игнорируют. Местным охотникам нужно мясо, а самые крупные животные обитают на земле. Европейцы путешествуют по джунглям в дневное время, поэтому чаще всего видят лишь галдящих, ярко окрашенных обитателей лиственного полога.

Обитатели средних ярусов почти исключительно являются ночными животными. Они живут в дуплах больших деревьев, в кронах пальм. Либо в довольно редких сростках лиан и эпифитов. В некоторых джунглях есть побеги с весьма обильной листвой, не доросшие до лиственного полога, которые служат великолепными спальнями для мелких животных. Все эти древесные существа имеют свои, известные только им воздушные тропы. Вы можете вечер за вечером сидеть наблюдать за одним из таких маршрутов, и животные будут чередой проходить перед вами, но сместите точку наблюдения на несколько футов в сторону, и вы ничего не увидите. Эта дорожная система была одной из первых особенностей ночной жизни джунглей, глубоко заинтересовавшей меня, так как она противоречила всему, что я читал и наблюдал до тех пор.

Нас учат, что животные делятся на хищников и их добычу. Эти две категории считаются непримиримыми врагами: последние живут в вечном страхе и сломя голову бегут от первых, едва завидев их. Но в мире диких животных все обстоит иначе. Во-первых, хищники убивают гораздо меньше живой добычи, чем некогда считалось. Уэллс, Геттисберг и другие специалисты по львам (живущим вне джунглей) указывают, что лев в среднем убивает не чаще раза в месяц. Джеймс Б. Шаллер увеличивает эту цифру в шесть раз по отношению к тигру. Во-вторых, большинство так называемых хищников на самом деле является некрофагами, иными словами, пожирателями уже мертвых животных. В-третьих, было отмечено, что живые жертвы обычно уже почти умирают от старости, очень молоды

или искалечены. К примеру, гепард храбро подходит к стаду пасущихся антилоп или газелей и ложится на землю. Парнокопытные стражи ясно видят его и указывают на его присутствие остальному стаду, но ничего не происходит. Наконец гепард встает, начинает приближаться, а затем совершает свой знаменитый стремительный рывок. Что же происходит дальше? Стадо просто раздается в стороны, и лишь одно животное пускается в бегство; впрочем, по свидетельству наблюдателей, оно убегает не слишком резво. Гепард пробегает сквозь стадо, не обращая на него ни малейшего внимания, догоняет одинокое животное, убивает его, затем издает тонкий свистящий звук, созывая *свою* стаю на кормежку. Другие гепарды тоже часто проходят сквозь стадо, которое продолжает мирно пастись, как будто ничего не случилось.

Самое интересное, что одинокое животное, атакованное и убитое гепардом, всегда оказывается либо очень молодым, либо очень старым или больным. Более того, оно каким-то непостижимым образом знает, что его время пришло. Считается, что гепарды способны развивать скорость 70 миль в час (хотя в последнее время этот тезис подвергается сильному сомнению), но антилопы импала и некоторые газели не уступают, а возможно, и превосходят его в скорости. Таким образом, здоровая антилопа не боится гепарда, но старые и увечные животные просто знают, что не могут выиграть гонку, и сдаются.

Так же обстоят дела и в средних ярусах джунглей. Движение по воздушным тропам листовенного полога и других уровней представляет собой необычайный парад охотников и их добычи. В Африке я однажды видел сначала пару галаго (древесный примат, родственник лемурам), затем генету (очень быстрого и ловкого хищника), потом массу скачущих древесных лягушек, сопровождаемых стаями крыс, затем потто (еще один лемуруподобный примат), и наконец, маленькую дикую кошку. Если генеты и кошки охотятся, то почему они не догоняют первое же съедобное животное, которое идет впереди? В конце

концов, они обладают тонким чутьем и едва ли могут сбиться со следа.

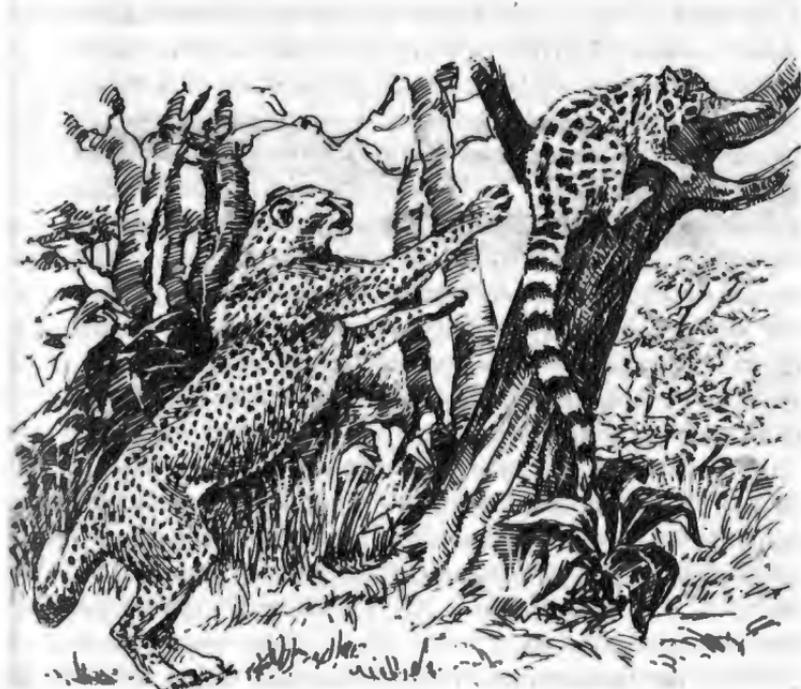
От нас ускользает то, что я называю *формой правления* природы. Мы уже тысячелетия тратим огромную часть нашего времени и энергии на бессмысленные стычки друг с другом, не обращая внимания на очень консервативную и эффективную организацию, существующую рядом с нами. Невозможно управлять джунглями или любым другим участком дикой природы, если все хищники экипированы гораздо лучше, чем их добыча. Они за короткое время уничтожат все запасы пищи и сами погибнут от голода. Тем не менее хищные животные охотятся на травоядных, но все идет своим чередом, и запасов еды всегда хватает для обоих.

Ключ к разгадке можно найти в сельской местности, по обочинам наших дорог или прямо на мостовой. Создается впечатление, что дикие животные гибнут постоянно, причем не только под колесами машин. Разумеется, все животные когда-то умирают, но как ни странно, вы очень редко можете найти мертвого зверька на лугу, в поле и особенно в лесу. То же самое справедливо и в тропиках. Единственным мертвым животным, которое я когда-либо обнаружил в джунглях, был африканский локсодонт (слон), и хотя мы не смогли найти прямых свидетельств, но почти не сомневались, что он был убит охотниками. Учитывая огромный объем биомассы в джунглях, можно предположить, что грунт будет буквально усеян мертвыми животными, однако вам не удастся найти ни одного трупа. Ответ прост: здесь поработали *мусорщики*.

Это именно то, что представляют собой так называемые хищники. Они не охотятся на живую добычу, если могут найти труп, причем часто они предпочитают гниющие останки свежему мясу. Даже леопард, наиболее целеустремленный из всех тропических охотников, не брезгает падалью. Действительно, леопард любит охотиться на обезьян и домашних собак и, настигнув жертву, поедает ее с удивительной быстротой, но в целом большие кошки в джунглях не беспокоят здоровых взрослых животных.

Леопарды несколько раз, что называется, «выхаживали» меня. Как-то после полуночи, занимаясь чисткой ружья при свете луны, я заметил крупного ягуара, подбиравшегося к клапану палатки, где мирно похрапывала моя жена. Таким существам я обычно говорю что-нибудь вроде «Бу-у!» очень громким и угрожающим голосом, и они немедленно убегают.

Единственная крупная кошка, к которой я отношусь с опаской и недоверием — это тигр. Но с другой стороны, тигры не принадлежат к постоянным обитателям высокогорного экваториального леса или даже высокого листопадного леса. Судя по всему, первоначальной средой обитания тигра были снега Северной Азии, и в джунглях он блуждает точно так же, как и любой человек, незнакомый с ними. Он чужак, обитающий во вторичных и третичных лесах, вдоль берегов рек и вокруг человеческих поселений, в самом густом кустарнике, какой он может найти. Но тигры коварны и, без сомнения, нападают на человека

с единственной целью сожрать его, хотя и в определенных условиях.

По правде говоря, после почти сорока лет странствий по джунглям в условиях повышенной уязвимости (когда вы не охотитесь на животных, а следите за ними или собираете их, ваша спина часами остается открытой) я не могу припомнить умышленного нападения какого-либо животного, крупнее муравья. Однажды я по ошибке выстрелил мелкой дробью в пару глаз на вершине дерева. Забравшись туда посмотреть на добычу, я нос к носу столкнулся с чрезвычайно раздраженным леопардом, сидевшим на крупной ветке примерно в 80 футах над землей. Пока я спускался вниз, он все еще продолжал пялиться от меня. Дикие животные, особенно в джунглях, не знают человека, а, поскольку в них никогда не стреляли, выстрелы не пугают их. Однако здесь следует упомянуть об одном факте, который я узнал от своего старого друга Дэвида Джорджа, прожившего много лет в Либерии и имевшего там небольшой зверинец. Он сообщил, что уничтожение диких животных в этой стране после изобретения огнестрельного оружия было таким безжалостным, что даже кроткие, маленькие лесные антилопы дукеры нападают на человека, стоит им увидеть его — а ведь это травоядные животные!

Нам давно внушают, что у людей есть пять чувств, и туманно намекают на возможность «шестого чувства». С моей точки зрения, на момент создания этой книги человеку известно двадцать пять — тридцать чувств, и с каждым годом их количество увеличивается. К примеру, мы обладаем чувством равновесия, чувством электромагнитного потока, жажды, голода, сокращения кишечника и так далее. Другие животные имеют не меньше чувств, а некоторые — заметно больше. На антеннах одного вида мух было обнаружено четыре разных органа чувств, и мы не знаем, для чего они предназначены. Саранча пользуется альтиметрами, превосходящими наши; сухопутные крабы имеют встроенный компас, не нуждающийся в магнитных линиях, а действующий по принципу направ

чения солнечных лучей (кстати, этот принцип заложен в основу компаса, используемого в полярных областях, где магнетизм не работает). С человеческой точки зрения, все животные обладают сверхчувственным восприятием.

Эта тема неизбежно ведет к другой, по поводу которой сломано уже немало копий. Я говорю о том, что — возможно, ошибочно — называется «телепатией», или передачей мыслей на расстоянии. Мне никогда не удавалось понять, почему эта тема так нервирует исследователей. Если телепатия существует, то она не менее сложна, чем любой природный феномен, который поддается исследованию методами прагматического анализа, но никак не панической растерянности. Позвольте вкратце изложить суть дела.

Мы общаемся друг с другом посредством речи и слуха, письма и других символов. Животные тоже пользуются общением на определенном уровне, иначе они не могли бы достигать взаимодействия, необходимого для сохранения вида. Каковы же средства их общения? Некоторые утверждают, что животные «разговаривают» друг с другом, но большинство это отрицает. Хорошо известно, что некоторые высшие приматы имеют примитивный язык, состоящий из звуков и жестов. По многим животным, как в дикой природе, так и в лабораторных условиях, были проведены обширные исследования, непреложно доказавшие, что животные одного вида общаются друг с другом, а в более ограниченной степени — даже с другими видами жизни. Однако главный вопрос заключается в том, пользуются ли дикие животные иными методами общения, чем звуки, телодвижения, запахи и электромагнитные эманации (такие, как инфракрасное излучение у определенных мотыльков для привлечения самцов).

Просто поразительно, как животным в джунглях удается передавать друг другу необходимую информацию, и еще более поразительно, как мы, люди, живущие рядом с ними и среди них, неосознанно воздействуем на деятельность животных. Любопытность кажется мне врожденной особенностью любой подвижной жизни. Поведение

ние тапиров на земле и обезьян в лиственном пологе, описанное выше, — лишь два примера из огромного множества. Я много лет размышлял над этой загадкой. Если в живых существах любознательность сочетается с пугливостью, то почему они почти всегда позволяют первому возобладать над вторым? Могу сказать, что если вы расхаживаете по лесу, охотясь за «мясом» для своего котла, то вы не увидите и десятой доли тех животных, которых можете увидеть, если будете неторопливо прогуливаться с биноклем и записной книжкой. Разумеется, есть еще небольшая проблема с металлом, которая, насколько мне известно, не была изучена должным образом.

Спросите любого геолога, минералога или металлурга о том, какие металлы встречаются в чистом виде на поверхности земли. Он скажет вам, что, кроме золота, свинца и меди, остальные металлы в том виде, как мы их знаем, просто не встречаются в природе. Все они «ржавеют», что в переводе с просторечного языка на научный означает «окисляются», или же входят в соединение с другими элементами, формируя более стабильные вещества, из которых сложены почвы и горные породы. Таким образом, наше железо, сталь, алюминий и другие привычные металлы совершенно неизвестны животным. Более того, для животных они распространяют жуткое зловоние. Мы можем за две мили учуять запах разлагающегося кита, но не замечаем запаха металлической пряжки своего ремня или ружейного ствола. Но животные замечают, и если вы смазываете ружье другим искусственным продуктом, а именно ружейным маслом, то вонь становится такой сильной, что дикое животное почует вас за тысячу ярдов, даже с наветренной стороны.

В джунглях, где абсолютно не существует «чистых» металлов, животные невероятно чувствительны к странному набору запахов. Поэтому если вы выйдете на прогулку с ружьем, то не увидите их. Но снимите с себя весь металл, выстирайте свою одежду в ручье без мыла, перестаньте умываться мылом и чистить зубы ароматической зубной пастой — и можете смело отправляться в джунгли. Снача-

да животные будут таиться, наблюдая за вами, затем подойдут поближе, чтобы посмотреть, и даже — ей-богу! — приблизятся к вам на расстояние вытянутой руки, желая «познакомиться». Вы нормально пахнете, не делаете угрожающих движений, и они преодолевают свой страх. Ими овладевает любопытство. А потом, совершенно необъяснимым образом, вы обнаруживаете, что начинаете общаться с ними.

В течение десяти лет я два или три раза в неделю привозил диких животных на телевидение для съемки программ о живой природе. Меня ни разу не укусили, не царапали и даже не наступили на любимую мозоль. Это невозможно объяснить простой удачей. Здесь должен был присутствовать некий род общения, но я понятия не имею, как он действует. Может быть, их устраивал мой запах или тембр голоса... или мне просто было все равно, что они со мной сделают!

Глава двадцать первая ЖИЗНЬ ВОКРУГ ДЖУНГЛЕЙ

Все это хорошо, скажете вы, но тем не менее хочется знать: *какие* животные обитают в джунглях и где их можно найти?

Никто не знает, сколько видов животных обитает на нашей планете, и даже зоологи не могут точно сказать, как много отдельных форм жизни им удалось поймать, изучить и описать. Общее количество известных видов, по расплывчатым оценкам, составляет около миллиона, из которых более половины приходится на долю насекомых. Однако энтомологи неоднократно высказывали смелое утверждение, что мы, возможно, не определили и одной десятой части от всех существующих насекомых. Даже цифры по количеству видов известных млекопитающих варьируют между 4500 и 16 000. Главной причиной этого расхождения являются разногласия между двумя группами классификаторов, которые называются, соответственно, «объединителями» и «разделителями».

Один зоолог разделил горных львов на дюжину подвигов; другой исследователь объединил дюжину разновид-

ностей белок в один-единственный вид. Вопрос определения видов по-прежнему причиняет зоологам больше всего головной боли, а новые разновидности фауны появляются со скоростью несколько тысяч в год, хотя эта цифра включает *Protozoa* и другие одноклеточные организмы. И наконец, существует что-то вроде инстинктивного нежелания присваивать новым формам жизни статус ниже вида в зоологической классификации.

Классификация животных в действительно научном смысле насчитывает всего лишь двести лет. Она началась в Европе, где видовое разнообразие довольно ограничено, поэтому нас приводит в замешательство сама идея о существовании пятидесяти видов одного подсемейства жуков в небольшом районе Мексики или сотен видов земляных улиток на острове Ямайка в Карибском море. Однако вся эта огромная масса различных форм животной жизни была разделена на 27 (возможно, 29) отдельных групп, четко отличающихся друг от друга, которые зоологи называют типами (*phyla*). Некоторые из них имеют представителей на суше, в пресной и морской воде, другие пока что известны лишь в двух или в одной из этих стихий. Существуют типы фауны, которые перемещаются из одной стихии в другую; и наконец, многие формы жизни обитают в других животных в качестве паразитов. Сколько таких групп представлено в джунглях?

Одиннадцать типов фауны обитает лишь в соленой воде. Остается шестнадцать, которые можно найти на суше и/или в пресной воде. Из них со всей определенностью в джунглях можно обнаружить двенадцать плюс три возможных и один сомнительный. Сначала я избавлюсь от последней группы, не представляющей для нас никакого интереса. Этот тип называется *Entoprocta*, и один из его видов был обнаружен в центральных лесистых районах Индии. Из трех возможных типов наиболее вероятным являются губки (*Porifera*), одно семейство которых, известное под названием *Spongollidae*, обитает исключительно в пресной воде и распространено по всему земно-

му шару. Однако их присутствие в джунглях остается спорным из-за трудностей в определении «настоящей» воды джунглей, в противоположность великим рекам, протекающим через них, или озерам, лежащим за их пределами. Другой тип называется *Nemertea*, или ленточные черви, сухопутные виды которых были обнаружены на окраинах тропиков и в возвышенных тропических регионах, но не в самих джунглях. Третий из возможных типов называется *Gastrotricha*: это пресноводные морские микроорганизмы, не входящие в сферу наших интересов. Таким образом, из двадцати семи типов животных остается двенадцать определенно известных в джунглях. Давайте перечислим их.

Во-первых, это одноклеточные организмы (*Protozoa*), процветающие везде, где есть влага. Во-вторых, это *Coelelenterata* — тип, к которому принадлежат морские медузы, имеющий пресноводные разновидности, одна из которых, известная нам со школьной скамьи под названием *Hydra*, представляет собой крошечную желеобразную трубочку с отростками, прикрепляющимися к водорослям. Есть многочисленные мелкие водные существа типа *Rotifera*, о жизнедеятельности которых практически ничего не известно. Но они, как и другой тип под названием *Bryozoa*, или организмы, обитающие во мху, не интересуют нас здесь. Затем существуют две большие группы настоящих червей: *Annelida*, включающая земляных червей, и *Nematomorpha*, или волосяные черви. Оба этих типа ведут самостоятельный образ жизни. К ним следует добавить три других замечательных типа, представленных преимущественно паразитами. Это плоские черви (*Platyhelminthes*), включающие паразитических ленточных червей и трематод, к которым принадлежат знаменитые планарии наших школьных лабораторий. В джунглях есть другие непаразитические плоские черви совершенно поразительного вида и размеров, о которых я упомяну ниже. Другие два типа, в основном паразиты, включают круглых червей (*Nematoda*) и довольно жутких существ под названием *Acanthocephala*.

Остается три крупнейших и наиболее важных типа: *Mollusca*, или моллюски; *Arthropoda*, включающая насекомых, паукообразных, ракообразных и несколько других семейств, среди которых есть очень странная небольшая группа, называемая бархатными червями (*Onchyophora*) — то есть *Peripatus*, которые являются настоящими живыми ископаемыми, связующим звеном между червями аннелидами и артроподами; и наконец, *Chordata*, или позвоночные, — рыбы, амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие.

Из всей этой массы животных нет ни одного типа, существующего исключительно в джунглях или хотя бы в тропиках. Однако когда мы переходим к меньшим подразделениям, то видим другую картину. Нам приходится опускаться по биологической классификации вплоть до вида, прежде чем мы можем описать любое животное, обитающее *исключительно* в джунглях.

По-видимому, существует бесконечный список родов животных, обитающих только в джунглях и исчезающих после расчистки, но мы должны проявлять крайнюю осторожность в утверждении, что ареал¹ их обитания так жестко ограничен. Благоразумнее будет подойти с другой стороны и сказать, что практически все представители фауны, обитающей за пределами джунглей, не углубляются в них — по крайней мере, больше чем на десяток ярдов. Бывает довольно забавно преследовать животное, обитающее снаружи, по другую сторону стены джунглей. Оно совершает всевозможные маневры уклонения, а иногда, если загнать его в угол, просто садится и дрожит всем телом.

Теперь давайте вернемся к спорному вопросу о том, что следует считать водоемом в джунглях. Под этим я подразумеваю редкие пруды или мелководные озера, которые находятся *под листовым пологом*; хотя в Габоне (Западная Африка) есть любопытные пруды, то и дело

¹ Область распространения на зеленой поверхности.

возникающие в излучинах рек, протекающих через джунгли по низменной равнине. Кстати, именно там обитают гигантские лягушки (*Rana goliath*), в сидячем положении не уступающие размерами миниатюрному терьеру. В результате постоянных тропических ливней, продолжавшихся тысячи, если не миллионы лет, образовалась уникальная дренажная система, породившая так называемый эффект вспаханного поля. Избыточная вода, стекающая по дну этих естественных сточных канав, либо уходит в почву, либо наполняет прекрасные лесные ручьи. Эта вода в конечном счете находит путь к ближайшей крупной реке. Если река достаточно широка и глубока, джунгли останавливаются около ее берегов, и лиственный полог каскадами спускается вниз к самому краю. Механизм этого процесса таков: прямые солнечные лучи, падающие в проем, вызывают ускоренное развитие всех видов растительности, образующих плотную, иногда практически непроницаемую зеленую стену. По крайней мере одна сторона этой поросли должна быть всегда обращена к солнцу, поэтому стена никогда не бывает очень толстой. Пробившись через нее, вы попадаете в сумрак тропического леса. Следует ли нам относить животную жизнь, сосредоточенную в больших реках и вдоль их берегов, к истинной фауне джунглей? Полагаю, что нет, поскольку формы жизни, которые можно там найти, почти всегда существуют в других лесах за пределами джунглей, но не распространяются внутрь. Единственным исключением в общем правиле отсутствия большого количества стоячей воды в джунглях является паводковый лес. Это одно из чудес природы.

Во многих местах, не только в прибрежных низменностях, но и на обширных равнинах, граничащих с крупными реками, вы можете обнаружить, что в определенное время (или даже круглый год, как в Индокитае и некоторых районах Южной Америки) деревья джунглей стоят в воде. Будучи уроженцами так называемого умеренного климата, мы считаем деревья «тонущими», если их корни

подтоплены, но в тропиках многие виды адаптировались к таким условиям. В прозрачных водах паводковых лесов обитает весьма характерная для джунглей водная фауна, хотя в эти огромные затопленные галереи заплывают и настоящие речные животные. Для меня самыми поразительными из них были маленькие пресноводные дельфины в Гвиане и Амазонии, о которых мы упоминали раньше. Некоторые речные рыбы заплывают в паводковый лес через узкие сливные протоки, несущие избыток воды в реку.

Однако большинству речных рыб не нравится паводковый лес, хотя они поднимаются до верховьев рек и ручьев за пределами джунглей, не делая особого различия между прозрачной и мутной водой. Возможно, их отпугивает повышенная кислотность или недостаток кислорода в паводковом лесу. Опять-таки объем пищи в пределах леса строго ограничен, в то время как в реках и озерах ее более чем достаточно.

Рыбная фауна тропических речных систем поистине неисчислима. Один эксперт с многолетним практическим опытом сбора и ловли рыб в Амазонском бассейне заявил, что там существует больше известных видов рыб, чем описано во всем Атлантическом океане. Но они не относятся к обитателям джунглей, а потому образуют отдельную большую тему для исследований. Впрочем, некоторые из них встречаются в паводковых лесах — например, арапаима из Южной Америки, иногда считающаяся наиболее крупной из пресноводных рыб, хотя при длине туловища в 15 футов она выглядит довольно худосочной по сравнению с рекордным осетром из России, пойманным в Волге и достигавшим 28 футов в длину. В водах джунглей встречаются и разнообразные монстры рыбного мира, с двумя из которых я знаком лично. Один из них — маленькая, покрытая костяной броней зубатка, чьи передние брюшные плавники имеют форму выгнутых лезвий с режущим внутренним краем. Рыба может плотно прижимать их к туловищу, но кроме того, в ее «подмыш-

ках» имеются пирамидальные ядовитые железы, пронизанные тонкими каналами наподобие гиподермических игл. Их выделения не менее смертоносны, чем яд гремучей змеи. Другая маленькая бестия, сомик кандиру, тоже обитает в Южной Америке. Это крошечная зубастая рыбка с гладкой кожей, толщиной не больше карандашного грифеля, по какой-то неизвестной причине испытывает тягу к моче млекопитающих и атакует мочеиспускательные органы, причиняя мучительную боль, которую можно облегчить лишь с помощью хирургического вмешательства. Жаберные отверстия этой рыбы усажены острыми загнутыми колючками.

Затем, разумеется, следует упомянуть о знаменитых пираньях, также обитающих в реках Южной Америки и пользующихся заслуженной репутацией кровавых убийц. Они плотоядны и имеют массивные крепкие челюсти, вооруженные загнутыми треугольными зубами с бритвенно-острыми краями, которые в сомкнутом положении образуют почти идеальную полусферу. Действительно, они плавают стаями, и сотни пираний могут дочиста обглодать тушу крупного животного у вас на глазах, прежде чем вы успеете вытащить его из воды. Но многие истории о них сильно преувеличены; мы неоднократно плавали и ныряли в тропических реках, наполненных этими рыбами, и не подвергались нападению. У многих местных женщин встречаются ужасные шрамы на внутренней стороне бедер — это последствия укусов пираний, когда они садятся на корточки, чтобы прополоскать одежду в текущей воде.

Помимо рыб, рептилий, амфибий и некоторых млекопитающих, тропические реки особенно знамениты своими моллюсками и ракообразными. Двустворчатые моллюски, обитающие на дне тропических рек, служат одним из главных источников пищи для крокодилов и черепах. Существуют также огромные стаи всевозможных пресноводных «рачков», а по берегам водятся сухопутные крабы. Впрочем, последние предпочитают влажную глу-

бину джунглей, где они копошатся во всевозможных норах и пустотах, а бывает, и забираются по деревьям вплоть до листовенного полога.

Затем идут обитатели речных берегов, включая многочисленных змей и лягушек, таких млекопитающих, как выдры, оленьки и различные обезьяны, бесчисленные полчища насекомых, слизней, улиток и другую мелочь. В сущности, реки и озера, вместе с их берегами и примыкающими болотами, образуют совершенно иной мир, во многом отличающийся от мира джунглей. Здесь обычно живет и охотится большинство туземных племен; именно здесь иностранцы полагали, что видят джунгли и их обитателей во всей красе. Но за исключением некоторых древесных животных, таких как белки и обезьяны, а также насекомых, змей и древесных лягушек, поднимающихся к листовенному пологу, ни один из представителей местной фауны не живет в джунглях, и лишь немногие заходят туда на сколь-либо долгое время. С другой стороны, некоторые животные джунглей по ночам выходят к реке на водопой, для охоты или рыбалки.

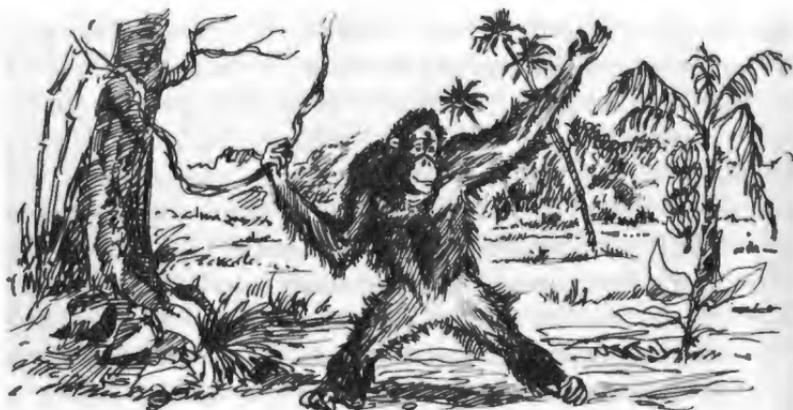
Настоящие ручьи и пруды в джунглях — то есть те, что находятся под листовенным пологом, — имеют свою интереснейшую фауну. Это всевозможные мелкие рыбы самых экзотических расцветок, улитки и другие беспозвоночные, но в первую очередь лягушки. Число разных видов лягушек, обитающих в джунглях, кажется бесконечным. Среди них есть водные, роющие, полуводные и лазающие разновидности. Многие из них окрашены в яркие цвета, а некоторые умеют менять окраску лучше любого хамелеона. Более того, отдельные виды изменяются от сезона к сезону, причем меняется не только расцветка, но и внешний облик. У одного вида, который мы изучали в Западной Африке (*Petropedetes johnsony*, для специалистов), самцы проходили через разные стадии изменений от сезона к сезону в первые четыре года своей жизни, в то время как самки менялись совершенно иначе, хотя и в соответствии с сезонным циклом. Затем есть

маленькие листовенные лягушки (и жабы) — прыгающие, лазающие или просто блуждающие по широким листьям нижнего яруса джунглей. Среди них можно встретить самых крохотных из позвоночных животных. Одним из наиболее поразительных существ, с которыми мне приходилось сталкиваться, была маленькая листовенная жаба вида *Nectophryne afra*. Ее туловище было раскрашено в черно-белую полоску по контрасту с непропорционально крупными ярко-желтыми лапками. Сначала лапки казались мне заключенными в некую желеобразную субстанцию, и я заподозрил, что животное просто испачкалось в гниющих грибах. Однако при более тщательном осмотре эти оболочки оказались своеобразными органическими «манжетами», распространявшимися вплоть до кончиков пальцев на лапках.

Еще одним потрясением, от которого я не оправился до сих пор, была находка крупных жаб в водных резервуарах, расположенных в сотне футов над землей, на деревьях в джунглях Южной Америки. Эти жабы не принадлежат к лазающей разновидности и, в сущности, так же не могут подняться вверх по крутому склону, как и наши обычные жабы. Мы пытались заставить их подняться вверх по пологим ветвям, но они сразу же падали; тем не менее они каким-то чудом находились на вершине гигантских лесных деревьев, растущих вертикально, причем некоторые даже не были опутаны лианами. Сначала мы выследили жаб по характерному рокочущему звуку, доносившемуся по вечерам из листовенного полога. Их можно было склонить к продолжению концерта, колотя по стволу толстой веткой или кувалдой. Я не знаю, как эти существа попали туда; могу лишь предположить, что они проводят все время наверху, и их икринки время от времени попадают из одного водного резервуара в другой. Мы не нашли представителей этого вида на земле в ближайших окрестностях, хотя известно, что в других местах они ведут совершенно нормальную «жабью жизнь».

Вода в джунглях кишит малыми формами жизни, включая ракообразных, моллюсков, червей и других малюток. Но особое внимание привлекают крупные существа, приходящие к водоему для питья или купания. Одна гигантская выдра в Южной Америке живет в небольших водоемах под лиственным пологом, а ночью выходит на болота или к берегу крупной реки, чтобы поохотиться. Это крупное изящное животное почти так же хорошо приспособлено к водной среде, как морской котик.

Глава двадцать вторая ЖИЗНЬ В ДЖУНГЛЯХ

Одним из мест в джунглях, где жизнь кипит постоянно, является миниатюрный мир палой листвы и плесени на лесном грунте. Этот мир образует основу почти всей наземной жизни, так как большинство его обитателей либо плотоядны в самом широком смысле этого слова, либо являются некрофагами.

Крупные травоядные животные здесь встречаются гораздо реже и менее разнообразны, чем за пределами джунглей. Причина очень проста: для них здесь слишком мало пищи. Лесные слоны, разумеется, ощипывают молодые побеги и могут дотягиваться до высокой листвы, но даже локсодонт африканских джунглей предпочитает кормиться снаружи.

Это не означает, что в джунглях нет крупных травоядных млекопитающих. Если обратиться к копытным, то следует упомянуть о носорогах на Малайе, в Бирме и Суматре. Это настоящие животные джунглей, хотя им приходится держаться поблизости от речных русел. То же самое относится к азиатскому тапиру, хотя он про-

водит много времени в реках и прибрежных зарослях кустарника, куда проникает солнечный свет. Американские тапиры еще теснее льнут к речным берегам. Африканские гиппопотамы являются речными жителями; карликовые гиппопотамы обитают преимущественно на болотах. Хотя по ночам они выходят пастись, но не углубляются в джунгли, предпочитая открытую местность.

Наиболее типичными из копытных обитателей джунглей являются дикие свиньи и их родственники — пекари Центральной и Южной Америки. Эти животные более или менее всеядны: они не брезгуют мелкой живой пищей, выкапывают корни, пожирают падаль, но главную часть их рациона все же составляют перезревшие фрукты. В Африке обитают огромная лесная свинья и так называемая красная речная свинья — существо нелепого вида с очень короткими ногами, покрытое ярко-оранжевой щетиной, с белой гривой и длинными кисточками на ушах. В Азии существует несколько видов диких свиней — от самой крупной (*Sus barbarus gargantua*) на Борнео, до самой маленькой (*Sus salvanis*) в Сиккиме, Бутане и Непале. Многие из этих свиней, включая гротескную бабирусу с Целебеса, постоянно живут в джунглях.

Другая ниша в джунглях заполнена разновидностями небольших оленей: в Южной Америке это болотные олени; в Азии это маленькие олени мунтжаки (*Muntiacus gen*). В Африке их эквивалентом являются дукеры — миниатюрные вилорогие антилопы. Самый крупный вид, голубой дукер, наполовину меньше взрослого осла, самый маленький — не крупнее пуделя. В Либерии есть один замечательный вид, окрашенный в полоску, наподобие зебры. Эти маленькие копытные являются главной добычей негритянских охотников. В Африке есть и крупные антилопы, обитающие в джунглях: бушбэби и прекрасные антилопы бонго. Там можно обнаружить и крупнейшего из всех травоядных, живущих в тропиче-

ском дождевом лесу, если не считать слонов: это лесной жираф, или окапи.

В тропической Америке обитают гигантские грызуны: капибара, пака и агути, заполняющие нишу, занятую дукерами в Африке. Они обнаруживают сходство в повадках и даже во внешнем облике с другой небольшой группой очень странных маленьких копытных, так называемых водяных оленьков, которых еще можно найти в джунглях Азии. Общее сходство между американской пакой и оленьком из Западной Африки весьма поразительно.

Список выглядит впечатляюще, но по сравнению с бесчисленными видами оленей и антилоп, обитающих в других растительных зонах, он довольно скуден. В джунглях нет представителей семейства коз и овец, а из бычьих там можно встретить лишь маленького африканского бушкоу и быка тамаро на Филиппинах.

Малая фауна на нижнем ярусе джунглей почти целиком ночная, вплоть до насекомых. Если вы терпеливо лежите на одеяле, по мере возможности защитившись от муравьев, то в конце концов сможете наблюдать этот мир за работой и игрой. Не вдаваясь в подробности, я скажу, что среди существ, которых вы увидите, будут преобладать плоские черви, улитки, мелкие грызуны, отдельные змеи и некоторые из ночных млекопитающих, а также, в зависимости от страны, где вы находитесь, — мангусты, пака, агути и разные виды муравьедов. Изредка может проползти черепаха. Опять-таки очень заметны жабы и лягушки. Скорпионы, тысячножки и некоторые пауки охотятся по ночам.

Еще одной формой жизни, глубоко интересующей меня, являются опилиониды, которых иногда называют «сенокосцами», кишашие на земле и появляющиеся в самых разных обличьях. Наблюдая за тем, как они бегают на своих нелепых ходульных ногах, которыми владеют с такой ловкостью, что могут даже выдернуть одну ногу из жвала муравья, прежде чем тот успеет опомниться, я все-

гда испытывал абсурдное чувство, будто они изобретены Уолтом Диснеем. Это очень забавные существа; один ученый заявил, что «приручил» пойманные экземпляры реагировать на призыв к пище и воде. Однажды мы отвалили огромный кусок гнилой коры, лежавший на земле, и обнаружили яму глубиной около фута и шириной два на четыре фута, заполненную сплошной массой одного из видов этих насекомых. Не могу понять, как им вообще удастся такая «плотнейшая упаковка»: ведь их необычайно длинные хрупкие ноги ломаются от малейшего прикосновения. Зачем они это делают, тоже неизвестно — возможно, это разновидность спячки или другого периода отдыха.

Хочу еще раз упомянуть о плоских червях, или планариях. Вы медленно идете по лесу и светите фонариком перед собой, пытаетесь различить тускло окрашенные формы жизни на земле и у основания древесных стволов, как вдруг перед вами возникает нечто похожее на блестящее копьё, нарисованное художником-сюрреалистом. Существо едва заметно движется по бревну или по стволу дерева, иногда поднимая заостренный передний конец и помахивая им в воздухе. Я видел плоских червей великолепных расцветок и с такими невероятно красивыми узорами, что просто нет слов для описания. Мне несколько раз приходилось сожалеть об отсутствии профессиональной аппаратуры для цветного фотографирования по ночам. Ни один из ученых, которым я передавал заботливо сохраненные экземпляры (как я уже говорил, ленточные черви моментально распадаются на части, если не обращаться с ними с особенной осторожностью), не поверил в достоверность моих цветных набросков. Один червь, обнаруженный в Центральной Америке, был окрашен в яркий лютиково-желтый, мандариново-оранжевый и розовый цвета. По его спинке шли две угольно-черные полосы, а бока испускали люминесцирующее голубое сияние. Разумеется, вся эта красота пропала, когда существо было законсервировано

в жидкости. Зачем этим кротким созданиям понадобилось такое великолепие, если они обычно передвигаются по ночам? На них никто не нападает, так как они выделяют различные едкие вещества, отпугивающие даже муравьев.

Маленькие млекопитающие, живущие под листовым пологом, еще более очаровательны, хотя кто может поверить в существование очаровательной крысы? Все они деловито бегают вокруг, пробуют то одно, то другое, роют норы и охотятся на насекомых. Но вместе с тем они уделяют много времени играм — иначе я не могу назвать это занятие. Игры можно видеть у крошечных мышей, гигантских прыгающих крыс, чешуйчатых муравьедов, или панголинов, у мангустов, циветт и даже у крупных кошек. Самой безумной вещью, которую я когда-либо наблюдал в ночных джунглях, была некая разновидность брачного танца, исполняемая тремя огромными бескрылыми птицами — казуарами в джунглях Новой Гвинеи. Меня учили, что эти птицы живут в кустарнике и на открытых пространствах саванн, поэтому вы можете представить мое удивление. Когда они пустились в диковатый пляс под лучом моего фонарика, я не мог удержаться от смеха. Это так испугало их, что они замерли как вкопанные. Клянусь, я мог бы подойти ближе и потрогать их. Впрочем, на мой взгляд, все птицы глуповаты, а казуары явно не принадлежат к числу сообразительных представителей семейства пернатых.

Поднимаясь с земли на нижние этажи джунглей, мы вступаем в совершенно иной мир, но встречаемся с многими видами животных, обитающих на земле. Среди мелких существ преобладают мыши и крысы, лягушки, слизни и крабы, определенные виды змей, а также мелкие и средние млекопитающие, перечисление которых заняло бы несколько страниц. Большинство млекопитающих ведут ночной образ жизни — к примеру, дурукули, опоссумы и муравьеды в Америке; галаго, потто, мелкие древесные хищники и чешуйчатые муравьеды (панголины) в

Африке; пальмовые циветты, лори и многие другие в Азии. На средних ярусах австралийских джунглей можно встретить разнообразных млекопитающих — таких странных существ, как кускусы, и других сумчатых. И разумеется, некоторые крупные кошки, такие как ягуары в Америке, леопарды в Африке и Азии, тоже передвигаются ночью по древесным маршрутам.

Теперь перейдем к краткому обзору летучих мышей. Они составляют вторую крупную группу млекопитающих и обладают чрезвычайным видовым разнообразием. В джунглях они обитают почти везде: в дуплах деревьев, в пещерах, в раскидистых пальмовых кронах, даже на древесных стволах. Некоторые из них летают в пасмурные дни, когда свет тусклый и приглушенный. По ночам они буквально наводняют джунгли, то устремляясь к земле, то воспаряя над пологом леса в поисках насекомых. Большие летучие мыши (*Megachiroptera*) обычно остаются за пределами джунглей, но в пору созревания определенных плодов огромные стаи численностью в десятки тысяч прилетают на закате и устраивают пиршества. Хлопанье крыльев, писк и шуршание могут достигать почти оглушительной силы, а сверху на вас падает настоящий дождь из огрызков, косточек и фруктового сока. Большинство фруктоядных летучих мышей «чмокает губами» при еде: им приходится это делать, поскольку они висят головой вниз и могут захлебнуться от избытка сока. Стаю летучих мышей, очищающих дерево от плодов, можно услышать за целую милю, хотя звук плохо разносится в джунглях.

Большинство *Megachiroptera*, или настоящих фруктовых летучих мышей, не проникает глубоко в джунгли, но есть несколько видов, постоянно живущих внутри. В Африке можно встретить невероятную молотоглавую летучую мышь довольно нелепого вида (*Hypsignathus*). В австрало-азиатском регионе известен вид *Dobsonia*; в джунглях Явы и Индокитая есть сведения о существовании летучих мышей поистине огромных размеров, но у нас пока нет ни одного экземпляра.

Как и в зонах умеренного климата, в джунглях есть пещеры, которые образуются везде, где развиты мощные известняковые отложения. Некоторые из пещер, где мне приходилось бывать, поражают своей красотой. Среди них особенно замечательны пещеры на Малайе, где гигантские проходы ведут в еще более огромные залы, от которых отходят монументальные галереи, тянущиеся на многие мили. В них гнездятся миллионы летучих мышей. Другие пещеры в джунглях, представляющие особый интерес, находятся на острове Тринидад, в Венесуэле и Американской Гвиане. Там, помимо бесчисленных орд летучих мышей, можно встретить легендарных «масляных птиц», или гуахаро (*Steatornis caripensis*), гнездящихся в пещерах и вылетающих наружу лишь по ночам. Они издают пронзительные хриплые крики и питаются лишь плодами определенных пальм. В этих пещерах (как и во многих других, расположенных за пределами экваториальных джунглей) встречаются настоящие вампиры (*Desmodus* и *Diphylla*). Это действительно устрашающие существа, хотя, как и все остальные животные, они не стремятся причинить умышленный вред человеку.

Последнее замечание полностью оправдано, поскольку кровососущие летучие мыши ничем не заслужили свою мрачную репутацию. Они получают пищу, делая маленькие проколы на коже других животных двумя верхними передними зубами и впрыскивая в ранку антикоагулянт, который содержится в их слюне, а затем слизывая кровь. Звучит не слишком привлекательно, но, по-моему, это ничуть не хуже, чем копание в туше дохлого гиппопотама трехнедельной давности и пожирание его гниющих внутренностей — зрелище, которое мне однажды довелось наблюдать среди людей. Эти люди отчаянно нуждались в определенных энзимах и протеиновой пище; мыши-вампиры *должны* пить свежую кровь, поскольку их пищеварительный тракт представляет собой короткую прямую трубку и они просто не мо

гул переваривать другую пищу. Настоящая беда заключается в том, что эти животные подвержены ужасному заболеванию, известному как бешенство; более того, они могут переносить инфекцию в течение долгого времени, не умирая при этом. Поэтому во время своей, в общем-то, вполне обычной трапезы, они могут заражать других животных, включая человека. Укусы кровососущих мышей — обычное дело в местах их обитания (согласно медицинскому отчету, один мальчик на Тринидаде ночью был укушен четырнадцать раз), и таким образом, заболевание бешенством у людей представляет серьезную проблему.

Средние ярусы джунглей населены невероятным сборищем животных во всех трех главных зонах и девяти субзонах тропических дождевых лесов. Видовой состав меняется от одного места к другому, но в целом фауна обнаруживает определенное сходство. Это многочисленные насекомые, большей частью ночные, улитки, крабы и другие беспозвоночные, обитающие на стволах деревьев и в дуплах; древесные лягушки и жабы; некоторые виды змей; птицы (в основном дневные) и различные млекопитающие. Последние, за исключением некоторых крупных кошек, лазящих по деревьям, имеют скромные размеры. Многие из них могут летать: это летучие мыши, азиатские кобего и белки-летяги, африканские аномалуры и сони-летяги (*Idiurus kivuensis*). Некоторые опоссумы австрало-азиатского региона могут скользить по воздуху с помощью меховых кожистых складок между лапами, иногда протягивающимися к хвосту. Другие почти скользят — то есть совершают длинные, плавные прыжки, помогая себе цепкими конечностями и длинными пушистыми хвостами. Хорошим примером служат маленькие галаго, или африканские бушбэби. Существует также бесчисленное количество мелких кошек и циветт, муравьедов, дикобразов, древесных крыс и мышей, родственников ласки, таких как американская тайра, енотообразных существ вроде кинкажу и коати (носух) и различные виды

сумчатых. На Мадагаскаре обитают истинные лемуры, передвигающиеся по средним ярусам джунглей как днем, так и ночью.

Но разумеется, главным символом джунглей служит лиственный полог. Без этой огромной, дышащей зеленой поверхности джунгли не могли бы существовать. Жизнь в лиственном пологе настолько более заметна, шумна и экзотична, что у человека, поднимающегося туда, создается впечатление, будто она преобладает над всей сценой. Я долго думал об этом и наконец пришел к выводу, что это впечатление ошибочно. После темноты лиственный полог кажется вымершим. Там спит масса животных, но за исключением некоторых древесных лягушек и ночных змей, охотящихся на них, там почти нет движения. Когда мы жили там, то обнаружили, что по ночам можем привлекать *снизу* всевозможных насекомых, пользуясь фонариками, причем многие другие животные просыпались и проявляли любопытство. Но как только мы гасили свет, то нам не нужен был даже противомоскитный полог для защиты от насекомых, если не считать москитов. Они там всегда в изобилии, заставляя спящих обезьян постоянно и почти машинально почесываться. Замечательно лежать на теплой постели в сотне футов над землей и прислушиваться к какофонии, доносящейся снизу, хотя вокруг вас царит почти абсолютная тишина. Гул насекомых внизу звучит как тысячи водяных помп, работающих в подвале здания. Возможно, его лучше описать как гудение мощных механизмов в трюме океанского лайнера, который стоит у причала: что-то вроде тихого, ритмично пульсирующего рокота. Время от времени доносятся громкие звуки, но уверяю вас, они ничуть не напоминают те, которые можно услышать в кино. Дикие вопли, завывания и улюлюканье, якобы наполняющие джунгли днем и ночью, просто отсутствуют.

Лишь в Южной Америке вас ожидает шумный концерт, который так трогателен для моего слуха, что я могу внимать ему чуть ли не до бесконечности. Это ночная

перекличка больших обезьян ревунов. Кажется, будто полдюжины раненых ягуаров соревнуются в ярости под крышей большого, гулкого помещения. На самом деле обычно это одна-единственная бородатая обезьяна, выражающая свои чувства при помощи реверберирующего устройства величиной с гусиное яйцо, расположенного у нее в глотке. Всю ночь напролет огромные вожаки обезьяньих стай перекликаются друг с другом; когда начинает один, другие подхватывают призыв на прилегающей территории. За ними следуют новые, и постепенно эта паразитическая перекличка затихает вдали. После небольшой паузы местный вожак снова принимается за дело, и все повторяется сначала. Никто до сих пор не смог объяснить, почему обезьяны делают это, но я могу предположить, что по крайней мере в одном районе их поведение связано с атмосферными условиями. Однажды я лично наблюдал за концертом целой стаи — вы не представляете себе, что это был за рев! Дело происходило незадолго до рассвета; событие тем сильнее врезалось мне в память, что вожак стаи имел поистине невероятные размеры, какие мне не приходилось видеть ни в дикой природе, ни в музее. Он был чистым альбиносом с блестящей белой шерстью.

Как мы уже говорили, после рассвета лиственный поллог пробуждается к жизни. Многие животные начинают шевелиться еще до того, как рассеивается густой утренний туман. Это разнообразные птицы и обезьяны. Однако они не трогаются с места и ничего не предпринимают до тех пор, пока первые лучи восходящего солнца не покажутся из-за горизонта. Даже тогда они могут оставаться на своих местах, и в некоторых случаях поутру наступает почти абсолютная тишина. Здесь я могу дать голову на отсечение и согласиться с индийскими браминами и шаманами Западной Африки, утверждающими, что животные проводят это время в «молитве». Я помню одно незабываемое зрелище: огромную стаю великолепных черно-белых гверец, или обезьян колобусов, на самой вершине

раскидистой кроны лесного гиганта. Все они неподвижно сидели, обратившись лицом к восходящему солнцу, слегка наклонив головы и сложив руки на коленях. В течение нескольких минут они не издавали ни звука и никто не шевелился, за исключением нескольких юнцов, которых быстро призвали к порядку. В джунглях царила полная тишина. Не жужжали насекомые, не шелестела листва. Затем внезапно какая-то запыленная птица — возможно, пятнистая птица-носорог — испустила хриплый вопль, и весь мир пришел в движение.

С восходом солнца огромный летающий континент с лихвой возмещает тишину, царившую до тех пор. Обычно какофонию начинают попугаи, которые являются символом джунглей, как, впрочем, и всех тропических лесов. Большие макао американских тропиков просто хлопают крыльями и пронзительно кричат, но настоящие попугаи вылетают огромными стаями, почти всегда попарно, возбужденно щебеча и (по крайней мере, для нашего слуха) переговариваясь друг с другом всевозможными звуками. Попугаи восхищают меня; они кажутся одновременно веселыми и деловитыми. Во всяком случае, это необычайно живые и подвижные существа, чьи когтистые лапы позволяют подносить пищу к клюву, наподобие человека, и, следовательно, оставаться начеку во время кормежки.

За ними следуют обезьяны — верещащие, перекликающиеся и шумно прыгающие в густой листве. Далее появляются белки и другие небольшие древесные существа, такие как азиатские тупайи, связанные с нашими наиболее отдаленными предками, но весьма похожие на белок. Насекомые большей частью ждут, пока солнце не засияет в полную силу, и тогда лиственный полог наполняется почти оглушительным жужжанием и гудением. А бабочки! Наверное, это самое чудесное зрелище, но, чтобы в полной мере оценить его, вам придется подняться к вершинам леса, лучше всего — к кроне одного из гигантских эмерджентов. Бабочки, разноцветные жуки и огромные,

похожие на саранчу насекомые отряда *Orthoptera* доминируют над сценой, наполняя воздух невероятно яркими красками. Естественно, я говорю о хорошей погоде. Если день выдался пасмурный и дождливый, эти яркие орды остаются в своих укрытиях, но вместо них появляется масса других насекомых, которые сразу же начинают заниматься своими делами. Это дневные мотыльки, жесткокрылые насекомые и другие, которых просто нельзя увидеть в солнечные дни.

Пернатая жизнь в лиственном пологе часто бывает весьма впечатляющей, как по разнообразию видов, так и по количеству птиц. Джунгли иногда становятся похожими на северное болото, цветущее по весне и покрытое густым кустарником. Крошечные птицы порхают и кувыркаются в зелени; высоко в небе парят ястребы; туканы, птицы-носороги, кюрасао и всевозможные голуби носятся вокруг, как будто сама их жизнь зависит от того, успеют ли они долететь до ветки ближайшего дерева. В американских тропиках обитают колибри; в Африке их эквивалентом являются великолепные радужные нектарницы (*Nectariniidae*), а в Азии — медоеды. Но самыми красочными, несомненно, считаются райские птицы.

В ранней юности я отправился в Азию собирать животных. По прибытии в местность, которая тогда называлась Голландской Ост-Индией, я решил последовать по стопам моего школьного кумира Альфреда Рассела Уоллеса, чья книга «Малайский архипелаг» была для меня следующей после Библии. В этой книге подробно описывался его маршрут, включая названия самых маленьких поселений на каждом острове, который он посещал. Одно из названий было просто «местом» на берегу протоки на одном из островов группы Ару, который лежит в северной части Арафурского моря, между западной оконечностью Новой Гвинеи и островом Тимор. Эти знаменитые острова уникальны во многих отношениях — в частности, там есть протоки с соленой водой, протекающие прямо

через джунгли. Уоллес в течение нескольких недель жил на берегу одной из таких протоков; я обнаружил ее и даже тот дом, в котором он работал семьдесят лет назад. (Разумеется, само строение давно сгнило, но там стояла хижина с крышей из пальмовых листьев, где мне позволили поселиться.)

Уоллес описал великое сборище больших райских птиц — утром, вскоре после рассвета — на огромном дереве, стоявшем неподалеку от его жилища. В его записях не было точных сведений о времени года, но мы с моим индонезийским другом умудрились попасть туда как раз вовремя и по счастливой случайности стали свидетелями поразительного события. Десятки этих роскошных птиц собрались над нами и, распустив свои золотисто-оранжевые плюмажи, важно расхаживали, кивали и выпячивали грудь друг перед другом на голых ветвях, в то время как невзрачные самочки клевали насекомых с совершенно равнодушным видом. Я наблюдал лишь одно зрелище, сравнимое с этим по красоте.

Это случилось в Суринаме. Как-то утром мы проснулись от жуткого гвалта над головой. По мере того как рассеивался утренний туман, перед нами возникли очертания огромного дерева со скрученными серебристыми ветвями и скудной листвой, буквально кишевшего красными и синими макао, которые хлопали крыльями и качали вверх-вниз длинными хвостами. Не знаю, было ли это брачным танцем, но они продолжали свой ритуал в течение часа, поднимая гвалт, какой способны создать лишь несколько сотен попугаев в одном месте.

Насекомые в большей или меньшей степени летают круглосуточно; лягушки и млекопитающие преобладают в ночное время, а птицы — в дневное, особенно в листовенном пологе. Во мне закипает негодование, когда я сталкиваюсь с тем фактом, что не могу дать вам хотя бы карандашный набросок жизни пернатых обитателей джунглей... их слишком много, и все они прекрасны.

Я вспоминаю тех, о ком еще не упомянул — например, о скромных маленьких синаму, похожих на фазаньих курочек с отрезанными хвостами и, по-видимому, родственных гигантским бескрылым птицам вроде эму и страусов. Я думаю о стрекочущих туканах с разноцветными клювами; о мегаподах, или строителях курганов, на Целебесе; о знаменитых шалашниках Австрало-Азиатского региона; о белоногах (совиных козодоях) и их близких родственниках, обыкновенных козодоях, наполняющих лес по ночам протяжными криками и трепетом крыльев. Перед моими глазами проходит нескончаемый парад крошечных крылатых самоцветов, порхающих везде, куда проникают солнечные лучи. Не могу не упомянуть и о птицах горных джунглей. Здесь слова совершенно изменяют мне. В одном из горных сосновых лесов на Гаити (хотя это не джунгли, с какой стороны ни взглянуть) я видел птицу размером с крупного ворона, чей длинный хвост был окрашен во все цвета радуги. Она час за часом прилежно и чисто выпевала музыкальные гаммы, но ни разу не доводила дело до последней ноты. Человека, наделенного музыкальным слухом, это может довести до сумасшествия!

В густых джунглях Никарагуа мы однажды вышли к глубокому оврагу и совершенно неожиданно увидели на противоположном берегу поляну, покрытую короткой травой. Мы устроились на ночлег, но вскоре были разбужены очень странными звуками, доносившимися с другого конца оврага. Поскольку той ночью луна скрывалась за облаками, мы направили на поляну лучи мощных фонариков и увидели сотни козодоев, безмолвно взлетающих на несколько футов и снова опускавшихся на траву. Птицы исполняли какой-то танец, а может быть, просто ловили насекомых в полете. Они постоянно стрекотали в жутковатой манере, свойственной всем козодоям, а их огромные глаза в лучах фонариков сияли, как золотистые шары. Мы наблюдали за ними почти до рассвета, а потом со вздохом отправились спать.

Есть еще одна тема, которой я не уделил должного внимания: змеи, ящерицы и другие рептилии джунглей. Если полные невежды при упоминании о джунглях кричат о «львах и медведях», то частично посвященные добавляют: «Да, и всевозможные змеи». Не знаю, что хуже. В джунглях нет никаких львов, а тигры встречаются очень редко, но со змеями дела обстоят не так просто. Есть джунгли, где вообще нет змей (на некоторых островах), в других встречаются единичные экземпляры. Можно утверждать, что по количеству и видовому разнообразию змей и прочих рептилий джунгли значительно уступают большинству других типов растительности в тропиках и субтропиках, а также в пустынях и кустарниковых зонах.

Рептилий называют «холоднокровными», и большинство из них действительно греется на солнце в ясные дни. Их плотная кожа обладает водоотталкивающими свойствами, в противоположность коже амфибий, обычно впитывающей влагу. На нижнем ярусе джунглей и в почвенном слое можно найти некоторых роющих змей и ящериц, среди которых встречаются дневные бродяги, например, сцинки. Констрикторы (питоны и боа) живут либо в земляных норах, либо в дуплах деревьев. На средних ярусах есть сравнительно немногочисленные древесные змеи, иногда встречающиеся в лиственном пологе. И наконец, есть другие хищные змеи, вооруженные ядовитыми клыками, обитающие в джунглях и охотящиеся по ночам. В американских джунглях мы имеем мапипи, или желтую ямкоголовую гадюку, и ее родственников, таких как яраракусси; в Африке встречаются определенные виды ямкоголовых гадюк, а в Азии — настоящие гадюки. Однако по сравнению с другими видами животных ядовитые змеи сравнительно редки. Таким образом, я полагаю, что нам пора отправить на свалку еще один миф о джунглях.

Остаются многочисленные группы истинных обитателей джунглей, о которых мы еще не упоминали, но нельзя

закончить этот и без того слишком короткий обзор, не обратившись к самой главной из них. Все, кто слышал о человекообразных обезьянах, испытывают определенный интерес к этим существам. Когда об их существовании только-только стало известно на Западе, в наши умы впервые вкрался элемент сомнения. Даже туземные жители тех стран, где обитают человекообразные обезьяны, поглядывали на них с определенным подозрением. Они слишком похожи на нас во многих отношениях, и их нельзя произвольно считать всего лишь одной из разновидностей диких животных. Более того, их нельзя классифицировать вместе с другими обезьянами. Бесхвостые, как и мы с вами, они проявляют иные волнующие анатомические и этологические характеристики, слишком близкие к человеческим.

В некоторых древних рукописях содержатся туманные размышления о загадке так называемых «диких людей». Точно так же, как современные философы, ученые, писатели и простые обыватели в целом не имеют представления, что делать с сообщениями о снежном человеке, так и древние авторы пребывали в полном замешательстве перед сообщениями о гориллах, шимпанзе, орангутанах, сиамангах и гиббонах. Иногда шкуры этих существ появлялись в Индии, а оттуда попадали на Запад, еще прозябавший во мраке невежества. Позднее живые экземпляры орангутанов, привезенные из их родных джунглей на Борнео и Суматре, служили предметом восхищения для путешественников, торговцев и просто любопытствующих горожан. Некоторые из них попали морским путем в цивилизованную Индию. Они были подробно описаны, и эти описания просочились в классические сочинения Плиния Старшего. Еще раньше карфагеняне сообщали о крупной африканской обезьяне, которая называлась «гориллой», но, судя по описанию, представляла собой шимпанзе. Когда Поль де Шайи, изумительный маленький американец французского происхождения, впервые описал череп гориллы, обнаруженный на туземной свал-

ке в Западной Африке, а затем привез целые шкуры и скелеты, ученый мир 1860-х годов назвал его лжецом, негодяем и извратителем природы. (Это обычное отношение ко всем, кто обнаруживает нечто новое, но в его случае оно было преувеличенным, поскольку он привез *настоящие* доказательства.)

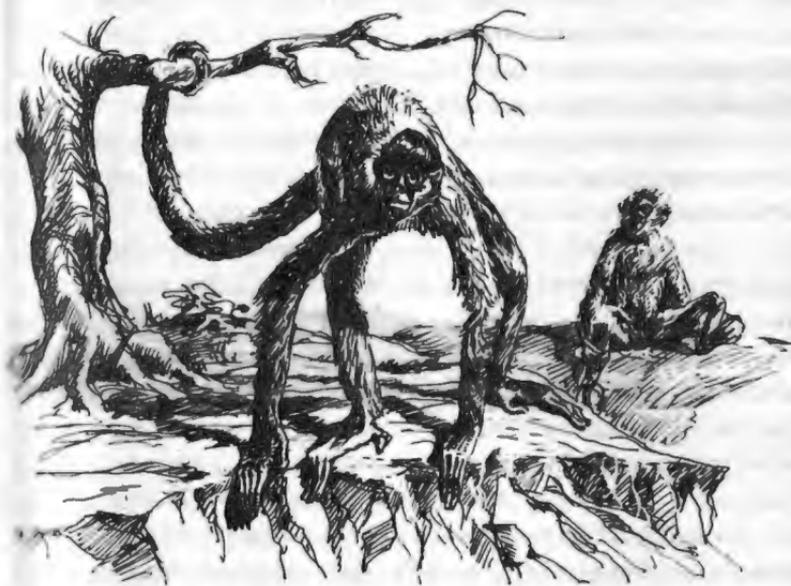
Всему миру — даже гораздо более древнему и мудрому восточному миру — понадобилось долгое время, чтобы принять факт существования больших человекообразных обезьян, и он до сих пор не оправился от потрясения. Сначала они были «волосатыми лесными людьми», потом превратились в «бесхвостых макак». Наконец бедный Чарльз Дарвин попытался прояснить положение, но его подвела неправильная формулировка. Он назвал одну из своих классических работ «Происхождение человека», хотя на самом деле хотел сказать «Восхождение к человеку». Это привело к тому, что в течение почти ста лет все пребывали в двойном замешательстве. Затем появились современные специалисты по приматам, антропологи и археологи, и мы получили превосходное родословное древо, которое доказывает, что человек имеет *общее происхождение* с обезьянами.

Теперь все снова распалось на части, поскольку на сцену вышли физиологи, доказавшие, что телесные жидкости горилл и шимпанзе, а также белых и негроидных гуманоидов имеют много общего, в то время как монголоиды, орангутаны, сиаманги и гиббоны связаны таким же образом, но резко отличаются от первой группы. Как нам следует относиться к этому? Прав ли великий доктор Карлтон Кун в своем утверждении, что генетический материал человека имеет множественное происхождение, и если да, то как далеко в прошлое мы должны углубиться, прежде чем известные ветви состыкуются друг с другом и с этими человекообразными обезьянами?

Впрочем, здесь эта тема не представляет для нас особого интереса. Гораздо интереснее тот факт, что человекообразные обезьяны являются настоящими обитателя-

ми джунглей, хотя многие из них не гнушаются жизнью в других местах. Считается, что гориллы принадлежат к двум разновидностям: горной и низменной. Но это семантическая бессмыслица, поскольку большинство последних живет исключительно в горных джунглях. Однако африканские шимпанзе ограничивают область своего обитания низменными участками и предпочитают держаться в глубине леса. Азиатские орангутаны тоже живут в лесах со сплошным лиственным покровом; они так тяжеловесны, что им приходится опускаться на нижние ветви, чтобы перебраться с одного крупного дерева на другое. Сиаманги, обитающие на Суматре и Малайе, тоже живут на деревьях тропического экваториального леса, хотя довольно часто спускаются на землю. Гиббоны, населяющие области от Восточных Гималаев до островов Индонезии, являются строго древесными животными и обитают только в лесах со сплошным лиственным покровом.

Гориллы — вовсе не кровожадные звери; они обладают добродушным нравом и питаются в основном

небольшими фруктами и овощами. Они не нападают на других существ, если те не причиняют им большого беспокойства. Если на гориллу прыгнет леопард, то крупный самец, защищаясь, может разорвать его пополам: они действительно очень сильны. Когда человек вторгается на территорию, которую горилла считает своей, она может грозно реветь и бросать ветки, но если он не проявляет намерения повернуться и убежать, то «атаки» неизбежно прекращаются, не доходя до физического контакта. Гориллы — наземные существа, передвигающиеся на четырех конечностях. Самки и малыши забираются на деревья за фруктами и обычно спят там, но старые самцы отдыхают внизу, прислонившись спиной к стволу.

У шимпанзе совершенно иной характер. Это шумные, скандальные экстрверты, способные перебраниться целыми сутками. Они тоже проводят большую часть времени на земле, но забираются на деревья чаще и охотнее, чем гориллы. Их «человеческие» черты слишком многочисленны, чтобы мы могли просто отмахнуться от них; например, они пользуются палками как орудиями для копания и сбора плодов. Один мой знакомый писал, что он обучает шимпанзе началам алгебры. Не стоит недооценивать человекообразных обезьян!

Орангутаны — довольно странные тихие существа. Следует признать, что в пассивном, задумчивом и даже бесстрастном выражении их лиц есть нечто от монголоидов, в противоположность сварливой оживленности шимпанзе и торжественной тяжеловесности горилл. Они весьма «разумны», но, боюсь, находятся в эволюционном тупике. Как долго смогут те немногие из них, кто еще остался, выжить на Борнео и Северной Суматре? Они бродят по своим любимым джунглям, лакомясь плодами фруктовых деревьев и не задерживаясь подолгу на одном месте. Их челюсти сконструированы наподобие плоскогубцев, чтобы раскусывать прочные плоды и орехи, особенно массивный дуриан, который даже сильный человек

может вскрыть лишь с помощью топора или мачете. Я нахожу их общество приятным, и те орангутаны, что жили у меня, были нежными и доверчивыми, хотя, когда дело доходит до любых антропоидных представителей противоположного пола, они могут становиться настоящими «волками».

Сиаманги (черные гиббоны) — необычные и довольно опасные человекообразные обезьяны среднего размера. Как и остальные гиббоны, они имеют чрезвычайно длинные руки, используемые для быстрого передвижения в листовенном пологе. Их пытались приручить, но они совершенно непредсказуемы, раздражительны и имеют весьма странные представления об устройстве собственной жизни. Их родственники, малые гиббоны, насчитывают пять отдельных групп. Хотя форма их тела меньше напоминает человеческую, мне кажется, что они находятся ближе всего к нам по складу ума.

Когда поднимается утренний туман, эти «дикие» существа поднимают гвалт в листовенном пологе джунглей — кувыркаясь, перелетая с ветки на ветку и восторженно вскрикивая, как акробаты на трапеции. Они живут крупными стаями и вкушают все прелести «международных» проблем и пограничных конфликтов, чем сильно напоминают людей. Но если вы хотите больше узнать об этих замечательных существах, прошу вас обратиться к опубликованным полевым исследованиям доктора К. Р. Карпентера. К этому я могу добавить лишь свой личный опыт общения с самкой серебристого гиббона, путешествовавшей со мной по Индонезии много лет назад.

Она носила пояс с прикрепленной к нему длинной легкой цепочкой. Когда мы отправлялись на прогулку в джунгли, она собирала эту цепочку в одной руке, ковыляя на задних лапах и время от времени маня меня за собой. Я звал ее Ноной — распространенное кухонно-малайское имя для красивой молодой девушки. В ее обязанности входил сбор насекомых для Британского

музея, и она достигла превосходных успехов в этой области. Забираясь на ствол упавшего дерева, она систематически продвигалась вперед, отдирая куски коры, внимательно шаря внутри и обнаруживая всевозможные замечательные экземпляры. Хватая одно насекомое, она передавала его мне и продолжала делать это до тех пор, пока я не закрывал крышку банки для сбора насекомых. Для нее это было сигналом к ленчу: она начинала ловить и поедать оставшихся насекомых *этого вида*. Если она обнаруживала другой вид, то передавала мне для изучения и терпеливо ждала. Это всегда поражало меня, но некоторые из других вещей, продельваемых ею, просто не поддаются объяснению, поэтому я не буду их обсуждать. Я и без того выдвинул достаточно спорных утверждений, для подтверждения которых у меня нет вещественных доказательств. Честно говоря, я до сих пор не могу поверить записям в своих дневниках, ведь прошло почти сорок лет.

Так что, наверное, будет лучше перейти к рассказу о людях, живущих в джунглях.

Часть пятая НАРОДЫ ДЖУНГЛЕЙ

Глава двадцать третья ПРОЩАНИЕ С ТАРЗАНОМ

Образ жизни настоящих жителей джунглей (имеются в виду те, кто действительно живет в тропическом дождевом лесу) резко отличается от жизни обитателей ближайших окраин. Кроме того, они почти всегда принадлежат к разным расовым группам, и, несмотря на определенное сходство, у меня нет сомнений, что в мире существует несколько таких групп.

Народы джунглей вряд ли изначально обитали в тропическом дождевом лесу и *не обязательно* являются более древними представителями человеческого рода, чем их соседи, которые в наши дни населяют окраины джунглей, расчищенные участки вдоль берегов рек или окружающую саванну. Однако существуют некоторые намеки на то, что жителей джунглей действительно можно считать реликтовыми представителями очень древней расы.

Все они, по сути дела, являются иммигрантами, приспособившимися к условиям новой природной среды. Некоторые из них, очевидно, отправились в джунгли еще до последнего оледенения на севере, а другие — лишь в начале христианской эры. Но откуда бы они ни пришли, сейчас это единственные люди на земле, постоянно живущие в джунглях и нигде больше.

Иными словами, джунгли — их родной дом, в отличие от других жителей тропиков, обитающих вне джунглей или на расчищенных участках внутри. Это имеет важное значение, поскольку если вы в биологическом или экологическом смысле принадлежите к определенной среде, то должны адаптироваться к ней. Это справедливо для горцев, жителей пустынь, да и для всех остальных людей, независимо от общественного развития. Таким образом, мы ведем речь лишь о тех немногочисленных группах людей, действительно *живущих* в джунглях, в близком родстве и гармонии с ними. Они не нарушают природное равновесие в попытке изменить среду обитания — выжигая или вырубая деревья. Они мирно сосуществуют с джунглями.

Происхождение народов, совершивших этот замечательный подвиг, составляет часть тайны, все еще окружающей «происхождение человека» — загадку, которую Дарвин так и не смог решить, хотя и дал ей новое направление. Мы по-прежнему не знаем, как долго человечество существует на земле, и ученые продолжают спорить о том, могут ли некоторые из наиболее ранних археологических находок считаться человеческими останками. Более того, мы должны отказаться от старой удобной теории — удобной, поскольку она вроде бы давала всему четкое объяснение, — что люди произошли от обезьян в джунглях. Согласно этой теории, человек спустился с деревьев и стал жить на земле, постепенно утрачивая первоначальное сходство с обезьянами, а затем его потомки расселились по всему свету. Но фактически наиболее древние ископаемые останки человекообразных существ были обнаружены отнюдь не в джунглях. Судя по

всему, ранние гоминиды старались держаться от джунглей как можно дальше.

Мы также не можем считать, что та или иная ветвь человечества ведет свое происхождение от человекообразных обезьян. Семейные древа обезьян (понгиды) и людей (гоминиды) разделились миллионы лет назад, хотя оба они принадлежат к антропоидной группе приматов, что означает «высшие», или к млекопитающим высшего порядка.

Старые представления о том, что обычные обезьяны дали начало человекообразным обезьянам, от которых, в свою очередь, произошли обезьяно-люди (неандертальцы), а затем современные люди, более не выдерживает критики. Сегодня картина выглядит совсем по-другому. Похоже на то, что первоначальные гоминиды были наземными приматами, научившимися бегать на двух задних конечностях, в то время как бесхвостые обезьяны вели древесный образ жизни. Затем некоторые гоминиды углубились в леса, или были вытеснены туда, и адаптировались к новой среде обитания. Они либо с самого начала были малорослыми, либо уменьшились в размерах с течением времени — опять-таки в соответствии с новой обстановкой. Последнее кажется наиболее вероятным, поскольку негроиды, кавказоиды, монголоиды, американские индейцы и даже папуасы во многом отличаются от лесных жителей, которых мы называем «пигмеями».

Пигмеи действительно обладают рядом физиологических характеристик и даже некоторыми анатомическими особенностями, отличающими их от остальных человеческих рас. То, что южноафриканские бушмены и австралийские аборигены (хотя ни те ни другие не живут в джунглях) демонстрируют такие отличия, больше не подвергается сомнению. Являются ли низкорослые африканские негрилли¹, азиатские негритосы, а возможно, и пигмси племени тапирос с Новой Гвинеи реликтами раннего

¹ Карликовые негры, африканские пигмеи (*этногр.*).

ответвления от фамильного древа человечества? Никто не знает, что делать с Призраками Желтых Листьев, обитающими на Индокитайском полуострове, и совершенно ясно, что карликовые индейцы Центральной и Южной Америки являются потомками великой монголоидной расы. С другой стороны, мы сталкиваемся с загадкой еще более примитивных лесных народов, таких как *санту-сакай* на Малайском полуострове и *ниттео* на Цейлоне.

Иными словами, научная проблема в наши дни заключается не столько в том, чтобы отделить людей от обезьян, сколько в том, чтобы отделить людей друг от друга.

Все это имеет прямое отношение к дискуссии о народах джунглей. С давних пор существует тенденция рассматривать их скорее как «низшую расу», чем как иной подвид *Homo Sapiens*. Таких взглядов придерживаются многие из их соседей, особенно африканские негры и монголоидные народы, обитающие на окраинах азиатских джунглей. Подобное отношение было следствием чувства превосходства со стороны негров и монголоидов, так как они обычно были крупнее и, уж во всяком случае, агрессивнее. Они научились возделывать почву, одомашнили некоторых животных, имели гораздо более эффективные инструменты и оружие.

Но в первую очередь чувство превосходства проистекало из осознания того факта, что они загнали своих менее развитых соперников в глубины тропического леса. Возможно, они обладали комплексом «верховой расы», заимствованным белым человеком тысячелетия спустя.

Что касается низкорослых людей, то они отступили в джунгли с целью выжить и избежать порабощения. Их способность не только выживать, но и процветать там, куда более высокоразвитые народы боялись совать нос, поразительна и заслуживает всяческого уважения. Действительно, их прогресс на долгое время остановился — по крайней мере, по нашим стандартам. Они стали еще более низкорослыми, но не утратили ни выносливости, ни мышечной силы. Они вернулись к более примитивным орудиям и оружию; если они когда-то умели обрабаты-

вать камень и металл, большинство из них забыло прежние навыки и полностью перешло на дерево.

Настоящих жителей джунглей можно найти во всех главных зонах, покрытых тропическим экваториальным лесом. Многие племена еще не известны, если судить по тому факту, что те, с которыми мы впервые познакомились за последние годы, живут в огромных лесах, занимающих многие тысячи квадратных миль и по-прежнему остающихся совершенно нетронутыми и неисследованными. Мифы, фольклорные истории и легенды, повествующие о таинственных лесных народах, вряд ли можно считать веским доказательством, но вызывает удивление, как часто похожие истории, над которыми посмеивались ученые, на поверку оказывались правдой.

В каждой из трех основных зон джунглей — американской, африканской и азиатской — мы обнаруживаем свои группы коренных жителей. Эта красивая схема может быть нарушена будущими открытиями, но есть все основания полагать, что новые племена окажутся родственными тем, которые нам уже известны.

Туземцы американских джунглей почти несомненно являются потомками народов, мигрировавших в Новый Свет через Берингов пролив. Эти ранние мигранты принадлежали преимущественно к монголоидной расе. По меркам расовой эволюции, они поселились в джунглях сравнительно недавно, поэтому в биологическом отношении они очень похожи на своих соседей, американских индейцев. Их рост, пропорции лица и черепа, а также другие физиологические характеристики не дают оснований выделять их в отдельную группу. Таким образом, в Южной и Центральной Америке, в отличие от некоторых районов Старого Света, «расы джунглей» не существует; есть лишь обитатели джунглей.

Хотя они не обладают расовыми характеристиками коренных народов джунглей, тропический экваториальный лес оказал глубокое влияние на их культуру. Она подразделяется на два вида, основанных на разных методах добычи пропитания в суровых условиях джунглей. Первый

метод называется подсечно-огневым земледелием. Это очень примитивный вид сельскохозяйственной деятельности, приспособленный для жизни в джунглях. Он работает так: все трудоспособное население небольшой общины расчищает небольшой участок в джунглях. Стволы деревьев и другая мертвая растительность сжигается. Затем среди пней и обгоревших бревен высаживаются посевы.

Труд бесконечен, так как старые участки быстро зарастают, и приходится постоянно расчищать новые. Тропические ливни, не задерживаемые листовым пологом, стремительно истощают почву, лишая ее питательных веществ. После нескольких урожаев посадки оставляются на волю джунглей. Каждый раз при расчистке нового участка необходимо уходить все дальше от деревни. Когда расстояние наконец становится слишком большим, вся деревня переселяется на новое место.

Таким образом, земледельческие сообщества в джунглях постоянно перемещаются в соответствии с доступностью новых территорий. Это полукочевой образ жизни в джунглях обуславливает весьма примитивный уровень общества. Даже когда урожай обилен и подкреплен добычей охотников и рыболовов, еды никогда не бывает вдоволь. По этой причине общины редко насчитывают более двухсот человек, среди которых существуют лишь незначительные различия в богатстве и общественном положении. Жизнь в этих деревнях сравнительно проста. Почти все физические усилия человека направляются на выполнение несложных экономических задач. Однако здесь есть одно важное исключение: военное дело.

До умиротворения разведанных участков джунглей военные стычки и «охота за головами» были обычным делом. Причинами войн были не территориальные разногласия или покорение соседних племен, но месть за воображаемые обиды и захват пленников для каннибальских ритуалов. К примеру, у эквадорских индейцев племени дживаро охота за головами мотивировалась желанием отомстить своим врагам. Добыча головы противника была для воина признаком доблести и наилучшим способом

оскорбить вражеское племя. Когда воин получал долгожданный трофей, он удалял кожу, очищал череп и многократно погружал его в горячий песок, чтобы голова сохла. В законченном виде трофей приносил ему великую славу среди соплеменников.

Второй способ добычи пропитания в тропическом лесу еще проще, чем подсечно-огневое земледелие. Охотники и собиратели диких животных и растений живут в тех районах джунглей, которые по тем или иным причинам не годятся для подсечно-огневого земледелия — к примеру, в Восточной Бразилии и отдельных участках в

верховьях бассейна Амазонки. Они кочевники, живущие небольшими обособленными группами, каждая из которых бродит по своему участку тропического леса. О них известно немного, так как они живут в недоступных местах, вдалеке от судоходных рек. Тем не менее одно племя охотников и собирателей хорошо изучено: это индейцы сирионо, живущие в Восточной Бразилии.

Этих индейцев исследовал Алан Холмберг — антрополог, живший с ними в течение года и написавший о них книгу под названием «Кочевники длинного лука». Он обнаружил, что в отличие от некоторых воинственных земледельческих племен, о которых мы упоминали, кочевники сирионо дружелюбны и вполне безобидны. Пока Холмберг разыскивал в джунглях часть племени, еще не входившую в контакт с белым человеком, ему приходилось добывать дичь с помощью лука и стрел, чтобы не испугать туземцев выстрелами из огнестрельного оружия. Когда он наконец обнаружил индейцев, они отдыхали в общей хижине. Раздевшись, чтобы не возбуждать подозрений, Холмберг и его проводник вошли в хижину и предложили им корзину с мясом в качестве мирного жеста, прежде чем те успели похватать свое оружие или убежать. Индейцы сразу же проявили интерес к пище и конце концов позволили антропологу остаться с ними и изучать их образ жизни.

Индейцы сирионо проводят большую часть времени, блуждая по лесу в поисках дичи и съедобных диких растений, а также занимаются рыбалкой. Когда они переходят с одного временного лагеря на другой, то несут с собой все свои пожитки, включающие лишь гамаки, оружие и несколько примитивных орудий. Они не носят никакой одежды, но раскрашивают свои тела и приклеивают перья к волосам. Обычно они охотятся и рыбачат в одиночку, реже парами. Когда охотники возвращаются в лагерь, они могут помочь женщинам построить простую конструкцию из шестов, покрытую листьями — убежище, почти не защищающее от дождя и укусов насекомых. Поскольку в сезон дождей ливни идут два-три раза в неделю, а моски

ты и мошки водятся в неисчислимом количестве, индейцы сирионо едва ли живут в тропическом раю. Их благополучие часто оказывается под угрозой, так как добыча не слишком обильна и еды далеко не всегда хватает на всех.

Угроза голода усиливается из-за того, что сирионо не имеют эффективных способов сохранения пищи на срок более двух-трех дней. По этой причине они никогда не утруждают себя охотой, если не испытывают насущной потребности в пище. В качестве примера Холмберг приводит одного индейца, поймавшего восемь крупных речных черепах. Этих животных можно держать живыми примерно неделю и употреблять в пищу по мере необходимости. Удачливый охотник привязал пойманных черепах и редко вылезал из своего гамака в следующие несколько дней, пока он и члены его семьи не доели последнюю черепаху.

Экономика сирионо крайне проста и поддерживает лишь небольшую группу людей с рыхлой организацией, которая во времена неурядиц или стихийных бедствий может распадаться на отдельные семьи. Их религиозные представления весьма примитивны. Холмберг обнаружил, что они утратили даже искусство добычи огня. Женщины носят головешки от одного лагеря к другому, заботливо укрывая их от воды во время дождя или при переправе через реку. Как-то раз небольшая группа индейцев голодала, несмотря на обильную добычу, потому что у них не было огня; их спасла лишь встреча с родичами, у которых имелся разведенный костер.

Несмотря на свою неискушенность, индейцы Южной и Центральной Америки, которые занимаются подсечно-огневым земледелием, находятся на более высокой ступени развития, чем кочевые охотники и собиратели. Впрочем, обе культуры с равным успехом адаптировались к жизни в своей природной среде. Земледельцы живут в постоянно перемещающихся поселениях — в основном потому, что оседлое земледелие невозможно в условиях джунглей. Кочевые охотники и собиратели не могут зани-

маться земледелием, так как места их обитания не в состоянии обеспечить даже скудного урожая. Индейцы сирионо, к примеру, живут в местности, слишком заболоченной для подсечно-огневого земледелия.

В расовом отношении туземные народы американских джунглей не отличаются от своих более цивилизованных соседей. Таким образом, раса и культура — совершенно различные явления. Доведись нам родиться в другом месте, мы бы тоже могли жить, как индейцы сирионо в боливийских джунглях, где суровые условия вынуждают людей вести примитивный образ жизни.

Однако нынешнюю картину нельзя назвать полной. Джунгли Южной Америки огромны, и очень может быть, что в один прекрасный день мы встретимся с туземцами, о которых до сих пор ничего не знаем. В Британской Гвиане с моим другом Фредом Салазаром и тремя его спутниками произошел любопытный случай. В индейской деревне они увидели сидевшего на корточках темнокожего молчаливого человека, настолько не похожего на любого из местных жителей, что Фред поинтересовался, откуда тот пришел. Линия волос незнакомца начиналась очень низко, почти над бровями; его глаза были маленькими и сидели очень близко; руки и ноги были покрыты черными волосами, резко контрастировавшими с гладкой медной кожей индейцев. И наконец, он сидел на корточках, в то время как местные индейцы сидели на ягодицах, вытянув ноги перед собой.

Когда Фред осведомился, что это за человек, ему деловито ответили, что это один из лесных жителей. Время от времени они приходили для торговли и, очевидно, считались низшими существами, которых следует опасаться. Фреду и его спутникам посоветовали избегать тех мест, где жило племя этого человека.

В джунглях Центральной и Южной Америки преобладает такая же картина. Существуют туземные народы, которые в большей или меньшей степени уже несколько поколений находятся в контакте с цивилизованным миром, но есть и другие, о которых мы время от времени узнаем

от местных жителей. Но на огромной площади (грубо говоря, около семи миллионов квадратных миль), без сомнения, обитает множество неизвестных племен. Леса, окружающие деревни первобытных земледельцев, служат убежищем для еще более примитивных народностей, которые так редко показываются на глаза, что само их существование подвергается сомнению. Вероятно, мы сможем больше узнать о них в результате протекционистской политики, проводимой некоторыми правительствами Южной Америки. Торговля резиной больше не имеет такого важного значения, как в прежние времена, а следовательно, нет и экономической необходимости в эксплуатации несчастных индейцев. В некоторых государствах, например, в Бразилии, образованы резервации, где индейцев никто не беспокоит. Такая защита может оказаться неоценимой для будущих исследований.

Типичным примером обитателей джунглей служат пигмеи округа Уеле в Африканском Конго. Этот замечательный народ, о котором много писали, привлекавший огромное внимание туристов до того, как страна приобрела независимость, пользовался такой широкой известностью, что в обществе сложилось мнение, будто это *единственные* настоящие пигмеи. Разумеется, это глубоко ошибочное мнение.

Во-первых, существуют довольно многочисленные группы низкорослых людей, хорошо известные и подробно описанные в официальных и научных документах. В Африке они живут повсюду, где есть тропический экваториальный лес со сплошным листовым покровом. Прежде всего это широкая лесистая полоса вдоль северной оконечности бассейна реки Конго в округах Убанги, Шари и Чад на территории современной Республики Конго. Во-вторых, это еще более значительные участки тропического леса в Камеруне и Габоне, где обитают туземцы, чей рост и сложение очень напоминает пигмеев округа Уеле. Возможно, они происходят от одного корня, но этот район так слабо изучен, что о них практически ничего не известно.

Но это не все. Судя по этнологическим, антропологическим и даже археологическим свидетельствам, приземистые желтокожие люди, которых Кун называет представителями капской расы, некогда населяли всю Африку к северу от лесных массивов. Возможно, они даже были распространены по всему континенту. Со временем они были либо уничтожены, либо отброшены на юг представителями кавказоидной и негроидной рас, вторгавшимися с севера и востока. Остатки капской расы ныне представлены племенами бушменов. Они были художниками, занимавшимися росписью и резьбой по камню в пещерах и скалистых укрытиях. Насколько известно, они вымерли, за исключением небольших групп в пустыне Калахари в Южной Африке. Но может быть... и это большое «может быть».

В 1932 году, когда я посещал племя акунакуна на реке Кросс, отделявшей Нигерию от бывшего Британского Камеруна на востоке, со мной произошел один поразительный случай. Мы находились на восточной стороне реки. Центром племени была крупная деревня, которую можно было даже назвать поселком, населенная приветливыми и общительными жителями. После встречи с главным и второстепенными вождями и обустройства нашей экспедиции, насчитывавшей не менее ста человек, мы пригласили жителей деревни на большое празднество с тремя ансамблями местных барабанщиков, раздачей подарков молодежи, всеобщим весельем и обильной едой для остальных. В назначенное время общество собралось на центральной лужайке размером с футбольное поле, поросшей короткой травой. Вождь и его свита выглядели очень впечатляюще. Мы обменялись мимбо (пальмовым вином) и нашими последними припасами виски. Торжество началось, но вскоре я заметил нечто, весьма озадачившее меня.

Все мужчины племени — превосходные представители негроидной расы — собрались вместе, образуя одну большую группу, а их женщины и дети стояли в сторонке, как требовал обычай. Но с другой стороны, далеко справа от

них и совершенно отдельно находилась группа низкорослых широкоплечих мужчин с кожей желтовато-коричневого оттенка, «мышинными» усами, раскосыми глазами, высокими скулами и выпирающими челюстями. В отличие от негров, у них губы не были выворочены наружу. Еще немного правее, в тени больших деревьев, стояли женщины и дети еще меньшего роста со светло-желтой кожей. У каждого из них, без исключения, была выражена стеатопигия — или, проще говоря, чрезмерно развитые ягодицы. Наверное, мне следует объяснить, что эта физическая особенность, наряду с желтоватой кожей, раскосыми глазами и высокими скулами, характерна для бушменов, чьи наиболее чистокровные представители тоже обладают не вывороченными наружу губами.

«Кто эти люди?» — спросил я у вождя. После того как я в десятый раз объяснил ему, что мы не имеем отношения к правительственным чиновникам, он посмотрел мне в глаза и сказал следующее: «Это люди-рабы».

Рабство, разумеется, находилось под запретом — отсюда и беспокойство вождя по поводу нашего официального статуса. Тем не менее я обнаружил, что рабство (или скорее крепостная зависимость) так и не было ликвидировано до конца. Это не означает «порабощения» в прямом смысле слова, но низкорослые люди служили своим хозяевам точно так же, как это происходило с пигмеями округа Уеле. Им под страхом смерти не разрешалось жениться или вступать в близкую связь с «хозяевами» или членами их семей. Они рубили дрова и носили воду. Но больше всего меня поразил тот факт, что они жили не в деревне, а в окрестных джунглях, имели собственные обычаи, охотились для своих «хозяев» и получали взамен другую еду или предметы обихода. И они явно были бушменами, или представителями капской расы, что мог видеть любой человек, обладавший хотя бы незначительными познаниями в области физической антропологии, а ювсе не банту или суданцами, как их соседи.

Сколько других групп или племен так называемых пигмеев в лесах тропической Африки являются реликта-

ми этой прото-негроидной расы? Или же они происходят от основного негроидного корня? Кого можно назвать действительно первобытными людьми, с более древним происхождением? И наконец, существуют ли настоящие прото-гоминиды или даже австралопитеки (см. главу 27)? Этот вопрос всегда интересовал меня — возможно, потому, что я видел одного собственными глазами, но еще и потому, что он тесно связан с многочисленными теориями и открытиями последних лет. Не знаю, согласятся ли со мной антропологи, но я полагаю, что обширное и тщательное исследование племен Западной Африки может вывести на свет некоторые следы этого субстрата первобытных народов, до сих пор живущих в джунглях. Принадлежат ли маленькие люди, о которых писал Гомер, к одному из племен пигмеев? Многие из последующих высказываний по этому поводу были не менее забавны, хотя и не так красноречивы. Можно сомневаться, что они действительно воевали с журавлями, но древние греки предполагали достаточной информацией, чтобы поэт мог сказать в «Илиаде»:

...Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям...

На самом деле пигмеи опасались скорее негров, чем журавлей, и спасались от них в джунглях. Эти маленькие люди называются *негрилли* в Африке и *негритосами* в Азии, так как ранние европейские исследователи считали их «карликовыми неграми». Впрочем, большинство других исследователей придерживалось такого же мнения вплоть до недавнего времени.

Теперь есть все основания полагать, что так называемые негры на самом деле являются результатом позднейшего, а не самого раннего развития вида *Homo Sapiens*. Они меньше похожи на обезьян, чем «белые люди». В самом деле, кто видел человекообразную обезьяну или бе

лого человека с вывороченными губами и курчавыми волосами?

По-видимому, высокие шоколадно-коричневые люди появились в Северной Африке незадолго до начала исторической эпохи в развитии человечества. В следующие несколько тысячелетий они распространились по всей Африке и достигли южной оконечности континента сухопутным путем, почти одновременно с белыми мореплавателями XV века. Однако сначала племена восточных негров смешались с соседними кавказоидными народами, в результате чего появились банту и народности хамитской группы.

По мере того как первоначальные негры (технический термин — суданцы) продвигались на запад, они встречались с низкорослыми представителями капской расы, или бушменами, со значительно более светлой кожей, менее искусными в военном деле и ничего не знавшими о сельском хозяйстве. Воинственные негры уничтожали маленьких людей, обращали их в рабство или загоняли в джунгли, куда сами редко заходят до сих пор, разве что с целью охоты.

Сомнительно, что до своего вынужденного отступления в джунгли пигмеи обладали техническими и парapsихологическими навыками, позволяющими им сегодня процветать там, где не могут выжить другие народы. Любые сельскохозяйственные знания или навыки обработки металлов, которыми эти маленькие люди могли обладать до появления негров, явно были утрачены. Они научились есть то, что могли убить или собрать в джунглях, пользоваться богатым разнообразием растений и животных. Никогда не остающиеся подолгу на одном месте — любая пигмейская женщина может за несколько часов построить дом для своей семьи, — негрилли являются кочевниками, причем более мобильными, чем племена, использующие тягловый скот для транспортировки грузов. Они неохотно и лишь на короткое время покидают джунгли, хотя следует признать, что сейчас эти интервалы становятся более продолжительными. Как и всех

остальных, их привлекают современные искушения и «удобства».

Численность обитателей джунглей не поддается точной оценке. Некоторые авторитетные специалисты утверждают, что в Африке их около ста тысяч. С другой стороны, высказывается мнение, что в джунглях Африки существует от трех до пяти тысяч *бамбути* (родовое название для всех африканских негрилли). Та же самая статистическая неопределенность проявляется в отношении американских и азиатских племен, живущих в джунглях. В конце концов, едва ли возможно провести перепись среди народов, в чьем существовании вы даже не уверены, не говоря уже о заполнении анкет и социальном учете. Их собственные оценки вряд ли могут представлять практическую ценность, а сообщения от тех племен, которые живут рядом с ними и служат нашим главным источником информации, еще менее достоверны. Отношение этих людей к жителям джунглей неизменно окрашено их отношением к тропическому дождевому лесу.

Для негра джунгли полны ужасов и злых духов, которых он наделяет чудовищными качествами. С другой стороны, для пигмея джунгли являются источником всех жизненных благ: они дают ему кров, еду, питье и развлечения, но прежде всего обеспечивают его безопасность. И так по всему миру: народы, живущие по соседству с джунглями, сторонятся их из-за страхов и предрассудков, а обитатели джунглей любят их и называют своим домом.

Судя по всему, негры утратили не только навыки выживания в джунглях, но и способность приобрести эти навыки. Они приспособлены к джунглям не лучше, чем любой горожанин, и, подобно ему, могут умереть от голода, если останутся там в одиночестве. Одаренный писатель и этнолог доктор Колин Тернбулл замечает, что, по мнению пигмеев, негры слишком велики и неуклюжи, чтобы жить в джунглях. Они не могут находить фрукты и орехи, не отличают съедобного от несъедобного. Они боятся всевозможных животных — змей, крупных кошек, слонов и жалящих насекомых, — которых пигмеи попро

сту игнорируют или избегают. Поэтому они придумали множество ужасных историй о злобных тварях и опасностях, подстерегающих путешественника в джунглях. Такое отношение характерно как для африканских негров, так и для азиатов, и оно неизбежно передалось белому человеку.

В результате, как отмечали многие наблюдатели, матери семейств в деревнях на окраине джунглей никогда не боятся, что их дети могут уйти в лес из любопытства или даже по ошибке. К тому времени, когда ребенок начинает ходить, в его сознании глубоко укореняется страх перед лесом.

Том Харрисон, внимательно изучавший нравы и обычаи этих людей, в своей книге «Дикая цивилизация» замечает, что жители деревень на Новых Гебридах позволяют своим детям делать все, что им хочется, пока те остаются рядом с домом. «Тому есть лишь одно объяснение — страх перед лесом, — добавляет Харрисон. — Ребенка учат бояться *интумбулу*, длинноволосых бледнокожих людей, живущих в пещерах или среди баньяновых стволов; они выходят наружу только в дождливую погоду и крадут плоды капустных пальм или пронзают людей своими невероятно длинными ногтями».

В течение многих веков иностранцы знали о лесных жителях лишь то, что рассказывали их соседи. Поскольку большинство рассказов изобиловало ужасами и небылицами, нетрудно было прийти к выводу, что «люди джунглей» являются плодом первобытного воображения. Отсюда и то упорство, с которым научные цитадели Европы и Америки еще восемьдесят лет назад настаивали на полном отсутствии пигмеев на островах Дальнего Востока.

Вообще-то, многих жителей джунглей нельзя отнести к настоящим пигмеям, хотя они имеют довольно небольшой рост. Известно, что племена, родственные пигмеям, населяют Малайский полуостров, Филиппины и Андамские острова — покрытые джунглями клочки суши в Бенгальском заливе. Индийские мореплаватели называли их по-санскритски «обезьяньим народом». В течение

многих лет на Южном Андамане располагалась британская исправительная колония; тогда острова входили в состав Британской империи, а теперь они принадлежат Бирме. Весьма любопытно, что *эти* азиатские пигмеи на первый взгляд даже больше похожи на негров, чем африканские негрилли. Поэтому испанцы, впервые увидевшие их в 1521 году на Филиппинах, назвали их «негритосами» задолго до того, как термин «негрилли» был применен по отношению к конголезским пигмеям. Но эти испанцы были моряками и искателями приключений (а также, следует признать, часто оказывались великими лгунами), поэтому их истории не убеждали ученых, так что маленькие темнокожие люди, обитающие на Востоке, в течение трехсот лет считались нелепой выдумкой.

Затем, после того как Куатрефо де Бро продемонстрировал бесспорные доказательства, ученые снисходительно признали их существование. Эти туземцы были более темнокожими и курчавыми, чем их африканские родичи. В конце XIX века сэр Хью Клиффорд, выдающийся губернатор британской колонии, более известный своими сочинениями о Малайе, описал их как «африканских негров, на которых смотрят через перевернутый полевой бинокль».

Через пятьдесят с лишним лет американский психолог Килтон Стюарт, живший в племени негритосов на Филиппинах, написал: «Они выглядели как уменьшенные копии американских негров, с которыми я встречался, и были такими же веселыми и дружелюбными».

Существуют некоторые свидетельства, что некогда негритосы населяли всю Юго-Восточную Азию, включая Бирму, Индокитай и большую часть Индии. Те, кому удалось выжить, отступили в тропические леса, сохранившиеся на некоторых островах Индийского океана, на Малайском полуострове и Филиппинах.

Для этих маленьких людей характерны крупные стопы с широко расставленными пальцами ног. Довольно толстые губы и широкие плоские носы с вывернутыми нозд-

рями подчеркивают узкий лоб и слабо выраженный подбородок.

Карликовые ведды из Индии и Цейлона имеют совершенно иной облик: это смуглые, стройные люди с дравидскими чертами лица и длинными усами. Третьим примером внешности могут служить туземцы племени тапиро с Новой Гвинеи — светло-коричневые люди, которые считались «уменьшенной» разновидностью папуасов. Рост тапиро варьирует от четырех до пяти футов, и об их существовании не было известно до 1910 года. И наконец, следует упомянуть о народности, официально признанной еще позднее, имеющей романтическое название «Призраки Желтых Листьев». Остатки этого удивительно красивого и печального монголоидного племени доживают свой век в джунглях Таиланда на границе с Китаем и Лаосом.

Когда речь заходит о веддах, живущих в джунглях, требуется небольшое объяснение. Для антрополога «ведда» означает первобытный подвид древней кавказоидной расы, существующий на Индийском субконтиненте и на его окраинах. Они худые и низкорослые, с волнистыми прямыми волосами, включая тонкие усы у мужчин, и редким волосатым покровом на шее. Оттенок их кожи варьирует от желтого до кофейно-коричневого. В самой Индии они живут в домах, выращивают посевы и имеют разделение на социально-экономические касты — как и сами индийцы, появившиеся здесь позднее.

Но немногочисленные первобытные ведды, очевидно не готовые или не способные адаптироваться к цивилизации, живут в лесных убежищах Цейлона и Южной Индии. Рост мужчин не превышает пяти футов, женщины на несколько дюймов ниже. По всей видимости, последовательные волны завоевателей каждый раз загоняли их в леса, куда новоприбывшие не желали совать нос — старая история, повторявшаяся на каждом континенте, за исключением Антарктиды.

Некогда веддические народы населяли практически всю территорию современной Индии. Вероятно, они вы-

теснили негритосов, ранее населявших эти земли, но в свою очередь жестоко пострадали от более высокорослых соседей.

Малорослые народы Новой Гвинеи живут в горных джунглях этого большого острова, которые начинаются от южной оконечности хребта Бисмарка и тянутся в западном направлении. Они имеют многие черты и характеристики, общие с папуасами, с которыми они обычно находятся в состоянии вооруженного перемирия. Но для каждой черты сходства есть и свое отличие. Они имеют более светлый оттенок кожи и слабо выраженный монголоидный облик, в то время как папуасы больше похожи на негроидов. Типичные удлиненные туловища и костлявые ноги папуасов совершенно нехарактерны для представителей племени тапиро.

Пенаны, маленькие жители Борнео, довольно похожи на них, но отличаются более плотным сложением и робким нравом. Подобно африканским негрилли, они выходят из джунглей лишь для торговли.

Наверное, самыми таинственными и патетичными из жителей джунглей являются Призраки Желтых Листьев. До 1930-х годов европейцы, слышавшие от тайландских охотников о крошечных желтокожих людях, живущих в глубине джунглей и не пользующихся оружием — даже стрелами, копьями и дубинками, — просто обменивались улыбками. Такие существа воспринимались как элемент туземной мифологии, не заслуживающий серьезного внимания. Само их название, *Pi Tong Luang* на местном наречии, доказывало, что Призраки Желтых Листьев не более реальны, чем любые другие призраки, в которых верят невежественные люди. Было бы нелепо предполагать, что за этим кроется нечто большее. Но в 1930-х годах, за несколько лет до того как японцы оккупировали страну во время Второй мировой войны, антрополог Г. С. Бернатциг убедительно доказал, что тайландские охотники знают свои родные джунгли гораздо лучше, чем ученые скептики, корпевшие над книгами в библиотеках или гонявшие чай в Бангкоке.

Призраки Желтых Листьев были не просто реальны; они оказались такими беззащитными, как говорили местные жители. Главной причиной их высокой смертности были нападения тигров и леопардов. По грубым прикидкам, на свете осталось лишь от трехсот до пятисот представителей этой народности. Их кожа имеет коричневато-желтый оттенок. Они красивы, даже прекрасны, но их рост не превышает пяти футов трех дюймов. Хотя в их облике есть нечто монголоидное, у них отсутствует характерная складка в уголках глаз, имеющаяся почти у всех людей, принадлежащих к монголоидной расе, и в целом они больше напоминают кавказоидов. Себя они называют *юбри*, что на их языке означает просто «народ». Многие первобытные племена по всему миру, живущие не только в джунглях, называют себя точно так же.

Это исчезающее племя попало в азиатские джунгли после неведомых блужданий. Может быть, они принесли свою беспомощность с собой, а может быть, выродились в изоляции, но сейчас они выказывают свойства любого вымирающего вида животных. Можно лишь гадать, как долго они жили в джунглях. У них нет легенд или традиций, связанных с их происхождением. Некоторые ученые считают их остатками некогда доблестного народа; другие называют их последними представителями невероятно древней расы, выжившей в течение многих тысячелетий благодаря своему ровному, неизменному образу жизни.

Многие обитатели джунглей были силой вытеснены с первоначальных мест обитания более агрессивными племенами или захватчиками. Но это не объясняет, как им удалось приспособиться к новой природной среде. Почти во всем мире люди, вытеснившие их с исконных земель, в свою очередь были завоеваны, рассеяны, поработаны, угнетены и притесняемы по меньшей мере с такой же жестокостью, с какой они сами притесняли маленький народ. Но очень редко, если вообще когда-либо, африканские негры или более цивилизованные жители Востока искали убежища в джунглях, а тем более оставались

там в качестве полноправных и довольных жизнью обитателей.

Возможно, один пример из множества объяснит нашу точку зрения. Когда Чарльз Гудьер изобрел процесс вулканизации резины (его патент был выпущен в 1844 году), он вызвал бум добычи сока определенного дерева, известного как *Hevea brasiliensis*, преобразивший Бразилию в течение одного поколения. Спрос на резину, в те дни получаемую лишь из диких деревьев, растущих в амазонских джунглях, привел к невероятно жестокой эксплуатации туземного населения. Целые деревни уничтожались, чтобы сломить дух туземцев, работавших на каучуковых плантациях.

В 1907 году, когда Фосетт протестовал при виде жителей, угоняемых в рабство, его заверили, что «лишь лесные индейцы продаются открыто». Остальных попросту обращали в крепостную зависимость для отработки воображаемых долгов своим хозяевам. Полковник слышал, как члены карательного отряда хвастались, что разбивали детям головы о стволы деревьев или таскали женщин на веревке за лошадьми просто для забавы. Список таких и еще худших злодеяний, творившихся на каучуковых плантациях в течение более пятидесяти лет, можно продолжать до бесконечности.

Однако выжившие жертвы притеснений не искали спасения в джунглях. Те, кому удалось бежать, отступили к верховьям рек и в горные долины. Некоторые научились защищаться отравленными стрелами. Но, несмотря на ужас перед угнетателями и тяжелейшие потери, они как будто понимали, что не смогут выжить в джунглях, хотя и знали, что ни один карательный отряд не последует туда за ними.

Эта история повторилась в Африке. Возможно, из всех злодеяний, совершенных белыми людьми против покоренных народов с другим цветом кожи, ни одно не получило столь широкой огласки, как ужасы, творившиеся в конце XIX — начале XX века в Бельгийском Конго, которое тогда находилось в личной собственности короля Ле-

опольда II. Эксплуатация шахт и лесов, даже по оценкам наиболее сдержанных комментаторов, велась с «варварской жестокостью». За сто лет до этих событий работорговыцы из разных стран постоянно совершали набеги на негритянские деревни. Пигмеи не были подвержены всем этим ужасам, оставаясь под надежным укрытием джунглей. Ни один негр не выбирал это убежище в качестве места постоянного обитания, какая бы чудовищная участь не ожидала его снаружи.

Перед лицом таких свидетельств в нас растет уважение к маленькому народу джунглей. Как они совершили то, что не удалось другим, более сильным и агрессивным людям? Как они смогли добиться процветания в этих великих лесах, куда более цивилизованные народы не проникали даже под страхом пыток, рабства и неизбежной смерти?

В поисках ответа на эти вопросы нам предстоит узнать, кем на самом деле являются жители джунглей, отказавшись от необъективных и часто недружелюбных описаний. Независимо от того, происходят ли они от общего корня или принадлежат к различным расовым группам и подгруппам, им свойственны определенные знания и навыки, отсутствующие у нас, несмотря на нашу хваленую «цивилизацию».

Глава двадцать четвертая
ПРОИСХОЖДЕНИЕ «МАЛЕНЬКОГО НАРОДА»

Физиологически и психологически жители джунглей не похожи на других людей. Став хозяевами своей природной среды, они адаптировались к ней умственно и физически. Объективные наблюдатели, особенно ученые, должны были сознавать неизбежность этого процесса, но многие образованные люди изумляются каждый раз, когда видят его проявления.

Разумеется, главной отличительной особенностью жителей джунглей является их малый рост. Во-вторых, исследователи отмечают, часто с нотками удивления, что большинство из них прекрасно сложены, необычайно сильны для своего роста, очень грациозны и уверены в движениях. Последнее обстоятельство позволяет им быстро и абсолютно бесшумно перемещаться по лесу.

Несмотря на значительные различия (впрочем, не большие, чем различия между представителями так называемой белой, черной и желтой расы), в облике негри-то-сов и негрилли есть сходные черты. Это наводит на

мысль, что они не просто эволюционировали в сходном направлении, но, возможно, состоят в родстве друг с другом.

Возникает замечательная этнологическая головоломка. Учитывая общее происхождение, как эти люди могли попасть туда, где они находятся сейчас? Глядя на карту мира, можно предположить, что они либо жили в одном месте, а затем разбрелись по половине земного шара, либо между Африкой и Востоком когда-то существовал огромный «сухопутный мост». Никто, похоже, даже не рассматривал третью возможность: каким бы ни было первоначальное происхождение этих народов, они распространились оттуда во все места, *пригодные для их обитания*.

Есть достаточно веские основания полагать, что Индийский океан некогда был разделен сухопутным перешейком, но речь идет о времени за миллионы лет до появления человека, даже самого примитивного. Однако существуют не менее основательные доказательства того, что земли, ныне окружающие Аравийское море и Бенгальский залив, когда-то были покрыты лесом, где могли жить «маленькие люди». В более раннюю эпоху они могли населять области, расположенные еще дальше к северу.

Присутствие аборигенов в Австралии доказывает, что «полноценные» люди, какими бы примитивными они ни были, умели плавать на лодках; иначе азиатские животные пришли бы вместе с ними по гипотетическому сухопутному перешейку, соединявшему два континента. С маленькими обитателями джунглей дело обстоит иначе: попав туда изначально, они с тех пор оставались там все время.

Несмотря на важность физиологических отличий, настоящие жители джунглей обладают психологическими качествами, которые, хотя и не являются их исключительной принадлежностью, получили гораздо более мощное развитие, чем в других обществах. Они духовно — или, если хотите, эмоционально — настроены на природную среду. В данный момент не имеет значения, лучше или хуже этот психологический настрой, чем у других народов. Он просто *другой*. Поскольку среда их обитания не похожа ни на одну другую на Земле, неудивительно, что разум этих людей в некоторых отношениях развивался «по касательной» к остальным представителям человеческого рода.

Благодаря тому, что адаптация к условиям джунглей сохранялась неизменной в течение тысячелетий, их психологическая устойчивость значительно превосходит нашу. От поколения к поколению современное общество подвергается все большему количеству стрессов. Нигде в мире, кроме джунглей, человеческий разум не был столь мало подвержен эмоциональным потрясениям, новым идеям, товарам, условиям жизни, понятиям о природе человека и вселенной.

Для нас развитие идеи о неожиданном скачке в прошлое — скажем, в Древний Египет, в Италию времен Ромула и Рема, во Францию или Германию времен галлов и тевтонов — требует напряженной работы воображения. Мы знаем, что не только окажемся в совершенно иной цивилизации; само наше мышление должно претерпеть радикальную перемену, чтобы приспособиться к этой

цивилизации. Если бы современный житель джунглей завтра оказался среди своих предков в экваториальном лесу даже в доисторические времена, он бы не ощутил разницы. Хижины были бы точно такими же, как та, которую его жена построила вчера, с таким же внутренним устройством. Люди бы пользовались теми же орудиями, с которыми он был знаком всю свою жизнь, и для тех же целей. Его образ жизни так же неизменен, как и сами джунгли, поэтому для него практически не имеет значения, попадет ли он в прошлое, в будущее или останется на месте.

Психология обитателей джунглей оставалась такой же статичной, как их материальное существование, и это само по себе позволило интуитивным способностям развиться до такой степени, о какой мы, живущие в мире постоянных перемен, можем лишь мечтать. Этот феномен был обнаружен в прошлом веке и совсем недавно получил должную оценку.

В конце концов, опытным психологам редко предоставляется возможность наблюдать за поведением жителей тропического дождевого леса. Одним из таких счастливиц — кстати, единственным, кто при этом действительно жил среди туземцев — был американец из Юты по имени Килтон Стюарт. Он жил с лусонскими негритосами на Филиппинах и в достаточной мере завоевал их доверие, чтобы провести серию психологических тестов. Он разделял с ними праздники и опасности, участвовал в их ритуалах. После возвращения в Америку он написал о своих впечатлениях в книге «Пигмеи и великаны из сна», где приводится немало успешных примеров психотерапии: «Это была настоящая психология исцеления, вовсе не отстающая от западной цивилизации на пятьдесят тысяч лет. В некоторых отношениях их методы превосходят наши».

Стюарт был знаком с современным использованием гипноза и состояния транса при лечении. Но он обнаружил, что знахарь из племени негритосов знал об этом го-

раздо больше, чем он сам. Более того, шаман успешно лечил своих пациентов от хронических заболеваний, которые среди западных медицинских специалистов считаются самыми трудными. Стюарт был поражен высокой внушаемостью туземцев под его собственным гипнозом.

Многие члены первой группы, в которой он жил, страдали от стригущего лишая, который он лечил, погружая человека в транс и рисуя на треснувшей коже решетку из йода или зеленки — весьма мучительная процедура для того, кто находится в сознании. Но когда Стюарт внушал своим пациентам, что они будут испытывать легкую щекопку, то после пробуждения они сообщали ему о приятных ощущениях.

С моей точки зрения, можно не сомневаться в том, что, по крайней мере, некоторые обитатели джунглей (а возможно, и все) обладают способностями к экстрасенсорному восприятию, которые большинство из нас либо утратило, либо никогда не развивало. Европейцы и американцы очень долго смотрели на сообщения и даже подробно задокументированные отчеты о подобных явлениях, отказываясь поверить тому, чего сами никогда не видели. Но я не знаю другого способа объяснения некоторых событий, при которых присутствовал лично.

Наиболее любопытен тот факт, что хотя жители джунглей вроде бы владеют определенными умственными (или, если угодно, парапсихологическими) способностями и применяют их на практике, они необычайно прагматичны. В отличие от других первобытных народов, таких, как австралийские аборигены, они совершенно не заботятся о теоретическом обосновании своих талантов. Далее, они обладают «классными», по выражению современных подростков, способностями в области предсказаний. Мы проверяем свое экстрасенсорное восприятие с помощью специальных карт; австралийский абориген каким-то образом узнает о болезни своей бабушки, живущей за сотню миль от него; знахарь афри-

канского племени может объявить о прибытии гонца задолго до его появления. Но коренные обитатели тропического леса, насколько мне удалось узнать от серьезных ученых, наблюдавших за ними, совершенно не интересуются большими бабушками, гонцами или двусторонней телепатией. Другое дело — естественные вещи, такие как природа и охота.

Профессиональное выслеживание животных, даже раиенных, само по себе довольно утомительно, но в тропическом лесу со сплошным листовым покровом оно становится практически невозможным. Однако лесные жители иногда могут выслеживать животных в течение нескольких суток, хотя при этом они даже не в состоянии указать пришельцу, владеющему их языком, на какие-либо свидетельства в виде сломанных ветвей, следов и так далее. Это может показаться преувеличением, но уверяю вас, что если вы проживете в джунглях какое-то время без опасений и придинок, то научитесь чують предстоящую погоду, дрейфовать вместе с животными — в общем, попадете в некий огромный биоритм. Я не могу и, следовательно, не стану утверждать, что любой человек может предчувствовать прибытие гонца или читать чужие мысли. Но когда речь заходит о животных, слова буквально изменяют мне. Могу лишь сказать, что много лет занимаясь сбором животных, несмотря на ужасное зрение, я часто набредал на них, потому что... как бы это назвать? Было ли это повышенной восприимчивостью других органов чувств или экстрасенсорным восприятием? Кто знает? Я не знаю, но даже мои туземные помощники постоянно спрашивали, как мне удалось найти тот или иной экземпляр. Обычно это происходило в десяти минутах ходьбы от нашего лагеря, на территории, которую они осматривали самым тщательным образом. По какой-то причине я подходил прямо к животным или они подходили ко мне, без всякого осознанного участия с моей стороны.

Легко назвать это простым совпадением, но с другой стороны, большинство из нас живет в совершенно

иных условиях. В джунглях это один из повседневных фактов, как грузовики, такси и автобусы для жителя Нью-Йорка. Способность предвидения кажется нам чем-то необычным, но когда мы рефлекторно перестраиваемся в соседний ряд движения или уклоняемся от грузовика, это выглядит для пигмея так же необычно и загадочно. Для тех, кто живет в джунглях, постоянное использование зрения и слуха превратилось в неосознанную привычку.

В течение тысячелетий выживание туземца зависело от того, сумеет ли он неслышно поставить ногу на землю или не наступить на ядовитую змею. Он должен был научиться, без участия того, что называем логическим мышлением, за какую ветку или лиану можно ухватиться, не подвергая себя опасности.

Возможно, благодаря столь тонкой настройке на чувства, которыми мы не пользуемся, жители джунглей развили свои навыки в психотерапии. Считается, что в нашем обществе мужчин и женщин учат *думать*; вместо этого житель джунглей учится *чувствовать*. Он настолько же опережает нас в восприятии, насколько мы опережаем его в интеллектуальных процессах. Возможно, поэтому быстрота его реакции кажется нам такой удивительной. С другой стороны, все, что восхищает его в нашем облике, по-видимому, является результатом нашей цивилизации.

Успешная психотерапия — не что иное, как использование чувств и эмоций для исцеления, точно так же, как успешная иммунизация есть использование мощных вакцин для инъекций. Мы достигли значительных успехов в иммунизации, но имеем большие пробелы в области использования человеческих эмоций и лишь начинаем закрывать их.

Когда Стюарт погрузил первого негритоса в транс, он с удивлением обнаружил, что это было признанной и широко распространенной практикой среди племенных шаманов. Его удивление возросло, когда местные знахари присоединились к нему, помогая пациенту исследовать

его прошлое и его сны в поисках событий, которые позволили бы узнать источник его недомогания — в данном случае сильной головной боли. По свидетельству Стюарта, он ожидал услышать ритуальные фразы и увидеть нелепые жесты, так как вся деревня собралась вокруг посмотреть на сеанс лечения. Но результаты знахарей оказались «весьма похожими на те, что были получены в новейших психотерапевтических клиниках Парижа и Вены».

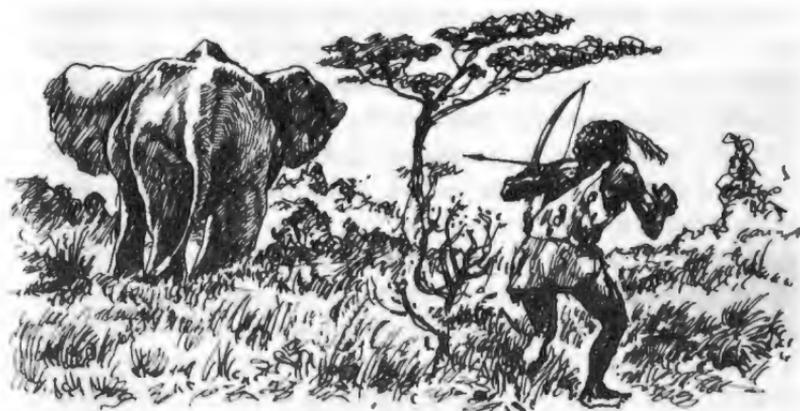
Стюарт обнаружил, что положение шаманов в племенной иерархии не менее разумно, чем их терапия. Каждый мог стать шаманом и пройти через процесс обучения, после чего получал звание целителя. Для женщин запретов не существовало. При этом обучение не включало в себя прохождение через ступени магических посвящений, приготовление специальных зелий или отваров, чтение заклинаний, ношение специальных костюмов или украшений. Шаманы просто были людьми, которые могли исцелять и обучали своему искусству по мере его использования. Стоит напомнить о том, что западные психоаналитики считаются специалистами лишь после того, как сами подвергаются психоанализу.

Короче говоря, эти маленькие люди разработали практические, но эффективные методы терапии, лишенные налета сверхъестественности. В племени негритосов, насчитывавшем двадцать взрослых людей, где Стюарт впервые наблюдал туземную психотерапию в действии, было пять шаманов, из них одна женщина.

Более понятной для современных наблюдателей, хотя и в равной мере недоступной для них, является способность лесных людей ощущать присутствие чужака задолго до того, как он узнает о них. Становится ясно, почему пигмеи могли сотни лет жить в своих великих лесах, часто лишь в нескольких милях от населенных районов, ни разу не попадаясь на глаза. В ряде недавних научных исследований отмечалась способность негритосов, негрилли, Призраков Желтых Листьев и индейцев джунглей Южной

Америки ускользать прежде, чем кто-либо успеет приблизиться к ним. В этом отношении они разделяют один из талантов великого множества животных, обитающих в джунглях, настолько скрытных, что до последнего времени многие из них были известны лишь понаслышке. Стоит ли удивляться тому, что ученые с каждым годом открывают все новые виды?

Глава двадцать пятая
ДОМ ДЛЯ ОХОТНИКОВ

Постороннему человеку джунгли всегда казались уютным и опасным местом — за исключением вымышленных персонажей, вроде Гарзана и Маугли, или таких целеустремленных исследователей, как В. Г. Хадсон. Никто не осмеливался жить там добровольно. Те же, кто делал это по своему выбору, презрительно назывались дикарями, обреченными на несчастное существование, окруженными запретами и предрассудками, терзаемыми страхом, голодом и хищными животными, прозябающими в мрачной, сырой обстановке. В этой связи я хочу привести высказывание одного африканского пигмея, который объяснил Колину Тернбуллу, почему они не боятся бродить по ночам без оружия. «Если мы — дети леса, то зачем нам бояться его? Мы боимся только того, что находится за его пределами».

Джунгли в изобилии снабжают своих детей едой и кровом, орудиями труда и оружием, той одеждой, в которой они нуждаются, абсолютной свободой передвижения, но в первую очередь — превосходной защитой от

внешнего мира. Люди, знающие о них лишь понаслышке, считают их неспособными к выполнению работы, требующей умственных навыков. В свою очередь, жители джунглей потешаются над большими неуклюжими недоумками, не умеющими правильно сложить крышу из листьев, выслеживать добычу и находить верную дорогу в лесу.

Домом для них служит не какая-нибудь особенная поляна или пространство между деревьями. Группа, редко насчитывающая больше нескольких семей (в любом случае не более двухсот — трехсот человек), может спокойно проходить сотни миль, направляемая предчувствием более обильной добычи. Мы считаем такой образ жизни кочевым, но фактически его лучше называть «бивуачным».

Таким образом, их жилища и домашняя обстановка эфемерны: все легко создается, а затем оставляется без малейшего сожаления. Их пожитки никогда не бывают в тягость при переходе от одного временного лагеря к другому. Призраки Желтых Листьев довели эту подвижность до предела, что может быть одной из причин их вымирания. Они почти никогда не проводят две ночи подряд на одном месте, но каждый день строят новые шалаши из шестов.

Поскольку люди джунглей обитают в растительном поясе, который славится изобилием лиан и вьющихся растений, они блестяще научились пользоваться этими естественными веревками и канатами. Африканские пигмеи и некоторые индейцы Южной Америки обладают особенно выдающимися навыками в плетении гамаков и рыболовных сетей из растительного материала.

Африканские негрилли, которым нет равных в аккуратности и расторопности при обустройстве лагеря, оставляют задачу сооружения жилищ на усмотрение женщин. Мужчины иногда помогают в сборе широких зеленых листьев для кровли, и некоторые из них весьма искусны в строительстве, если возникает такая необходимость. Их единственным материалом служат шесты,

вырубленные из молодых деревьев, листья и лианы, скрепляющие хрупкую конструкцию.

Хижины пигмеев конголезского округа Уеле круглые и имеют форму полусферы. Они могут быть любого размера, но обычная семейная хижина имеет шесть — восемь футов в диаметре. Женщины с раннего возраста учатся загонять в землю длинные шесты без всяких копающих или отбойных орудий. Они резким движением втыкают шест, поднимают и снова втыкают, каждый раз точно в углубление, оставленное предыдущим ударом, пока тот не опускается на достаточную глубину. Соорудив круг из шестов с проемом для двери шириной около фута, женщина пригибает верхушки и связывает их лианой. Затем лианы пропускаются через шесты, образуя подобие решетки, на которую вешаются листья, закрепленные расщепленными надвое черенками и уложенные друг на друга, как черепица. Если при первом дожде обнаружится протечка, несколько листьев перекадываются на новое место, но в общем и целом крыша хорошо удерживают воду, пока листья не высыхают. К тому времени племя обычно снимается с лагеря и отправляется к следующему. Поскольку внизу никогда не бывает сильного ветра, можно не беспокоиться, что конструкция развалится при грозе.

Джунгли востребуют обратно покинутое жилище лишь немногим медленнее, чем пигмеи возводят его. Колин Тернбулл однажды вернулся на первый лагерь, где жил с ними, и смог разглядеть лишь слабые очертания бывшего поселка. От хижин не осталось и следа.

Большинство жителей джунглей строит похожие дома, с незначительными отступлениями в ту или иную сторону. Однако некоторые пользуются естественными убежищами. Ведды иногда живут в неглубоких пещерах под нависающими горными утесами в джунглях. Остатки негритосов на Андаманских островах строят свои деревни по кругу с площадью в центре, но их дома не более прочны, чем жилища их африканских родичей. Они дольше остаются на одном месте — возможно, потому,

что лесная территория острова невелика, а пищи везде достаточно.

Обстановка для лесного дома сооружается с таким же проворством, как и сама хижина. Постель не обязательна; во многих жилищах на пол кладут несколько жердей, покрытых листьями. Другие строят конструкции из палок, перевязанных лианами. Для белого человека такие лежа чрезвычайно неудобны; его больше устраивает гамак, сплетенный из лиан.

Стол представляет собой каркас, похожий на основу кровати. Он стоит на четырех палках и используется в основном для того, чтобы вялить мясо на маленьком костре, который разводится внизу; ясно, что в джунглях невозможно завялить мясо на солнце. Стул похож на плетенку из гибких прутьев, сиденье и спинка формируются весом человеческого тела. Пигмеи часто пользуются бревнами вместо сидений или даже садятся на большой лист, уложенный на землю. Они чистоплотны, поэтому не садятся и не ложатся на сырую землю без крайней необходимости. Такие предметы, как мебель для хранения вещей, для красоты или для работы, им совершенно не известны.

Что касается домашней утвари, то семья пигмеев удовлетворяется несколькими ножами, чьи лезвия из твердой древесины можно наточить до бритвенной остроты, одним-двумя горшками, корзинами, иногда молотком и куском слоновьего бивня, привязанного к деревянной рукояти. Все это можно нести в корзинах, не замедляя движения семьи при переходе от одного лагеря к другому. В каждой новой хижине листья служат тарелками, скатертью и салфетками, заостренные палочки используются вместо ложек и вилок, а скорлупа крупных орехов или кожура фруктов заменяет кружки.

Одежда — одна из наименьших проблем для жителя джунглей. Огонь согревает лучше, им можно пользоваться для приготовления еды, так стоит ли прилагать дополнительные усилия для защиты тела от холода? Пигмеи уже тысячи лет знают то, что люди вроде меня открыли

после длительных мучений в тропическом дождевом лесу: набедренная повязка — это все, что необходимо для удобства и сохранения приличий. Еще одной характерной чертой костюма в джунглях является пояс, к которому крепятся мелкие предметы и мешочки с едой. Все остальное надевается лишь в качестве украшения и редко заслуживает такого восхищения, как мастерская раскраска туловища или ягодич. Пигмеи, надевающие обычную одежду, когда они навещают негритянскую деревню, сразу же избавляются от нее, как только возвращаются в лес.

Почти все жители джунглей добывают себе пропитание охотой (дичь может быть любого размера, от муравьев до слонов), сбором фруктов, орехов и овощей. Способность двигаться быстро и бесшумно, знание повадок животных и загадочное умение каждый раз смотреть в нужное место делает их лучшими охотниками среди людей в истинном понимании этого слова. Африканский пигмей настолько же превосходит среднего негра в этой области, насколько лесничий превосходит среднего горожанина.

Бамбути — далеко не самые умелые лучники или копьеметатели, но они могут подкрадываться к добыче так близко, что даже неудачный выстрел попадает в цель. Они также с большим успехом пользуются ловчими сетями, сотканными из прочных волокон, которые они вытягивают из определенных лиан. Лесные охотники обычно связывают свои сети большим полукругом, куда женщины и дети загоняют дичь, как некогда поступали загонщики на охоте в английских лесах.

Одним из обычных блюд служит окапи — пугливое и скрытное животное, напоминающее жирафа с короткой шеей. Они так неуловимы, что до начала XX века ни одному белому человеку не удалось их увидеть. Стэнли, пожалуй, первым услышавший о необычном существе, по описанию рассудил, что окапи больше походит на осла. Пигмеи выслеживают и убивают окапи без особого труда,

что оказывается не под силу прекрасно снаряженным европейским охотникам.

Те же самые маленькие люди являются единственным серьезным врагом лесных локсонтов. Лишь негрилли осмеливаются подойти к властелину джунглей достаточно близко, чтобы причинить ему вред. При этом они пользуются двумя методами. Менее распространенный заключается в том, что охотник подкрадывается к животному и калечит его, пронзая копьём подколенное сухожилие. Слон не может двигаться, если у него повреждена хотя бы одна нога, и становится легкой добычей для охотников. Более распространенный метод, который другие охотники боятся даже испробовать, заключается в том, что пигмей заползает под слона и вгоняет копьё в огромное брюхо животного. Затем он проворно откатывается в сторону и следует за раненым слоном, пока тот не умрет от заражения крови, что обычно происходит через несколько дней.

Но независимо от способа охоты, место гибели слона становится следующей стоянкой для племени. Крайне примитивные инженерные навыки не позволяют пигмеям доставить лесного гиганта домой, целиком или по частям. Поэтому люди, не теряя времени, идут туда, где лежит туша: процессы разложения в джунглях происходят очень быстро. Мясо слона считается деликатесом. Все племя наедается до отвала и вялит куски мяса впрок. Пигмеи остаются на одном месте, пока слон не будет съеден целиком, защищая останки от мародеров животного мира.

Удачливый охотник завоевывает огромную славу и очень гордится ею, так как престиж является единственной наградой в обществе пигмеев-бамбути. Он не получает дополнительных порций мяса и даже не имеет права на самые лакомые куски. Каким бы великим ни было искусство охотника, он убивает дичь не для себя, а для общества. Ежедневная добыча делится на всех, часто со спорами и мольбами, но не по желанию добытчика.

Удовлетворение от хорошей охоты и восхищение соплеменников — вот все, чего может ожидать охотник, и он не стремится к большему. Если же он скромно относится к своим достижениям, то его престиж поднимается еще выше.

Мясо, добываемое мужчинами, дополняется съедобными кореньями, орехами и фруктами, которые собирают в основном женщины и дети. Посторонних восхищает способность этих людей безошибочно находить богатый ассортимент съедобных вещей, не все из которых могут показаться нам аппетитными.

Хотя многие продукты, которые мы обычно готовим, съедаются сырыми, в лагере пигмеев всегда горит костер, на котором можно жарить или тушить еду. Некоторые обитатели джунглей не знают, как добыть огонь, но большинство умеет это делать с помощью сухих палочек. Все они, особенно женщины, искусно переносят угли, завернутые в древесные листья, с одного лагеря на другой. Сухое дерево не всегда есть под рукой, но люди ищут полые деревья, и когда другое топливо недоступно, они всегда могут воспользоваться щепками, упавшими к подножию ствола.

Во всем мире люди любят мед, а джунгли иногда буквально истекают медом, благодаря великому множеству пчел. В разных племенах существуют разные методики добывания меда и защиты от укусов, которые бывают очень болезненными, а иногда даже смертельными. Гнездо обычно расположено высоко на дереве, и к нему приходится подниматься по стволу. Некоторые азиатские негритосы прибегают к рискованному средству: они привязывают в поясу тлеющий «хвост», сплетенный из сухой травы и свежих листьев, и поднимаются на дерево в облаке дыма. По-видимому, они считают, что мед стоит нескольких укусов, когда дым начинает рассеиваться.

Поскольку некоторые виды дичи никогда не спускаются на землю, а многие фрукты и орехи нужно собирать

прежде, чем они упадут вниз, маленькие обитатели джунглей немногим уступают Тарзану в умении лазать по деревьям. Детишки учатся карабкаться по стволам и прочным лианам примерно в то же время, когда начинают ходить. Многие игры включают в себя элементы лазания и прыжки с ветки на ветку.

Мальчиков с самого раннего возраста посвящают в искусство охоты. Малыши имеют миниатюрные копья, луки и стрелы, тщательно изготовленные их отцами и точно копирующие настоящее оружие, хотя стрелы для детей делаются из мягкого дерева с тупым наконечником. Если кусок старой ловчей сети приходит в негодность, пигмей делает маленькую сеть для своего сына, хотя подготовка волокон и завязывание узлов стоит ему многих часов кропотливого труда.

Оружие и охотничьи приспособления других жителей джунглей варьируются в довольно узких пределах, если не считать Призраков Желтых Листьев, у которых просто нет ничего подобного. Негритосы Малайского полуострова пользуются духовыми трубками, снаряженными отравленными дротиками, и делают из бамбука ловушки для рыб, хотя не имеют сетей для охоты на суше. Индейцы джунглей Южной Америки пользуются разнообразным оружием и охотничьими приспособлениями (сетями, ловушками для рыб), сделанными из растительных предметов. Андаманцы некогда плавали на маленьких деревянных каноэ с примитивной снастью для морской рыбалки, но в наши дни такие суденышки редко выходят в море, так как туземцы стараются не выходить из джунглей на долгое время. Известно, что они пользовались гарпунами для добычи дюгоней, или морских коров — больших млекопитающих, родственных американским ламантинам. Они также делали наконечники для стрел из железа, полученного с кораблей, разбившихся на побережьях Андаманских островов за последние несколько столетий. Их луки необычайно мощны и в снаряженном виде крупнее своих владельцев, чей

рост не превышает четырех футов восьми дюймов. Очевидно, они никогда не учились добывать огонь, но с давних пор имели его благодаря действующему вулкану на одном из островов — по крайней мере, так гласят легенды.

Андаманские негритосы принадлежат к редкой категории обитателей джунглей, известной своими нападениями на чужаков — возможно, потому, что в течение долгого времени единственными другими людьми, которых они видели, были малайские работорговцы, совершавшие набеги на побережье. Первые белые люди, увидевшие их, описывали андаманских туземцев как враждебный народ, причиняющий немало вреда жертвам кораблекрушений. Ходили слухи о том, будто они каннибалы. Это не так, но они действительно сжигали и, возможно, до сих пор сжигают тела убитых врагов, что могло лечь в основу вымысла. Единственное белое поселение на Андаманских островах, бывшая исправительная колония в Порт-Блэре, не поддерживает с ними никаких отношений.

Наибольшую известность среди жителей джунглей в художественной литературе приобрел один из андаманских негритосов, представленный в качестве персонажа сэром Артуром Конан Дойлем в романе «Знак четырех». Сэр Артур наделил этого маленького человека по имени Тонга свирепым характером, который английские матросы приписывали всем представителям его расы, а также снабдил его духовой трубкой с отравленными стрелками, неизвестной среди андаманцев, но используемой малайскими пигмеями. Даже если автор знал об этом, он воспользовался правом на литературную вольность, так как по сюжету часть действия происходила в исправительной колонии на Андаманских островах. Тонга бегал по Лондону босиком, и крошечные следы открыли его происхождение всезнающему Холмсу, который зачитал Ватсону следующий отрывок из нового географического справочника:

«Аборигены Андаманских островов могут, пожалуй, претендовать на то, что они самое низкорослое племя на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки, американским индейцам племени диггер и уроженцам Огненной Земли (в сущности, самым высоким людям на свете!) Средний рост взрослого около четырех футов, хотя встречаются отдельные экземпляры гораздо ниже. Это злобные, угрюмого вида люди, почти не поддающиеся цивилизации, но зато они способны на самую преданную дружбу». Обратите на это особенное внимание, Ватсон. Слушайте дальше: «Они очень некрасивы. У них большая, неправильной формы голова, крошечные злые глазки и отталкивающие черты лица. Руки и ноги у них замечательно малы. Они так злобны и дики, что все усилия английских властей приручить их всегда заканчивались неудачей.

<...> Захваченных в плен они обычно убивают дубинками с каменным наконечником или отравленными стрелами. По боище, как правило, заканчивается каннибальским пиршеством». Какие милые, располагающие к себе люди, не правда ли, Ватсон?»

В романе Тонга стреляет в великого сыщика маленькой отравленной стрелкой, промахиваясь лишь на волосок, после убийства другого англичанина, очевидно совершенного лишь ради забавы. Затем он сам гибнет от пуль, выпущенных Холмсом и Ватсоном. Со своей стороны, добрый доктор говорит о нем как о «маленьком черном человечке с огромной, неправильной формы головой и копной всклокоченных волос... Глаза его горели мрачным, угрюмым блеском, а толстые губы, вывернутые наружу, изгибались злобной усмешкой, обнажая зубы, лязгавшие от животной ярости».

Поскольку доктор Ватсон заметил все это при свете фонаря, стоя на палубе полицейского катера, преследовавшего беглецов по ночной Темзе, его зрению можно лишь позавидовать.

Криминальные наклонности бедного Тонги совершенно отсутствуют у большинства жителей джунглей. Насколько известно, они никогда не воюют между собой и очень редко вступают в открытый конфликт с другими людьми, даже в целях самообороны. Наилучшая защита для них — бегство в лес, что они проделывают с несравненной легкостью. Однако племена, описанные Фосеттом в Южной Америке, некоторые андаманские негритосы и представители племени тапиро на Новой Гвинее известны своей агрессивностью.

Очевидно, жители горных джунглей Новой Гвинее (тапиро) издавна убивали любого папуаса, вторгавшегося на их территорию. В наши дни имеются многочисленные, хотя и неподтвержденные сообщения о том, что некоторые племена пигмеев, особенно живущие в лесах западной оконечности острова, проявляют крайнюю жестокость по отношению к чужакам. Они терроризируют местных крестьян своими набегами, убивая людей и сжигая дома. Возможно, такое поведение было спровоцировано гонениями и является защитной реакцией, но мы недостаточно хорошо знаем обстоятельства дела и не можем вынести окончательного суждения.

Пигмеи Новой Гвинее отличаются от других народов джунглей тем, что они обрабатывают почву, а также выращивают свиней и цыплят, как их более рослые соседи. Их маленькие поля на лужайках в джунглях засеяны в основном сладкой картошкой и таро (растение с крупными листьями и съедобным корнем, напоминающее ревеня). Разумеется, племена, которые занимаются сельским хозяйством, не ведут кочевого образа жизни, хотя искусно охотятся на местную дичь: казуаров, мелких птиц, сумчатых опоссумов и других мелких млекопитающих.

Бедные маленькие Призраки Желтых Листьев, которые не рыбачат и не охотятся, ограничивают свой мясной рацион остатками трапез леопарда или тигра. Они существуют в основном за счет того, что могут собрать — фруктов, корней, орехов и насекомых, — и пьют лишь

стоячую воду из полых бамбуковых стволов, не подходя близко к местам водопоя крупных животных.

Хотя жители джунглей могут обеспечивать себя всем необходимым и без сельского хозяйства, у них есть потребность в продуктах, которые нельзя добыть с помощью первобытных навыков — в первую очередь это относится к соли. Поэтому они торгуют с внешним миром. Как правило, они прибегают к древнейшему и в некотором отношении наиболее удобному способу торговли, который называется «скрытым обменом». При этом нет нужды в спорах и взаимных упреках; фактически торгующие стороны даже не видят друг друга.

Обмен происходит следующим образом. Группа туземцев из джунглей выбирает удобное место на поляне или на окраине леса и складывает там свой товар. В основном это продукты, недоступные для жителей окрестных деревень или работников на плантациях. «Продавцы» кладут свой товар на видном месте и уходят. Затем «покупатели» приходят за товаром и оставляют взамен свои товары в

количестве, которое кажется им справедливым. Чаще всего это еда, например, рис и маниока, каменные или металлические орудия, соль, иногда табак. Никто не оказывается обманутым больше одного раза. Если жители джунглей не удовлетворены оценкой своих товаров, они не приходят снова.

Это коммерция в самом примитивном, но наиболее действенном виде. Когда торговля ведется с глазу на глаз, положение неизменно усложняется. К примеру, у жителей джунглей не принято делегировать нескольких человек для ведения торговых переговоров снаружи. Это кажется им слишком сложным. Приходит все племя, вместе с детьми и стариками, либо никто.

Пенаны с острова Борнео знают, что саравакские даяки обменивают такие ценные вещи — мечи, бусы, соль и ткани — на смолу определенных деревьев, растущих в джунглях, или на циновки, сплетенные из лиан. Этот пугливый народец появляется и исчезает по своей прихоти; даяки не знают, где их искать. Но они никогда не предлагают на продажу длинные духовые трубки и отравленные стрелки, с помощью которых они охотятся. Эти тщательно отполированные трубки прямые, как ружейные стволы; их длина превышает рост человека, а выстрел из них может быть смертельно точен до расстояния в тридцать футов.

Сушность такой торговли лучше всего проявляется в любопытных взаимоотношениях между африканскими негринли и неграми. С незначительными вариациями, подобные взаимоотношения преобладают повсюду, где есть одна раса, считающая себя более цивилизованной, и другая, не оспаривающая этого мнения, но глубоко безразличная к цивилизации вообще. В данном случае негры со своими умениями, навыками и ремеслами представляют «цивилизованную» расу, а пигмеи — равнодушных дикарей.

С пастырским рвением, которое выказывают все люди, когда они не только гордятся своей культурой, но и могут извлечь из этого неплохую прибыль, если удастся

убедить соседей жить на свой лад и выполнять черную работу, негры отчаянно пытаются «одомашнить» пигмеев, но им каждый раз не везет. Хотя пигмеи не любят выходить из джунглей по какой-либо причине, они посещают негритянские деревни, чтобы обменять дичь и мед на бананы и маис, слабое пиво или пальмовое вино, ножи, соль и табак.

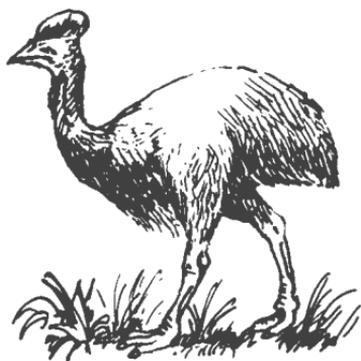
Каждый негритянский вождь считает, что он и его деревня владеют группой пигмеев, живущей поблизости и регулярно торгующей с ними. «Большие люди» пытаются приставить соседей к работе, хвалятся перед чужеземцами своими слугами или «рабами», требуют приносить больше мяса и меда, смеются над их маленьким ростом и иногда даже пытаются спить их. Но когда пигмеи решают, что с них достаточно, они просто исчезают, нравится это неграм или нет.

В результате жители деревни обычно приходят в ярость. Они клянут ленивых, беспечных, коварных, лживых пигмеев, которые, по их словам, всегда извлекают выгоду из взаимной торговли. Они готовы убить своих обидчиков или, по крайней мере, посадить их под замок, но когда дело доходит до этого, пигмеи уже исчезают в джунглях. Негры слишком боятся бесчисленных лесных дьяволов и, несмотря на свой гнев, не осмеливаются следовать за ними. Разумеется, через несколько недель или месяцев они забывают о своем праведном негодовании. Маленькие люди возвращаются, и процесс повторяется сначала.

В последние годы в некоторых районах Конго пигмеи стали появляться чаще и оставаться на более долгое время. В отдельных местах, где белые люди или негры научились ладить с ними, они даже вписываются в ритм деревенской жизни. Но большинство из них не приспособлено ни к чему другому, кроме жизни в джунглях. Пигмеи подвержены болезням и другим расстройствам, которые приносит цивилизация, даже в большей степени, чем другие жители тропиков. Они особенно плохо переносят

прямые солнечные лучи, с трудом переваривают непривычную пищу и воду.

Однако стоит пигмею перейти через первый ручей в джунглях, в буквальном и символическом смысле очистившись от пыли нашей цивилизации, он становится совершенно другим человеком. Он возвращается в родную стихию, к привычному образу жизни.

Глава двадцать шестая КУЛЬТУРА ВНЕ ВРЕМЕНИ

Все настоящие жители джунглей, с нашей точки зрения, находятся на самой примитивной стадии развития. Они не цивилизованы, их культура сравнительно проста; они безразличны к побуждениям, которые движут нами, и к тому, что мы называем прогрессом. Тем не менее они не находятся в «каменном веке», как принято считать.

Понятия «каменный век» и «пещерный человек» глубоко укоренились в популярном и научном мышлении. Смысл их сводится к тому, что, продвигаясь назад во времени через последовательные этапы развития культуры, вы достигаете эпохи, в которой происходило открытие и совершенствование каменных орудий, появившихся на заре человеческой истории. Согласно этой теории, где-то в середине «каменного века» люди жили в пещерах — подразумевается, что пещеры были *единственным* местом их обитания. Разумеется, это глубокое заблуждение.

Во-первых, первобытный человек, а возможно, и человекообразные обезьяны прошли через очень длительный период, который мы могли бы назвать «древес-

ным» — в том смысле, что их орудия были сделаны из дерева. За это время они развили определенные навыки, такие как плетение ловчих сетей, изготовление корзин и так далее. Возможно, они также научились пользоваться луком и стрелами. Потом некоторые из них, жившие в засушливых районах со скудной растительностью, по-видимому, вступили в «одонтокератическую эпоху», иначе говоря, эпоху «зуба и рога». Другие же стали пользоваться каменными орудиями, которые благодаря своей прочности оказывались более долговечными, чем орудия из рога и кости; деревянные орудия постепенно вышли из употребления. Современные жители джунглей не пользуются каменными орудиями, за исключением отдельных случаев, поэтому они *не находятся* в «каменном веке», в то время как определенные племена, живущие за пределами джунглей (например, папуасы Новой Гвинеи), действительно пребывают на этой стадии. Некоторые народности джунглей пользуются роговыми и костяными орудиями, но это не имеет ничего общего с их примитивностью, степенью их развития и так называемым культурным уровнем.

Во-вторых, гоминиды в целом никогда не проходили через «пещерную» стадию развития. Это очевидно хотя бы потому, что в мире существует не так уж много пещер и сосредоточены они в основном в тех местах, где на поверхность выходят известняковые породы. Химический состав известняков не благоприятствует развитию богатой растительности, способной поддерживать не менее богатый животный мир. Возможно, представления о пещерных людях связаны с тем фактом, что в пещерах сохранились наилучшие, а часто и единственные свидетельства деятельности первобытного человека.

Лишь немногим из этих ранних людей выпадало счастье жить в пещерах, но огромное количество пещерных останков имеет сомнительное происхождение. Охотники и собиратели, кочевые пастухи и оседлые племена, жившие рядом с пещерами, ходили туда, чтобы хоронить умерших, проводить религиозные или мистические обря-

ды, либо украшали их, как священные места. И наконец, я не слышал ни одного сообщения о том, что современные жители джунглей когда-либо посещали пещеры, не говоря уже о том, чтобы постоянно жить там. Так или иначе в джунглях пещеры встречаются довольно редко.

Чтобы надлежащим образом поместить жителей джунглей в *нашу* схему вещей, необходимо перечислить аспекты нашей культуры, отсутствующие у них. Вопрос о том, является ли это недостатком или преимуществом, открыт для самого широкого обсуждения. С чисто прагматической и биологической точки зрения нет сомнений в том, что за возможным исключением Призраков Желтых Листьев коренные обитатели выглядят вполне здоровыми и довольными. Более того, они выказывают замечательную способность к выживанию. Чего же еще можно от них требовать?

Итак, какие аспекты нашей культуры предположительно отсутствуют у них?

Действительно, у них нет письменности, даже в форме простейших рисунков. Они практически ничего не знают об изобразительном и пластическом искусстве. Они не рисуют картин, хотя иногда раскрашивают свои тела или выцарапывают узор на гребнях или других мелких предметах. Они не воздвигают статуи и не вырезают барельефы. Некоторые из них могут вполне сносно изобразить цветы, деревья или животных, если дать им бумагу и карандаш, однако они редко делают это ради удовольствия или напоказ.

У них нет традиционной или интеллектуальной принадлежности, побуждающей стремиться к тому, что мы называем «прогрессом», ради себя или своего потомства. Само понятие перемен в образе жизни им совершенно чуждо: такие слова, как «перемены» и «лучшее», были бы антонимами в их воображаемом словаре.

Они не имеют законов в нашем понимании этого слова — то есть правил поведения, установленных обществом, исполняемых через властные структуры и подкрепляемых наказанием или угрозой наказания.

Однако эти ограничения, в сочетании с изоляцией, позволяют им наслаждаться культурой своих предков, в то время как повсюду вокруг более развитые народы, загнавшие их в леса, в течение многих веков подвергались завоеванию и насильственному «улучшению».

Культура джунглей очень стара, но окружающему миру понадобилось много времени, чтобы открыть ее ошеломительную новизну — ведь мы по-прежнему почти ничего не знаем о ней. Жители джунглей скрытны и сопротивляются научным исследованиям точно так же, как раньше противились порабощению, бесследно исчезая в своих лесах.

Почти все коренные обитатели джунглей, живущие небольшими группами, имеют сильное чувство семьи, распространяющееся на двоюродных родственников. Но их общество нельзя назвать патриархальным или матриархальным. В подавляющем большинстве случаев никто не обладает той властью, какая подразумевается этими терминами. Решения, затрагивающие группу людей, принимаются этой группой; решения, затрагивающие одну семью, принимаются этой семьей, хотя все остальные могут предлагать свои советы.

Несмотря на то что проблемы, возникающие перед общиной, просты и немногочисленны, они приводят к разногласиям. Наиболее оживленно обсуждается вопрос о том, когда следует оставить временный лагерь и куда идти дальше. Решение принимается на общем собрании, чем-то напоминающем заседание городского совета в Новой Англии, но без председательствующего. Цивилизованному человеку, с его страстью к полемике, трудно представить себе большой совет, не управляемый человеком высокого положения, где никто не перебивает друг друга и не говорит слишком много. Жители джунглей редко впадают в спешку, и если решение не принято, оно обычно переносится на следующий день. Кроме того, они соблюдают порядок без всяких видимых правил; никто не знает, происходит ли это в силу инстинкта или согласно обычаю. Опытный охотник, старик или женщина, известная

своей мудростью, может оказать более значительное влияние на окончательное решение, но не обладает реальной властью.

Среди народов, которые твердо верят в сверхъестественные силы — например, среди малайских негритосов, — шаману или племенному знахарю следует повиноваться во всем, что имеет отношение к невидимому миру. Общины пигмеев на Новой Гвинее признают авторитет вождя; вероятно, потому, что они сравнительно воинственны и нуждаются в боевом лидере.

Ученые утверждали, что общество, в котором не существует установленного законом наказания за преступления, не может существовать. Теперь многие исследователи провели достаточно времени в обществе коренных жителей джунглей, особенно негритосов и негрилли, и могут с уверенностью утверждать, что это не только возможное, но даже обычное состояние для первобытных демократий.

Что же тогда удерживает этих людей от убийства ближних и кражи у соседей? Естественно, не страх перед полисменом, вождем или судом старейшин, поскольку ничего подобного у них нет. Убийство члена своего племени — вещь неслыханная. Убийство мужчины из другого племени становится делом кровной мести, но никак не закона или решения племенного суда; поведение регулируется обычаями, и преступление навсегда забывается, когда один из членов семьи жертвы наказывает убийцу. Убийство чужака — к примеру, случайного белого человека — считается безобидным, даже похвальным делом. Это все равно что раздавить клопа, так как для них ни тот ни другой не являются настоящими людьми. Но убийство отнюдь не принадлежит к числу их любимых занятий.

Иногда случаются драки, но, когда двое мужчин или женщин участвуют в физическом поединке, общество не высказывает своего отношения к этому событию; разве что некоторые подходят полюбоваться на необычное зрелище. Это личное или же семейное дело. Поединок никогда не приводит к серьезным увечьям.

Разумеется, общепринятое поведение время от времени нарушается, хотя список преступлений у жителей джунглей гораздо короче нашего. Кража внутри племени считается дурным поступком; воровство на стороне не осуждается, но у соседей мало что можно украсть, кроме еды, которую бывает легче добыть самостоятельно. Список можно завершить словесными оскорблениями, инцестом и клятвопреступлением или нарушением табу в тех племенах, где к духам относятся серьезно. Однако ни один преступник не предстает перед судом, так как никому из членов племени не позволено судить другого.

Каждый человек или семья, включая родственников преступника, самостоятельно определяют свое отношение к нему. Чаще всего это бывает временное отчуждение; если преступление достаточно серьезное, человек может подвергнуться остракизму. Долгое изгнание может привести к трагическому исходу, и мне приходилось слышать рассказы о таких случаях. Но обычно все же находится несколько доброхотов, которые тайком носят еду отверженному. Через некоторое время, с негласного одобрения общины, он возвращается в племя и начинает жить по-прежнему. Со стороны это выглядит довольно нелепо, но следует подчеркнуть, что такая система вполне эффективна.

В джунглях женщина считается равной мужчине; разделение труда не подразумевает главенствующего или подчиненного положения. В каждой семье один из супругов пользуется большим влиянием, но это может быть как муж, так и жена. Моногамия является общим правилом, хотя в некоторых племенах существуют более вольные обычаи. К примеру, почти в каждом племени африканских пигмеев можно увидеть нескольких мужчин, имеющих двух или трех жен. Это не связано с каким-то особым статусом: двоеженец не обязательно сильнее, богаче или лучше охотится, чем его соплеменники. Отношения внутри каждой семейной группы являются сугубо личным делом.

Конечно, между супругами иногда возникают трения. В сущности, семейные ссоры случаются даже чаще, чем в других местах: этому способствует конструкция жилищ и теснота в доме. Если размолвка достаточно серьезна, женщина может собрать вещи и отправиться домой к своим родственникам, которые, по брачному обычаю, принадлежат к другому племени. Говорят, что у *бамбути* существует очаровательная традиция: перед уходом жена разбирает дом и оставляет мужа не только без любящей супруги, но и без крыши над головой.

По отношению к детям родители пользуются принципом «что не запрещено, то разрешено». И негритосы, и африканские пигмеи возмутительно балуют своих малышей по любым стандартам, однако дети вырастают на удивление благовоспитанными. Даже самые маленькие пребывают в такой гармонии с лесом и его жизнью, что их замечают, только когда они путаются под ногами у матери, сооружающей дом, или мешают отцу плести ловчую сеть; тогда их могут отшлепать. Они очень редко слышат слово «нельзя».

Дети играют весь день, так как игры являются основой системы образования в джунглях. Килтон Стюарт, проводивший несколько обычных психологических тестов с пятилетними негритосами на Филиппинах, пришел к выводу, что они обладают примерно такими же природными интеллектуальными способностями, как любой американец или европеец того же возраста. Поскольку дальнейшие тесты были предназначены для измерения усвоенных, а не врожденных навыков, результаты, полученные у подростков и взрослых пигмеев, оказались заметно ниже тех, которые Стюарт получил в Соединенных Штатах.

В джунглях не существует особых проблем, связанных со старостью. К пожилым людям относятся с уважением и вниманием, без лицемерной снисходительности. С другой стороны, возраст не придает им ореола мудрости; стариков слушают наряду с остальными, однако не отдают им предпочтения лишь из-за возраста.

Вообще-то в джунглях считается, что человеку, утратившему способность передвигаться самостоятельно, осталось недолго жить. Соплеменники откладывают переход на новое место из-за болезни пожилого человека, но либо «пациент» вскоре поправляется и может идти вместе с остальными, либо он умирает. Поскольку психосоматический диагноз там не известен, трудно сказать, в какой мере исход определяется душевным состоянием больного, но большинство наблюдателей утверждает, что это решающий фактор. Если первобытный человек уверен, что его время пришло, смерть уже спешит к нему.

Сексуальные обычаи и табу, обряды возмужания и инициации, ухаживания и совершения брака изменяются в широких пределах. Некоторые жители джунглей принимают церемонии и ритуалы внешнего мира, когда находятся снаружи, но в лесу неизменно возвращаются к своим обычаям.

Возьмем, к примеру, африканских пигмеев. Они с готовностью заключают браки на окраинах джунглей, особенно если местные жители устраивают празднество с обильным угощением. Однако они не считают такой брак обузой и повторяют церемонию по своим обычаям, когда возвращаются в джунгли. Эти обычаи просты и не обременительны. Семья молодого человека наносит визит родителям девушки. Происходит обмен любезностями; жених одаряет родителей значительным количеством мяса (например, тушей антилопы) и луком со стрелами для будущего тестя. Это не свадебный выкуп, но свидетельство того, что он и члены его семьи хорошие охотники. Затем молодая чета попросту отправляется строить новый дом.

Филиппинские негритосы выкупают своих жен; без сомнения, это связано с большим авторитетом, которым пользуются мужчины в их обществе. Негритосы также имеют больше брачных табу, чем африканские пигмеи: правило инцеста распространяется на троюродных родственников отца, поэтому браки должны заключаться между членами разных общин. Такие обычаи существуют во

многих первобытных племенах; живущих за пределами джунглей.

Раньше ученые пытались определить происхождение обитателей джунглей по языкам, на которых они говорят. Это увлекательная задача по сравнительному языковедению, но, как выяснилось, большинство коренных жителей тропического леса пользуется либо языком своих более «цивилизованных» соседей, либо наречием другой расы, не имеющей очевидной связи с ними. Исследования продолжаются, но, по сути дела, никто уже не ожидает, что они смогут объяснить, откуда пришли «маленькие люди».

Негрилли говорят на том же языке, что и негритянские племена, с которыми они торгуют, но с акцентом, варварским и неразборчивым для утонченного слуха их соседей. То же самое относится к жителям джунглей Южной Америки. В словаре индийских веддов имеется несколько слов древнего языка, предположительно сохранившихся со времен их владычества в Индии, но в основном они говорят на сингалезском наречии или тамильски. Малайские симанги говорят друг с другом на кхмерском диалекте, свойственном монглоидным народам Камбоджи и Таиланда, с которыми они не состоят даже в отдаленном родстве — не говоря уже о том, что малайские провинции, населенные симангами, расположены за тысячу миль от Камбоджи и Таиланда.

Призраки Желтых Листьев вообще почти не разговаривают, общаясь друг с другом тихими стонами, кряхтением и посвистыванием. Но если они все же прибегают к словам, то разговаривают на одном из известных языков Индокитайского полуострова. Кстати говоря, они не имеют личных имен и обращаются друг к другу эквивалентами наших слов «отец», «мать», «сын», «родич» и так далее. Слово «враг» на их языке звучит как фраза, которая буквально переводится как «люди в шляпах». Таиландцы, которые носят очень характерные шляпы, периодически устраивали на них грабительские налеты, унося из джунглей красивых девушек.

Попытки связать все народы джунглей в одну семью, проследив их наречия до общего корня, продолжались лишь до тех пор, пока ученые не узнали, на каких языках они говорят на самом деле. Было нетрудно заметить очевидные различия, но происхождение «маленьких людей» по-прежнему остается загадкой.

В искусстве народы джунглей первое место отдают музыке. Как ни странно, самые примитивные из них имеют наиболее сложные музыкальные инструменты. Призраки Желтых Листьев делают гитары из бамбука и играют на них печальные мелодии, которые кажутся слишком сложными для их образа жизни. Пенаны, живущие на Борнео, извлекают весьма сложные музыкальные композиции из духового инструмента, сделанного из тыквы, бамбуковых трубок и вибрирующих волокон внутри, в целом похожего на шотландскую волынку. Практически для всех этих народов танец является естественным продолжением музыки. Они танцуют без усталости, часто доводя себя до экстаза, но их движения при этом бывают необыкновенно грациозными.

Негритосы и негрилли особенно любят петь; как в Африке, так и в Азии сочный мужской голос завоевывает огромное уважение. Сходное отношение к песенному творчеству послужило одним из немногих поводов для гипотезы о связи между двумя этими народами. Однако у негритосов большая часть песен представляет собой молитвы, плачи и обращения к духам, в то время как песни африканских пигмеев выражают радость, славят лес или увековечивают какое-нибудь счастливое и торжественное событие.

В обоих обществах все члены племени присоединяются к пению, хотя выдающийся певец может вести главную партию. Ни у тех, ни у других нет сложных музыкальных инструментов, хотя малайские симанги выбивают ритм на маленьких бамбуковых барабанах, а пигмеи делают из полых стеблей растений нечто вроде длинной трубы, которая называется *молимо*. Наверное, есть глубокий смысл в том, что эти музыкальные маленькие люди, за редким

исключением, принадлежат к самым радостным народам на земле. Это смеющиеся, поющие, беззаботные души, страстно влюбленные в свои леса и полностью довольные жизнью, если им не причиняют беспокойства.

Когда пигмеи бамбути устраивают празднество, они называют его *молимо* в честь своего музыкального инструмента. Одаренный исполнитель может извлекать удивительные звуки из огромной трубки до пятнадцати футов длиной, которую держат на плечах двое мужчин. В племени она считается священным предметом; когда ею не пользуются, то держат в специальном укрытии в глубине джунглей. Женщинам не разрешается смотреть на нее, поскольку для них *молимо* считается чем-то вроде божества. Разумеется, они прекрасно знают, что это такое на самом деле, но традиция есть традиция, поэтому когда *молимо* приближается к лагерю, они прячутся в хижинах и закрывают листьями маленькие двери, чтобы не ранить чувства мужчин, а спокойно подглядывать из щелей.

Интересно, что у индейцев племени камаюра, живущих на реке Шингу в Бразилии, есть сходный обычай. Они сооружают флейту из полых стеблей тростника длиной в три фута. Флейта считается священным инструментом и используется для ритуальных нужд: например, для призывов к удачной охоте или рыбалке. Женщинам запрещено смотреть на инструмент, поэтому их просят уйти, когда начинается музыка.

Бамбути разговаривают со своими огромными трубами, моют их в проточной воде — в общем, относятся к ним с таким уважением, какое в других первобытных обществах оказывается идолам. Но пигмеи очень практичны. Тернбулл говорит, что, когда ему впервые разрешили присутствовать на музыкальной церемонии, он ожидал увидеть резной деревянный инструмент со множеством украшений, так как пигмеи говорили о нем с большим благоговением. Но когда охотники вынесли *молимо* из укрытия в джунглях, это оказался кусок металлической дренажной трубы, очевидно выкопанный ими во время одного из визитов во внешний мир. В ответ на его удивле-

ние пигмеи объяснили, что этот инструмент ничем не хуже того, который они могли бы соорудить их коры или древесины, но гораздо долговечнее!

Талантливый музыкант способен извлекать из инструмента совершенно поразительные звуки. Трубные кличи слонов, воркование голубей, рев больших кошек или рокот отдаленного грома — это лишь начало. Когда музыкант «разогревается», большая труба действительно начинает выпевать любую мелодию под настроение, которое он вкладывает в нее. Люди в лагере зачарованно слушают, пока звуки *молимо* кружат над джунглями, то приближаясь, то удаляясь, а наконец разражаясь громом над крышей какой-нибудь хижины. Бамбути не имеют более яркой формы самовыражения, более ясного способа изложить свои взгляды на окружающий мир.

Отношение прагматичных и дружелюбных пигмеев к духу *молимо* (независимо от того, означает ли это слово музыкальный инструмент или же само празднество) характерно для их верований. В этом они не похожи на других обитателей джунглей. Они, пожалуй, более свободны от предрассудков, чем любое другое общество на свете. Их религия очень проста и выражается через веру в божественное величие леса. Были отмечены смутные верования в некоторых духов, но они не оказывают заметного влияния на поведение или образ жизни людей. Они не пытаются воплотить божество леса в древесных или животных тотемах и обращают свои хвалы ко всем великолепным джунглям, не втискивая их в рамки человеческих понятий. И уж во всяком случае, они не видят необходимости в изобретении злых бесов или дьяволов.

Им хорошо известно о предрассудках деревенских жителей, и они с большим остроумием пользуются этими предрассудками с выгодой для себя. Навещая «больших людей», они говорят и ведут себя так, как будто трепещут от ужаса перед каждым из бесчисленных демонов и злых духов, которых боятся негры, наделяющие каждое дерево, корень, животное и лиану в джунглях некими злокозненными качествами. Пигмеи подыгрывают им — несом-

ненно, чтобы те держались подалеже от леса. Но у них есть и другая причина.

Пигмеи рассказывают замысловатые истории об ужасных сверхъестественных существах, крадущих у них мясо или мед, которые они несли в дар жителям деревни, или о монстрах, мешающих выполнять поручения негритянских «хозяев». Если история выгодна для них, они могут годами рассказывать ее, про себя потешаясь над доверчивостью рослых недоумков, влачащих жалкое существование на сухих равнинах и не знающих блаженства влажных, тенистых джунглей.

Многие пигмеи заставляют своих сыновей подвергаться мучительной и устрашающей церемонии инициации, существующей у негров. Для деревенских жителей долгое бдение, нанесение ритуальных шрамов на тело и трудные испытания являются суровой необходимостью, рекомендованной невидимыми силами в качестве испытания, которое следует пройти, прежде чем мальчик сможет стать мужчиной. Бамбути не верят в эту чепуху, но гордятся собой. Они хотят показать, что могут совершить все, на что способны «большие люди». Они не внушают своим сыновьям мысли о том, что церемония имеет религиозный характер; скорее для них это грубая игра, через которую должен пройти каждый подросток.

Они изобрели восхитительную разновидность проклятия и шуточных проделок, принятых на Западе в канун Дня всех святых, или Хэллоуина, неизменно наводящую ужас на деревенских негров. Забрав свое *молимо* из укрытия в джунглях, они окружают деревню глухой ночью и наполняют воздух неземными стонами и завываниями, о которых крестьяне потом говорят как о «призраках джунглей». Поскольку духи мертвых для негров страшнее разъяренного леопарда, результат доставляет остроумным пигмеям несказанное удовольствие.

Бамбути прекрасно знают, что их хитрость не будет раскрыта. В маленьких конголезских деревушках еще не родилось отважного негра, который мог бы ночью отправиться за плотный зеленый занавес, отделяющий его дом

от джунглей. Для негров достаточно того, что некий дух или монстр производит чудовищные звуки, и они вовсе не хотят познакомиться с ним поближе.

Смерть, пробуждающая суеверный страх у многих вполне цивилизованных народов, для африканских пигмеев является лишь источником горя. Они плачут и даже катаются по земле, но не совершают сложных обрядов и не предполагают, что мертвые могут вернуться обратно, если совершить определенные ритуалы и принести жертвы. Они не верят в колдовство, проклятия и заклинания. Тела умерших хоронят в неглубоких земляных могилах.

У негритосов похороны сопровождаются гораздо более изощренными ритуалами. Андаманцы разработали систему, которую антропологи называют «вторичным погребением», практикуемую и другими первобытными народами по всему свету. Через установленный промежуток времени тело выкапывается и перезахороняется в другом месте — очевидно, с целью оградить умершего от злых духов, собирающихся вокруг. Андаманцы не только делают это, но также носят с собой черепа умерших от одного лагеря к другому.

Монотеизм негритосов удивлял тех немногих пришельцев, которым удалось близко познакомиться с их верованиями. В разумном соответствии с преобладающей погодой в джунглях, они почитают бога Грома: это *Карей* у малайских симангов и *Толандиан* на Филиппинах. Важно отметить, что это божество относится к людям благожелательно, поэтому никто не боится, услышав его голос (за исключением тайфунов и бурь, когда он явно чем-то рассержен). Тогда, или в случае нарушения одного из многочисленных табу, его следует умиловить — обычно молитвой, небольшими дарами или даже самобичеванием.

Искренняя вера во всемогущество бога Грома не мешает негритосам признавать существование целой орды духов и демонов, обитающих у корней или в древесных стволах, в камнях или телах животных, в воде и на небе.

Разгневанного духа можно умиловить униженными извинениями и молитвами всего племени.

Андаманцы придумали больше сверхъестественных существ, которых следует бояться и почитать, чем их родичи на Филиппинах. Многие из их духов имеют злобный характер и до некоторой степени связаны с мертвыми. Мрачная и усложненная система религиозных верований, созданная этими островитянами, вполне соответствует их унылому темпераменту.

У Призраков Желтых Листьев остались лишь жалкие рудименты того, что некогда было зрелой религией. Они испытывают смутную тревогу по поводу призраков или демонов, которая лишь прибавляется к длинному списку ужасов, пронизывающих их повседневное существование. Они кладут своих мертвецов на бамбуковые помосты, покрытые листьями, и оставляют рядом немного еды, чтобы умиловить духов. Затем все племя поспешно снимается с лагеря и переходит на другое место, чтобы избежать встречи с духами, которые могут прийти на это место.

У веддов существует настоящий культ мертвых, которых нужно постоянно улаживать, благодарить за удачную охоту и рыбалку, каяться перед ними в грехах, совершенных членами племени. Колдуны этого маленького народа общаются с духами умерших, хотя и не в такой униженной манере, как принято, например, у малайских симангов.

Религиозные верования некоторых племен американских индейцев, по-видимому, происходят от знаменитых ранних цивилизаций Латинской Америки. На это указывает почитание солнца и знание планет, а также мифы и легенды. Но остальные туземцы Западного полушария пошли другим путем. Одно типичное племя амазонских индейцев верит в бога, сотворившего мужчину из дерева, а женщину — из резной фигурки, окуренной дымом, что вдохнуло жизнь в эту первобытную Галатею. Считается, что бог сотворил все хорошее в жизни, но допустил

ошибку, создав луну, так как она несет ответственность за все зло в мире.

Этот краткий очерк о народах джунглей — о том, как они живут и охотятся, об их верованиях и развлечениях — относится только к тем племенам, которые хорошо известны во внешнем мире и в той или иной мере проявляют доброжелательное отношение к исследователям. Итог наших знаний о них может показаться не слишком впечатляющим. Это верно, но в джунглях живут другие люди, о которых мы знаем гораздо меньше. Чтобы получить хотя бы отдаленное представление о том, как они живут, приходится прибегать к догадкам, спекуляциям и дедукции. Они принадлежат к действительно таинственным народам нашей планеты.

Глава двадцать седьмая
ТАИНСТВЕННЫЕ НАРОДЫ

Скептики любят утверждать, что в наши дни нет народностей, неизвестных науке. Но каждый год ученые открывают новые виды животных, и почти каждые десять лет племена или целые расы, ранее считавшиеся мифическими, становятся известными всему миру. Хотя джунгли не обладают монопольным правом на убежище для таинственных народов, в них так много неизученных районов, а их коренные обитатели могут проявлять такую скрытность, что настоящим чудом было бы *не найти* там человеческие общины, еще неизвестные цивилизованному миру.

Учитывая тот факт, что большое стадо слонов может неслышно и незаметно исчезнуть в джунглях, хотя их воды еще наполняются водой на глазах у приближающегося человека, аборигены дождевых лесов могут без труда избегать любых нежелательных контактов. Было бы большой ошибкой утверждать, что мы знаем каждый уголок этих джунглей и всех их обитателей, как было тридцать лет назад, когда специалисты называли Призраков Жел-

тых Листьев досужей выдумкой, или восемьдесят лет назад, когда ученые с презрением опровергали сообщения об азиатских пигмеях. В свое время ученые мужи считали эти истории не более достоверными, чем рассказы о людях с собачьими головами или с лицом на груди.

Но такие истории никогда не умрут и всегда будут находить критиков и приверженцев. В этой главе речь в основном пойдет о людях, чье существование подтверждено фактами не более чем существование азиатских негритосов до 1887 года.

Я впервые встретился с «таинственным народом» в процессе поиска животных, как известных, так и гипотетических. Один из самых выгодных способов приобретения знаний о джунглях — долгие и терпеливые разговоры с местными жителями, особенно с охотниками. В любой части света я, как, впрочем, и многие другие натуралисты, обнаруживал, что эти люди обладают глубокими познаниями в зоологии и ботанике своей страны. У них есть названия для каждого растения и животного; они удивительно много знают о природе и поведении птиц, насекомых, рыб и млекопитающих. Их сообщения обычно достоверны. Хотя ученый с европейским образованием может счесть их рассказы невероятными, он часто обнаруживает, что они говорили чистую правду.

Поэтому когда в Британской Гвиане и Суринаме эти знающие люди говорили о существах, которых они называли *диди* или *ди-ди*, я воздержался от презрительного хмыканья. *Диди* впервые были описаны сэром Уолтером Рейли в 1595 году, после его экспедиции в эту страну; он писал о них как о волосатых людях, наводящих ужас на туземцев. Сам Рейли не видел их, но слышал о них так часто, что не мог поверить, будто слухи распускались специально ради него.

В 1769 году Эдвард Банкрофт, молодой английский ботаник и натуралист, впоследствии подружившийся в Париже с Бенджамином Франклином и шпионивший под его руководством для британского правительства, посетил Гвиану. Он тоже привез с собой сообщение о *диди*.

Индейцы сказали ему, что существо было примерно пяти футов ростом, ходило на двух ногах и имело человеческое тело, покрытое тонкими черными волосами.

Сообщения о *диди* имеют замечательное сходство с рассказами о маленьком народе *двенди* (от испанского слова *duende*, означающего «эльф» или «гоблин»), которые я слышал в Британском Гондурасе. Когда я жил в столице маленького государства Белиз, образованные городские жители относились к *двенди* как к сказочным персонажам. Но и образованные, и необразованные люди, жившие и работавшие в джунглях, не только верили в *двенди*, но и имели доказательства их существования. Я говорил с десятками свидетелей, утверждавшими, что они видели «маленьких людей»; среди моих информаторов были работники лесничества, проходившие курс обучения в Европе и Соединенных Штатах.

Младший лесничий в Британском Гондурасе сказал мне, что несколько раз видел двух *двенди*, наблюдавших за ним с окраины лесного заповедника рядом с горами Майя, неподалеку от Петена, где, по мнению некоторых ученых, зародилась цивилизация индейцев майя. Этот район представляет собой мешанину из горных хребтов, высоких пиков, глубоких ущелий и долин, поросших тропическим дождевым лесом. Ни джунгли, ни сами горы не подвергались тщательному исследованию, они не закартированы, и никто не знает, что там происходит.

По словам лесника, те существа, которых он видел, были ростом от трех с половиной до четырех с половиной футов, хорошо сложенными, но с очень тяжелыми плечами и длинными руками. У них были плоские желтоватые лица. Судя по описанию, они не слишком отличались от самих индейцев майя, среди которых встречаются очень низкие люди. Но утверждалось также, что тело *двенди* покрыто волосами, нехарактерными для майя. Они оставляли необычно глубокие следы с заостренной пяткой.

Обычно, когда кто-нибудь видел их, они внезапно появлялись из леса и наблюдали за человеком издалеки,

молча, но с любопытством, не делая угрожающих движений, хотя иногда мне рассказывали, что они хватают собак и уносят их. На мой взгляд, самой нелепой особенностью были сообщения о том, что *двенди* почти всегда держат над головой предмет, напоминающий большую мексиканскую шляпу, или сомбреро. Я слышал это от полдюжины информаторов, рассеянных по всей Центральной Америке, но скептически относился к их словам, пока не увидел в африканских джунглях крупного шимпанзе, державшего над головой большой кусок пальмового листа наподобие зонтика. Это действительно выглядело как мексиканская соломенная шляпа!

Еще одним свидетельством существования этих «эльфов» служит тот факт, что на многих барельефах древних майя изображены пары крошечных существ, совершенно обнаженных, если не считать больших шляп. Малый рост в данном случае не указывает на низкое социальное положение, так как крестьяне — низший класс в обществе майя — изображены гораздо крупнее.

Существование менее примитивных, но столь же неизвестных людей, живущих в джунглях, больше не вызывает у меня сомнений, так как я имею личное доказательство. Во время экспедиции в Британский Гондурас мы разбили лагерь в предгорьях. Старший лесничий колонии Нейл Стивенсон навестил нас там, и мы отправились в однодневный маршрут на вершину хребта, расположенного за нашим лагерем. Оттуда открывался великолепный вид на территорию, еще не разведанную ни европейцами, ни местными жителями. Мы видели дым, поднимавшийся из леса; прямоугольные участки, чей цвет явно отличался от окружающих джунглей, показывали, что там когда-то велась расчистка под сельскохозяйственные культуры. Наш спутник даже слышал петушиное кукареканье на рассвете.

Дальнейшие свидетельства человеческого обитания в этом районе были получены позднее, когда нефтяная компания «Шелл» делала аэрофотосъемку гористой местности. Фотографии не оставляли сомнений, что в этом

совершенно изолированном районе живут люди. Над ним пролетает один из коммерческих воздушных маршрутов, а с горных склонов можно видеть океанские лайнеры, пересекающие Гондурасский залив. Однако никто еще не выходил во внешний мир из этих загадочных земель, и мы не имеем представления, какие люди там обитают, — возможно, индейцы майя, в свое время бежавшие от испанских завоевателей, или же потомки домайанской цивилизации, принадлежащие к неизвестной расе.

Работая в Гватемале, мы наткнулись на сведения о легендарном *сисемите*. Это огромное волосатое существо гораздо крупнее человека и сильнее любого животного предположительно обитает в горных джунглях. Сисемита видели далеко не так часто, как двенди, и рассказы свидетелей не так достоверны, но он обладает устрашающей репутацией, так как, по слухам, разрывает мужчин на куски и уносит женщин с собой.

В одной из первых историй, опубликованной в 1915 году в «Музейном журнале» Пенсильванского университета, повествуется о том, как сисемит унес жену молодого фермера, которого впоследствии посадили в тюрьму за убийство, так как его словам никто не поверил. Но через некоторое время отряд охотников поймал женщину, которая пришла к ручью напиться. Она отчаянно вырывалась, особенно когда на склоне холма появился сисемит, размахивавший руками и что-то кричавший ей.

«На его плече сидел ребенок или детеныш обезьяны, — сообщили охотники. — Он взял ребенка на руки и поднял, показывая женщине, которая с удвоенной силой возобновила свои попытки освободиться. Сисемит спустился по склону холма почти к самому ручью; он опустил ребенка на землю, принялся отламывать с деревьев большие ветки и швырять в нас».

Когда женщину привели для опознания к мужу, сидевшему в тюремной камере, он сказал: «Моя жена была молодой и красивой, а эта женщина стара и уродлива». Она не произнесла ни слова, отказалась от еды и умерла через несколько дней.

В статье приводятся еще некоторые сведения о сисемитах. Согласно местным верованиям, они неуязвимы для пуль и неуловимы, так как могут бежать спиной вперед и сбивать преследователей со следа. Они страстно желают научиться говорить и разводить огонь. Они собирают небольшие кучки хвороста, но не могут поджечь их; сидят возле углей охотничьего костра, пока пепел не остынет, а потом съедают золу. Они похищают детей в надежде научиться говорить. Если мужчина посмотрит сисемиту в глаза, то умрет через месяц; если женщина сделает то же самое, то она будет жить долго.

Эта легенда очень стара, но вместе с тем современна. В начале 1940-х годов в гватемальском городке Кобан полиция расследовала заявление человека, обвинившего своего зятя в том, что тот позволил сисемиту похитить его дочь. Свидетели видели, как ее уносят прочь, в то время как молодой муж сидел и дрожал от страха. Но его не арестовали, возможно приняв во внимание жуткую репутацию сисемита.

Существует очевидная связь между этими существами и другими, похожими на них, которых видели в довольно отдаленных местах. Сисемит сродни *васитри*, что означает «большой дьявол», о котором барон Александр фон Гумбольдт слышал на реке Ориноко более 150 лет назад. Эти крупные волосатые существа едят мужчин и уносят женщин с целью размножения. Гумбольдту также сообщили, что они строят хижины для жилья, однако это не помешало ему предположить, что туземцы на самом деле видели медведя. Поскольку медведь таких размеров в Южной Америке выглядел бы гораздо более неуместно, чем *васитри*, это объяснение едва ли можно считать удовлетворительным.

Легендарных *ширу*, живущих в колумбийских джунглях, можно считать родичами маленьких людей Центральной Америки и Гвианы. Возможно, они являются единственными американскими пигмеями, которые с успехом прятались от завоевателей и эксплуататоров в течение последних 450 лет. Они не давали своим соседям ни

одного повода для сочинения ужасных историй. Хорошо известный торговец животными, герр Клаус У. Охейм, однажды написал мне:

«Касательно так называемых *ширу*, о которых я слышал от индейцев и от нескольких белых охотников... Во всех сообщениях *ширу* описывается как маленькое существо (4 — 5 футов) человекообразного вида, но полностью покрытое коротким темно-коричневым мехом. Все сходится в том, что *ширу* очень пугливы, за исключением одного индейца, заявившего, что «маленькие люди» напали на него после неудачного выстрела из ружья, которое заряжается со ствола — некоторые индейцы до сих пор пользуются этим оружием, наряду с духовыми трубками. Все сообщения были довольно подробными, объективными и ни в коей мере не окрашенными ярким воображением, характерным для уроженцев Латинской Америки».

В амазонском бассейне истории об остатках народов, предшествовавших местным индейцам, рассказывались в течение многих поколений. Полковник Фосетт считал достоверными сообщения о расе, которую испанцы называли «волосатиками», а португальцы — «народом летучих мышей». Сам он называл их «троглодитами» и писал, что они живут в глубоких ямах, покрытых жердями и пальмовыми листьями, куда можно проникнуть лишь по длинному пологому тоннелю. Считалось, что они выходят из своих убежищ лишь по ночам, отсюда и название «народ летучих мышей». Фосетт даже встречался с индейцами, видевшими этих волосатых существ в районе реки Шингу, один из которых утверждал, что был их пленником. По его словам, ему единственному удалось выжить из десяти человек, атакованных туземцами. Его пощадили, так как одна из женщин дала понять, что он ей приглянулся. В конце концов ему удалось бежать, забравшись на дерево и перепрыгивая с ветки на ветку, так что похитители не смогли выследить его в лесу. Фосетт наде

ялся посетить место обитания этого племени в своей последней экспедиции и писал, что он с нетерпением ждет возможности изучить их обычаи.

На другом краю света существование неизвестных народов отвергается людьми, которые никогда не бывали в джунглях, и повсеместно подтверждается знающими обитателями дождевого тропического леса. Хорошим примером могут служить суматранские *седапы*, о которых существует много местных сказаний. Малайцы называют их *оранг-пендек* (маленькие люди) или *оранг-летжо* (болтливые люди), в противоположность другой легендарной расе, *оранг-гаданг* (большие люди), и есть достаточно оснований полагать, что они не путают всех этих существ с обезьянами.

Истории о *седапах* были так широко распространены еще в XV веке, что Марко Поло слышал и повторял их. В 1818 году англичанин по имени Уильям Марсден, живший на Западном побережье Суматры, описал этот маленький народец. Четкие сведения об их существовании были получены только в начале нашего века.

Конечно, легко отмахнуться от многочисленных показаний очевидцев, утверждая, что они видели обезьян. Суматранский сиаманг как раз такое существо, которое можно было бы назвать *оранг-пендеком*: побольше гиббона, но поменьше крупной человекообразной обезьяны. Хотя он приспособился к жизни в деревьях, но спускается на землю и бегает, опираясь на передние конечности. Однако он не оставляет характерных следов, приписываемых *седапам*.

Обширные свидетельства не оставили у меня сомнений в том, что существование этих странных созданий не только вероятно, но и возможно. Некоторые из наиболее убедительных описаний принадлежат голландцам, в особенности одному капитану судна, перевозившего строевой лес. В 1918 году этот капитан по имени ван Херваарден увидел на берегу протоки маленькие, но странно похожие на человеческие следы и начал задавать вопросы. Он узнал, что другой голландец видел похожие следы, и

поговорил с тремя местными жителями, сталкивавшимися с *седапами* почти вплотную. По свидетельству очевидцев, эти существа были маленькими, ростом около пяти футов, прямоходящими, с покрытыми черной шерстью телами. В 1923 году ван Херваарден решил терпеливо ждать в лесу, откуда приходило большинство сообщений, оставив бесплодные попытки выследить неуловимое существо. Он оставил подробный отчет о своей встрече с *седаной*, которая показалась ему не вполне похожей как на обезьяну, так и на человека.

«Этот экземпляр был женского пола, примерно пяти футов ростом», — пишет он. Самка сидела на ветке дерева, и когда человек начал подниматься, она наклонилась и посмотрела на него. Волосы на передней части туловища были светлее, чем на спине; волосы на голове, густые и висевшие космами, были темными и довольно длинными, ниспадая почти до талии. Темные глаза, похожие на человеческие, плоский, но не уродливый нос, обычные губы, широкий рот, желтоватые зубы с ясно выраженными клыками и узкий подбородок — вот черты, которые ему удалось разглядеть.

«В ее лице не было ничего отвратительного», — свидетельствует он.

Ван Херваарден почти добрался до ветки, где сидела *седана*, когда она неожиданно метнулась прочь. Ветка сломалась под ее весом, и она упала на землю. Далее он продолжает:

«Я поспешно спустился на землю, но прежде чем смог добраться до ружья, существо было уже в тридцати ярдах от меня. Она продолжала бежать, испуская странный свист. Многие назовут это ребячеством, но когда я увидел в прицеле ее развевающиеся волосы, то не смог нажать на курок. Я неожиданно почувствовал, что вот-вот совершу убийство. Я снова приложил приклад к плечу, но мужество опять оставило меня. Насколько я мог видеть, ее ступни были маленькими и широкими, но рассказы о том, будто *седаны* бегают задом наперед — чистейший вымысел».

Позднее были получены другие сообщения о *седапах*, хотя и не такие подробные, как это. То, что загадочное существо спасается бегством и предпочитает скрываться от людей, неудивительно для человека, хотя бы немного знакомого со страной, где оно предположительно обитает. В молодости я несколько месяцев путешествовал по Суматре со спутником-малайцем. Лес там кажется поистине бесконечным. На низменных участках он высокий и плотный, в то время как горные джунгли отличаются невероятной пышностью. Население острова весьма немногочисленно: редкие путешествия в джунгли и болота совершались лишь по руслу рек. Трудно представить себе лучшее убежище для *седаны* или любого другого существа, избегающего цивилизованных мест.

По другую сторону Малаккского пролива, на Малайском полуострове, ситуация довольно похожая. Шестьдесят лет назад британское правительство решило узнать побольше о местных народах и снарядило двух ученых, В. В. Скита и Л. Д. Блэджена узнать, что они собой представляют. Результатом их работы стал многотомный труд «Языческие расы Малайского полуострова».

По ходу дела авторы встретились с негритосами, которые тогда были известны лишь в течение двадцати лет. Они также изучили более рослых *сакаев*, или *сеноев*, — застенчивый, но очень выносливый народ, расчищающий участки в высокогорных джунглях и иногда сооружающий большие, удобные общинные дома из бамбука. Сакаи всегда оставались независимыми, какой бы народ ни правил на низменностях. От них Скит и Блэджен узнали о том, что еще выше, в «облачных лесах», водятся волосатые *санту сакаи*, или «дьявольские сакаи», а также более крупные, очевидно дикие, люди, которые, согласно традиции, почти всегда остаются в своих облачных владениях.

Как гласит легенда сакаев, когда эти существа все же спускаются с гор, они ловят, убивают и поедают отдельных людей — не всех, а только самых худых. Возможно, вы подумали: «Что за чушь!» Но это не кажется таким

уж странным, так как существуют научные исследования, объясняющие, почему норвежские «вервольфы» питали страсть к сырому мясу и не переносили жира. Эти «вервольфы» в основном были умственно отсталыми подростками, жившими в высокогорных долинах, где почти постоянно лежит туман или идет дождь. Уродливые телом и душой, эти несчастные юноши страдали от недостатка «солнечных» витаминов. У себя дома они ограничивались почти целиком растительной диетой и могли найти необходимые питательные вещества лишь в сыром мясе, но жир вызывал у них тошноту. Возможно, такой же недостаток питательных веществ побуждал малайских людоедов совершать набеги, так как их леса почти всегда окутаны туманом. Когда наступает обострение, потребность в постном мясе заставляет их нападать на соседей.

В канун Рождества 1953 года китайская девушка Вон Ю Мой делала надрезы на стволах каучуковых деревьев на малайской плантации, принадлежавшей англичанину Дж. М. Брауну. По ее словам, она почувствовала легкое прикосновение руки к своему плечу, а когда повернулась, то увидела женщину с белой кожей, длинными черными волосами, усиками на верхней губке и кинжалообразными зубами, оскаленными в дружелюбной улыбке — даже в это мгновение ее улыбка не показалась девушке враждебной. Женщина носила лишь набедренную повязку из коры, и от нее пахло «как от животного». Китайка потрянула ее руку с плеча и побежала к забору вокруг усадьбы. Во время своего бегства она заметила у реки, протекавшей поблизости, двух мужчин того же вида: очевидно, они не носили набедренных повязок.

Ее рассказ побудил Брауна обратиться в малайскую службу безопасности, поскольку весь район входил в зону действия коммунистических повстанцев. Вскоре прибыл патруль под командованием капрала, и на берегу реки они увидели тех самых волосатых людей, которых описывала китайка. Когда капрал приказал солдатам прицелиться, все трое нырнули в реку, проплыли под водой к противоположному берегу и убежали в джунгли.

На следующий день индус, работавший на участках, почувствовал, как вокруг его шеи обвиваются волосатые руки. Он вырвался, но упал в обморок, прежде чем успел позвать на помощь. Когда он пришел в себя, странная троица стояла поблизости и смеялась над ним. В тот день капрал и патрульные снова видели их на речном берегу, но так и не смогли поймать.

По одной из версий, это были японцы, сбежавшие в джунгли после окончания войны, вместо того чтобы капитулировать. Но японцы при всем желании едва ли смогли бы отрастить волосы на теле. Почему-то никто не уделил внимания важному моменту в показаниях свидетелей: от этих существ исходила сильная вонь, как от животных. Это соотносится с традиционными историями о горных существах, передающимися в племени сакаев из поколения в поколение.

Важно также, что ни испуганная девушка, ни охваченный паникой индус, ни малайские солдаты не считали поведение странных существ враждебным или угрожающим. Уместно задать вопрос, что могло бы случиться, если бы незнакомцы получили дружелюбный прием и были встречены с понятным любопытством, а не с ужасом и оружием в руках? Если они были вытеснены из своего лесного дома коммунистическими повстанцами, то, может быть, они искали убежища или просто хотели поесть? Какие антропологические тайны могли бы открыться исследователям?

Все эти сообщения имеют еще одну общую черту, которая кажется мне наиболее важной. Все эти существа, безволосые или волосатые, крупные или мелкие, ни разу не были обнаружены охотниками, специально искавшими их. Это справедливо и по отношению к другим скрытым существам в разных частях света. Представители таинственных народов показываются на глаза лишь в тех случаях, когда они хотят, чтобы их увидели, или безразлично относятся к наблюдателям.

Возможно, это объясняет, почему ни одно из загадочных существ до сих пор не было поймано или убито.

В конце концов, их выживание зависело от способности прятаться от врагов в лесу. Несомненно, они развили необычайно острое зрение, обоняние, слух и несколько других чувств, которыми мы практически не пользуемся, так что обычные люди не могут сравниться с ними в этом отношении. До некоторой степени они подобны самым хитроумным представителям животного мира. Но поскольку они являются людьми, хотя и первобытными, то дополняют свои чувства разумом, отсутствующим у животных.

Полагаю, что когда исследователи из цивилизованных стран все же познакомятся с таинственными существами, это произойдет не с помощью изощренного снаряжения, новых приборов или специально обученных собак. Мы не можем найти их, но мы можем позволить им найти нас. Мы встретимся с ними, если просто будем сидеть и вызывать к их любознательности — мощной силе, движущей всеми людьми, да, пожалуй, и всеми млекопитающими.

Часть шестая
**ИССЛЕДОВАТЕЛИ
И ПЕРВОПРОХОДЦЫ**

Глава двадцать восьмая
«ЗАТЕРЯННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Рукописные строки документа 150-летней давности потускнели от времени и стали неразборчивыми, почти неразличимыми. Но в нем с увлекательными подробностями описывались великолепные руины заброшенного города, некогда населенного (по мнению не слишком образованного автора) расой людей, от которой произошла цивилизация древних инков. Он был уверен, что останки этого города гораздо древнее, чем развалины Куско¹. Защищенный крутыми горными отрогами и когда-то стоявший посреди возделанных полей, этот город был скрыт от окружающего мира пышным покровом бразильских джунглей. Сам автор возглавил экспедицию из восемнад-

¹ Город в Перу; древняя столица инков.

цати человек в поисках легендарных золотых шахт. Скитаясь в глуши более десяти лет, они нашли эти шахты, а потом обнаружили город. Затем автор вдаётся в подробности того, что ему довелось увидеть, благоразумно умалчивая о местонахождении древних развалин.

Это был обнесенный стеной город с широкими улицами и рядами двухэтажных домов, возведенных из огромных каменных блоков, хитроумно скрепленных без строительного раствора и покрытых каменными плитами — там, где еще сохранились крыши. Вход из трех огромных сводчатых арок вел через внешнюю стену на главную улицу, заканчивавшуюся просторной площадью, по одну сторону которой возвышались развалины величественного дворца, а по другую — руины древнего храма. В центре площади стояла высокая колонна из черного камня, увенчанная прекрасно сохранившейся статуей человека: одной рукой он упирался в бедро, а другой указывал на север.

Некоторые из квадратных колонн дворца смогли противостоять напору времени, а на стенах залов частично сохранились фрески и резьба по камню. Над одной из дверей была вырезана фигура юноши со щитом и гирляндой на груди, напоминавшей первооткрывателю лавровый венок. Здесь, как и на входных воротах города, были резные символы, выглядевшие как буквы неизвестного алфавита, отдаленно напоминавшего греческий. На дальнем конце площади остатки широкого бульвара граничили с рекой шириной около 150 футов, неспешно протекавшей через поля вокруг города и исчезающей в джунглях.

Выкрошенные резные блоки и упавшие колонны свидетельствовали о былом величии; очевидно, это место было покинуто много веков назад. В пыли удалось найти единственную золотую монету или медаль. На одной стороне был изображен коленопреклоненный юноша, а на другой — лук, корона и музыкальный инструмент.

Автор старого манускрипта считал, что видит все при знаки страшного землетрясения. Он полагал, что это заставляло выживших жителей навсегда покинуть великий

город. Теперь он превратился в убежище для миллионов летучих мышей, и, разумеется, не осталось никаких следов мебели и домашней утвари: все давным-давно сгнило.

На другой стороне реки широкая каменная лестница вела к удивительно хорошо сохранившемуся зданию из пятнадцати комнат. Все двери открывались в огромный зал, украшенный резными надписями и барельефами. В каждой комнате каменная голова змеи пускала тонкую струю воды, падавшую в бассейн, образованный разинутой пастью другой змеи.

Многие люди рисковали жизнью из-за подобных историй. Бразилец, написавший этот манускрипт, собирался вернуться в сказочный город и разбогатеть. Никто не знает, удалось ли ему это сделать или нет, поскольку других сведений о нем не сохранилось. Но мы знаем, что через 150 лет его история — по крайней мере, отчасти — вдохновила другую экспедицию в джунгли, из которой не вернулся никто.

Легенды о городах, похороненных в джунглях, пользуются лишь немногим меньшей популярностью, чем истории о забытых цивилизациях в горах или пустынях. Еще один «очевидец» описывает место, очень похожее на таинственный город в Бразилии. Однако в отличие от предыдущего этот город был населен: с вершины горного хребта наблюдатель видел индейцев, разгуливающих по долине, и испугался подойти ближе. В других джунглях ходят слухи о каменной башне, освещенной как нью-йоркский небоскреб зимним вечером; говорят, что свет горит по ночам, озаряя многочисленные окна и двери.

Итак, существуют ли на самом деле легендарные города джунглей, оправдывающие богатую коллекцию вымыслов о них? Существует ли неведомый Шангри-Ла, защищенный дождевым лесом лучше, чем самыми высокими горами? Есть ли на свете доинкский Эльдorado, скрытый под пышной растительностью или окруженный ею?

Думаю, лучший ответ на эти вопросы дают хорошо известные археологические остатки культур, созданных

двумя совершенно разными народами. Много веков назад они строили огромные города, процветавшие в течение долгого времени, но поглощенные джунглями после того, как люди оставили их. Это кхмеры в Юго-Восточной Азии и майя в Центральной Америке. Они оставили нам самые наглядные свидетельства того, что происходит в области соревнования между природой и творениями человеческих рук.

Наиболее знаменитый пример — великий кхмерский храм Ангкор-Ват в Камбодже¹ и расположенная поблизости столица древней кхмерской империи, Ангкор-Тхом. Храм предположительно построен в XII веке, в то время как город датируется IX веком. Ангкор-Тхом оставался столицей страны до середины XV века.

Без сомнения, это был один из самых великолепных городов, когда-либо построенных людьми. Судя по остаткам их цивилизации, эти люди не выносили вида камня, не покрытого резными фигурами и не украшенного барельефами. На стенах зданий они воспроизводили изображения сотен человеческих лиц шестифутового размера, вырезали целые стада слонов в натуральную величину. По оценкам ученых, в зените своего величия Ангкор-Тхом имел миллионное население и занимал площадь в двадцать квадратных миль, хотя его массивные стены окружают площадь лишь в три с половиной квадратные мили. Его башни не уступают по высоте средневековым европейским соборам.

В эпоху развития культуры и архитектуры кхмеры достигли наибольших военных успехов. Их боевые слоны в те времена пользовались репутацией немецких танков после падения Франции. Но другие народы научились бороться с ними, и постепенно кхмерская империя уменьшалась; Ангкор был разграблен и впоследствии покинут жителями. Подробности этого упадка неизвестны, но в течение почти пятисот лет природа не встречала противо-

¹ Ныне — Кампучия. Ангкор — грандиозный комплекс храмов, дворцов, водохранилищ и каналов близ г. Сиет-Реал.

действия со стороны людей, и джунгли начали свое умолимое возвращение.

Хотя Ангкор находится лишь в трехстах милях от Сайгона и еще ближе к Бангкоку, город совершенно изгладился из памяти людей. В XIX веке, когда Франция установила протекторат над Индокитаем, история кхмерской империи была настолько пронизана мифами и легендами, что большинство из тех, кто слышал об Ангкоре, сомневались, существовал ли он на самом деле.

Некоторые руины цивилизации майя выдерживали напор джунглей еще дольше, чем Ангкор. Внутри зданий сохранились гончарные изделия и даже резные деревянные балки, но время и растительность причинили строениям больший внешний ущерб, чем в Камбодже. Тем не менее осталось достаточно, чтобы внести огромный вклад в наши познания об этой культуре. Много новых находок было сделано в сравнительно недавнее время.

Наиболее интересные раскопки руин цивилизаций майя сейчас проводятся в местечке Тикаль в Гватемале, хотя мы не знаем, каким названием пользовались древние индейцы. Это был крупнейший и, вероятно, наиболее древний из классических городов майя. Наиболее ранние каменные монументы датируются 1400 годом до нашей эры, а самые поздние — 800 годом нашей эры, хотя Тикаль был населен и позднее. Сейчас считается, что сама культура и власть ее правителей приходили в упадок на протяжении нескольких поколений, прежде чем город был окончательно заброшен.

Джунгли так хорошо маскируют развалины, что любой, кто проходит в нескольких сотнях ярдов справа или слева от них, не замечает ничего необычного. Высокие деревья растут на террасах и уступах пирамид. Одно строение, названное «пятиэтажным храмом», достигает высоты 229 футов — абсолютный рекорд для архитектуры майя. Первые исследователи обнаружили, что проще забраться на вершину здания, цепляясь за корни лиан и стволы деревьев, чем по огромным, частично обрушившимся ступеням. Крыши и вершины стен заросли орхи-

деями и другими эпифитами, которые чувствуют себя в каменных расщелинах так же уютно, как и на ветвях деревьев.

Однако внутри огромные балки, сделанные из саподиллового дерева до сих пор украшены прекрасной резьбой майя, выдержавшей натиск времени. В верхних чертогах храма были обнаружены сосуды и другие керамические изделия, включая затейливые полые статуэтки со следами яркой раскраски.

С годами археологи смогли определить очертания города и его главных зданий, улиц и площадей по едва заметным следам, широко разбросанным в джунглях. В 1956 году Пенсильванский университет предпринял в Тикале большие раскопки в рамках восстановительного проекта. Огромная масса растительности была удалена с вершин и стен главных зданий, и постепенно великий город майя начал принимать свой облик тысячелетней давности. Джунгли, почти скрывшие его от человечества, были вынуждены отступить.

Имеем ли мы право судить, что есть в джунглях и чего там нет? Я предпочел бы, чтобы мы перестали обмениваться мнениями по этому предмету и провели настоящее исследование. Насколько нам известно, коренные жители джунглей не создали развитых культур, чего нельзя сказать о людях, живших на окраинах тропических лесов. Если древние кхмеры и майя могли это сделать, другие ничем не хуже их. Не стоит утверждать обратного лишь потому, что до сих пор у нас нет вещественных доказательств.

Глава двадцать девятая МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ

Мудрецы древних цивилизаций Средиземноморья оставили нам обширное наследие, состоящее из глубоких рассуждений о природе вселенной и наблюдений окружающего мира. Очевидно, им не приходилось бывать в джунглях, но они были знакомы с историями о животных и людях, обитающих в тропических дождевых лесах, интересовавших их гораздо больше, чем пышная растительность. Они придумали великое множество чудес, изображая и описывая необъятную *terra incognita*, лежавшую к югу и востоку от их родной земли, но, похоже, не имели даже смутного представления о величественных экваториальных лесах с плотным лиственным пологом и могучими колоннами древесных стволов.

Примечательно, что они старались делать свои записи как можно более подробными, особенно в том, что касалось людей. В то время, когда они встречались с африканскими пигмеями, частично населявшими верховья Нила в эпоху Древнего Египта, сведения об азиатских негритосах могли дойти до них только из вторых рук. В об-

шем и целом древние достаточно-здорово относились к историям путешественников из дальних стран.

Египтяне устраивали экспедиции на юг и могли достигать окраин джунглей, хотя едва ли углублялись туда на значительное расстояние. Но в любом случае им приходилось торговать или воевать с племенами, хорошо знакомыми с лесным народом. Изображения пигмеев встречаются в настенной египетской живописи, и у нас нет причин сомневаться в том, что это действительно пигмеи, так как художники потрудились изобразить их хижины — точно такие же, как в наши дни.

Одна из литературных загадок прошлого заключается в том, как Гомеру удалось узнать о «маленьких людях». Поскольку мы знаем об авторе «Илиады» и «Одиссеи» не больше, чем о пигмеях тех времен, то вряд ли когда-нибудь получим точный ответ. Сейчас достаточно хорошо установлено, что он жил до 700 года до нашей эры, но когда именно, можно лишь гадать. Однако греки, его современники, располагали определенными знаниями о землях Африки, расположенных далеко за пределами тех путешествий, о которых остались письменные свидетельства.

Впрочем, в те дни по морям плавали более предприимчивые и искусные торговцы, чем древние греки. Финикийцы были главными мореходами Средиземного моря, и во времена Гомера они уже освоили навигацию в открытом океане. Считается, что еще при жизни великого поэта финикийский флот совершил плавание вокруг Африки. Оно предположительно длилось два года или даже больше, так как моряки один или два раза высаживались на берег, чтобы посеять зерно и собрать урожай. Вернувшиеся мореходы вполне могли привезти с собой истории о животных и народах, населяющих джунгли, и эти истории быстро распространились по всему Средиземноморью, так как финикийцы были великими торговцами.

Большинство предположений об этой африканской экспедиции происходит от сведений о другом плавании,

совершенном примерно через сто лет, в VI веке до нашей эры. Его возглавлял карфагенский мореплаватель по имени Ганнон. На заре своего существования Карфаген был финикийским форпостом в Средиземноморье; жители города унаследовали навыки и мореходные качества его основателей. Отчет об этом путешествии сохранился в греческом переводе, где утверждается, что оригинал был написан на табличках в карфагенском храме. Если перевод точен, то экспедиция была очень большой: тридцать тысяч людей, мужчин и женщин, отправились в плавание на шестидесяти многовесельных судах. В те дни теснота во время плавания была обычным явлением, но размещение в среднем пятисот человек на каждом корабле все же кажется авторским преувеличением.

Однако нет сомнений, что Ганнон предпринял плавание и вернулся, хотя и не повторил первого маршрута. Он проплыл через Гибралтарский пролив и дальше вдоль побережья до западной оконечности африканского континентального выступа. Затем он повернул на восток и плыл еще некоторое время. По свидетельству моряков, изучавших записи о путешествии, он заплыл по меньшей мере на десять градусов к югу от экватора, оставив крайнюю западную оконечность Африки далеко позади.

Ганнон был первым, кто доставил в Средиземноморье сведения о существах, по описанию напоминающих шимпанзе. Карфагеняне считали их разновидностью человека, хотя очень странной, дикой и волосатой. Их поразило, с какой ловкостью эти «люди» спасались бегством на утесах, хватаясь за выступы, незаметные для глаза, и легко поднимаясь на неприступные скалы. Карфагеняне изловили нескольких «женщин», но не смогли усмирить их. В конце концов они были умерщвлены, а их шкуры были доставлены в Карфаген.

Финикийцы закладывали основу для новых торговых рынков на Востоке, благодаря чему греческий врач Ктесий впоследствии поступил на службу в Персии, где услышал о странных маленьких людях, живших в лесах

Центральной Индии. Ктесий и его греческие преемники на разные лады повторяли эти истории, хотя у нас нет уверенности в том, что их рассказы впоследствии не искажались переводчиками и переписчиками. Их собственные сочинения не дошли до наших дней, хотя выдержки из книги Ктесия были перепечатаны через тысячу лет после его смерти!

Здесь уместно дать небольшое разъяснение о финикийцах. Они считались «таинственным народом» истории, но современные исследования наконец пролили свет на их происхождение. Этот семитский народ первоначально обитал у берегов Персидского залива. Примерно за 2000 лет до нашей эры они частично переселились в Средиземноморье, основав на побережье Палестины несколько портовых городов: Арвад, Тир, Сидон и другие, известные историкам. Оттуда они могли плавать по всему Средиземному морю, будучи в первую очередь торговцами и мореходами.

В настоящее время ведутся оживленные дискуссии об их взаимоотношениях с критской и родственной ей минойской цивилизацией на островах Эгейского моря. Было отмечено, что языки этих двух народов имеют много общего. Они могли существовать в общем культурном поле, но вопрос о том, имеет ли оно коренное происхождение или пришло с Востока вместе с финикийцами, остается нерешенным.

Как бы то ни было, финикийцы основали торговые форпосты, вокруг которых образовались поселения, в чем-то сходные с европейскими колониями. Самым известным примером является Карфаген, но были и другие — на Сицилии, Сардинии, южных побережьях нынешней Франции и Испании. Легендарный Гартесс, вероятно, был одной из последних финикийских колоний. Более того, эти странные мореходы с побережья Персидского залива и Индийского океана принесли с собой великое искусство кораблестроения: шверцы (выдвижные боковые кили), носовые и кормовые паруса, возможно, даже встроенные румпели вместо рулевых в

сел. Они плавали и торговали по всему Средиземноморью и, по-видимому, очень скоро проникли в Атлантику через Гибралтарский пролив. Некоторые ученые категорически утверждают, что они достигли побережья Америки около 1200 года до нашей эры и с тех пор вели межконтинентальную торговлю вплоть до 400 года до нашей эры. Хотя это уже не относится к нашей истории, следует упомянуть о том, что эти выдающиеся мореходы, возможно, плавали по великим тропическим рекам Африки и Южной Америки и первыми привезли в Европу личные впечатления о джунглях.

С моей точки зрения, если в заново открытой истории финикийцев есть достоверные факты, то мы должны считать их первыми настоящими исследователями джунглей. К сожалению, сами финикийцы и жители финикийских колоний не оставили нам никаких письменных свидетельств. Нам приходится реконструировать их деяния на основе скудного исторического материала.

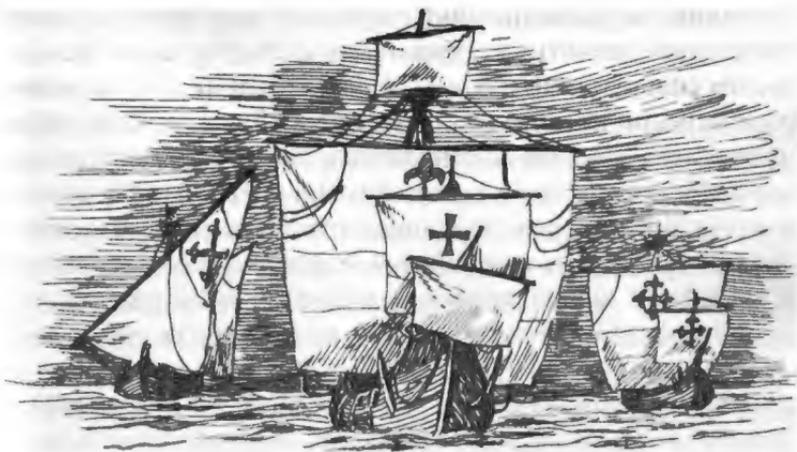
Рим был следующей средиземноморской державой, вступившей в контакт с народами, которые знали о джунглях. Особенно это относилось к Африке, поскольку южная граница империи проходила в Нубии¹. Остатки римской цивилизации были обнаружены по течению Нила вплоть до современной Асуанской плотины. Но в царствование императора Диоклетиана, правившего с 284 по 305 год нашей эры, граница отодвинулась к Средиземному морю и Рим утратил контакт с народами, обитавшими на юге. Впрочем, римляне, жившие на южных границах империи, внесли незначительный вклад в представления своих современников о великих джунглях. Их главным достижением следует считать сбор и сохранение информации из более древних источников. Например, в I веке нашей эры Плиний Старший пересказал на латыни некоторые труды Ктесия и других ученых.

¹ В древности — страна Куш, располагавшаяся между 1-м и 6-м порогами Нила и далее к югу. С X века получила название Нубия.

Плинию особенно полюбилась идея о том, что полулюди, полуживотные, обитавшие в Индии, были результатом совокупления туземцев с животными. Но, по крайней мере, он не считал эти существа обезьянами. В другой греческой истории утверждается, что некоторые из маленьких лесных людей — тех самых, о которых Ктесий говорит как о человечках меньше трех футов ростом, — имели такие длинные волосы, что мужчины не носили одежду, а просто заворачивались в свои бороды.

Искушение посмеяться над этими преувеличениями, прилежно повторяемыми мудрецами былых времен, заметно уменьшается, если принять во внимание, что даже в наши дни образованные люди ошибались в противоположном направлении. Скептические по натуре, они отвергали великое множество истин о джунглях и их обитателях лишь потому, что правда не укладывалась в рамки общепринятой теории.

Глава тридцатая
ЭПОХА ОТКРЫТИЙ

Через две тысячи лет, когда европейцы начали проявлять такую же активность в морских путешествиях, как некогда финикийские мореплаватели, они проложили путь в разные края света, где росли джунгли. Тропические дождевые леса Центральной Африки ранее находились вне досягаемости путешественников; Америка была неизвестна; Азию посещали лишь случайные странники, но не флоты или экспедиции. Поэтому открытию джунглей предшествовало освоение, колонизация и устройство поселений в экваториальных поясах.

Однако великие мореходы прошлого не имели непосредственного отношения к джунглям. Некоторые видели загадочные леса с достаточно близкого расстояния; их рассказы пробуждали восторг и любопытство на родине. Другие не только смотрели, но и торговали с народами, обитавшими на окраинах джунглей. Их приобретения пробудили алчность крупных торговцев, что в конечном счете привело к огромному расширению горизонтов всей

европейской цивилизации. Даже маленькие страны могли стать великими империями.

Первой из них была Португалия. Крошечное королевство, втиснутое между горами и морем на краю Иберийского полуострова¹, она была родиной молодого человека, страстно любившего морские суда. Будучи сыном короля, он имел все возможности для удовлетворения своей страсти. Он известен под именем Генриха Мореплавателя², хотя сам лично никогда не отправлялся в дальнее плавание. В 1416 году, когда ему было лишь двадцать два года, он основал школу, куда привлек всех знающих людей, способных строить надежные суда и совершать длительные плавания: итальянских моряков, испанских корабелов, арабских картографов и математиков, еврейских астрономов. Они разработали первые западные навигационные инструменты, чтобы капитаны могли определять местонахождение кораблей и маршрут плавания. К концу XV века Португалия разбогатела благодаря древесине, слоновой кости, золоту и рабам из Африки. Когда Бартоломеу Даиш обогнул мыс Доброй Надежды в 1488 году — он назвал его «Мысом Бурь», но король³, который никогда там не был, решил, что Добрая Надежда привлечет больше последователей — Португалия находилась на пути к главенству в торговле с Азией. Васко да Гама закрепил это преимущество несколько лет спустя, когда обнаружил более надежный маршрут вокруг мыса Доброй Надежды в Индию: он поплыл на запад к Бразилии, а затем на восток, пользуясь преобладающими ветрами к югу от «конских широт»⁴.

¹ Одно из древних названий Пиренейского полуострова, где жили иберы, давшие имя стране Иберия (Испания), а также Иберийским горам.

² Португальский принц, сын короля Жуана I. Жил в 1394–1460 гг.

³ Жуан II (1455—1495).

⁴ Северные широты от 30 до 33 градусов южной широты, штилевая полоса Атлантического океана (*Прим. пер.*).

«Открытие» Америки, совершенное Колумбом, хотя и легло в основу великой Испанской империи, ничуть не уменьшило торгового превосходства Португалии. Когда португальские капитаны и колонизаторы подарили своему королевству Бразилию и лучшие торговые порты в Африке и Азии, благосостояние страны достигло зенита. Другие великие мореплаватели — французские, английские, голландские и итальянские — проложили путь для колонистов, торговцев и миссионеров, основавших прибрежные поселения, которые стали для колонистов отправной точкой для последующего проникновения в джунгли.

Эти первопроходцы видели тропический дождевой лес только с палуб своих кораблей или в те короткие моменты, когда входили в устья рек для пополнения запасов пресной воды и продовольствия. Педру Альвариш Кабрал, объявивший Бразилию португальской собственностью по пути в Индию (в конце концов он попал туда), имел некоторое представление о низменных джунглях.

Мореходы подготовили почву для конкистадоров, которые, в свою очередь, дали стимул для первой экспедиции в джунгли, когда-либо совершенной европейцами, а именно — сплаву вниз по Амазонке, совершенному людьми из воинства Франсиско Писарро. Это странствие, продолжавшееся более полутора лет в 1541—1542 годах, на самом деле началось еще раньше, когда Писарро в 1538 году отправил через Анды отряд под командованием своего брата Гонзало для исследования «страны корицы», по слухам расположенной во внутренних областях континента. Когда отряд достиг верховий Амазонки, испанцы уже претерпели много лишений и поняли, что дальше по суше передвигаться невозможно. Один из капитанов, Франсиско де Орельяна, был отправлен вниз по реке за помощью. Испанцы построили лодку, которую летописец экспедиции называет «бригантиной», и Орельяна отправился в плавание вместе с пятьюдесятью шестью спутниками, часть которых следовала за лодкой на каноэ.

В его отряде находился монах ордена доминиканцев по имени Гаспар де Карваджо, закаленный тридцати-

семилетний фриар из испанской провинции Эстремадура. Его «отчет» о путешествии является нашим единственным источником информации — впрочем, вполне достоверным. Чудеса, невзгоды, опасности и страдания записаны с необыкновенной подробностью; преувеличения ограничиваются рассказами посторонних людей, а не его собственными переживаниями и наблюдениями.

Еще в начале плавания Карваджо заподозрил, что Орельяна намерен спуститься по реке до моря и не возвращаться к Гонзало Писарро. Капитана не трогали обвинения в предательстве, и большинство его людей явно предпочитало неизвестные опасности, ожидавшие впереди, голоду и страданиям, оставшимся позади. (Два года спустя Гонзало Писарро и остатки его отряда добрались до Лимы, снова перевалив через Анды.)

Орслыана и его люди — первые европейцы, плывшие по величайшей реке джунглей, — имели в своем распоряжении шумные, но не слишком точные аркебузы и запасы пороха, часто отсыревавшего во влажном климате. Но их арбалеты были смертоносными. Карваджо полагал, что им бы не удалось спуститься по Амазонке без этого эффективного оружия, превосходившего в дальности стрельбы обычные индейские луки, так как их отношения с туземцами, особенно на последнем этапе путешествия, строились на принципе «сначала стреляй, потом разберемся».

Неделю за неделей они плыли вниз по реке, окаймленной сплошной стеной джунглей, без признаков жизни. Они слышали пение птиц и крики обезьян, но не добывали дичи, собирали очень мало фруктов и орехов и были либо очень плохими, либо очень неудачливыми рыбаками. В результате они почти постоянно страдали от голода. Каждый раз, когда испанцы видели индейский поселок, они были не в настроении вести долгие переговоры. Если индейцы проявляли нежелание поделиться своими припасами, испанцы открывали огонь, занимали деревню и забирали всю еду, какую могли найти. Там, где индейцы были достаточно сговорчивы и обменивали мясо, рыбу, пернатую дичь, фрукты и орехи на предметы одежды или блестящие

безделушки, путешественники наедались до отвала. В одной такой деревушке, примерно на полпути вниз по течению Амазонки, они остановились на достаточно долгое время, чтобы построить вторую «бригантину» из огромных стволов широколиственных деревьев. Работа заняла всего лишь пять недель, хотя Карваджо утверждает, что среди его спутников не было искусных корабелов.

С этого момента испанцы отказались от каноэ, что, с точки зрения Карваджо, было весьма благоприятно, так как прочные борта предоставляли некоторую защиту в стычках с недружелюбными туземцами.

Джунгли не пробудили у испанцев теплых чувств. Они никогда не видели подобных деревьев, такой плотной массы листвы, зеленой и абсолютно неподвижной в спертном воздухе, нарушаемом лишь внезапными грозами. Они не лумали о том, что может таиться за этой непроницаемой пеленой; возможно, они считали, что в глубине леса творится то же самое, что и снаружи. Карваджо вдается в детали лишь при описании открытых пространств — например, участков саванны. Однажды, глядя с палубы корабля через поля и травянистые пустоши, он увидел несколько больших «городов», ярко-белых в сумрачном свете. Возможно, это были группы общинных хижин или домов с лиственными крышами, которые возводятся некоторыми индейскими племенами. Однако испанцы не углублялись на чужую территорию. Они слишком опасались нападения и выходили на берег лишь для того, чтобы добыть еду.

Карваджо называл реку «Орельяна» в честь своего капитана, но ее нынешнее название взято из той части его летописи, где описывается инцидент, случившийся на одном из заключительных этапов плавания. Монах пишет, что испанцы искали на берегу удобное место, где они могли бы отпраздновать день Святого Иоанна Крестителя, 24 июня. Они обогнули излучину реки, и, по словам летописца, оказались «во владениях воинственных амазенок», хотя название, несомненно, было придумано позднее.

Огромные толпы индейцев встретили белых людей и издавали девательскими криками. Когда Орельяна приказал судам пристать к берегу, чтобы совершить очередной грабительский набег, туземцы ответили ливнем стрел, и началась битва. Испанцы обычно без труда отражали подобные атаки, так как они были надежно защищены щитами и доспехами и могли удерживать индейцев на сравнительно большом расстоянии. Но эти индейцы, по словам Карваджо, оказались решительнее других; он объясняет их необычную храбрость тем, что они были слугами амазонок. Во время боя они послали за помощью к своим правителям, и на этот призыв откликнулись десять или двенадцать женщин-воинов. Они командовали отрядами индейцев, дрались «с силой десяти мужчин» и вдохновляли их своим примером. В сущности, Карваджо пишет, что когда кто-то из мужчин поворачивался спиной к битве, одна из этих женщин тут же вышибала ему мозги.

Бой продолжался больше часа, что резко отличалось от прежних стычек, когда туземцы ушли почти немедленно. Но в конце концов семь или восемь амазонок были убиты вместе с большим количеством своих подчиненных. Пятеро испанцев получили легкие ранения, включая Карваджо, которому стрела попала в бок. Когда индейцы наконец дрогнули, Орельяна приказал своим людям отступить к кораблям. Приказ был весьма своевременным, поскольку к месту сражения прибывали сильные подкрепления.

Карваджо описывает «амазонок» как высоких, пышущих здоровьем женщин с очень белой кожей и длинными темными волосами, заплетенными в косы на голове. Они сражались обнаженными, если не считать узких набедренных повязок.

Это все, что он мог сказать о них, но один из индейцев, захваченный в плен во время боя, сообщил испанцам гораздо больше, и Карваджо повторяет его рассказ. Этот человек хорошо знал амазонок, так как ему неоднократно приходилось возить в их город дань, которую платил вождь его племени. Женщины жили в семи днях пути от

реки, в городе с великим множеством золотых и серебряных украшений, обильно приносимых в жертву божееству солнца. Они одевались в шерстяные ткани (так же, как инки) и ели с серебряных и золотых тарелок. Обуреваемые сексуальными желанием, они не просто крали мужчин, но отправлялись воевать с особым племенем, жившим неподалеку. Пленники становились их любовниками, и если женщина могла забеременеть, то мужчину отправляли домой. Детей мужского пола, рожденных от таких союзов, либо убивали, либо отправляли к отцам; девочек воспитывали как воинов.

История индейского пленника так воспламенила воображение современников Карваджо, что предложенное им название «река Орельяна» не получило поддержки. Рассказы о воинственных женщинах, живущих в джунглях, с тех пор многократно повторялись на берегах Амазонки, и многие индейцы верили им.

Однако люди, не бывавшие на Амазонке, подвергали сомнению достоверность истории Карваджо, и по сей день ученые авторы полагают, что в пылу сражения он ошибся, приняв длинноволосых мужчин за женщин. Но не следует забывать о том факте, что до тех пор испанцам в течение нескольких месяцев приходилось сражаться с длинноволосыми мужчинами. Опытные исследователи джунглей Южной Америки не проявляют такого скептицизма. Существование воинственных женщин, описанных Карваджо, вполне возможно, и, поскольку он утверждает, что видел их наряду с другими испанцами, у нас нет оснований сомневаться в его словах.

В любом случае, Амазонка получила свое название в результате этого сражения, которое произошло в канун праздника Святого Иоанна Крестителя. Усталые победители, слишком измученные, чтобы сесть за весла, отдались на волю течения. Голод продолжал терзать их, и когда на берегу показалась вроде бы заброшенная деревня, Орельяна поддался на уговоры и приказал пристать к берегу в надежде найти еду. Однако их поджидала засада, и Карваджо был ранен стрелой в глаз. Отряд немедленно

отступил. Интересно заметить, что, хотя рана была крайне болезненной, Карваджо продолжал писать свою хронику.

Через два месяца после битвы с амазонками отряд достиг устья реки. Карваджо с изумлением заметил, что ее ширина составляет не менее 150 миль, а ее воды окрашивают воды океана на расстоянии 75 миль — настолько сильным было течение. По-прежнему работая на веслах, испанцы прошли вдоль побережья до порта Нуэво-Кадис, откуда Орельяна отплыл в Испанию, чтобы рассказать об экспедиции своему королю. Карваджо вернулся в Перу, завершил свою хронику, стал видной фигурой в своем ордене, получил титул «защитника индейцев» и умер неподалеку от Лимы в возрасте примерно восьмидесяти лет — через сорок два года после сражения с амазонками.

Наверное, он описал самое замечательное плавание по реке за всю историю человечества: около четырех тысяч миль через совершенно неведомые земли, с одной лишь уверенностью, что река когда-нибудь соединится с морем — тезис, в котором люди капитана Орельяны вполне могли усомниться задолго до окончания своего плавания. Благодаря им величайшая из рек джунглей стала известна в Европе. Другая великая река, Конго, была пройдена по всей длине лишь триста лет спустя, а Меконг тогда еще даже не был известен европейцам.

Глава тридцать первая
ВЕЛИКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Два аристократа XVIII века, француз и немец, заложили основы настоящего научного исследования джунглей. Со времен мореходов XV — XVI веков в Европу хлынул мощный поток сведений и легенд о новых открытиях. Моряки и воины, торговцы и гражданские служащие, пираты и искатели приключений, даже ученые и священники писали книги о тропиках, описывали свои переживания и повторяли услышанные ими истории. В некоторых из этих рукописей содержалось значительное количество здоровой, научно достоверной информации, но реальные знания о джунглях еще предстояло добыть.

Любой, кто когда-либо занимался научной работой в джунглях, несомненно, отдаст должное достижениям двух аристократов: Шарля Мари де ла Кондамина и Александра фон Гумбольдта. Они привнесли в изучение этих растительных комплексов холодную объективность и неистощимую любознательность эпохи европейского Просвещения. Считается, что ла Кондамин был первым настоящим ученым, проводившим исследования в джунглях.

Сын очень богатого человека, он получил образование в начале эпохи правления Людовика XIV. В возрасте восемнадцати лет он был младшим офицером, когда познакомился с испанским солдатом, бывавшим в Америке. Истории о красотах Анд захватили воображение ла Кондамина, и ему захотелось поближе познакомиться с этим континентом. Но он обладал научным складом ума и имел цель, которая привела его к изучению геодезии и математики в процессе подготовки к путешествию. В 1730 году, в возрасте двадцати девяти лет, он стал членом Французской академии наук. Пять лет спустя его назначили руководителем одной из двух научных экспедиций, снаряженных для решения одного из наиболее спорных научных вопросов того времени, а именно: какую форму имеет Земля? Разумеется, круглую и слегка сплюснутую на полюсах... или на экваторе? Каждая научная школа имела своих твердых последователей. Французская академия предложила разрешить спор при помощи измерений на местности. Одна экспедиция отправится как можно ближе к полюсу (то есть в район Лапландии), а другая — к экватору.

Король Людовик предоставил корабли для ученых и выделил определенную сумму денег на исследования. Сам ла Кондамин сделал поистине королевский вклад и возглавляемую им экспедицию к экватору — сто тысяч ливров, — хотя биографы ясно дают понять, что это не повлияло на его назначение. Он отплыл из Ла-Рошеля в мае 1735 года с группой из десяти помощников с научным образованием и потратил десять лет жизни на осуществление своей задачи.

Измерения проводились в Эквадоре, где ла Кондамин за девять лет работы провел сложную серию триангуляций¹ на расстоянии более трехсот миль в условиях сильно пересеченной местности. Результаты подтвердили изме-

¹ Метод определения положения геодезических пунктов построением на местности систем смежно расположенных треугольников. Основной метод создания опорной геодезической сети и градусных измерений.

рения лапландской экспедиции, первой закончившей свою работу. Оба исследования доказали, что Земля представляет собой слегка сплюснутый сфероид — факт, уже подтвержденный теоретически сэром Исааком Ньютоном. Большинство выживших членов экспедиции (три человека умерло) отплыло во Францию, но их руководитель решил вернуться домой маршрутом капитана Орельяны, вниз по Амазонке.

Ему повезло в том, что путешествие было гораздо более мирным, чем двести лет назад (или могло бы быть двести лет спустя!). Миссии, основанные испанцами и португальцами по берегам реки, помогали путешественникам находить новых гребцов и снабжали их продовольствием. Не было ни одной стычки с индейцами, и все плавание заняло лишь два месяца. Ла Кондамин писал, что путешествие показалось ему утомительным в основном из-за однообразного ландшафта. Он занимался многочисленными измерениями — определял скорость течения, ширину и глубину реки, угол наклона ее ложа — а также наблюдал за джунглями. Он экспериментировал с кураре, при помощи которого индейцы отравляли наконечники своих стрел, и выяснил, что сахар представляет собой действенное противоядие. Он описал метод индейской рыбалки «с помощью определенных листьев и корней, которые, попадая в воду, обладают свойством травить рыбу», что было открытием ротенона, ныне известного как основной компонент многих современных инсектицидов. Он описывал деревья и лианы. С большей ясностью, чем кто-либо раньше, он разъяснил замечательную роль лиан в строении джунглей. Он уже собрал образцы каучука и хинина; теперь он отметил, что деревья, из которых добывается каучук, свободно растут в джунглях. Ла Кондамин сделал из этого материала водонепроницаемое покрытие для своих научных инструментов и привез с собой первые образцы практического применения резины. И наконец, наблюдения ла Кондамина позволили ему создать первую сравнительно точную карту течения Амазонки от верховий до самого устья и мест ее слияния с главными притоками.

По возвращении в Париж ла-Кондамин написал отчет о плавании по Амазонке, который был опубликован в Англии в 1747 году под названием «Путешествие через внутренние области Южной Америки».

Одним из важных результатов его работы было ее влияние на молодого Фридриха Генриха Александра фон Гумбольдта, родившегося в Пруссии в 1769 году и воспитанного в атмосфере знаний, поощряемой при дворе Фридриха Великого, где отец мальчика был уважаемым военачальником. Александр и его брат имели наставника, который в свое время перевел «Робинзона Крузо». Он баловал своих подопечных историями о тропических приключениях, что пробудило в одном из них горячее желание когда-нибудь посетить эти места. Наряду с родным языком мальчики изучали французский, английский и испанский. Александр всю свою жизнь предпочитал писать по-французски, как и король Пруссии, но в нем было так мало чувства национального патриотизма, что он смог пройти через всю эпоху от Великой французской революции до потрясений 1848 года, не принимая участия в политических событиях.

Иногда кажется, что ему было все равно, куда отправиться — лишь бы путь лежал через океан. Сначала он захотел присоединиться к кругосветной экспедиции, организованной в Париже в 1798 году. Руководитель экспедиции принял его, и они были уже готовы отправиться в путь, когда Наполеон отложил плавание. Осуществлению следующего проекта Гумбольдта — изучению верховий Нила из Египта — помешала победа Нельсона при Абукире.

В промежутке Гумбольдт познакомился с Эме Бонпландом, французским врачом, который слишком интересовался ботаникой, чтобы основать медицинскую практику, и тоже числился среди участников кругосветной экспедиции. Они имели общую страсть к научным наблюдениям на лоне дикой природы и во всем остальном прекрасно дополняли друг друга. Гумбольдт был небольшого роста, аккуратным, изящным, со светскими манерами. Бонпланд был крупным мужчиной, прямодушным, жизнерадостным и лишенным честолюбия. Им казалось,

что они все же смогут проникнуть в Египет, несмотря на английскую блокаду, и в 1799 году они отправились в Испанию с этой целью. Но организация поездки в Египет оказалась слишком сложным делом. Так почему бы не поехать в Америку? Говорят, там тоже можно многое узнать.

Гумбольдт вспомнил книгу ла Кондамина, и Бонпланд был очарован перспективой изучения неизвестной американской растительности. Через друга семьи молодой дворянин добился аудиенции у испанского короля, который, очевидно находясь в приступе легкого помешательства, вручил Гумбольдту рекомендательное письмо, где содержалось требование ко всем испанским властям в Новом Свете помогать ему и его спутникам в путешествиях и исследованиях. Такие верительные грамоты ранее никогда не вручались иностранцу.

В июне 1799 года наиболее известная из всех научных экспедиций в Америку отправилась из порта Корунья, когда два молодых человека взойшли на борт корабля «Писарро». Они составляли всю экспедицию, но через тридцать пять лет, когда был опубликован двадцать третий том «Путешествия Гумбольдта и Бонпланда», оба были знамениты, а методы научного освоения всех новых территорий получили мощное развитие.

Во время первой экспедиции в джунгли Гумбольдт вдохновлялся желанием уточнить один из выводов ла Кондамина. Француз писал о своей уверенности в существовании водного пути между Ориноко и Риу-Негру, в то время как другие ученые, никогда не бывавшие в Южной Америке, утверждали, что это невозможно. Единственная экспедиция, отправленная туда, так и не достигла верховий Ориноко и потеряла 312 из 325 своих членов. По мнению Гумбольдта, вывод ла Кондамина не нуждался в подтверждении, но открытие связующего звена между двумя реками могло выгодно оттенить его собственную работу.

Как и ла Кондамин, Гумбольдт и Бонпланд пользовались помощью христианских миссий и наемных индей-

ских гребцов, путешествуя по Ориноко в каноэ шириной два с половиной фута. Бонпланд сотнями собирал образцы растений, а Гумбольдт вел наблюдения. В конце концов они нашли странную маленькую реку Карикара, действительно соединяющую Ориноко и Риу-Негру, которая является притоком Амазонки, при этом едва не попав под арест к коменданту португальского пограничного гарнизона, который принял их за шпионов. Их объяснения показались ему совершенно неубедительными: разве никто не знает о существовании этой реки? Но все же он отпустил ученых, и они смогли разобраться с другой старой историей, известной в Европе со времен Уолтера Рейли и повествующей об огромном мифическом озере в верховьях Ориноко. Дома Гумбольдт заверил своих друзей в том, что такого озера не существует.

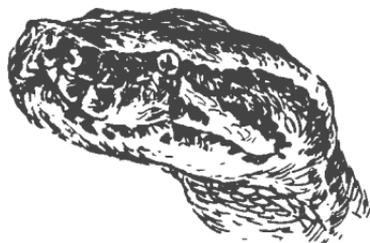
Задолго до возвращения в Европу, письма на родину принесли ему огромную славу. Он расцветчивал свою корреспонденцию точными описаниями угрей пятифутовой длины, боа-констрикторов, способных переварить целую лошадь, маленькой шерстистой обезьяны, которая впоследствии была названа в его честь, тапиров, манати, странных лесных кошек и загадочных насекомых.

Работа, которая принесла Гумбольдту наибольшую известность, была проделана на западной стороне континента, хотя потом он снова спускался на Восточные склоны Анд и провел несколько дней поблизости от того места, где ла Кондамин начал свое плавание вниз по Амазонке. В Андах и на побережье Тихого океана Гумбольдт установил взаимосвязь и влияние абсолютной высоты и географической широты на тип растительности, показав, что превышение в несколько сот футов равно одному градусу широты. Он поднялся на гору Чимборасо выше, чем любой из белых людей когда-либо поднимался до него. По его расчетам, высота подъема составляла 19 286 футов, и если они точны, то до вершины оставалось лишь около 1200 футов. Он обогатил мировую науку подробнейшими археологическими наблюдениями, проведенными в Южной Америке. И наконец, он объяснил воздействие великого океаниче

ского течения, названного его именем, изучил факторы, влияющие на климат, растительную и животную жизнь. Отчасти благодаря его работам люди сегодня знают, почему джунгли находятся там, где они есть.

Проведя пять лет в Америке, Гумбольдт и Бонпланд отправились домой. Публикация их открытий в основном принадлежит Гумбольдту, и он стал корифеем науки, так как дожил до девяноста лет. Бонпланд совершил фантастическую карьеру в качестве садовника у императрицы Жозефины в Мальмезоне, был автором нескольких трудов по ботанике, провел десять лет в заключении у полубезумного губернатора Гуаякиля, который фактически держал его в рабстве как специалиста по сельскому хозяйству, несмотря на протесты великих людей в половине цивилизованного мира.

Ла Кондамин и Гумбольдт преподавали научным исследователям множество ценных уроков. Один из таких уроков, плохо усвоенный некоторыми учеными мужами даже в наши дни и особенно важный для любого, кто стремится постичь еще не раскрытые тайны джунглей, гласит: не отмахивайтесь от сведений, полученных от необразованных людей, бывавших там, куда вы хотите попасть. Держите разум открытым, хотя истории могут показаться вам нелепыми или невероятными. Проверяйте все самостоятельно. Так поступали ла Кондамин и фон Гумбольдт, и слава, заслуженная их достижениями, не потускнела до наших дней.

Глава тридцать вторая
ОДИНОКИЙ ГЕНИЙ

Одним из людей, отлично усвоивших уроки ла Кондамина и Гумбольдта, был Альфред Рассел Уоллес, вступивший в жизнь бедным, незаметным школьным учителем. Научный мир находится перед ним в огромном долгу за его участие в развитии новой области науки, вегетологии. Его работа в джунглях Америки и Восточной Азии доказала решающую роль растительности в формировании животной жизни в любом районе. Уоллес систематизировал географию животного мира — науку, в которой он был настоящим пионером; практическая ценность его достижений увековечена в так называемой «линии Уоллеса», отделяющей азиатские формы жизни от австралийских через острова Индонезии (это не единственная линия, и она не является абсолютной, так как некоторые азиатские разновидности проникают в Австралию).

Уоллес принадлежал к новому поколению натуралистов, появившемуся главным образом в Англии в течение XIX века. В некотором смысле они были первыми профессионалами в своей области. Не обладая богатством и

влиянием, без финансовой поддержки правительств и научных обществ, они не только зарабатывали на жизнь своим трудом, но и приобретали бесценные навыки по специальностям, многие из которых были совершенно новыми. Их материальные достижения были не менее замечательными, чем научные, а Уоллес остается непревзойденным и в том, и в другом.

Уоллес, родившийся в 1823 году, стал работать учителем в лейчестерской школе в возрасте двадцати пяти лет, но его снедала страсть к ботанике и зоологии, лишь подстегиваемая, но не удовлетворяемая скромной английской природой. Не имея специального научного образования в нашем понимании этого слова, он сознавал, что у него нет шансов получить субсидию или присоединиться к исследовательской экспедиции. Но он решил, что сможет заработать на жизнь сбором растений и животных, продавая дубликаты образцов музеям, университетам и частным коллекционерам. Генри Уолтер Бейтс, другой учитель, родившийся в том же городе на два года позже Уоллеса, имел столь же острую страсть, заключавшуюся в сборе и классификации насекомых. Молодые люди решили объединить свои силы в экспедиции по Амазонке, которая казалась им наиболее благоприятным местом для сбора растений и животных, еще неизвестных науке.

Позднее Уоллес объяснил, что они выбрали амазонские джунгли, лишь прочитав короткую книгу «Путешествие вверх по реке Амазонке», опубликованную в 1847 году. Они приехали в Лондон и познакомились с автором, который оказался их сверстником, американцем Уильямом Г. Эдвардсом. На самом деле он поднялся по Амазонке лишь до Манауса, но излучал такой энтузиазм, как будто по меньшей мере повторил подвиг Карваджо и его спутников. Судя по его рассказам, местные жители проявляли такое гостеприимство, а стоимость жизни была такой низкой, что Уоллес и Бейтс почти немедленно отправились в путь. Однако мне кажется, что важным фактором в их окончательном решении было знакомство

с трудами Гумбольдта и дневниками Дарвина, описывавшими плавание на корабле «Бигл».

Уоллес провел четыре года в Южной Америке, оставив изучение Амазонки на усмотрение Бейтса, в то время как он сам отправился вверх по Риу-Негру и ее притокам. Достигнув верховьев Риу-Негру, он последовал по стопам Гумбольдта к реке Ориноко. Многие образцы собранных растений и животных он отсылал домой при первой возможности, но лучшие находки хранил у себя. Во время этого путешествия он заболел малярией. Через четыре года, когда друг встретил его в маленьком городке Сан-Хоакин, где река Уаупе сливается с Риу-Негру, у него был такой изможденный вид, что в сочетании с нездоровым желтым оттенком кожи создавалось впечатление, будто он умирает. Но Уоллес по-прежнему был полон энтузиазма и оживленно говорил о своих находках в джунглях, как любой здоровый человек.

Досадные происшествия никогда не мешали ему ценить жизнь в джунглях. Он был одним из немногих людей, считавших джунгли уютным местом, хотя, разумеется, с детства привык к совершенно иной обстановке. «Величественные колонны древесных стволов с кружевами лиан, — писал он, — пробуждают в человеке, который смотрит на них, чувство восхищения и даже благоговения». И ему нравились «дружелюбные, нагие, независимые лесные жители».

Однако после тяжелейшего приступа лихорадки Уоллес решил, что настало время отправиться домой со своей коллекцией. В 700 милях к востоку от Бермудских островов на борту брига «Елена», где он был пассажиром, вспыхнул пожар. Хотя всем удалось спастись на лодках, коллекция Уоллеса отправилась на дно вместе с обугленным корпусом судна. Терпящие бедствие люди были спасены через десять дней другим кораблем, идущим в Лондон.

Ни воспоминания о болезни, ни голод и жажда дней, проведенных на спасательной лодке в открытом море, ни даже горечь утраты бесценной коллекции не охладили на-

учного рвеня Уоллеса. Но он не вернулся на Амазонку. Вместо этого он отправился на Восток изучать растительность и животных Малайского архипелага. В течение 1850-х годов, посетив несколько островов и активно собирая новую коллекцию, Уоллес проводил свободное время в одиноких раздумиях о сути и направлении своей деятельности.

Однажды он объяснил, что во время путешествия в Южную Америку «заразился страстью к определению и описанию видов» — занятию, которое ему представлялось «довольно неблагодарным делом». Его основные наблюдения в амазонских джунглях сводились к описанию огромного количества разных деревьев, где было трудно найти два близких вида; в пожилом возрасте он свел свои впечатления от экспедиции в Южную Америку к трем главным чертам, по-прежнему поражавшим его:

«Во-первых, это девственный лес, необыкновенно величественный, часто прекрасный и утонченный. Во-вторых, замечательная красота бабочек и птиц, а в-третьих — знакомство и жизнь с людьми, близкими к природе: с абсолютно неиспорченными дикарями. Настоящий обитатель амазонского леса, как и сам лес, являет собой уникальное и незабываемое зрелище».

Однако в Восточной Азии одиночество в сочетании с периодическими болезнями, которые Уоллес считал частью нормальной жизни в тропиках, привели его к глубоким и новаторским выводам. Почти через пятьдесят лет он объяснил:

«В то время я страдал от приступов перемежающейся лихорадки. Каждый день мне приходилось лежать по несколько часов, дрожа то от жара, то от холода, и в течение этого времени мне было совершенно нечем заняться, если не считать размышлений о предметах, сильнее всего интересовавших меня в то время».

Предметом «лихорадочных размышлений» Уоллеса в течение долгого времени был вопрос адаптации животных к природной среде. Необъятность новой коллекции Уоллеса наводила его на мысли о такой адаптации (за три с половиной года, проведенных в Азии, он прислал Бейтсу список из 8540 разновидностей собранных им насекомых), и он глубоко задумался о происхождении видов. Теперь он знал, что виды действительно изменяются, но причины изменений и сам процесс оставались загадкой. Уоллес воспользовался теорией Мальтуса о том, что население имеет тенденцию к преобладанию над запасами пищи, и увидел, что при таких обстоятельствах выживают лишь наиболее приспособленные члены популяции. Закрепление изменений обеспечивало совершенствование видовых качеств, помогая животному лучше приспосабливаться к меняющейся обстановке; таким образом, возникали новые виды.

Проживая в убогой хижине под крышей из пальмовых листьев на окраине джунглей острова Борнео, Уоллес написал статью, озаглавленную «О тенденции к бесконечному отдалению разновидностей от первоначального вида». Он отправил ее по почте английскому натуралисту, чьими работами восхищался с давних пор. Этот натуралист исследовал континентальные окраины Южной Америки, когда Уоллес еще учился в школе, а сейчас, хотя одинокий автор на Борнео не знал об этом, собирался опубликовать сходную теорию, которую разрабатывал уже более десяти лет. Чарльз Дарвин однажды утром в своем лондонском доме получил статью Уоллеса вместе с сопроводительным письмом, где его просили, если он сочтет содержимое достойным внимания, отослать документ сэру Чарльзу Лайелю, выдающемуся профессору геологии, чья главная работа, опубликованная в начале 1830-х годов, сыграла важную роль в образовании обоих натуралистов.

«Я никогда не видел более поразительного совпадения, — писал Дарвин сэру Чарльзу Лайелю. — Если бы

Уоллес имел свои собственные наброски, он не смог бы сделать лучшего резюме моей теории».

«Разумеется, я был крайне удивлен, обнаружив, что та же самая идея занимала внимание Дарвина и что он уже почти завершил значительно более обширный труд, полностью развивавший наши взгляды», — заметил Уоллес.

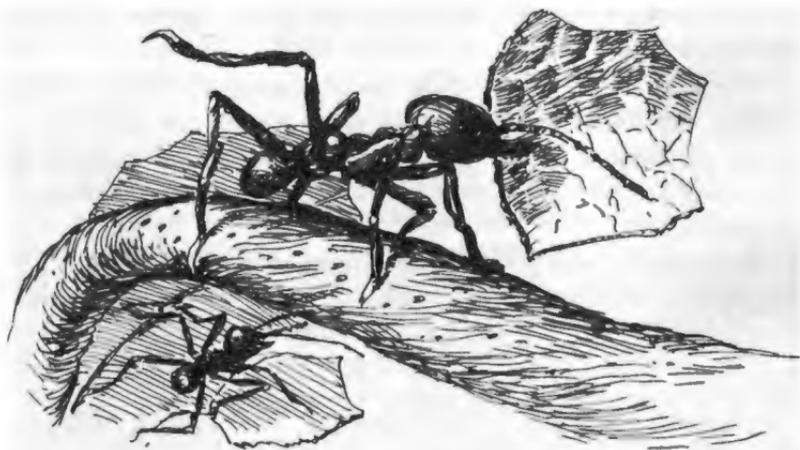
Впоследствии комментаторы связывали это совпадение с одновременным открытием дифференциального исчисления Ньютоном и Лейбницем. В этом случае, хотя Дарвин хорошо знал о почестях, сопровождающих объявление о научном открытии или научной теории, он предпринял необычный шаг, прочитав статью Уоллеса на собрании Линнеевского общества, члены которого были знакомы с его собственными работами. Дарвин развил теорию о том, что оба натуралиста называли *естественным отбором*, в своей знаменитой книге «О происхождении видов», в то время как Уоллес обратился к теории растительности. Результатом его работы стала демаркация «линии Уоллеса» и издание новаторской книги под названием «Географическое распространение животных».

За годы, проведенные на Востоке, Уоллес неоднократно отмечал большое сходство в облике местных джунглей с джунглями Амазонки. Наиболее значительным из поверхностных различий было заметное преобладание бабочек в Южной Америке. Когда он приехал в Малакку и узнал, что нанятые им туземные помощники говорят по-португальски, то подумал, что вернулся в Бразилию. Сходство было еще более замечательным, поскольку в то время он изучал тонкие отличия растительного и животного мира на противоположных берегах одной и той же реки. Когда Уоллес увещевал своих ученых друзей в разных частях света обязательно отмечать, с какого берега реки взят данный образец, то объяснил, что сам когда-то допустил такую ошибку. Критик указал, что в его работе о Риу-Негру содержится географическая неточность, и он с готовностью признал это. Такая способность признавать

свои ошибки была одной из наиболее привлекательных черт Уоллеса.

Путешествия Уоллеса по американским и азиатским джунглям, его важные находки и открытия были запечатлены в серии научных трудов, написанных в основном после возвращения в Англию. Он прожил там более пятидесяти лет и умер в 1913 году, в сельской глуши, которая на свой лад казалась ему не менее прекрасной, чем любой тропический рай.

Глава тридцать третья
ТРИО НАТУРАЛИСТОВ

Джунгли обладали особой притягательностью для натуралистов с тех пор, как они узнали, что тропические дождевые леса обладают богатейшей и наиболее разнообразной растительной и животной жизнью на земле. Три английских натуралиста-профессионала, живших в прошлом веке, с особенной убедительностью подтверждают этот тезис. Это Генри Бейтс, ранний партнер Уоллеса, Ричард Спрюз, один из величайших ботаников, и Томас Белт — инженер, выбравший научную карьеру. Бейтс и Спрюз знамениты своими работами в амазонском регионе, а Белт — путешествиями по Центральной Америке.

Спрюз родился в 1817 году. Будучи сыном йоркширского учителя, поощрявшим его ранний интерес к ботанике, он практически не имел научного образования. Еще подростком он коллекционировал и перечислял растения, которые находил на болотах. Его отец был не в состоянии субсидировать дальнейшее исследование, поэтому сын с большой неохотой стал учителем математики в

школе города Йорк. Не питая никакой любви к своей профессии, он посвящал каждую свободную минуту чтению и размышлениям о ботанике. Он написал несколько статей, опубликованных в научных журналах, но настоящий поворот в его судьбе произошел лишь в возрасте двадцати восьми лет, когда школа закрылась и он лишился работы.

Некоторые статьи Спрюса вызвали восхищение у сотрудников Королевских ботанических садов в Кью, преподнесенных в дар английской нации молодой королевой Викторией. Когда Спрюс посетил Лондон после утраты своей школьной должности, сэр Уильям Хукер, один из ведущих специалистов из Кью, отнесся к нему с большой благосклонностью. То же самое сделал Джордж Бентам, родственник знаменитого Джереми Бентама: оба они предложили Спрюсу заняться сбором образцов флоры для продажи музеям и частным коллекционерам. Бентам объяснил, что аккуратно сохраненные и должным образом идентифицированные высушенные растения являются ходовым товаром, и предложил Испанию в качестве отправной точки для работы. Кроме того, он выразил готовность стать торговым агентом молодого ботаника и оплатил его путевые расходы.

Следующие два года, с 1844 по 1846-й, доказали правоту Бентама и заложили основу репутации Спрюса в обществе ученых-ботаников. Он составил благосклонно принятую книгу «Записки о флоре Пиренеев»; Хукер и Бентам побуждали его к поездке в Южную Америку, о которой он уже начал думать как о рае для ботаника. Он подготовился к поездке после длительных занятий в ботанических садах Кью, а затем, с помощью Бентама, связался с одиннадцатью коллекционерами, согласившимися покупать добытые образцы. Бентам снова оплатил путевые расходы, и Спрюс отплыл в Бразилию в июне 1849 года. Интересно отметить, что одним из пассажиров на том же судне был Герберт Уоллес, собиравшийся присоединиться к своему старшему брату Альфреду.

Южная Америка была домом для Спрюса в течение следующих семнадцати лет, если понятием «дом» можно воспользоваться в смысле постоянных странствий от Белена в устье Амазонки до Гвадаякиля в Тихом океане. Вскоре после своего прибытия он познакомился с Уоллесом и Бейтсом. Из воспоминаний Спрюса становится ясно, что знакомство сопровождалось отменной вечеринкой в доме пожилого шотландского торговца в Сантареме. Хозяин, по словам Спрюса, получал английские газеты огромными пачками и с жадностью читал их, но настолько пренебрегал хронологией, что путал Наполеона I с Наполеоном III. За сорок пять лет жизни, проведенных в этом речном порту, он привык брать газеты из кучи наугад, поэтому мог выбрать листок сорокалетней давности. Собрав за столом трех выдающихся ученых вместе со всеми остальными англичанами, проживавшими в Сантареме, он щедро выставил запасы своего лучшего портвейна и виски. С самого начала Спрюс и Уоллес понравились друг другу; их дружбе предстояло продолжаться всю жизнь. Для Спрюса это был один из самых памятных вечеров в Бразилии.

Но такие интерлюдии случались редко. В основном он жил и путешествовал один, хотя и совершил несколько поездок с Бейтсом, а в самом начале — с молодым помощником-англичанином. Спрюс был очень высоким, худым, голубоглазым, со светло-каштановой бородкой и врожденной учтивостью манер, что весьма пригодилось ему в странствиях по Амазонке. Те немногие европейцы, которым довелось увидеть его на реке, не могли забыть йоркширские джиги, которые он наигрывал на своей волейке — звуки, неслыханные для джунглей когда-либо раньше, да и впоследствии.

Но что более важное, он придал процессу сбора тропических растений упорядоченность и внимание к деталям, значительно увеличившие ценность его работы для клиентов. В общем и целом Спрюс отослал в Англию не менее тридцати тысяч разных растений, собранных и тщательно сохраненных во время плавания по рекам Южной

Америки протяженностью в десять тысяч миль — главным образом, по Амазонке и ее притокам. Он записывал дату, место находки и туземное название каждого образца, поэтому к концу работы накопил внушительный словарь терминов на двадцати одном индейском наречии. Он также с большой тщательностью отмечал, какие свойства приписывают тому или иному растению; он научился уважать их знания и при любой возможности сам пробовав плоды, листья или орехи.

Увы, славе Спрюса помешал тот факт, что при жизни он опубликовал не так уж много своих работ. Когда он вернулся в Англию в 1866 году, коллеги-ботаники восхваляли его коллекции до небес. Все они сходились во мнении, что Спрюс сделал больше любого другого человека в деле знакомства ученых с растительностью амазонского региона. Но лучшим, чего они могли добиться для него в материальном отношении, была ежегодная пенсия в размере пятидесяти фунтов в год (тогда примерно 250 долларов). Так как Спрюс потерял свои сбережения при банкротстве торговой фирмы, то после недолгого периода работы в Кью он до самой смерти в возрасте семидесяти трех лет жил в однокомнатном коттедже в Йоркшире. В 1908 году его письма и заметки были опубликованы под редакцией его друга Уоллеса. Они до сих пор остаются одним из наиболее цитируемых источников в научных трудах, посвященных джунглям.

Ботанические труды Спрюса сопровождались столь же обширными исследованиями Бейтса в области энтомологии. Как мы уже упоминали, джунгли являются богатейшей природной средой для обитания насекомых. За одиннадцать лет работы в амазонском бассейне Бейтс собрал 14 000 видов, из них 8000 ранее неизвестных. Одним из примеров его способности к научным наблюдениям служит описание отдыха муравьев-солдат, которые, как считалось до тех пор, всегда чем-то заняты. Он пишет:

«Казалось, что их охватил внезапный приступ лени. Некоторые медленно бродили вокруг, другие чистили

свои антенны передними лапками; но забавнее всего было наблюдать, как они «моют» друг друга. То здесь, то там муравей протягивал сначала одну, а затем другую ногу своему товарищу, который пропускал конечность между жвалами и немедленно принимался за следующую, заканчивая процедуру дружеским поглаживанием усиков... Возникало непреодолимое ощущение, будто муравьи играют друг с другом».

Сходным образом он описывал повадки муравьев-листорезов и первым отметил, что один из видов пользуется кусочками листьев не как пищей, а как строительным материалом для защитных куполов над своими подземными жилищами. Однако это было не совсем так, и несколько лет спустя Томас Белт, другой натуралист-самоучка, обнаружил нечто, пропущенное даже Бейтсом.

Работая в никарагуанских джунглях, Белт полностью раскопал большой «муравейник», чего Бейтс никогда не делал, и обнаружил, что кусочки листьев превращаются в разновидность компоста, где муравьи выращивали грибы, которые были их основной пищей. Вскрытый муравейник имел не менее двенадцати футов в диаметре, и более двух третей сооружения находилось под землей, пронизанной лабиринтами комнат и переходов. В нижних «чертогах» грибы росли губчатыми массами размером с человеческую голову. Это служило примером одной из взаимовыгодных договоренностей, которые иногда можно обнаружить в джунглях: очевидно, этот вид грибов мог расти только на данной разновидности лиственной плесени, и муравьи, как доказал Белт, не ели ничего, кроме выделений этих грибов.

Труд Белта «Натуралист в Никарагуа», опубликованный в 1874 году, более пятидесяти лет считался одной из полудюжины наиболее ценных работ по естественной истории тропической Америки. Для него муравей-листорез, несущий кусочек зелени размером с себя, был «мимическим олицетворением движущегося Бирнамского леса». Он проводил долгие наблюдения за поведением колибри и мог с уверенностью утверждать, что, хотя они

пьют цветочный нектар, их основной пищей являются насекомые. Затем он выдвинул теорию, где утверждалось, что их изящные клювы были «гибкой, изящной разновидностью хирургических щипцов, прекрасно приспособленной для ловли крошечных насекомых среди цветочных тычинок».

Рвение и энтузиазм, с которым новое поколение натуралистов, представленное Спрюсом, Бейтсом и Белтом, проводило свои скрупулезные наблюдения, было их новым, уникальным вкладом в науку. Они целиком посвящали себя определенной специальности, и их целеустремленность приводила к результатам, которые иначе не могли бы быть достигнуты. Однако еще оставалось место, и немалое, для другого поколения исследователей.

Глава тридцать четвертая **РЫЦАРСКОЕ ТРИО**

На первый взгляд кажется, что у бизнесмена, писателя-путешественника и художника должно быть не слишком много общего, и в некоторых отношениях сэр Стэмфорд Раффлз, сэр Ричард Бартон и сэр Гарри Джонстон настолько отличались друг от друга, насколько вообще могут отличаться три англичанина. Один из них знаменит прежде всего как основатель Сингапура, другой как переводчик «Тысячи и одной ночи», а третий — как специальный комиссар протектората Уганды. Однако в двух отношениях они были похожи друг на друга. Во-первых, используя свои многогранные таланты, они помогли нам больше узнать о джунглях, а во-вторых, все трое служили Англии на государственных постах за рубежом.

Старший из них, Раффлз, родился в 1781 году и был добросовестным, трудолюбивым сыном состоятельного кораблевладельца. Величайшим достижением отца следует считать то, что он пристроил юношу на работу в качестве курьера в штаб-квартире Ост-Индской компании. Тогда Раффлзу было четырнадцать лет, и усердие в работе

сочеталось в нем со странной тягой к чтению книг по естественной истории после долгого трудового дня. Получив должность младшего клерка в девятнадцать лет, спустя еще четыре года он был назначен секретарем в офис компании в Пенанге на Малайском полуострове — Сингапур тогда был никому не известным островком.

В отличие от среднего англичанина на подобной службе в заморских колониях, Раффлз живо интересовался языком, обычаями и историей туземных народов. Он совершал поездки по окрестностям, даже углублялся в джунгли, и начал коллекционировать образцы растений и животных. (Инстинкты натуралиста были развиты в нем до такой степени, что впоследствии он стал одним из организаторов и первым президентом Зоологического общества Лондона.) Несмотря на внешние интересы, он был настолько предан своей работе, что без посторонней помощи несколько раз получал повышение по службе. В 1811 году он разработал план, благодаря которому Англия завладела Явой — остров тогда находился под контролем Франции, так как брат Наполеона недавно стал королем Голландии. Раффлз управлял островом с большим успехом до тех пор, пока Ява не была возвращена Голландии после очередной военной кампании, а затем получил пост губернатора Бенкелена на Суматре, где Британия удерживала свои позиции в течение долгого времени.

На Суматре Раффлз смог удовлетворить свою страсть к изучению джунглей и пополнению своей коллекции. Он путешествовал с комфортом, особенно когда к поездкам присоединялась его жена, убедительно доказывая, с какой легкостью человек может передвигаться в тропическом лесу. В таких случаях он брал с собой не менее пятидесяти слуг, которые несли снаряжение для лагеря, еду и питье. Раффлз аккуратно зарисовывал то, что он видел, прессовал цветы и листья в бумажных альбомах, делал чучела животных или сохранял их в спирте и формалине. Его находки и письма, адресованные таким выдающимся людям, как сэр Джозеф Бэнкс, заставили говорить о нем как об «одном из ведущих авторитетов в научных, исто-

рических и филологических вопросах». Его ботанические интересы увековечены в научном названии одного из самых замечательных цветов джунглей — паразитического растения, которое местные жители называли «дьявольской коробкой для бетеля». Островитяне носили бетель в декоративных коробочках, похожих на европейские табакерки.

Раффлз и его врач доктор Арнольд, разделявший научные интересы своего руководителя, первыми составили научное описание «дьявольской коробки для бетеля». Распустившийся цветок достигает трех футов в диаметре и весит пятнадцать футов. Даже нераскрытая почка имеет поперечное сечение около фута. Взрослый цветок с пурпурными, красными и желтыми лепестками в дюйм толщиной был слишком большим, и Раффлз не мог сохранить его в том запасе спирта, который у него имелся. В ботанической классификации он называется *Rafflesia Arnoldi*. Сэр Стэмфорд также был первооткрывателем одного из насекомоядных кувшинковых растений, ныне популярного в Америке, *Nepentes Rafflesiana*.

Истинная ценность коллекций Раффлза и его рисунков никогда не будет известна. Подобно первой коллекции Уоллеса, они были утрачены при пожаре на море, когда сэр Стэмфорд и его жена возвращались в Англию в 1824 году. Через полтора года после возвращения в Лондон он умер от удара в возрасте сорока пяти лет, 5 июня 1826 года.

Примерно в то же время в состоятельной английской семье, путешествующей по Европе в поисках здоровья для тяжело болеющего главы дома, один развитый не по годам ребенок приобрел неистощимую страсть к путешествиям и приключениям. Ричарду Бартону было лишь пять лет, но он уже отличался способностью учиться лишь тому, что ему нравилось, и сопротивляться всему остальному. Эта черта характера оставалась с ним во время короткой карьеры в Оксфорде. Он не встретил понимания в своем желании изучать арабский язык и вскоре был исключен из университета за присутствие на запре-

щенных лошадиных скачках. Отец разрешил ему вступить в индийскую армию; так началась карьера одного из величайших путешественников XIX века.

Военная кампания 1853 года, когда Бартон достиг тридцатидвухлетнего возраста, и книги, которые он написал о ней, принесли ему славу в Англии и привели к новым путешествиям, прочно связавшим его имя с джунглями. Это была экспедиция по открытию истоков Нила. Несмотря на свою историческую славу, Нил по-прежнему оставался загадкой для европейских ученых. Они так и не смогли ответить на главный вопрос: откуда в нем берется столько воды? Бытовало мнение, что река берет начало в огромном озере, которое на некоторых картах изображалось очень похожим на Каспийское море. Получив субсидию от Королевского географического общества, Бартон вознамерился решить эту загадку; он взял себе в помощники капитана Джона Спеке — человека, обладающего некоторым опытом картографа.

Примерно за три года, с 1856 по 1859, двое исследователей осуществили значительную часть своей миссии. Вместе они открыли озеро Танганьика и опровергли гипотезу о существовании большого внутреннего моря. Спеке в одиночку отправился на поиски одного из истоков Нила, впоследствии получившего название озеро Виктория, пока Бартон оправлялся от болезни и составлял путевые заметки. Капитану показалось, что он видел легендарные Лунные Горы, но на своих картах он помещал их на северной оконечности озера Танганьика.

Вернувшись домой, эти два первопроходца стали злейшими врагами. Спеке был уверен, что обнаружил единственный исток Нила; Бартон сомневался в этом, считая, что наличие крупной массы воды в верховьях реки еще ничего не доказывает. Разрыв между ними стал окончательным после того, как Спеке уехал в Лондон, где его встретили как героя, в то время как Бартон задержался в Адене из-за лихорадки. Они открыто поносили друг друга, и у каждого имелись свои преимущества. Спеке сделал более точные карты, но Бартон превосходил его в красно

речии. Отказавшись признать за своим помощником какие-либо права на новое открытие, он изрек знаменитую фразу:

«Вероятно, истоки Нила выросли из его головы точно так же, как Лунные Горы выросли из-под его руки».

На самом деле оба имеют немалые заслуги перед наукой. Спеке вернулся в Африку в 1862 году и доказал, что левый исток Нила действительно берет начало в озере Виктория. Бартон же, по общему мнению, проложил путь для таких людей, как Ливингстон и Стэнли.

Сэр Гарри Джонстон числится в нашем списке выдающихся исследователей джунглей, так как он олицетворял собой проницательность современных натуралистов в сочетании с традициями старой школы викторианского дворянства, донесшего манеры и обычаи лондонской элиты до самых отдаленных уголков империи. Он принадлежит к обоим мирам, поскольку родился в 1858 году и совершил карьеру в Африке во времена правления королевы Виктории.

Джонстон отправился на «черный континент» с охотничьей экспедицией в 1882 году и остался там просто потому, что хотел рисовать картины и поближе познакомиться со страной, а вовсе не исследовать новые маршруты или возможности для торговли. Он встретился с великим Стэнли, пригласившим его для создания художественной летописи путешествия по Конго протяженностью в несколько сот миль. В этой экспедиции Джонстон впервые увидел джунгли и на своем опыте убедился, насколько легче жить там, чем в саванне или в зоне тропических кустарников. Два года спустя он возглавил естественнонаучную экспедицию, отправленную тремя учеными обществами в Восточную Африку. В результате этой поездки он получил пост вице-консула Камеруна и подружился с пожилым сэром Ричардом Бартоном.

Продвижение Джонстона с незаметного поста в Камеруне на должность администратора Уганды было частью развития британских интересов в Африке в конце XIX века, которые можно сравнить с интересами испанских

конкистадоров в Америке. На всех своих постах он был прилежным коллекционером и исследователем, побывав и на верхних склонах горы Килиманджаро, и в конголезских джунглях. Несколько видов растений, открытых им, носят его имя, *jonstoni*. Он собирал животных для Лондонского зоопарка и имел целый зверинец в собственном доме — бунгало с крышей из пальмовых листьев и с незастекленными окнами. Там он держал обезьян, диких кошек, змей, слонят, шимпанзе, зебр и орлов. Он принимал животных от туземцев вместо налогов. Он позволял одному из слонят заходить в гостиную во время чаепития, и тот вел себя вполне пристойно, посасывая молоко из своей бутылки и угощаясь сэндвичами с джемом, разложенными на тарелке. Джонстон брал некоторых своих любимцев в исследовательские экспедиции; его брату, который тоже был содержанием зоопарка, все это очень напоминало бродячий цирк. Вот несколько впечатлений из его дневника:

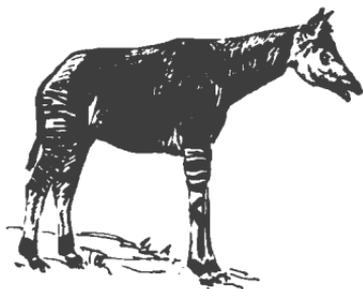
«Во время путешествия Гарри неизменно выходил к обеду в полном вечернем туалете... У лагерного костра поощрялись разговоры и игра в карты; дым до некоторой степени умирал орды ночных насекомых, чьей единственной целью в жизни, казалось, было совершение самоубийства в супе... Пресса быстро оценила значение «парадных выходов» Гарри в дикой глуши, осознав, что когда белые люди отказываются от символов цивилизации в тропиках, они склонны к утрате своих культурных и духовных ценностей».

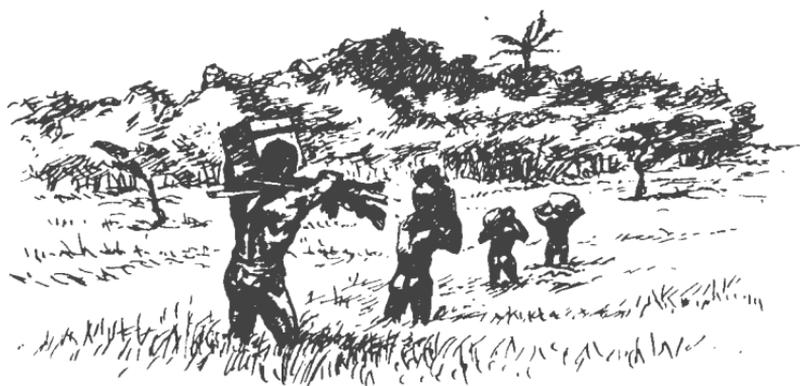
Будучи легендарным англичанином, выходившим к обеду в вечернем костюме, Джонстон также был талантливым администратором, считавшим, что управление должно приносить пользу туземным народам, а не только их хозяевам. Он имел свои причудливые способы выражения убежденности в расовом равенстве; например, он требовал, чтобы его сотрудники носили желтые канареечные жилеты с черно-белыми вечерними платьями, что символизировало черную, белую и желтую расы. Но он совершал и действительно гуманные поступки. В одном

из своих путешествий Джонстон спас группу пигмеев-бамбути от немца, похитившего их для показа на Парижской выставке. Вернув их домой в тропический лес, он получил достойную награду, так как это позволило ему открыть одну из загадок джунглей.

В течение многих лет сэр Гарри был одним из немногих европейцев, веривших в существование так называемого «африканского единорога». Хотя он не считал этого зверя в точности похожим на мифического единорога, но предполагал, что в джунглях существует рогатое животное, чем-то похожее на лошадь. Лишь пигмеи видели его и описывали как полосатое существо, похожее на зебру, и называли *окапи*.

Путешествие было нелегким для Джонстона. Его эскорт в основном состоял из негров, которые так боялись джунглей, что когда отряд двигался вперед во влажном сумраке, они постоянно трубили в рожки, отпугивая злых духов. Они с гораздо большим успехом распугивали добычу на много миль вокруг, но пигмеи все же отблагодарили сэра Гарри, прислав ему целую шкуру окапи и два черепа. Таким образом он смог описать и определить животное как короткошею жирафу, а десять лет спустя белые люди наконец смогли увидеть живого окапи.

Глава тридцать пятая

ЛИВИНГСТОН И СТЭНЛИ

Одна из самых знаменитых встреч в истории хранится в человеческой памяти уже более ста лет. Это необычайно сдержанные приветствия, которыми обменялись Генри М. Стэнли и доктор Дэвид Ливингстон неподалеку от озера Танганьика. Но немногие из тех, кто цитировал этот эпизод, когда-либо читали о встрече в контексте воспоминаний самого Стэнли. По его словам, он был так взволнован, что хотел сделать сальто, укусить себя за руку, влезть на дерево. Далее он продолжает:

«Мне хотелось со всех ног бежать к нему, но я струсил в присутствии такой толпы. Мне хотелось обнять его, но поскольку он был англичанином, я не знал, как он это воспримет. Поэтому я сделал то, что мне подсказала моральная трусость и ложная гордость: небрежной походкой приблизился к нему, снял шляпу и произнес:

— Полагаю, вы доктор Ливингстон?

— Да, — ответил он с доброй улыбкой, слегка приподняв свою шляпу».

Это была встреча двух противоположностей, однако Ливингстон и Стэнли имели две общие черты. Они родились на одном острове: Ливингстон — в Шотландии, а Стэнли, в Уэльсе. В детстве оба нищенствовали: Ливингстон с десяти лет работал на текстильной фабрике, а Стэнли был незаконнорожденным ребенком фабричного рабочего, сбежавшим из дому в пятнадцать лет, после того как он дал сдачи своему учителю, отличавшемуся садистской жестокостью.

Ливингстон работал, читал, учился и наконец стал пресвитерианским миссионером и врачом в Южной Африке. К пятидесяти годам он перестал обустроивать европейские миссии и занялся открытием путей в неизведанные глубины южной половины континента, чтобы другие, менее твердые духом, могли последовать за ним и основать новые миссии. Он составил карты значительной части Южной Африки, открыл и изучил реку Замбези, написал несколько убедительных книг и статей, осуждающих работорговлю.

Сочетание миссионерского рвения с огромным опытом привело Королевское географическое общество к решению назначить Ливингстона руководителем экспедиции по выяснению природы земель между озерами Танганьика и Ньяса, подступы к которым исследовали Бартон и Спеке. Ливингстон покинул Англию летом 1865 года; полтора года спустя некоторые из его носильщиков достигли Занзибара с вестью о его смерти. Друзья Ливингстона усомнились в их сообщениях, и они оказались правы: вскоре от него начали поступать письма, последнее из которых было датировано июлем 1868 года. Затем снова наступило долгое молчание.

Из писем был сделан вывод, что Ливингстон собирается домой, поэтому эксцентричный Джеймс Гордон Беннетт из «Нью-Йорк геральд» направил одного из своих лучших репортеров в Аден, чтобы перехватить миссионера-первопроходца и записать его историю, прежде чем весь мир услышит ее. Репортером был двадцатисемилет-

ний Стэнли, уже имевший за плечами достаточно опыта, чтобы написать пару романов. После своего бегства с фабрики он сменил несколько сомнительных занятий, нанялся помощником стюарда на американское судно, сбежал с корабля в Новом Орлеане, подружился с преуспевающим бизнесменом, чьей фамилией он впоследствии представлялся (он был окрещен Джоном Роулэндсом, в честь своего предполагаемого отца), и наконец стал работать журналистом, последовательно дезертировав из вооруженных сил Союза и Конфедерации во время гражданской войны. Стэнли встретил свой двадцативосьмилетний юбилей в Адене, ожидая Ливингстона, а затем занялся другими делами.

Он освещал события гражданской войны в Испании осенью 1869 года, когда Джеймс Гордон Беннетт-младший вызвал его в Париж и снова поставил перед ним задачу найти Ливингстона. Жив он или умер, а если умер, то где и когда? Беннетт послал Стэнли с напутствием, которое стало знаменитым в журналистике: «Найди Ливингстона». Но сначала он дал молодому репортеру поручение написать целую серию других статей: об открытии Суэцкого канала, о событиях на Верхнем и Нижнем Ниле, в Иерусалиме, Константинополе, Крыме, Персии, Индии и наконец о Евфратской железной дороге. Лишь после этого он должен был отправиться за Ливингстоном. Стэнли получил распоряжение в Париже 27 октября 1869 года; 6 января 1871 года он прибыл в Занзибар, традиционное место отправки экспедиций в Восточную и Центральную Африку. До сих пор никто не получал вестей от Ливингстона.

Через четыре месяца, оставив позади тысячу миль пути, «спасательная» экспедиция прибыла в миссию Уджиджи на восточной оконечности озера Танганьика. Когда Стэнли увидел почтенного доктора Ливингстона, седобородого, в твидовых брюках и красном жилете, выглядевшего лишь немного бледным, он невольно усомнился в том, хочет ли Ливингстон, чтобы его спасали.

Выяснилось, что пожилому ученому нужно лишь пополнить свои припасы и отправить в Англию коробку с рукописями, что и было исполнено с надлежащим усердием. Стэнли и Ливингстон путешествовали вместе в течение четырех месяцев, после чего миссионер продолжал исследования до самой своей смерти 1 мая 1873 года. Его тело было возвращено в Англию и похоронено в Вестминстерском аббатстве.

Стэнли, объявленный героем в Америке, тем не менее был назван обманщиком в Лондоне и подвергся критике как плохой лектор, когда начал публичные выступления. Во многих отношениях он был не самым приятным человеком: бестактным, высокомерным, обидчивым, мстительным, жадным до славы и денег. Однако когда он услышал о смерти Ливингстона, — пожалуй, единственного человека, с которым ему удавалось хорошо ладить — то написал в своем дневнике:

«Я буду счастлив, если мне выпадет честь стать его преемником в открытии Африки для христианского мира. Однако мои методы будут отличаться от методов Ливингстона».

Эти слова, не предназначенные для чужих глаз, без сомнения, были искренними. Сразу же после похорон Ливингстона Стэнли предложил издателям газет «Лондон дейли телеграф» и «Нью-Йорк геральд» «решить, по мере возможности, остающиеся проблемы в географии Центральной Африки; провести расследование и написать о набегах работорговцев».

Экспедиция, состоявшая из более чем 350 человек, в том числе 36 женщин, отправилась из Занзибара в ноябре 1874 года с большим количеством снаряжения, включая 44-футовую разборную лодку из пяти секций, названную «Леди Алиса». Три молодых англичанина — братья Эдвард и Фрэнсис Пококи, многое знавшие о малых судах, и Фредерик Баркер, служащий отеля — были единственными белыми членами экспедиции кроме Стэнли, но Эдвард Покок и Баркер умерли от лихорадки в самом начале пути.

В следующие два года Стэнли совершил круговое плавание по озерам Виктория и Танганьика, чего никогда не делалось раньше, составив довольно точные первые карты этих озер и разведанной части территории Уганды. Его главная цель заключалась в определении курса реки Луалаба, так как эту работу начал Ливингстон. Оба предполагали, что река поворачивает на север и впадает в Нил, но все знали, что она широка, таинственна, покрыта по берегам густыми лесами и исчезает в землях, населенных каннибалами.

Луалаба, истоки которой находятся далеко на юге, была пройдена Ливингстоном вплоть до Ньянгве, расположенного почти в центре континента, раскинувшегося между Атлантическим и Индийским океанами, примерно в четырех градусах к югу от экватора. Ливингстон так и не смог найти спутников, чтобы исследовать реку дальше на север. Даже наиболее отчаянный и жестокий работорговец того времени по имени Типпу Тип, живший в Ньянгве, сначала отказался присоединиться к нему. Типпу Тип, араб по происхождению, хитростью и насилием сколотил огромное состояние и приобрел значительную власть в Центральной Африке. Он вступал в союз с одним негритянским племенем против другого, предлагая помощь в битве. Выжившие враги становились его рабами. Он забирал их слоновую кость, а затем поворачивал оружие на победителей и обращался с ними точно так же. В результате он получал одновременно «белое» и «черное» золото по цене боеприпасов для мушкетов своих людей, поэтому его прибыли были огромны.

Услышав о том, что Стэнли собирается отправиться на север, Типпу Тип через некоторое время согласился сопровождать его с семьей или восемью сотнями своих людей в течение двух месяцев за вознаграждение в пять тысяч долларов. Они отправились в путь 5 ноября 1876 года. Через две недели джунгли стали слишком плотными для людей, которые несли сборные секции «Леди Алисы», поэтому Стэнли спустил судно на воду и продолжал путе

шествие по реке, в то время как остальные шли вдоль берега.

В первые дни они миновали лишь заброшенные деревни; жители разбегались при приближении белых людей и Типпу Типа, оставляя за собой свежие черепа и обглоданные человеческие кости как доказательство своего каннибализма. Через две недели экспедиция подверглась открытому нападению. Затем в течение месяца они с боями продвигались вперед. Рождество они встретили примерно на полпути между Ньянгве и серией из семи водопадов, которые теперь называются водопадами Стэнли и отмечают начало бассейна реки Конго. Разразилась эпидемия оспы, погубившая сорок пять человек и еще многих лишившая способности передвигаться самостоятельно. Они были посланы назад вместе с отрядами Типпу Типа еще до начала следующего года. Затем, погрузившись на «Леди Алису» и флотилию долбленых каноэ, захваченных у туземцев, Стэнли, Фрэнсис Покок и более двухсот выживших занзибарцев продолжили экспедицию.

Рассказ о походе Стэнли, составленный в виде выдержек из его дневников, скрупулезно заполняемых в каждом путешествии, является нашим единственным источником информации об этом периоде. Он был поражен почти всеобщей враждебностью племен, населявших эту часть Африки. По мнению Стэнли, эта враждебность объяснялась тем, что дикари рассматривали его отряд как двуногую дичь, пригодную для еды (его история способствовала созданию в Англии и Соединенных Штатах расхожего мнения, что все африканцы являются каннибалами). К февралю 1887 года, когда Стэнли вступил во владения сравнительно цивилизованного племени басоко, делавшего резных идолов из слоновой кости, красочные деревянные маски и имевшего железные орудия, он выдержал двадцать восемь стычек с туземцами, потеряв убитыми тридцать три человека. Практически все были ранены, кроме самого Стэнли, который думал, что он родился в рубашке. Битва с племенем басоко была одной из тяжелейших, и ее описание служит хорошим примером авторского стиля Стэнли. Он рассказывает о том, как поставил свою флотилию на якорь посреди широкой реки, чтобы отразить атаку флота вражеских каноэ.

«Пятьдесят четыре туземных судна! Атаку возглавляет каноэ поистине чудовищных размеров с двумя рядами коротких весел, по сорок человек с каждого борта — их тела раскачиваются в унисон с нестройным варварским хором, мощные гребки вспенивают воду. На платформе, установленной на носу, стоят десять превосходных молодых воинов в ярких головных уборах из желтых, пурпурных и серых перьев; на корме восемь человек с длинными веслами, чьи верхушки украшены шариками из слоновой кости, правят этим зловещим судном. На каждой голове покачивается корона из перьев, на обнаженных руках сияют белые костяные браслеты. Уханье больших барабанов, дикий вой костяных рогов и пронзительное песнопение, издаваемое двумя тысячами человеческих глоток,

отнюдь не успокаивает наши нервы и не укрепляет нашу уверенность».

Сорок восемь ружей, которыми располагали члены экспедиции на этом этапе, обеспечивали им решающее преимущество в этой и во всех последующих стычках. Стэнли обнаружил, что водопады причиняют ему больше проблем; ему понадобился месяц, чтобы обогнуть пороги, впоследствии названные его именем.

Вскоре после битвы с басоко он осознал, что река, по которой они плывут, не является Нилом, так как экспедиция продвинулась слишком далеко на запад. Но он не был уверен в том, что это за река — Конго или Нигер. Через несколько дней река плавно повернула на юго-запад, и путешественники встретили туземцев, готовых продать им еду, вместо того чтобы рассматривать их в качестве лакомого блюда.

После водопадов Стэнли их продвижение было стремительным, и лишь через несколько дней после встречи с дружелюбными племенами они уже сражались с новыми врагами, вооруженными старыми португальскими мушкетерами. К счастью, туземцы могли заряжать свое оружие лишь камешками да кусками проволоки, и путешественники находились в относительной безопасности за своими щитами и переборками, если не подпускали противника слишком близко. Стэнли описывает в своем дневнике последнюю, тридцать вторую стычку, случившуюся 9 марта, а 12 марта «Леди Алиса» выплыла в озеро, впоследствии названное озером Стэнли. Экспедиция прошла 1235 миль от Ньянге за четыре с небольшим месяца, в среднем делая около десяти миль в день.

Дальше их продвижение сильно замедлилось. За озером Стэнли расположена знаменитая серия порогов и уступов, где Конго, вторая по величине река в мире, с ревом устремляется вниз через узкие ущелья, которые Стэнли назвал водопадами Ливингстона. Первые тридцать четыре мили они прошли за месяц и семь дней. «Леди Алису», каноэ и все припасы приходилось тащить во-

локом по мелководью или переносить на плечах плачевно уменьшившейся в размерах команды, теперь составлявшей менее ста дееспособных людей. Восемь человек погибло, когда одно каноэ разбилось, упав в водопад, и Фрэнсис Покок нашел свою смерть, попытавшись проскочить через стремнину. Недостаток еды — у местных туземцев практически не было лишних продуктов — ослаблял их физически и духовно, поэтому 30 июля Стэнли решил покинуть реку и добраться до моря по суше; теперь он знал, что находится недалеко от побережья. Переправа от озера Стэнли до последнего водопада заняла больше времени, чем все остальное путешествие от Ньянве. По печальной иронии судьбы, водопад Исангила был действительно последним перед более спокойными водами, но путешественники не знали об этом.

Оставив «Леди Алису» на сухом пригорке, они пошли пешком. Вскоре Стэнли обнаружил, что находится в «цивилизованных» местах. Ром был знаком местным жителям и стал ходовым товаром, но они не желали обменивать еду на остатки одежды и проволоку. 4 августа Стэнли удалось убедить одного из вождей послать в ближайшее европейское поселение гонца с письмом. Его люди так изголодались и отчаялись, что он написал по-французски, по-английски и по-испански: «Припасы должны прибыть в течение двух дней, иначе я останусь один среди умирающих». Отряд носильщиков добрался до него как раз через два дня. Они доставили продукты и ром, служивший местной валютой до конца путешествия.

Еще через несколько дней навигация по Конго была завершена. Отряд насчитывал восемьдесят девять человек, из которых семь умерло от истощения в течение недели. Двенадцать человек из выживших составляли женщины, а шестеро были детьми, родившимися в пути.

Подвиг Стэнли не только сделал его национальным героем. Его сообщение о возможности плавания по Кон-

го от водопадов до озера Стэнли, его заметки о притоках Конго, о народах, населяющих берега реки, и о новых возможностях, собранные в двух томах под общим названием «Через черный континент», послужили толчком к небывалой коммерческой и политической активности. Сам Стэнли вернулся в Африку в качестве личного агента короля Леопольда Бельгийского и за пять с половиной лет заложил основы личной империи этого монарха, позднее известной под названием Бельгийского Конго. Хотя Стэнли не был единственным вдохновителем европейского прорыва в эксплуатации Экваториальной Африки, как считал он сам и некоторые его биографы, он определенно был лидером этого предприятия. В 1877 году лишь пятая часть континента была «застолблена» европейскими странами. После смерти Стэнли в 1904 году практически каждый район Африки находился под суверенитетом, сюзеренитетом или входил в «сферу особого влияния» одной или нескольких европейских стран.

В своей ненависти к джунглям Стэнли очень напоминал других европейцев того времени. Он трижды пересекал огромный лес Итури и назвал его «регионом ужасов». Ему «было трудно привыкнуть к сумраку и унылому одиночеству. Я не находил в лесу ни физического комфорта, ни душевного спокойствия». Пигмеи стреляли в его людей отравленными стрелками, но Стэнли убедил тех немногих, кого ему удалось поймать, служить его проводниками. Один из биографов Стэнли подытожил его взгляды на пигмеев, написав, что «они проводят жизнь в ужасе и страданиях, под гнетом темных предрассудков. Умирая, они не оставляют после себя ни монументов, ни прогресса, ни истории, ни надежды. Пигмеи, уродливые и тщедушные негрилли, влачат здесь свое уединенное, жалкое существование.

Трудно поверить, что речь идет о тех же людях, которых позднее описывал Колин Тернбулл. Но, очевидно, Стэнли, задыхавшийся и озлобленный в тяжелой евро-

пейской одежде, проецировал на маленький лесной народ собственные страхи и предрассудки. Форсированный марш через джунгли с тоннами снаряжения и десятками несчастных людей — не лучший способ познакомиться с ними. К тому же следует помнить, что он писал для аудитории, которая была бы разочарована, услышав что-либо доброе и хорошее о тропическом дождевом лесе.

Глава тридцать шестая
ТРАГИЧЕСКАЯ ФИГУРА

Из всех людей, пожертвовавших собой в попытке раскрыть тайны джунглей, в XX веке никто не привлекал больше внимания, чем Перси Гаррисон Фосетт. Возможно, это произошло потому, что он сам был окружен ореолом загадочности: его исчезновение в неизведанном мире Амазонки вместе с сыном и третьим членом экспедиции послужило источником для огромного количества спекуляций, легенд, слухов и дискуссий. Факты звучали достаточно романтично, так как полковник Фосетт имел в своем распоряжении документ 150-летней давности, о котором упоминалось в начале 28-й главы этой книги, и пропал в бразильской глуши, пытаясь отыскать «затерянный город».

Он не был обычным охотником за сокровищами. Артиллерийский офицер британской армии с девятнадцатилетнего возраста, он служил на Цейлоне, в Северной Африке, на Мальте и в Гонконге, как и на родных островах. В первую очередь он был инженером, географом и землемером, но вкус к этим занятиям он приобрел на во-

енной службе. В своем дневнике он однажды написал: «Как бы я ни возмущался армейской жизнью, именно она привела меня к самой увлекательной работе, какую я знаю».

Эта работа нашла Фосетта в 1906 году, когда он был тридцатидевятилетним майором, пользовавшимся высокой репутацией за тщательное внимание к деталям, яхтсменом и изобретателем нескольких технических новшеств для гоночных тендеров и «волком-одиночкой» по собственному признанию. Поводом послужил все еще продолжавшийся «резиновый бум» в амазонском бассейне, который привел к ожесточенным территориальным спорам вокруг неисследованного уголка на стыке границ Перу, Боливии и Бразилии. Боливия попросила Королевское географическое общество в Лондоне прислать офицера британской армии, чтобы тот высказал беспристрастное суждение, предупредив о том, что работа может оказаться опасной. Общество выбрало Фосетта.

Его трехлетний труд, полный невзгод и приключений, побудил президента Боливии обратиться к нему с новой просьбой: предпринять четырехлетнюю экспедицию для окончательного определения всей линии границы с Перу. Эта работа подразумевала исследование ранее практически неизвестной реки Хис, которая до сих пор считалась непроходимой из-за сообщений о жестокости туземных племен на спорной территории. Фосетт вышел в отставку, так как не мог получить увольнительную еще на четыре года. Он с радостью принял новое назначение, но возмущался размером своей армейской пенсии, урезанной из-за того, что он поступил на службу к правительству другой страны.

Выполняя это задание, он столкнулся в джунглях с племенем волосатых первобытных людей, называвших себя *марикоксами*. Он также слышал легенды о древних городах, затерянных в джунглях или погребенных под горными толщами, истории об остатках цивилизаций, соперничавших с культурой древних инков. Фосетт с совершенным безразличием относился к людям, которых ви-

дел на самом деле, хотя прилежно записывал подробности их обычаев и поведения. Зато его неудержимо привлекали истории о цивилизованных народах, которых он никогда не видел.

После Первой мировой войны Фосетт почувствовал, что будущее мира находится в Западном полушарии, особенно в Южной Америке. Он потерпел неудачу в своих попытках заинтересовать английское правительство или Географическое общество поисками затерянных городов. Наконец, насмехаясь над одержимостью англичан при подготовке экспедиций на Эверест и в Антарктику, он отправился в Бразилию на свой страх и риск и через несколько месяцев добился согласия правительства этой страны в отправке экспедиции в штаты Баия и Мату-Гросу.

Готовясь к путешествию, Фосетт заручился поддержкой одного из наиболее замечательных людей Бразилии, знатока джунглей, коренным образом пересмотревшего методы отношения к туземным жителям. Генерал Кандидо Рондон, сам родившийся в Мату-Гросу, вырос в мире, где, по его выражению, «сборщики каучука привыкли стрелять в каждого, кто не носил штанов». Между 1905 и 1910 годами Рондон возглавил движение, сделавшее Бразилию образцом для других народов в деле защиты коренного населения страны. Он и его преданные сторонники жили, а иногда и погибали под новым лозунгом: «Умри, если так нужно, но никогда не стреляй в индейца». В 1920 году генералу Рондону было пятьдесят пять лет, и он считался величайшим специалистом по внутренним районам Бразилии, где лично открыл пятнадцать крупных рек, ранее не нанесенных на карты.

Фосетт высоко ценил помощь генерала. После шумных карнавалов в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу он отправился в Мату-Гросу. Его скитания снова были достойны эпической поэмы; повсюду на своем пути он собирал новые версии историй о легендарных городах прошлого и настоящего, так как считал, что некоторые из них все еще обитаемы. Он писал в своем дневнике о

«Сьюдад-де-лос-Чезарес» в Чили, с вымошенными серебром улицами и крышами из золота, населенном расой людей с древнего континента Утопия. Он слышал рассказы о великолепном «Гранд-Пайтити» в Бразилии и, наконец, о прекрасном затерянном городе, который он называл просто «Z». По первоначальным расчетам Фосетта, этот город находился в районе площадью 600 — 700 квадратных миль между реками Шингу и Сан-Франциско. Он вернулся из путешествия с отличными картами, новыми записями об обычаях американских индейцев и фанатичной, всепоглощающей решимостью найти город «Z». Он писал:

«Я обнаружил достаточно, чтобы следующая экспедиция стала абсолютной необходимостью. Путеводные указания, приведенные ниже, свидетельствуют о необычайно интересной природе исследований. При правильном подборе спутников, разумной организации и знании нужного маршрута, я уверен, что экспедицию можно довести до успешного завершения. Я подходил с трех сторон, нащупывая вернейший путь. Могу с уверенностью утверждать, что любой риск будет оправдан, и наш рассказ, когда мы вернемся из следующего похода в джунгли, может потрясти весь мир!»

«Путеводными указаниями» был перечень всех свидетельств, убеждавших Фосетта в существовании города «Z». В течение трех лет, полных невзгод и разочарований, он тщетно искал поддержки своего предприятия в Англии. Наконец в 1924 году он добыл деньги в Нью-Йорке, большей частью в качестве аванса от Североамериканского газетного союза за права на публикацию его истории. Затем Фосетт отправился в путь вместе со своим сыном Джеком и молодым другом Джека Рейли Римеллом. Он писал:

«Наш маршрут начнется от лагеря Мертвой Лошади, 11°43' южной широты и 54°35' западной долготы, где в 1921 году умерла моя лошадь, и продолжится в северо-западном направлении к реке Шингу. По пути мы наведем древнюю каменную башню, навещающую по ночам ужас на

местных индейцев своими освещенными окнами. На противоположном берегу Шингу мы углубимся в лес до точки, расположенной посередине между этой рекой и Арагуаей...»

После дальнейших подробностей, которые практически невозможно проследить даже с помощью современной карты, он продолжает:

«Между Шингу и Арагуаей можно найти очень интересные вещи, но я иногда сомневаюсь, под силу ли мне вынести это путешествие. Я становлюсь слишком стар, чтобы месяцами таскать на спине сорокафунтовый груз, а большая экспедиция стоит огромных денег и подвергается большому риску. Кроме того, все члены такой экспедиции *обязаны* проходить тщательный отбор, и, наверное, лишь один человек из тысячи соответствует необходимым критериям.

Если это путешествие будет неудачным, то вся моя работа в Южной Америке пойдет прахом, ибо я никогда не смогу достичь большего. Меня неизбежно развенчают как визионера и заклеят как человека, стремившегося лишь к личному обогащению. Поймет ли кто-нибудь, что я не хотел для себя ни славы, ни денег — что я делаю это бесплатно, в надежде на то, что окончательная польза для человечества оправдает долгие годы, потраченные на поиски?»

29 мая 1925 года Фосетт, Джек и Рейли — последний с больной ногой — прибыли в лагерь Мертвой Лошадки, где пеоны, нанятые для прохождения первого этапа пути, должны были повернуть обратно. В письме, адресованном своей жене, Фосетт говорит, что он с двумя детьми отправится в путь через несколько дней. Он пишет:

«Мы берем восемь животных: трех верховых мулов, четырех вьючных и *мадрингу*, ведущего мула, который держит вместе всех остальных. Джек жив и здоров; он становится сильнее с каждым днем, хотя немного страдает от укусов насекомых. Я сам с головы до ног искусан мошкой — туземцы называют этих крошечных насеко-

мых *пиумами*. Меня беспокоит Рейли. Он по-прежнему ходит с забинтованной ногой, но отказывается вернуться обратно. Пока что у нас достаточно припасов и нам не нужно идти пешком, но я не знаю, как долго это будет продолжаться. Возможно, еды для животных окажется недостаточно. Я не могу надеяться, что выдержу тяготы путешествия лучше, чем Джек или Рейли, но мне придется это сделать. Годы все же сказываются, несмотря на дух энтузиазма».

Это было последнее сообщение, когда-либо полученное от них. Время от времени из джунглей приходили слухи о пожилom, а затем о старом белом человеке, который находится в плену у индейцев или правит ими как местное божество. Появлялись истории о найденных сокровищах или о скелетах погибших путешественников. Спасательная экспедиция, организованная в 1928 году Североамериканским газетным союзом, ничего не обнаружила. Журналист Альберт де Винтон сделал еще одну попытку в 1930 году, но был убит в джунглях. В течение четверти века рождались все новые истории, но не было получено никаких доказательств. То, что «затерянные города» не могли находиться там, где Фосетт ожидал их обнаружить, было неопровержимо доказано; самолеты так часто пролетали над этой территорией, что ни одна группа крупных строений не могла остаться незамеченной.

Полковник считал, что он потерпит неудачу, если не вернется обратно с осязаемыми доказательствами реальности своей мечты. Но он оставил след в истории, хотя сам, возможно, с пренебрежением отнесся бы к этому открытию: его описание волосатых *марикоксов* имеет для науки большое значение, которое он так и не смог оценить.

Лишь немногие ученые соглашались с интерпретацией легенд и сомнительных документов, собранных Фосеттом, однако ни один из его критиков не ставил под сомнение его личные впечатления. Они оспаривали домыслы полковника, но признавали, что он был внима-

тельным, трезвомыслящим, скрупулезным и правдивым наблюдателем. Поэтому хотя Фосетт и не достиг своей заветной цели — доказательств существования богатейших древних цивилизаций Южной Америки,— его описание смуглого первобытного народа, никак не связанного с американскими индейцами, имеет даже большее значение для расширения наших познаний о человечестве.

Глава тридцать седьмая
ДВА СОВРЕМЕННЫХ ПОРТРЕТА

В наше время многие люди познакомились с джунглями благодаря техническим новшествам, немислимым даже для наиболее выдающихся ученых прошлого поколения. Мы в буквальном и переносном смысле пользуемся благами, предоставляемыми тропическим дождевым лесом. С тех пор как я в ранней юности увидел огромное зеленое покрывало тропиков, наши знания о них многократно возросли благодаря сотням прагматичных, ясно мыслящих мужчин и женщин. Двумя нашими великими современниками в этой области являются Патрик Патнэм и Колин Тернбулл. Их карьера как бы подытоживает современный прогресс в изучении джунглей.

Патрик Трейси Лоуэлл Патнэм, сын выдающегося американского хирурга, получил высшее антропологическое образование в Гарварде в 1825 году и сразу же присоединился к двухгодичной экспедиции, отправленной этим университетом в Ост-Индию. Он уже заболел тем, что я называю «лихорадкой джунглей», так как дождевые

леса обладали для него огромным и непреходящим очарованием. Едва вернувшись из Азии в 1927 году, он отправился изучать первобытные народы Африки по поручению гарвардского музея Пибоди. Остаток своей жизни он провел в Африке, в основном в Бельгийском Конго, совершая лишь короткие поездки в Соединенные Штаты, Брюссель или Лондон. Еще не достигнув тридцати лет, он принял окончательное решение о месте и цели своей жизни.

Пигмеи бамбути, жившие в лесу Итури, были вполне доступны для научного исследования, но они нуждались в друге из белых людей, который рассматривал бы их не только как объект для изучения. Им очень понравился Пат — высокий, сухощавый уроженец Новой Англии, являвший собой полную противоположность той кипучей энергии, которую выказывают эти маленькие люди, когда находятся у себя дома. Патнэм провел несколько месяцев в Брюсселе, добиваясь назначения на должность правительственного *agent sanitaire* — нечто вроде сотрудника здравоохранения без медицинской степени, что давало ему возможность получать скромную субсидию. Затем он снова отправился в джунгли и основал Лагерь Патнэма на сравнительно высоком участке берега реки Эпулу, в непосредственной близости от географического центра Африки.

Его большой дом с каркасом из столбов и ажурных стен, покрытых слоями глины в несколько дюймов толщиной, превратился в некое подобие отеля. Патнэм управлял им как постоянным двором, частично из-за того, что платные клиенты — от европейских особ королевской крови и американских магнатов до водителей грузовиков — помогали финансировать расположенный поблизости госпиталь. Его предприятие значительно разрослось; в конце концов он смог установить в госпитале целых пятнадцать коек. Но в джунглях койка не является мерой вместимости для больницы. По крайней мере, однажды Пат ухаживал одновременно за двумя сотнями человек, расположившимися под навесами, в холле, в его

кабинете — везде, где было свободное место. Негры и пигмеи приходили к нему за много миль вокруг. Он был, наверное, лучшим врачом своего поколения, не имевшим медицинского образования. С помощью современных лекарств и знаний, почерпнутых из книг и усвоенных на собственном опыте, он успешно лечил основные болезни и травмы своих пациентов.

Его доклады, направленные в Гарвардский университет, внесли огромный вклад в научные знания о «маленьком народе», который постепенно образовал рядом с его жилищем постоянную деревню, прельстившись не только медицинской помощью, но и возможностью устраивать танцы перед посетителями. Хотя сам Патнэм никогда не писал книг, предназначенных для широкого круга читателей, его рассказы и наглядные представления легли в основу многих популярных книг о джунглях. Вскоре Лагерь Патнэма стал местом паломничества для спортсменов, ученых, профессиональных писателей и просто туристов, так как главная автострада Республики Конго проходила лишь в миле от него.

Как и все известные мне люди, которым нравятся джунгли и их обитатели, Патнэм окружал себя массой животных. Во время первого обратного визита в Соединенные Штаты из Африки он привез с собой шимпанзе — ласкового и благовоспитанного питомца, вызвавшего немало удивленных восклицаний, когда люди неожиданно сталкивались с ним в квартире отца Патнэма на Парк-авеню. В африканском лагере у Патнэма был корраль и клетки для постоянно меняющегося зоопарка, гордость и славу которого составлял настоящий живой окапи.

Из всех иностранцев, знакомых с пигмеями до того времени, Пат Патнэм, пожалуй, больше всего знал о них и пользовался среди них наибольшим доверием. Ни один антрополог его поколения не мог сравниться с ним в этом отношении. Его жена, американская художница, разделившая с Патнэмом последние восемь лет его жизни в лесу Итури, оставила трогательные воспоминания о его до-

стижениях в книге «*Мадамы: мои восемь лет приключений с конголезскими пигмеями*». Вклад Патнэма в науку был признан его коллегами, которые в общем и целом сходились во мнении, что он является величайшим в мире специалистом по «маленькому народу».

Во время Второй мировой войны он организовал сбор дикорастущего каучука, что было делом чрезвычайной важности после того, как японцы захватили плантации в Азии. Примерно в то же время он тяжело заболел мальтийской лихорадкой и уже не оправился от этой болезни. К концу 40-х годов он превратился в калеку, редко покидающего кресло на колесах, однако продолжал свою работу в госпитале, даже когда его приходилось нести туда на руках. Он умер в Лагере Патнэма в декабре 1953 года, и, хотя связь с внешним миром за последние двадцать пять лет значительно улучшилась, понадобилось больше двух недель, чтобы весть об этом достигла его родителей в Нью-Йорке. Ему было всего лишь сорок девять лет.

За два года до смерти Пата молодой уроженец Лондона по имени Колин Тернбулл, тоже антрополог, приехал в Лагерь Патнэма — по его словам, просто из любопытства. Он изучал философию и политику в Оксфорде, когда Вторая мировая война нарушила его карьеру; затем он два года трудился над исследовательским проектом на кафедре индийской религии и философии Бенаресского университета. Это привело его к возвращению в Оксфорд для продолжения антропологического образования, и он решил специализироваться по Африке.

Его визит в Лагерь Патнэма в 1951 году и сцены из жизни пигмеев определили решение вернуться туда для более серьезной работы, что он смог сделать в 1954 году. Пат недавно умер, но пигмеи по-прежнему были там, как и сегодня. Тернбулл завоевал их доверие до такой степени, что ему разрешили присутствовать на ритуалах, во время которых их сыновья проходили инициацию и вступали в общество взрослых мужчин. Негры, верившие в эти ритуалы гораздо сильнее, чем пигмеи-бамбути, вос-

противились присутствию белого человека, но пигмеи, принявшие Тернбулла в свое племя, настаивали на его праве находиться там, где он хочет.

Знакомство Тернбулла с «маленьким народом» началось именно в это время, но он создал для него более прочную основу после очередных двухлетних исследований в Оксфорде. Завершив эту подготовку, он написал:

«Я чувствовал себя готовым вернуться в Итури и попытаться понять, что же делает обитателей леса теми, кем они являются; что так сильно отличает их от жителей окрестных деревень; что заставляет их с энтузиазмом принимать деревенские обычаи лишь для того, чтобы с полным равнодушием отказаться от чужих предрассудков в тот момент, когда они покидают пределы деревни и возвращаются в джунгли».

Тернбулл приобрел это понимание в 1957 — 1958 годах, когда жил вместе с пигмеями в джунглях. Его опыт отражен в книге «Лесной народ», опубликованной в 1961 году. Огромная польза этой книги заключается в том, что автор был одновременно глубоко образованным антропологом и одаренным писателем. К примеру, он объясняет ограниченный горизонт «маленьких людей», когда говорит о том, что они пользуются одним словом для обозначения таких понятий, как «лес» и «мир». Он тонко чувствует достоинства джунглей, как и те черты, которые придавали тропическому дождевому лесу столь дурную репутацию в историях ранних путешественников.

Колин Тернбулл поселился в Нью-Йорке, но не стал заядлым горожанином. Он поступил на работу в отдел антропологии Американского музея естественной истории. В своей второй книге «Одинокий африканец», опубликованной в 1962 году, он проливает свет на приросту новых независимых государств Африки и обсуждает проблемы, встающие перед ними. В настоящий момент Тернбулл снова находится на своем любимом кон-

тиненте с экспедицией, которая продлится до конца 1966 года.

Мне показалось уместным завершить это повествование рассказом о двух современных ученых — не только потому, что они выражают принцип преемственности в науке, но и потому, что они неустанно подчеркивают истину, которая еще не получила должной оценки, если не считать коренных обитателей джунглей, не умеющих читать и писать. Вот эта истина: джунгли могут быть дружелюбным, уютным, здоровым и привлекательным местом, где человек находит преданных друзей и обретает душевное спокойствие. Этот мир обладает таким очарованием, что людей, знающих его не понаслышке, непреодолимо тянет туда — снова и снова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Часть первая. НАСТОЯЩИЕ ДЖУНГЛИ

<i>Глава первая.</i> От джангхеля к джунглям	11
<i>Глава вторая.</i> Облик и маскировка	20
<i>Глава третья.</i> Как рождаются джунгли	27
<i>Глава четвертая.</i> Где находятся джунгли?	38

Часть вторая. ЖИВЫЕ ДЖУНГЛИ

<i>Глава пятая.</i> Портрет дождевого леса	48
<i>Глава шестая.</i> Многоэтажная природа	61
<i>Глава седьмая.</i> Водный мир суши	71
<i>Глава восьмая.</i> Ветер и погода	78
<i>Глава девятая.</i> Растительная фабрика	86

Часть третья. РАСТЕНИЯ ДЖУНГЛЕЙ

<i>Глава десятая.</i> Свод правил	94
<i>Глава одиннадцатая.</i> Гиганты растительного мира	104
<i>Глава двенадцатая.</i> Лесные ткачи	122
<i>Глава тринадцатая.</i> Акробаты растительного мира	132
<i>Глава четырнадцатая.</i> Разрушители	141
<i>Глава пятнадцатая.</i> Следующее поколение	149
<i>Глава шестнадцатая.</i> Лесные малютки	158

Часть четвертая. ЖИВОТНЫЕ ДЖУНГЛЕЙ

<i>Глава семнадцатая.</i> Ритмы жизни в джунглях	166
<i>Глава восемнадцатая.</i> Дневной круговорот	177
<i>Глава девятнадцатая.</i> «Дорожное движение» в джунглях ..	189

<i>Глава двадцатая. Летающие континенты</i>	206
<i>Глава двадцать первая. Жизнь вокруг джунглей</i>	222
<i>Глава двадцать вторая. Жизнь в джунглях</i>	232

Часть пятая. НАРОДЫ ДЖУНГЛЕЙ

<i>Глава двадцать третья. Прощание с Тарзаном</i>	253
<i>Глава двадцать четвертая. Происхождение «маленького народа»</i>	276
<i>Глава двадцать пятая. Дом для охотников</i>	285
<i>Глава двадцать шестая. Культура вне времени</i>	300
<i>Глава двадцать седьмая. Таинственные народы</i>	316

Часть шестая. ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПЕРВОПРОХОДЦЫ

<i>Глава двадцать восьмая. «Затерянные цивилизации»</i>	329
<i>Глава двадцать девятая. Мудрость древних</i>	335
<i>Глава тридцатая. Эпоха открытий</i>	341
<i>Глава тридцать первая. Великие первопроходцы</i>	349
<i>Глава тридцать вторая. Одинокий гений.</i>	356
<i>Глава тридцать третья. Трио натуралистов</i>	363
<i>Глава тридцать четвертая. Рыцарское трио</i>	369
<i>Глава тридцать пятая. Ливингстон и Стэнли</i>	376
<i>Глава тридцать шестая. Трагическая фигура</i>	387
<i>Глава тридцать седьмая. Два современных портрета</i>	394

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
127018, Москва, ул. Сущевский вал, д. 49
Издательство «Дрофа»
Телефон редакции: (095) 795-05-43*

*Оптовое-розничную продажу книг производят:
Торговый дом «Школьник»
Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1а
(м. «Таганская», радиальная)
Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76
Магазин «Переплетные птицы»
127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1
Тел.: (095) 912-45-76*

Сандерсон Айвен

С 18 Книга Великих джунглей/Пер. с англ. К. Савельева;
Худож. Е. Шелкун. — М.: Дрофа, 2002. — 416 с.: ил. —
(Зеленая серия).

ISBN 5-7107-6346-2

Книга А. Сандерсона представляет собой увлекательнейший рассказ о джунглях, природных условиях их возникновения и развития, их растительном и животном мире, о легендарных древних городах, существовавших в глубинах джунглей. Кроме прочего, книга содержит уникальный этнографический материал о народах, населяющих непроходимые леса, а также рассказы об отважных первопроходцах и исследователях, рискнувших посвятить свою жизнь изучению прекрасного и таинственного мира.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Сое)-44я5

Зеленая серия

Айвен Сандерсон

КНИГА ВЕЛИКИХ ДЖУНГЛЕЙ

Заведующий редакцией

Е. В. Туинов

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

А. В. Ермаков

Техническое редактирование

Е. Д. Захарова

Компьютерная верстка

В. И. Салюк

Корректор

Т. С. Дмитриева

Изд. лиц. 061622 от 07.10.97.

Подписано к печати 31.07.02. Формат 84x108¹/₃₂.

Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Заказ № 4210198.

ООО «Дрофа»

127018, Москва, Сушевский вал, 49

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**

127018, Москва, Сушевский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51

Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

В. Корочанцев

*Голоса животных
и растений*

Ослы. Ослы? Ослы! Если включиться в этот разговор, не вникая в него, то вполне можно подумать, что речь идет о каких-то «растяпах» и вообще нехороших людях. Но было бы неправильно подумать, что в такой уважаемой серии, как ЗЕЛЕНАЯ, пойдет рассказ о людях, тем более нехороших.

Конечно же речь пойдет именно об ослах — животных, ставших очень известными благодаря истории и литературе. Да и не только об ослах, но и о верблюдах, гиенах, крокодилах, пчелах и других африканских животных, а также о богатом мире растений этого огромного континента, который автору как натуралисту невероятно интересен!

Словом, Владимир Алексеевич Корочанцев приглашает вас в Африку — удивительный мир, где духовность присуща и людям, и животным, и растениям, где можно воочию убедиться: гармония человека и природы возможна!

И тем не менее некоторые черты характеров, как у нас, людей, так и у наших братьев по планете, весьма схожи. Поэтому автор, как человек тактичный, просит считать любое сходство описываемых животных с кем-то из людей случайным и неумышленным...

В. Корочанцев

Африка

...На востоке Мали, южнее излучины реки Нигер, вздымается причудливо изрезанное плато Бандиагара. Среди скал, отсеченных друг от друга глубокими впадинами, в течение веков находят убежище догоны...

«Ранним утром гулко загремели барабаны. Мулоно, почтенные старцы, шестьдесят лет назад мальчишками отмечавшие Сиги, взобравшись на возвышения, на ритуальном языке стали призывать односельчан приступить к празднеству...»

Праздник Сиги — очень подходящий случай для знакомства с догонами. В нем ярко проявляется их быт, обычаи и мировоззрение. И такой случай представился автору...

Владимир Корочанцев много путешествовал по Африке и собрал богатейший материал о жизни разных племен. Так родилась эта книга, в которой, словно в калейдоскопе, собрана причудливая мозаика из обычаев и устоев народов, чьи корни уходят в глубокую древность.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

В. Солоухин

Третья охота

Не секрет, что подавляющее большинство людей любят охотиться. Не важно за кем или за чем, важен процесс! В последние годы многие из нас воспринимают охоту на животных как варварство и дикость, ведь на карту поставлена жизнь. Жизнь живого существа! С рыбалкой тоже не все однозначно. И тогда человек разумный начинает размышлять, какое из всех «охотничьих зол» — меньшее. Ведь дома все равно не сидится. И берет он лукошко, и отправляется в лес...

Грибы. Их промысел — целая наука! Грибы надо знать, их необходимо различать, с грибами нужно быть осторожными. В конце концов, грибами можно просто любоваться, восхищаться их умением прятаться среди осенней листвы или хвойного ковра...

Книга В. Солоухина «Третья охота» откроет вам множество секретов и уловок, с помощью которых вы сможете, оторвавшись от городской суеты, от души заняться самой безбидной из всех охот.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

ФАРЛИ МОУЭТ

*Шхуна, которая
не желала плавать*

Имя известного канадского биолога, натуралиста и путешественника Фарли Моуэта известно многим. Читатели «Зеленой серии» уже знакомы с его книгой «Не кричи: «Волки!», переведенной на десятки языков. Предлагаемый вашему вниманию сборник «Шхуна, которая не желала плавать» — это две истории из «морских» произведений автора.

Первая из них — поход вдоль канадского побережья на шхуне под жизнеутверждающим названием «Счастлирое дерзание». Отойдя от берега на несколько миль, Фарли и его друзья исполнили старинный обычай — вылили по стопке рома в себя, а одну за борт — Морскому Старика, чтобы заручиться его поддержкой в подвластных ему просторах. Принял ли Старик этот дар? Какие повороты судьбы уготовили отважным мореходам волны Северной Атлантики? Ведь соленая морская вода не всегда обеспечивала семь футов под килем «Шхуне, которая не желала плавать». И лишь не менее «солёный» морской юмор помогал морякам философски относиться к «шуткам» старика-океана...

Во второй повести, входящей в сборник, рассказывается о ста днях из жизни экипажа корабля «Лейчестер», попавшего в эпицентр «Змеиного кольца» — грозного океанического урагана. Сто дней горстка храбрецов боролась за свою жизнь и спасение корабля и... одолела козни уже знакомого вам Морского Старика. Фарли Моуэт был настолько восхищен победой моряков, что написал о них повесть.

Фарли Моуэт

Не кричи: «Волки!»

Автор этой удивительной книги – канадец Фарли Моуэт – с детства мечтал стать натуралистом. Путь к мечте начался с маленьких рыбок, которых пятилетний Фарли временно поселил... в унитазе. То, что с ними произошло после посещения сего места кем-то из родственников, произвело на малыша неизгладимое впечатление, и он поклялся стать биологом...

Закончив университет, Фарли Моуэт был распределен в Службу изучения животного мира Канады. И однажды молодого биолога вызвал шеф и сообщил, что ему предстоит решить важнейшую проблему – положить конец «кровавой резне» оленей, чинимой стаями волков в окрестностях Черчилла: «Вам, лейтенант Моуэт, предстоит осуществить великий подвиг. Вам надлежит отправиться «в поле» и энергично взяться за работу. Помните, Моуэт, что волки – ваша проблема!»

Так молодой биолог отправился на встречу с волками на западное побережье Гудзонова залива. Воспоминания об этой экспедиции и стали основой книги «Не кричи: «Волки!».

В сборник также вошла повесть «Кит на заклятие» о попытке спасти кита-полосатика, заброшенного прибоем в закрытую бухту в районе Ньюфаундленда.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Д. Уэбстер

Акулы — людоеды

Человек, безжалостно охотящийся на все живое, почему-то считает кровожадными чудовищами тех тварей, которые могут отплатить ему тем же. И на одно из первых мест в «списке людоедов» он ставит акул.

Средства массовой информации неизменно преподносят случаи нападения акул на человека как сенсацию. Но ведь если задуматься, акулы — такие же жители нашей планеты, как и человек. У них есть свой мир, свои повадки, свои особенности... Изучение этих животных представляет для ученых невероятный интерес.

Дэвид Кэньон Уэбстер был одним из тех увлеченных смельчаков, который несколько лет занимался изучением акул. Они стали для Дэйва символом всего загадочного и жестокого в море. За многие годы был собран богатейший исследовательский материал для книги. Дэйв Уэбстер очень хотел, чтобы она принесла пользу ученым, рыбакам, мореходам.

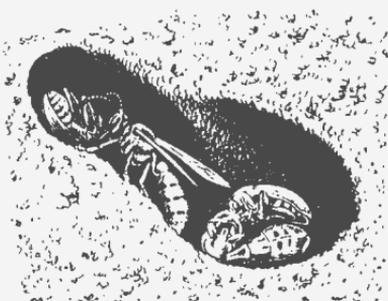
9 сентября 1961 года Дэйв Уэбстер отчалил от пирса Санта-Моники и отправился на очередную встречу со своими «подопечными». Через сутки его лодку обнаружила береговая охрана. Уэбстера в лодке не было...

Его книга выдержала уже не одно издание и, безусловно, является памятником этому отважному человеку.

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Ж.-А. Фабр

*Жизнь
насекомых*

Исследователь от рождения — так можно назвать Жан-Анри Фабра, талантливого и вдохновенного биолога, посвятившего всю свою длинную жизнь (Фабр прожил 92 года) энтомологии — изучению причудливого и разнообразного мира насекомых. С детских лет Жан-Анри увлекался наблюдениями за этими «первопоселенцами суши», а став взрослым, поставил свое увлечение на серьезный, профессиональный уровень. Уже в зрелом возрасте Фабру удалось купить небольшой никому не нужный участок земли, который благодаря упорству и трудолюбию ученого стал знаменитым «Пустырем», на котором «уживались» сотни видов насекомых. Двадцать пять лет он изучал «население» этого небольшого, обнесенного высоким забором «островка-лаборатории». За эти годы было написано столько, что хватило бы на 9-томное собрание научных сочинений.

Предлагаемая вашему вниманию книга «Жизнь насекомых», безусловно, лишь малая толика этих трудов. Но до сих пор в точности, яркости и увлекательности Жан-Анри Фабра не превзошел никто! Книга выдержала тысячи изданий в разных странах мира. И сегодня она в очередной раз приглашает нас совершить захватывающее путешествие в мир насекомых...

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Бернгард Гржимек

*Серенгети
не должен
умереть*

Серенгети не должен умереть! Серенгети — уникальный заповедник, расположенный в Танзании, в котором проживают тысячи видов всевозможных диких африканских животных.

Серенгети не должен умереть! Эта книга о том, как ученые сохранили для человечества уголок первозданной природы Африки, спасли жизни тысяч животных и положили начало образованию новых национальных парков в Танзании и в других африканских государствах.

Серенгети не должен умереть! Если бы животные могли говорить, то наверняка бы сказали слова благодарности знаменитому натуралисту, исследователю Африки Бернгарду Гржимеку и его сыну Михаэлю — верному другу и помощнику отца, к несчастью прожившему всего 24 года и нашедшему свой вечный приют в Серенгети...

Серенгети не должен умереть!

А все начиналось с того, что профессор Бернгард Гржимек пасмурным утром 11 декабря 1957 года, в свои 48 лет, впервые решился сесть за штурвал самолета...

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Льюис Котлоу

Занзабуку

Книга, которую мы вам предлагаем, весьма необычна. Дело в том, что ее автор — не профессиональный писатель или журналист. Льюис Котлоу — американский путешественник и кинорежиссер. В поисках красочных кадров для своих фильмов из жизни животных он исколесил многие районы Экваториальной Африки. Ведущие «артисты» этих картин — львы, слоны, страусы, обезьяны — не всегда делали то, что хотелось режиссеру, и все же он сумел с большим искусством и знанием дела показать их в естественной обстановке...

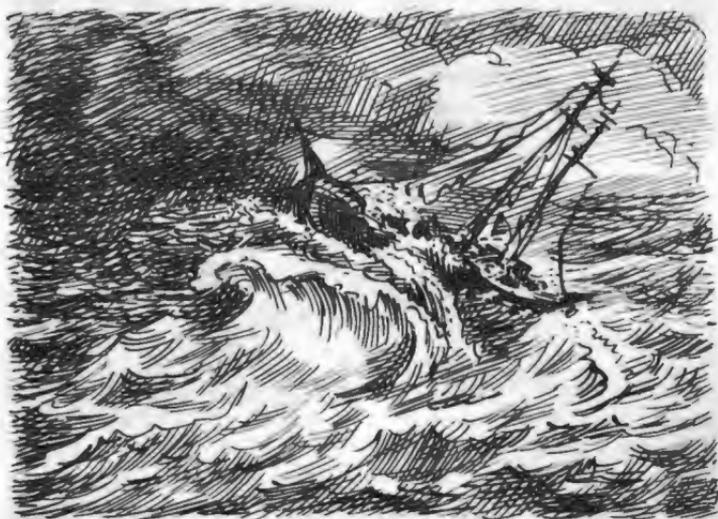
Автор долго жил среди высокорослого племени ватусси, охотников на львов — масаев, пигмеев-бамбути. Он рассказывает о быте этих людей, живущих вдали от цивилизации, об их традициях и праздниках. Его описание пигмеев-бамбути по праву считается одним из лучших в мировой литературе.

Но путешествия рано или поздно заканчиваются, и тогда Котлоу, оставив кинокамеру, берет в руки перо. И заново начинают оживать великолепные картины недавних экспедиций, воплощаясь в красочные очерки.

Итак, мы предлагаем вам книгу Льюиса Котлоу под замысловатым названием — ЗАНЗАБУКУ.

Дж. Клинджел

Остров в океане

Этот остров поистине можно назвать чудесным. Здесь водятся самые крохотные в мире ящерицы и маленькие красивые колибри. В прибрежных водах плавают молотоголовые акулы и огромные скаты. В глубине острова есть большое озеро — одно из немногих мест на земле, где гнездятся розовые фламинго. Их привлекает сюда излюбленное лакомство — маленькие улитки церитеумы. Весь этот удивительный красочный мир расположен на юге Багамского архипелага.

Большой Инагуа... На этот чудо-остров забросила судьба американского любителя-натуралиста Джилберта Клинджела. Не потерпи крушения у берегов Инагуа его парусник, быть может, природа этого края долго бы еще оставалась неизученной. О своих наблюдениях ученый-любитель рассказал в книге «Остров в океане», поведав нам о флоре и фауне маленького кусочка нашей планеты, который носит название Большой Инагуа...

«ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ»

Ф. Проспери

На лунных островах

Время словно остановилось на Мадагаскаре и прилегающих к нему островах. Здесь обитают уникальные животные, уцелевшие только в этой части земного шара. Почему мадагаскарская фауна, ничем не отличавшаяся от африканской вплоть до третичного периода, затем стала развиваться собственным путем?

Эта загадка и вдохновила Франко Проспери и троих его друзей на организацию научной экспедиции в Мадагаскар. Ребята оказались с характерами — им удалось заинтересовать своей идеей Зоологический институт Римского университета, Итальянское географическое общество и даже Совет Министров Италии!

И вот четверо единомышленников, общий возраст которых был немногим более ста лет, отправились на поиски доказательств существования... континентального моста, много веков назад соединявшего Мадагаскар с Африкой...

Арчи Карр

*В океане без
компыаса*

Когда в 1492 году каравеллы Колумба впервые пересекли океан, одним из чудес Нового Света, глубоко поразившим воображение моряков, были встреченные ими в Карибском море бесчисленные стада черепах. Временами корабли с трудом пробирались через сплошной «ковер» из черепаших панцирей...

А сегодня ученые всего мира бьют тревогу: необходимо прекратить массовый лов морских черепах. Ведь их осталось так мало!

Известный американский зоолог, профессор Арчи Карр долгие годы посвятил исследованию морских черепах и поставил перед собой благородную задачу — спасти этих животных, свидетелей древних геологических эпох. Работы Карра и его коллег по всему миру заставили правительства многих стран задуматься о судьбе этих реликтовых обитателей планеты Земля. Написанная с большой теплотой книга «В океане без компаса» продолжает рассказ автора о черепахах, начатый в книге «Наветренная дорога».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ЕСЛИ ВЫ ЛЮБИТЕ ПРИРОДУ,
если вам не безразличны наши братья меньшие,
если вы хотите узнать о жизни, повадках, местах
обитания представителей многообразной земной
флоры и фауны, то эта серия для вас!

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ —

это истории о животных и птицах, насекомых
и растениях, обитателях рек и океанов,
джунглей и пустынь.

НАШИ АВТОРЫ —

известные российские и зарубежные
натуралисты, беззаветно влюбленные в свое
дело люди, которые умеют подмечать
то, что обычному взору недоступно.

КНИГИ ЗЕЛеноЙ СЕРИИ —

это научно-художественные произведения, которые
одинаково увлекают как десятилетних ребятшек,
так и умудренных жизнью мужчин и женщин,
ведь, как сказал один очень умный человек, если
ты любишь природу, то будешь ее любить
и в 20, и в 50, и в 100 лет...

**КРАСОЧНЫЙ И МНОГОГРАННЫЙ
МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ — В КНИГАХ
ЗЕЛеноЙ СЕРИИ!**

Даже туземные жители тех стран, где обитают человекообразные обезьяны, поглядывают на них с определенным подозрением. Они слишком похожи на нас во многих отношениях, и их нельзя произвольно считать всего лишь одной из разновидностей диких животных. Бесхвостые, как и мы с вами, они проявляют иные волнующие анатомические и этологические характеристики, слишком близкие к человеческим.

Айвен Сандерсон

ISBN 5-7107-6346-2

9 785710 763469